

Русские в Латвии

УХАННЕ ДА ХВАЛИТ ГОСПОДА
ГОБЕНЩИКОВСКОГО ХРАМА

02 058 731

В
2

Русские в Латвии

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СТАРОВЕРИЯ

РУССКИЕ В ЛАТВИИ

История и современность

Выпуск 1

Русские в Латвии (исторический очерк. Конец XII - начало XIII века)

Русские в Латвии (исторический очерк XIII - XIX веков)

Русские реформы 90-х годов (XIX век)

Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики

Составитель **Ил.И. Иванов**

Научный редактор **Б.Ф. Инфантьев**

РУССКИЕ В ЛАТВИИ

История и современность

Выпуск 2

20 лет русской печати в независимой Латвии

Русские общества в Латвии (1920–1940 гг.)

Русские преподаватели в Латвийском университете (1919–1940 гг.)

Образ русского в латышском фольклоре

Русский язык и литература в латышских школах 20–30-х годов XX века

История и культура русского населения Латвии. Краткий библиографический указатель

Конспект цикла лекций «Некоторые аспекты истории русской культуры в Латвии (до 1940 г.)».

Составитель **Ил.И. Иванов**

Научный редактор **Б.Ф. Инфантьев**

Staroobryadcheskoe obshchestvo Latvii

Fond gumanitarnykh issledovaniy
i prosvesheniya "VEDI"

**Русские
в
Латвии**

Выпуск 3

Из истории и культуры
староверия

ВЕДИ
Рига • 2002

УДК 316.356.4 (=161.1) + 930 (474.3) (=161.1)(082)

О - 952

Русские в Латвии. Вып.3. Из истории и культуры староверия.

Редактор-составитель Ил.И.Иванов.

Научный редактор Б.Ф.Инфантьев.

Редактор З.А.Осипова.

Рига, ВЕДИ, 2002. - 416 с.

Выпуск книги «Из истории и культуры староверия» стал возможен благодаря финансовой поддержке предприятий

SISTEMSERVISS GRUPA

и

**Отдела по делам национальных меньшинств
Управления по натурализации
Латвийской Республики**

Приносим глубокую благодарность за финансовую помощь в издании:

Игорю Алексеевичу Григорьеву,

Вере Васильевне Арсеньевой,

Аврамию Силантьевичу Михайлову.

Всем, кто разместил рекламные материалы или иным способом содействовал выпуску книги о староверах Латвии.

Благодарим Рижскую Гребенщиковскую общину за предоставленные для сборника фотографии.

© ВЕДИ, Рига, 2002.

ISBN 9984-9044-1-5

**Nodrukāts SIA «Zelta Rudens tipogrāfija»[®]
Rīga, Elvīras iela 19**

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя.....	8
Заварина А.А. Русское население Латвии (к истории поселения).....	10
Волович А.И. Древлеправославие и первые староверческие храмы в Прибалтике.....	48
Зимова З.Н. Из истории старообрядческой общины в городе Екабпилсе (Якобштадте).....	57
Никонов В.В. Из истории Режицкой кладбищенской старообрядческой общины (1858–1940 гг.).....	76
Успенские М., В. и А.И. Древние иконы Гребеншиковского молитвенного дома.....	84
Миролюбов И.И. К истории старообрядческого духовного образования в Прибалтике.....	136
Жилко А.Н. Духовные стихи в старообрядческой среде Латвии.....	162
Подмазов А.А. Старообрядчество в системе экономического развития (к вопросу о религиозной детерминированности хозяйственной деятельности).....	173
Фейгмане Т.Д. Депутаты-старообрядцы в Латвийском Сейме.....	183
Макашина Т.С. Песни и сказки русского населения Латгалии.....	206
Маркелов Г.В. Старообрядцы. Три портрета.....	225
Иванов Н.Т. Из истории старообрядческих родов (опыт составления родословных).....	235
Абызов Ю.И. Феномен культуры русских в Латвии.....	304
Инфантьев Б.Ф. Русские писатели о рижских и латгальских староверах.....	315
Инфантьев Б.Ф. Латвийские староверы в творчестве латышских прозаиков.....	329
Бейтнере Д. Проблемы старообрядчества в латышской историографии.....	359
Библиография латвийского староверия. (Составитель Б.Ф.Инфантьев).....	364
Приложения (публикатор Ил.И.Иванов).....	377
1. Некоторые статистические данные о количестве староверов и православных в Латвии (1897–1935).....	377
2. Список старообрядческих общин Латвии (краткие сведения из старообрядческих церковных календарей).....	386
3. Список старообрядческих организаций Латвии.....	394
4. Данные о зарегистрированных в Латвии религиозных организациях (1980–1999).....	399
Об авторах.....	400

SATURS

No redaktora-sastādītāja.....	8
Zavarina A. Krievi Latvijā (apmešanās vēsture).....	10
Volovičs A. Senpareizticība un pirmie vecticībnieku lūgšanas nami Baltijā.....	48
Zimova Z. Jēkabpils (Jakobštates) vecticībnieku draudzes vēstures lappuses.....	57
Ņikonovs V. No Režickas kapsētas vecticībnieku draudzes vēstures (1858.–1940.).....	76
Uspenskis M., Uspenskis V. un Uspenskis A. Grebenščikova lūgšanas nama senās ikonas.....	84
Miroļubovs I. Vecticībnieku garīgās izglītības vēsture Baltijā.....	136
Žilko A. Garīgie dzejoļi Latvijas vecticībnieku kopienā.....	162
Podmazovs A. Vecticība ekonomiskās attīstības sistēmā (saimnieciskās darbības reliģiskā nosacītība).....	173
Feigmane T. Deputāti vecticībnieki Latvijas Saeimā.....	183
Makašina T. Latgales krievu dziesmas un pasakas.....	206
Markelovs G. Vecticībnieki. Trīs portreti.....	225
Ivanovs N. No vecticībnieku dzimtu vēstures (ciltskoka izveidošanas pieredze).....	235
Abizovs J. Latvijas krievu kultūras fenomens.....	304
Infantjevs B. Krievu rakstnieki par Rīgas un Latgales vecticībniekiem.....	315
Infantjevs B. Latvijas vecticībnieki latviešu prozaikū daiļradē.....	329
Beitnere D. Vecticības problēmas latviešu historiogrāfijā.....	359
Bibliogrāfija par Latvijas vecticību. (Sastādītājs B. Infantjevs).....	364
Pielikumi (publicēšanai sagatavojis II. Ivanovs).....	377
1. Daži statistikas dati par vecticībnieku un pareizticīgo skaitu Latvijā (1897.–1935.).....	377
2. Latvijas vecticībnieku draudžu saraksts (īsas ziņas no Vecticībnieku baznīcas kalendāriem).....	386
3. Latvijas vecticībnieku organizāciju saraksts.....	394
4. Informācija par Latvijā reģistrētajām reliģiskajām organizācijām (1980.–1999.).....	399
Par autoriem.....	400

CONTENTS

Editorial.....	8
A.Zavarina Russian inhabitants in Latvia (history of settling).....	10
A.Volovich Old Orthodoxy and the first Old Traditionalist churches in Baltic area.....	48
Z.Zimova From the history of Old Believers community in Jekabpils (Jekabshtadt).....	57
V.Nikonovs From the history of Old Believers Cemetery community in Rezekne (1858–1940).....	76
M., V. & A.Uspensky Old icons of the Grebenshchikov's prayer-house.....	84
I.Miroljubov History of Old Believer's sacred education in Baltic area.....	136
A.Zhilko Spirituals in Old Believer's medium.....	162
A.Podmazov Orthodox Old Traditionalism in the economical development system (religious determinism of the economic activity).....	173
T.Feigmane Old Believers – deputies, members of Latvian Parliament (Saeima).....	183
T.Makashina Songs and fairy tales of Russian inhabitants in Latgale (east part of Latvia).....	206
T.Markelovs Old Believers. Three portraits.....	225
N.Ivanov History of some outstanding families of Old Believers in Latvia (experience of putting together of the genealogical trees).....	235
Y.Abizov The phenomenon of Russian culture in Latvia.....	304
B.Infantjev Russian writers about Old Believers in Riga and in Latgale.....	315
B.Infantjev Latvian Old Believers in the works of Latvian writers.....	329
D.Beitnere Old Believers and their problems in Latvian historiography.....	359
Bibliography on Latvian Old Believers (<i>compiled by B.Infantjev</i>).....	364
Statistic supplement (<i>compiled by Ill.Ivanov</i>).....	377
1) Some statistic data about the number of Russian Orthodox and Russian Old Traditionalists in Latvia (1897–1935).....	377
2) List of Old Believer's communities in Latvia (data are taken from Old Believers Church calendars).....	386
3) List of Old Believer's organisations in Latvia.....	394
4) Data about the registered religious organisations in Latvia (1980–1999).....	399
Information about authors.....	400

От редактора-составителя

Третий выпуск сборника «Русские в Латвии» посвящен проблемам староверия. До конца 19 века староверы были основным компонентом русской этнической группы на территории современной Латвии. Староверие, возникшее во второй половине 17 века в результате раскола Русской православной церкви, распространено в той или иной мере на всех континентах. В Латвии старообрядцы проживают почти 350 лет. Это наиболее крупная компактная их группа в мире. В процессе длительного проживания такого количества русских в условиях взаимодействия с людьми других национальностей и вероисповеданий сложилось религиозно-этническое сообщество со своими особенностями веры, культурных традиций и быта. Совместная жизнедеятельность с латышами, поляками, евреями являет образец мирного, даже дружественного сосуществования столь разных и по конфессиональным, и по этническим особенностям народов. При этом староверы Латвии, и прежде всего Латгале, пока еще сохраняют самобытность своей веры, культуры и языка.

Самобытность эта всегда привлекала к себе внимание, однако публикаций и исследований, посвященных именно староверам Латвии, пока мало. В нынешних условиях бурно протекающих этнических процессов ощущается потребность в такой литературе. Публикации о староверах посвящены в основном религиозно-конфессиональной сфере, тогда как изыскания об общественно-политической, хозяйственной сторонах жизни староверов, об их фольклоре и быте, как правило, разбросаны в различных изданиях.

Настоящий сборник призван восполнить отсутствие комплексного описания латвийского староверия, как религиозно-этнической группы русских Латвии. Поэтому в книге представлены материалы и исследования освещающие не только духовную жизнь староверов Латвии, но и общественно-политическую, хозяйственно-экономическую и культурно-бытовую стороны их жизнедеятельности.

Сборник открывается исследованием А.А.Завариной об истории поселения русских в Латвии и о расселении их на территории этого региона. В книге приводятся сведения из средневековых немецких источников о «русской деревне» в Риге, которая в 13–14 веках располагалась в районе нынешних улиц Смилшу, Алдару, Якоба и Трокшню. Читателю представляется также возможность познакомиться со статьей А.И. Воловича об истории староверия в Прибалтике в целом. В сборнике помещены уникальные материалы обследования древних икон Рижского Гребенчиковского

храма, подготовленные известными историками русской культуры М., В. и А.И.Успенскими для Десятого археологического съезда, проходившего в 1896 году в Риге под председательством графини Уваровой.

Участию староверов в общественно-политической жизни Латвии посвящена статья Т.Д.Фейгмане, влияние староверов на экономику края отражено в работе А.А.Подмазова. Б.Ф.Инфатьевым предложено исследование об отношении русских и латышских писателей к староверам.

Составитель выражает глубокую признательность научным сотрудникам Российской академии наук Г.В.Маркелу и Т.С.Макашиной, любезно согласившихся поместить свои статьи в настоящем сборнике. В книге предприняты также попытки составления нескольких родословных и истории староверческих родов. Приводятся статистические данные о количестве староверов и православных, сведения о старообрядческих общинах, о количестве их членов, о наставниках в 20–30-е годы 20 века. Дан полный список старообрядческих общественных, культурно-просветительских, благотворительных и хозяйственных организаций (20–30-е годы и наши дни). Читатель найдет здесь обширный (более 200 источников) список литературы о староверии, сможет почерпнуть сведения о современном иконописце Н.В.Портнове и об изготовлении иконостасов. Публикуется также Программа по изучению Закона Божия в общеобразовательных школах Латвийской Республики.

Одна книга, конечно, не в состоянии полно отразить все аспекты истории и современной жизни староверов Латвии, однако нами предпринята попытка собрать воедино сведения о староверах как религиозно-этнической общности русских, пробудить интерес у самих староверов и, прежде всего, молодежи, к своей истории и культуре. Наши дети и внуки не должны уподобляться «Иванам, родства не помнящим», ибо печальна участь дерева без крепких корней, не устоять ему при сильном ветре. Составитель надеется, что издание познакомит интересующихся с самобытностью староверов, их историей и традициями и, тем самым, послужит сближению русской и латышской культур, взаимопониманию и интеграции латвийского общества.

Составить признателен всем, кто содействовал выходу в свет настоящей книги и, прежде всего, многолетнему научному руководителю Теоретического семинара «История, культура русских Латвии» профессору Б.Ф.Инфатьеву, председателю Латвийского общества русской культуры Ю.И.Абызову, профессору И.К.Апине, а также Александру Ивановичу, Николаю Тимофеевичу и Василию Ивановичу Ивановым.

Русское население Латвии (К истории поселения)

История формирования самой многочисленной к началу XX в.¹ этнической группы в Латвии – русских – сложный и длительный процесс. Имеющиеся исторические источники позволяют утверждать, что основной контингент русского населения сложился из разнородных по времени поселения в Латвии групп пришельцев. Первыми из них, вероятно, следует считать кривичей, которые начиная со второй половины I тыс. н.э. жили в верхнем Подвинье, Поднепровье, в бассейне реки Великой и являлись ближайшими соседями балтских племен на востоке Латвии. В последующие века происходило расширение русского контингента на территории Латвии за счет вновь прибывающих групп русских. Естественно, притоки русских пришельцев в разные времена различались по интенсивности, но с уверенностью можно сказать, что основным компонентом русской этнической группы в Латвии являлись поселившиеся здесь в XVII–XVIII вв. русские старообрядцы.

Примечательно, что наплыв русского населения в Латвию вплоть до I половины XIX в. носил стихийный характер, никак не связанный с преднамеренной колонизаторской политикой Русского государства. Наоборот, царские власти всякий раз испытывали тревогу, когда уход людей из пределов государства принимал особенно широкий размах, как это было, например, в XVIII веке. Об этом свидетельствуют многочисленные правительственные манифесты (1733, 1734, 1759, 1760, 1762, 1763, 1775, 1779, 1780, 1787, 1801, 1814, 1816, 1826 гг. и др.), призывавшие ушедших вернуться в пределы отечества и сулившие возвратившимся определенные льготы². О попытках предотвращения российскими властями оттока населения из России свидетельствуют и такие меры, как посылка специальных команд в различные регионы

(в 1682–1683 гг. и 1764 г. – в район Стародубья; в 1735 и 1764 гг. – в Польшу, на Ветку; в 1744 и 1783 гг. – в Курземе) для поиска бежавших и возвращения их на родину³, а также различные представления, соглашения между властями о выдаче беглых, ноты польскому двору, курляндскому герцогу с протестом по поводу укрывательства на их территориях русских пришлых людей и прочие правительственные меры.

Появление русского населения на территории современной Латвии, как показывают исторические материалы, определялось объективными внутренними событиями, происходившими не только в самой России, но и в Латвии. Играли роль и такие обстоятельства, как территориальная близость Латвии к Русскому государству, ее выгодное географическое положение и наличие на территории Латвии торговых путей: одного по Даугаве, связывавшего Ригу с Полоцком, Витебском, Смоленском, и второго, соединявшего Ригу со Псковом и Новгородом. Этот путь шел из Пскова к реке Гауя и далее к Рижскому заливу. Благодаря этому народы Восточной Прибалтики оказались рано, по утверждению исследователей еще в VIII–IX вв.⁴, втянутыми в торговые и культурные связи с восточными славянами – кривичами, жившими на территории, где впоследствии образовались Псковская, Смоленская и Полоцкая земли. Однако наиболее регулярные связи латгалов со славянами устанавливаются в X–XIII веках. Торговля в этот период велась преимущественно с Полоцким княжеством, политически обособившимся и экономически укрепившимся после распада Киевской Руси, а также со Смоленском. Торговые сношения по Даугаве способствовали основанию на территории латгалов и селов укрепленных городов Кокнесе и Ерсика, которые стали опорными пунктами полоцкого князя, обеспечивавшего торговые сношения по Даугаве.

Эти опорные пункты одновременно являлись центрами находившихся в даннической зависимости от Полоцка Ерсикского и Кукенойского княжеств. В Ерсике и Кокнесе находились и резиденции полоцкого князя, где пребывали его наместники. Тут же жили княжеские дружинники, русские купцы и ремесленники. В Ерсике и Кокнесе в XI–XII вв. действовали православные церкви (в Ерсике их было две), которые посещали не только дружинники князя и торговые

люди, но и часть местного населения, принявшего православие. Для проведения церковных служб требовались православные церковнослужители, которые первоначально были русскими. Так из перечисленных категорий лиц – торговцев, дружинников, духовенства – в среде местных латгалов образовались, вероятно, первые, но еще небольшие островки русского населения на территории Латвии.

Из дошедших до нас письменных свидетельств о наличии русского населения в Ерсикском княжестве следует назвать, прежде всего, Хронику Ливонии Генриха Латвийского. Летописец, повествуя о нападении рижского епископа Альберта на Ерсикю в 1209 г., говорит, что его войску у ворот города противостояли русские и были разбиты⁵. О наличии в Ерсике русских можно судить и по записи летописца, которая говорит о нападении немцев на Ерсикский замок Висвалдиса в 1214 г.⁶ Сведения, содержащиеся в Рифмованной хронике XIII в., также дают основание полагать о проживании в Ерсике русских. Рассказывая о нападении на Ерсикю правителя Айзкрауклеского замка Хартмана, летописец сообщает, что было убито 600 русских⁷. Вряд ли под русскими летописец разумел всего лишь местное население, принявшее православие, как это утверждает Э.Мугуревич⁸. Согласно другим историкам, в XI веке в Ерсике и Кокнесе население было смешанным: здесь наряду с латгалами и селами проживали также кривичи⁹.

Первоначальный период процесса формирования русского населения Латвии латвийский языковед М.Ф. Семенова именует кривичским¹⁰, подкрепляя свое суждение данными топонимики, связанными с именным названием кривичей (Krieviņi, Krievāre, Krievu sala, Puskrievi, Krievu vecaine и др.). Эти названия, пишет Семенова, могли возникнуть в разные исторические периоды, однако концентрация их главным образом в Даугавпилсском уезде, т.е. по водному торговому пути, свидетельствует, по мнению исследователя, именно о путях проникновения этих названий и, стало быть, также о древнейших путях продвижения русских в Латвию с юга и юго-востока, где обитали полоцкие и смоленские кривичи, торговавшие с латгалами¹¹.

Зародившиеся в VIII–IX веках торговые связи между Восточной Прибалтикой и русскими княжествами со временем крепили,

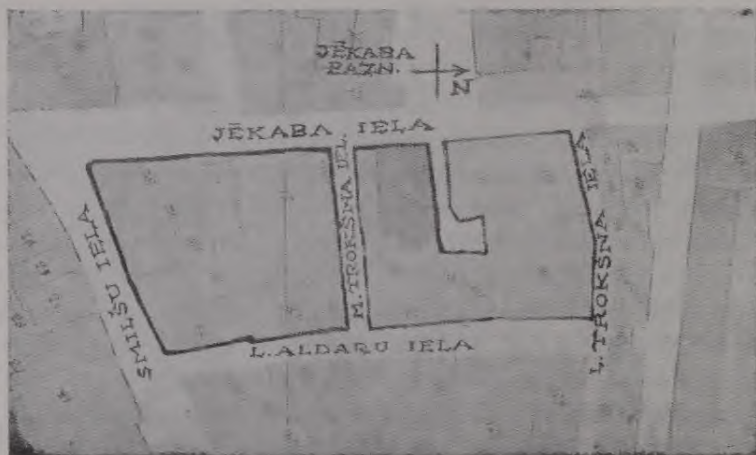
несмотря на то, что Латвия была покорена немцами, а Полоцк, Смоленск, Витебск в середине XIII в. оказались в составе Литовского княжества.

Период наиболее оживленных и интенсивных торговых связей Ливонии с русскими и белорусскими городами относится к XIII-XVI вв., когда Рига становится крупным торговым центром в бассейне Балтийского моря. В целях упорядочения торговых отношений между заинтересованными сторонами уже в XIII в. были заключены первые договоры. Наибольшее значение имел торговый договор между Смоленском и Ригой, датированный 1229 г., оставшийся в силе более 200 лет; по его образцу в последующем было заключено несколько договоров с другими русскими городами.

Осуществлявшиеся торговые операции, заключение торговых сделок, привоз и хранение товаров требовали от русских купцов, их приказчиков и прочих лиц, обслуживавших торговлю, длительного или даже постоянного пребывания в Риге. И русские купцы обосновываются на земле ливов и латышей, в связи с чем в городах этих последних возникают так называемые русские дворы, в которых проживали торговые люди, их слуги, переводчики, а также церковнослужители. О том, что в Риге уже в самом начале XIII в. сложился определенный слой постоянно проживающих русских людей, свидетельствует документ 1222 г., в котором рижский архиепископ Альберт с беспокойством сообщал папе Гонорию III, что православные русские приходят на житье в Ливонию и оказывают отрицательное (в религиозном отношении) влияние на обращенных в латинство (католичество) местных жителей¹².

О наличии в Риге постоянно проживающих русских можно заключить также по Долговой книге для записи торговых сделок рижского купечества, которую вел Рижский магистрат в 1286–1352 гг. Согласно подсчетам исследователей, из примерно 2000 записей этой книги около 300-400 относилось к русским торговцам¹³. Поименный же подсчет занесенных в книгу лиц показывает, что из 1150 лиц (по другим источникам – 1307), представлявших в то время деловой мир Риги, на долю русских приходилось 80 - 100 имен¹⁴.

Этническая принадлежность записанных в Долговой книге торговцев устанавливается, прежде всего, по их славянским именам,

Планъ расположенія „русскаго поселенія“ въ среднѣе вѣка въ гор. Ригѣ (заштрифовано мѣсто предполагаемаго находженія церкви).

Икона Св. Николая Чудотворца изъ бывш. в Николаевской церкви гор. Риги (Arne, Det Stora Svitjod, Stockholm 1917 г.).

Икона Св. Николая Чудотворца изъ бывшей Николаевской церкви въ гор. Ригѣ (Arne, Det Stora Svitjod, Stockholm 1917 г.).

Из статьи д-ра архитектуры Павла Кампе. — «Вера и жизнь», 1938, №№ 6,7.

по пометке «русский» Ruthenus или Ruthe, стоявшей против имени, а подчас и по указанию города, из которого прибыл русский торговец. Из Долговой книги явствует, что некоторые русские торговцы владели в Риге недвижимостью – землей, домами, а значит, согласно законам того времени, были рижскими гражданами. К гражданам принадлежали, вероятно, и богатые кредиторы – Степан с сыном Ксенофонтом, Кузьма, а также крупные торговцы, не владевшие недвижимостью – Иван, Иван Рутенус, Василий, товарищ Мануила, Яким-скорняк с зятьями, державшие в своих руках почти всю торговлю воском¹⁵. Помимо торговцев и кредиторов Долговая книга называет также и другую социальную категорию русских людей – ремесленников, но только тех из них, которые занимались торговлей, например, скорняков Якима и Семена, банщика Демьяна¹⁶.

Таким образом, источники свидетельствуют, что в Риге XIII–XIV веков было значительное количество русского населения. Проживало оно компактно, в отдельном квартале Риги, который в средневековых немецких документах назван «Dat Russche dorp, Ruschen dorpe», т.е. русской деревней. Располагалась она в районе нынешних улиц Смилшу, Алдару, Якоба и Трокшню. Здесь находились дома, лавки купцов, церковь Николая Чудотворца, кладбище и больничный приют. Поскольку Рига в XIII–XV веках торговала в основном со Смоленском, Полоцком, Витебском, а также с Новгородом и Псковом, то выходцы из этих городов, видимо, и составили первое русское население Риги. На эти же города, а также на Копорье, Суздаль указывала Долговая книга. Но, как явствует из того же источника, в Риге, помимо купцов, прибывавших из собственно русских городов, торговые дела вели и купцы, приезжавшие из различных местностей самой Латвии. Так, например, купец Фома прибыл в Ригу из Иксколя (Икшкеле), Иван из Режицы (Резекне), Андрей из Кукенойса (Кокнесе) и т.д. Данные указания служат свидетельством того, что эти города, как и некоторые другие, – Даугавпилс, Лудза, Цесис, расположенные на торговых путях по Даугаве и Гауе, были втянуты в торговлю с Ригой и что в этих городах существовали склады товаров и торговые дворы русских купцов¹⁷.

Территориальная близость Восточной Прибалтики к Русскому государству предопределила появление на ее территории в период

XIV–XV вв. еще одной группы русских пришельцев – городской бедноты и малоимущих ремесленников. Мы имеем в виду русских беглых людей, вынужденных покинуть свою родину и искать убежища в ближнем зарубежье в связи с религиозными преследованиями со стороны официальной церкви и правительства. Это были гонения на так называемых еретиков Пскова и Новгорода, известных в литературе как стригольники и жидовствующие. Выступления тех и других носили резко протестный характер: они отрицали законность и необходимость церковной иерархии, требуя, в частности, замены священников, назначаемых сверху, простыми мирянами; недовольство их вызывали также церковные поборы. Светские и духовные власти предпринимали все для подавления этих выступлений. Известно, что новгородский архиепископ Геннадий в 1491 г. по повелению Ивана III и митрополита Зосимы «одних велел жечи на Духовском поле, иных торговые казни предали, а иных в заточение посла»¹⁸. Сумевшие укрыться от этой расправы вынуждены были бежать. Убежище они находили, как сообщает летопись, «в Литве, а иные в немцы»¹⁹. Вероятнее всего, под немцами летописец разумел сопредельную с Литвой Латвию, находившуюся тогда под властью немцев. Факт проникновения в Прибалтику участников сектантских движений XIV–XV веков в Новгороде и Пскове подтверждает и один из расколоведов XVIII в. Андрей Иоаннов Журавлев²⁰.

Но сколь велика в количественном отношении была эта группа русских пришельцев и какова их дальнейшая судьба в Латвии доподлинно неизвестно. Вполне возможно, что некоторые из них, поселившись среди местного населения отдельными небольшими островками, были со временем ассимилированы латышами, более же компактным и многочисленным группам удалось избежать этого, слившись с пришедшей несколько позже массой русских людей. Видимо, такой группе русских пришельцев, которую составляли религиозные сектанты, известный латышский историк М.Скуйениек приписывал основание города Екабпилс²¹. Русские сектанты стали селиться в XV веке вокруг корчмы Голмгофского имения (Саласмуйжа) на левом берегу Даугавы. В XVI веке они составили уже целую слободу, а в XVII веке, точнее в 1670 г. в связи с увеличившимся населением эта слобода получила от курляндского герцога Якова

права города, права гражданства в котором поначалу получали только русские и поляки.

В связи с распадом Ливонского государства территория Латвии в XVII веке оказалась, как известно, поделенной между Швецией и Польшей. К Польше отошла Латгале. Торговые связи русских городов с Ригой ослабли (через Ригу торговали в основном белорусские и русские города, находившиеся в XVII в. под властью Польши), и, следовательно, купечество русских городов и прежде всего Пскова и Новгорода как источник пополнения русского населения Латвии перестало, видимо, играть прежнюю роль. Но это не означало, что в XVI–XVIII веках прекратилось увеличение численности русских в Латвии за счет притока извне. Источником расширения русского контингента в Латвии в конце XVI – первой половине XVII в. стало русское крестьянство, экономическое положение которого в годы правления Бориса Годунова, самозванцев Лжедмитриев, а также в годы польско-литовской и шведской интервенции заметно ухудшилось и привело к крестьянской войне. Эти события дали толчок массовому миграционному движению крестьян. По этому поводу протоиерей Андрей Иоаннов Журавлев писал, что тогда многие крестьяне «оставя природные свои места, спасались бегством и скрывались там и инде где только могли»²².

К таким же последствиям, но несколькими десятилетиями ранее, привели и действия Ивана Грозного, в частности введенная им опричнина (1565–1572 гг.), которая сопровождалась массовыми грабежами и насилием над населением. Отражая эти события, А.К.Толстой писал в своем историческом романе «Князь Серебряный»: «Сотни и тысячи русских, потеряв всякое терпение и надежду на лучшие времена, уходили толпами в Литву и Польшу»²³.

Излагая историю обоснования русских пришлых людей в Латвии в ранний период средневековья, мы опирались главным образом на исторические исследования. Начиная же с конца XVI в. мы располагаем по этому вопросу документальными материалами, которые исходили теперь не столько с русской стороны, сколько из различных инстанций Латвии и, в частности, от входившей в состав Польши Латгале. Мы имеем в виду инвентари Люцинского замка, Режицкого староства²⁴ 1599 г. и Люцинского староства 1646

г. Инвентарь – это хозяйственно-экономическое описание имения, в котором для определения доходности имения перечисляются по фамилиям или именам его подданные. При просмотре инвентарей названных староств обнаруживается, что при перечислении имен и фамилий подданных здесь фигурируют, наряду с белорусскими, и русские имена с пометкой «москаль». Правда, легально проживавших русских на землях староств было еще немного. Больше, видимо, русских беглых обитало в этот период скрытно. Так при объяснении, почему в лесах Режицкого староства уменьшается количество зверей, составители инвентаря указывали, что «ныне из Москвы приходят холопы и селятся по лесам, отчего звери стали редкостью»²⁵. Составители инвентаря Люцинского староства 1599 г., описывая озера и в частности озеро Пытель на землях Плюсинской мызы (в XIX в. Ляндскоронская волость²⁶), говорят, что на озеро часто врывается и заходит Москва²⁷.

Сведения указанных инвентарей говорят о более значительном по сравнению с предшествующим периодом наплыве русских пришельцев. Но, тем не менее, бегство крестьян из пределов Русского государства конца XVI – первой половины XVII в. еще не достигло того масштаба, которое оно приняло, начиная со второй половины XVII в. и которое продолжалось весь XVIII в. Масштабность этого явления определялась весьма значительными событиями, которые происходили в это время в России.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. резко обострились социальные противоречия, вызванные усилением эксплуатации крестьян и их ухудшившимся экономическим положением. Обострение социальных противоречий было неизбежным при начавшемся в это время расширении товарно-денежных отношений, которые способствовали росту производства на рынок в помещичьем хозяйстве и, как следствие этого, усилению эксплуатации крестьян. Именно в этот период Соборным Уложением 1649 г. были закреплены права помещиков на проживавших на их землях крестьян, т.е. юридически оформлено крепостное право. Не случайно в XVII – начале XVIII в. выступления крестьян против помещичьего произвола приняли небывало массовый характер. Наряду с активными формами борьбы (убийство помещиков, поджоги имений, открытые

выступления) большой размах обрело бегство крестьян.

В условиях острых социальных противоречий развернулось другое полное драматизма событие, известное в России как раскол русской православной церкви, давший новый импульс к бегству крестьян из пределов России. Раскол произошел при патриархе Никоне, который в целях укрепления церковной организации провел реформу, сопровождавшуюся ломкой старых церковных обрядов. Но не все верующие приняли реформу. Сторонники Никона составили православное ядро русской церкви, а отколовшиеся от него – старообрядчество²⁸. Старообрядцы были яркими противниками реорганизации церкви, новшеств, которые вводились Никоном в церковную обрядность и культовую практику. Они отказались подчиниться постановлениям церковного собора 1666 г., узаконившего нововведение Никона. Собор отлучил староверов от церкви. Выступив против официальной церкви, староверы выступили тем самым и против царской власти. Поэтому и церковь и государство единодушно признали раскольников злом, подлежащим искоренению.

Преследуемые церковью и властями староверы избрали пассивные формы сопротивления, что являлось следствием их идеологических воззрений. Мир впал в ересь, учили они, в нем действует антихрист, а посему всякий контакт с миром чреват осквернением души и тела верующих. Спасение староверы видели в бегстве от антихриста. Особенно глубоко эта мысль укореняется среди староверов при Петре I, которого они отождествляли с антихристом. Проводимые Петром I преобразования России и войны дорого обошлись народу. Они привели к оскудению и разорению крестьянских хозяйств, сокращению крестьянских пашен, резкому увеличению налогов, рекрутским набором, трудовым мобилизациям на строительные работы. Положение старообрядцев к тому же усугублялось специальными реформами, направленными против них. Все старообрядцы облагались двойным податным окладом, не допускались к общественным должностям, за право носить бороды должны были платить особую подать. Обострение социальных противоречий, резко ухудшившееся положение крестьян и особенно старообрядцев привели в это время к усилению среди них эсхатологического настроения и

окончательному формированию мысли о необходимости бегства от антихриста²⁹. Бегство староверов, а также православных крестьян приняло в это время небывалые дотоле размеры.

Выше говорилось, что церковный собор 1666 г. отлучил приверженцев старой веры, не принявших нововведений Никона, от церкви и предал их проклятию. Вслед за этим началась расправа сначала над вождями раскола и его наиболее яркими защитниками, а затем и над рядовыми последователями. Жестокой расправе были подвергнуты идеолог раскола протопоп Аввакум, его сподвижник Иван Неронов, боярыня Морозова, ее сестра княгиня Евдокия Урусова и многие другие, которые приняли мученическую смерть за свою веру. Не были пощажены и монахи Соловецкого монастыря, московские стрельцы, также выступившие в защиту старой веры. Гонимые православной церковью и властями, староверы вынуждены были оставлять насиженные места и искать убежища в чужих краях как внутри своего государства, так и вне его. Большая часть староверов бежали за границу – в Австрию, Турцию, Пруссию, Швецию и Польшу. Так на территории Латвии, земли которой в тот период входили частью в состав Речи Посполитой и частью – Швеции, появилась большая масса русских старообрядцев, составивших основное ядро русского населения земли латышей.

Надо сказать, что в этот период и в Латвии сложились как никогда благоприятные условия для приема беглых. Территория Латвии в результате феодальных войн оказалась поделенной между Польшей и Швецией, что привело к упадку ее экономики. Особенно значительные трудности во второй половине XVII – начале XVIII в. выпали на долю Латгале, которой пришлось разделить стихийные и социальные бедствия Речи Посполитой в качестве ее составной части. Восстание, имевшее место во второй половине XVII в. в Западной Украине, а также военные действия между Польшей и Россией, Россией и Швецией, три эпидемии чумы (1657, 1661, 1710 гг.), существенно сократили численность населения и привели к запустению дворов и превращению пашен в пустоши. Средств для восстановления разрушенных фольварков, обеспечения хозяйств рабочей силой у помещиков не было. Выходом из создавшегося положения могло быть, прежде всего, привлечение пришлых крестьян на пустующие

земли. Понятно, какое значение в жизни польских помещиков имел приток новых людей извне.

Таким образом, совокупность условий, создавшихся, с одной стороны, внутри Русского государства, с другой – на территории Латвии, обусловила появление здесь селений русских пришельцев и в первую очередь старообрядцев. Староверы в конце XVII – начале XVIII в. селились, как показывают документальные материалы, и в Видземе, в том числе в Риге, и в Курземе, и в Латгале. Сохранилась староверческая летопись, известная как «Дегуцкая хроника», в которой рассказывается об основании старообрядческих общин и моленных на территории Восточной Курземе, в частности в Илукстском уезде в деревне Лигинишки, напротив Даугавпилса в 1660 г., возле местечка Алькшты (Илуксте) в дер. Балтруках в 1699 г., в деревнях Володино, Войтишки, около местечка Скрудалина и др. Видимо, это были первые пришельцы, которые положили начало самому крупному – Илукстскому – поселению староверов в Курземе.

В Латгале основная масса русских крестьян-старообрядцев оседала в близлежащих Русскому государству районах. Шли, прежде всего, в Даугавпилсский, Резекненский и Лудзенский уезды, где и поныне существуют их многочисленные поселения.

Приход староверов в Латгале непосредственно связан с историей зарождения одного из согласий старообрядчества – федосеевского, последователями которого считали себя пришельцы. Федосеевское согласие зародилось в Новгородско-Псковском крае, где оно быстро распространилось среди крестьян и прочего обездоленного люда. Основоположником этого учения был Феодосий Васильев, родом из Крестецкого Яма Новгородской губернии. Вокруг него сплотилась большая группа единомышленников, а Крестецкий Ям стал центром федосеевщины в Новгородском крае. Но по мере разрастания этого учения и вовлечения в него широких масс оставаться Феодосию на родине было небезопасно, и он вынужден был в 1699 г. покинуть родные края и уйти за Польский рубеж. За ним пошли и его последователи, о чем сообщает «Житие Феодосия Васильева», составленное в 1742 г. его сыном Евстратом: «Услышано же бысть в России по странам дивного учителя Феодосия отшествие тамо, множество христиан от градов, весей и сел, любовию распалыемы,

потокоша во след его»³⁰. Подтверждение изложенному находим и в архивных документах Святейшего Синода. Сохранилось дело о крестьянине Иване Парфенове, уроженце Опочецкого уезда Псковской губернии, от 1721 г., который за переход в раскол привлекался к суду Синода. Из показаний Парфенова явствует, что он был приверженцем старой веры, ушел из дома и в 1699 г. в лесу за Старой Руссой примкнул с другими последователями Феодосия к толпе староверов, и вместе с ними в числе более ста человек на 40 подводах перебрался за Польский рубеж³¹. Все эти староверы, как видно из дела, были из Новгородской и Псковской губерний. Феодосий со своими последователями обосновался сначала в Польше в Невельском уезде Витебской губернии, где составились две обители, в которых насчитывалось свыше тысячи человек. Но помимо обителей староверы селились и вне их, причем не только на территории Невельского уезда.

Так, вероятно, появились в Латгале первые федосеевцы из Новгородско-Псковского края. В последующем учение Феодосия нашло признание и у части населения других губерний – Петербургской, Тверской, Ярославской, Московской и некоторых других. Можно допустить, что среди пришельцев в Польшу, в том числе Латгале, были уроженцы и этих мест. Переправа людей за Польский рубеж носила до некоторой степени организованный характер. Ею занимались сподвижники Феодосия, остававшиеся на родине. С этой целью по дороге из Новгородско-Псковского края в Польшу в разных ее пунктах были выделены специальные «пристановщики», проводники, а в деревнях – агенты, которые связывали стремившихся покинуть родные края с проводниками³².

С усилившимся во второй половине XVII в. наплывом беглых в Латгале необходимость в такой организации переправы, видимо, отпала, поскольку дорога из Новгородских пределов в Польшу была, как писал Иустинов, уже проторенной. Материалы о поселении в Латгале во второй половине XVII – начале XVIII в. русских беглых имеются также в источниках местного происхождения, и прежде всего в инвентарях имений, которые конкретно указывают на места расселения пришлых людей. Из опубликованного в 1943 г. историком Б.Р.Брежго инвентаря Осуньского войтовства 1695 г. видно, что в

названных в нем населенных пунктах наряду с латышами и белорусами в то время проживали и лица явно русского происхождения, против имен которых стояла пометка «захожий» или «москаль»³³. Из 19 поселений войтовства русские захожие люди проживали примерно в 13. Б.Брежго подсчитал, что в Осуньском войтовстве почти 90% крестьянских хозяйств принадлежало русским и белорусам, отметив, что осесть здесь они могли лишь после 1599 г., ибо по люстрации этого года русских и белорусских крестьян в войтовстве еще не было³⁴. По инвентарю Динабургского староства 1737 г. Брежго установил, что на землях староства также имелись пришлые люди – поляки, белорусы и русские, на долю которых приходилось 34% всего населения староства (остальные 66% составляли латыши)³⁵. Большим, видимо, было количество русских, осевших в Режицком старостве, что видно из инвентаря 1738 г. Здесь русские названы по именам и с пометкой «захожие русачи» или «москали заграничные». «Захожими из Москвы» и «москалями заграничными» называет русских и инвентарь Мариенгаузенского (Вилякского) староства 1738 г. Здесь «москали» проживали в 42 населенных пунктах из 50. Про некоторых из них говорилось, что они поселились в 1737 – начале 1738 г. и потому являются ненадежными, ибо разыскиваются Москвой. К сожалению, более точно определить количество поселившихся на территории названных староств, как и их религиозную принадлежность, не представляется возможным.

Помимо Курземе и Латгале центром притяжения русских в рассматриваемый период становится Рига, несмотря на то, что с 1710 г. она была присоединена к России. В Риге пришельцы селились в основном в Московском форштадте и, как показывают данные за более поздний период, это были преимущественно староверы. То, что русские старообрядцы избрали Ригу как одно из мест своего укрытельства, зная, что с 1710 г. Рига уже входила в состав Российского государства, было обусловлено многими причинами. Прежде всего территориальной близостью Риги к районам исхода староверов и в то же время практически недосыгаемостью их здесь для царских властей, ибо при любых угрожающих им обстоятельствах они могли укрыться на территории Курземе (присоединенной к России лишь в 1795 г.) или в Латгале (находившейся до 1772 г. в составе Речи Посполитой).

Учитывалось, видимо, покидавшими отечество староверами и то обстоятельство, что русские в Прибалтийских губерниях до Павла I (1796 - 1801) не несли рекрутской повинности, что для них имело особо важное значение³⁶.

Официальному переселению русских крестьян в торгово-промышленные села и города, в том числе и в Ригу, содействовала политика Петра I в отношении раскола. Принятые им меры хотя и ущемляли гражданские права староверов, фактически не подвергали их преследованию, легализовали их положение, в результате чего староверы могли отныне открыто селиться в городах, а не скрываться в глухих местах, как ранее. Названное общероссийское положение расширялось применительно к Риге постановлением Петра I от 1711 г., разрешавшим русским купцам и ремесленникам свободно селиться в Риге³⁷.

Но основная причина того, что Рига стала центром притяжения староверов (как и православного русского населения) состояла в том, что после 1710 г. началось быстрое развитие ее экономики и торговли, создававшее спрос на рабочие руки. Усиливали этот спрос и последствия Великого мора 1710–1711 гг., который сократил численность населения города с 10 до 5 тысяч человек. О нарастании притока русских беглых крестьян в Ригу и Видземе говорит тот факт, что правительство вынуждено было учредить Комиссию для их сыска³⁸. Она действовала в период с 1732 по 1753 гг., разыскивая беглых и водворяя их на прежнее место жительства. Но в 1740 г. Комиссия, как явствует из ее отчета, столкнулась с таким присутствием русских беглецов на мызах Видземе и Эстонии, что не решилась предпринять какие-либо меры для возвращения их прежним владельцам³⁹.

Во второй половине XVIII в. переселение русских крестьян в Латвию шло по нарастающей. Вторая половина XVIII в., как известно, приходится на годы правления Екатерины II. Потоки крестьян, устремившихся в Латвию, тогда уже не были непосредственно связаны с религиозными преследованиями. Бегство крестьян на этот раз было вызвано в основном социальными причинами. Во второй половине XVIII в. крепостное право в России было доведено до его крайних пределов, что нашло свое проявление, как писали историки, в узаконении неограниченного произвола помещиков в отношении

личности, имущества и труда крепостного. Ухудшившееся положение крестьян вызвало мощную вспышку недовольства крепостных, выразившегося, как и прежде, в массовых убийствах помещиков, поджогах имений, открытых выступлениях (восстание Пугачева 1773–1775 гг.). По-прежнему имело место ставшее уже хроническим явлением бегство крестьян. Но в отличие от предшествующих лет во второй половине XVIII в. оно приобрело особенно широкий размах. Как и в более ранние периоды, на этот раз потоки устремились на запад, главным образом в Польшу, в составе которой продолжали еще некоторое время оставаться земли Латгале и Белоруссии. Бежали также в Эстонию, Видземе, а оттуда в Курземе и Литву, где их охотно принимали местные помещики. Благоприятные условия для приема беглых в Латвии в этот период, особенно в конце XVIII в., создавало развитие элементов нового капиталистического способа производства, увеличивавшего спрос на наемную рабочую силу.

От указанного периода сохранилось большое количество архивных документов о задержанных в Латвии беглых крестьянах, что уже само по себе свидетельствует о массовости побегов. Эти документы, содержащие показания беглых, содержат, наряду с биографическими данными, сведения и по истории побега, что определяет их ценность. Чтобы представить конкретную картину побегов, остановимся на одной крайне интересной группе исторических документов, оставленных помещиками, бывшими владельцами беглых крестьян. Это относящиеся к 60-м годам XVIII в. наказания дворян различных губерний России депутатам в Комиссию по составлению нового Уложения 1767 г., которое было задумано Екатериной II. Наказы дворян прежде всего подтверждают, что побег крестьян из России действительно были массовым явлением и что бежали крестьяне в Польшу (Латгале), Видземе, Курземе и Эстонию. О побеге в эти места как о величайшем зле говорили в своих наказах дворяне Новгородской губернии (ее пятин – Водской, Шелонской, Бежецкой, Деревской, Обонежской), Опочецкого, Псковского, Пусторжевского, Великолукского, Торопецкого и Холмского уездов (составившие позднее Псковскую губернию), а также дворяне ряда уездов Смоленской губернии⁴⁰, т.е. люди бежали в Латвию в основном из тех же мест, что и в предшествующие

периоды. Побег крестьян из этих губерний настолько участились, что новгородские, псковские и смоленские дворяне требовали от Екатерины II принять жесткие меры, которые бы пресекли массовый уход их крестьян и содействовали возвращению бежавших прежним владельцам. Помещики требовали усилить охрану границы, сделать вдоль нее внутренние и наружные рвы, а между ними земляной вал, «чтобы с телегами, скотом и прочими тягостями было не пройти».

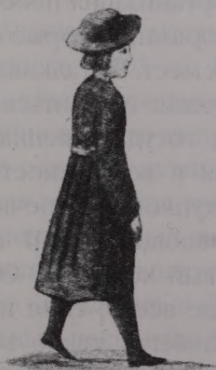
Из наказов явствует, что переход русскими беглыми границы и проникновение на территорию Польши, т.е. в Латгале, а тем более на территорию вошедших еще в 1721 г. в состав России Лифляндской и Эстляндской губерний, а оттуда в Курземе был делом несложным и занимал всего 1–2 дня. Переход польской границы облегчало то обстоятельство, что имевшиеся вдоль рубежа немногочисленные форпосты были редки и слабы, о чем с упреком в адрес правительства говорилось, например, в наказе пусторжевских дворян. Переход же в Видземе и Эстонию был и того проще, поскольку по тем границам, сообщалось в наказах, ни форпостов, ни застав нет. В силу легкости перехода границы многие крестьяне предварительно уходили за рубеж без семьи, обосновывались там, а затем возвращались за своими семьями, имуществом, скотом и уже тогда навсегда покидали родину. Благодаря близости поселений, откуда бежали русские крестьяне к Польше, Видземе и Эстонии, они хорошо знали, каковы там условия жизни, на что они могут рассчитывать при переселении. Так, в наказе опочецких помещиков по этому поводу говорилось: «Всем живущим в России крестьянам ведомы польские поведения, что всякий их житель по их вольности имеет винную и соляную продажу и что у них набора рекрутского не бывает, равно и сборов для платежа казенных податей не происходит»⁴¹. Но основным мотивом, побуждавшим крестьян к уходу из родных мест, как и в былые времена, был расчет на льготные условия поселения за границей, вера в возможность избежать на чужбине оков крепостничества, хотя в Прибалтике, и особенно в Латгале, крепостничество было не менее тяжким, чем в России, и это русские крестьяне знали. Но им было известно и то, что в целях привлечения и удержания рабочей силы помещики охотно принимали в свои имения беглых, предоставляли им некоторые льготы, а нередко и организовывали побег, для чего засылали из Польши так

1.

2.

3.

4.

Рижские старообрядцы в 1780 г.

1) Продавец сальных свечей.

2) Продащица лимонов.

3) Купеческий сын.

4) Купчиха.

Рисунки Я.К.Броце. Из кн.: Заволоко И. «О старообрядцах г. Риги». Рига, 1933.

называемых «подговорщиков», которые не только склоняли крестьян к уходу из России, но и сопровождали их до Польши. Немаловажное значение в принятии русским крестьянином решения о побеге имела уверенность его в том, что польские и немецкие помещики не выдадут его русским властям. Псковские дворяне в своем наказе сообщали по этому поводу: «Принуждения к выдаче беглых наших почти оттуда (из Лифляндской и Эстляндской губерний) никогда не бывает, а самим сыскивать и ловить вовсе невозможно»⁴². Это относилось и к Курземе. Посланный туда для отыскания беглых крестьян полковник Ф.Воейков доносил в феврале 1745 г.: «Курляндцы в отдаче как российских, так и лифляндских укрывающихся тамо беглых поступают весьма неохотно и делают многие затруднения и интриги к продолжению времени»⁴³. Сделанное же в 1765 г. русским правительством Курляндскому герцогству представление с требованием выдачи беглых было вообще оставлено без внимания; в этом вопросе правительство герцога не оказывало никакого давления на помещиков⁴⁴.

Расчет на льготные условия поселения за границей, надежное укрытие, веротерпимость, наконец, организация побегов со стороны польских помещиков были теми факторами, которые способствовали бегству крестьян с родных насиженных мест. Выталкивало же крестьян из пределов своего государства стремление избавиться от непомерной помещичьей кабалы, рекрутчины, государственных податей и приобрести свободу вероисповедания и возможность вступления в брак по своему усмотрению. Совокупность перечисленных выше обстоятельств привела во второй половине XVIII в. к тому, что побегι приняли действительно массовый характер. О размахе этого движения дают представление, прежде всего, сами наказания, даже их тон. Помещики плачутся, говоря о побегах как о величайшем зле, которое разоряет их. Деревни пустели, все государственные подати и повинности беглых перекладывались на плечи оставшихся. Не будучи в состоянии исправно выплачивать их, последние также склонялись к мысли бежать и при благоприятных условиях незамедлительно приводили в исполнение свое решение. Из наказов видно, что крестьяне бежали не только в одиночку, но и целыми деревнями.

О масштабах бегства крестьян из России во второй половине XVIII в. можно судить и по высказываниям отдельных официальных и

неофициальных лиц. Так, видный военный и государственный деятель России XVIII в. граф П.И.Панин указывал, что число беглых крестьян в Польшу доходило до 300 тысяч⁴⁵. Эти данные относятся к периоду до 1772 г., т.е. до Первого раздела Польши. И.Омульский, управляющий имениями польского магната И.Хрептовича, характеризуя размах побегов после присоединения Латгале к России, сообщал, что в России со времени устройства новой пограничной линии насчитывается уже около 30 тысяч беглых душ⁴⁶.

Более конкретные статистические данные о количестве русских, осевших в этот период в Латгале, дает Поголовная перепись населения 1772 г., проведенная сразу же по присоединении Латгале после Первого раздела Речи Посполитой. И хотя перепись проводилась не ради получения данных об этническом составе населения, а в чисто фискальных целях, источник этот трудно переоценить. К сожалению, его сведения исчерпываются только Режицкой и Люцинской парафиями (приходами)⁴⁷. Ценность переписи заключается в том, что она перечисляла не подряд все податное население по парафиям, имениям, деревням, а подразделяла его на три группы: 1) «тутейших», уроженцев польских, т.е. местное население; 2) евреев; 3) беглых, поселившихся после 1761 г. При этом в отношении последних предписывалось давать сведения о месте и времени их прихода в Латгале и подробно о месте их прежнего проживания, т.е. о губернии, уезде, деревне и даже фамилии помещиков, от которых они бежали. К сожалению, для выделения русских, поселившихся в более ранний период, критерием узнавания являются только их фамилии.

Данные переписи позволяют, прежде всего, выразить в цифрах приток русского населения в Латгале, происходивший в 1761–1772 гг. По официальным подсчетам того времени, во всех трех парафиях (Двинской, Режицкой и Люцинской) всех пришлых насчитывалось примерно 8 тыс. человек⁴⁸, что составляло примерно 5% населения Латгале, числившегося в графе «тутейшие» (без евреев). Необходимо отметить, что в число 8 тыс. вошли не только русские, но и белорусы, и частично лица другой этнической принадлежности. Но, даже если бы эта цифра относилась только к русским, она все равно не отражала бы действительную численность русского населения, ибо часть из него (и довольно большая) была отнесена к «тутейшему»,

местному населению Латгале. По нашим приблизительным подсчетам (согласно фамилиям поголовных списков) всех русских, числившихся в разряде местных и пришлых (правда, с белорусами) насчитывалось около 10 тыс. человек только в двух парафиях.

Сохранившаяся Ведомость о числе жителей Полоцкого наместничества (куда входили латгальские уезды) за 1780 г. позволяет определить отдельно количество русских староверов, проживавших в трех уездах Латгале. Согласно указанным данным (далеко не исчерпывающим), там насчитывалось 3982 старовера. Из них в Динабургском уезде проживало 2864 человека, в Режицком – 778 и в Люцинском – 340⁴⁹. Примечательно, что латгальские составляли 56% староверов всего Полоцкого наместничества, включавшего в себя помимо латгальских уездов еще восемь. Интерес представляют также данные Переписи о территориальных источниках пополнения контингента русского населения Латгале (т.е. откуда, из каких местностей России приходили русские в XVIII в.). География мест исхода поражает. Основным регионом, поставлявшим более всего русских беглых крестьян в Латгале, был северо-западный, в который мы включили Псковскую, Новгородскую, Петербургскую, Смоленскую губернии России и Витебскую Белоруссии. Перепись показывает, что в Латгале шли крестьяне и из таких губерний, как Московская, Тульская, Нижегородская, Владимирская, Воронежская, Вологодская и многих других. Пополняли контингент русских и выходцы из некоторых других (кроме Витебской) губерний Белоруссии и даже Украины. Но число пришельцев из всех этих районов было незначительным по сравнению с северо-западным, близлежащим к Латгале, регионом. Обращает на себя внимание и то огромное количество помещиков России, от которых уходили крестьяне. Среди них немало именитой знати: Аничков, Апраксин, Бибииков, Валуев, Елагин, Разумовский, Якушкин, Ягужинский, Скобельцин, Голенищев-Кутузов (отец русского полководца М.И.Кутузова), Ганнибал – прадед А.С.Пушкина, князь Трубецкой и многие другие.

Пришлое население в Латгале, по данным переписи 1772 г., рассредоточивалось по многим имениям: в Режицком уезде это Рыбинишки помещика Вейссенгофа, в котором из 1845 крестьян 1433 были пришлые (свыше 78% всего населения имения); Тискады

Соколовского (пришлые составляли здесь 52%); Гориколно, Замостье, Велионы, Малта (в первых двух имениях русские пришлые составляли соответственно 52% и 68%) и др. В Люцинском уезде большой наплыв русского и белорусского крестьянства наблюдался в деревни имений Яноволь Люцинского староства, Сприкутово и Ушкачева помещика Рыка, Виткоповщина Корневых, Бродайжи Вейсенгофа, Ляндскорона Борха, Рунданы Иодковых и др. Это были относительно крупные имения, которые в условиях развивавшихся в недрах феодализма элементов товарно-денежных отношений остро нуждались в притоке рабочей силы извне.

По-прежнему во второй половине XVIII в. притягивала к себе русских и Рига. И приток сюда не только продолжался, но и происходил более интенсивными темпами, поскольку развивавшиеся производство и торговля создавали непрекращающийся спрос на наемных рабочих. Этому способствовали и указы Екатерины II, уравнивавшие в правах всех русских торговцев и ремесленников с немецкими и позволявшие им на равных с немцами заниматься торговлей и ремеслом. Рост численности русского населения в Риге происходил как за счет православных, так и староверов. В 1767 г. всех русских насчитывалось 2963 человека⁵⁰, а в 1797 г. – 3460 человек⁵¹. Сохранившиеся за указанный период материалы позволяют отразить численный состав русского населения по районам их проживания в Риге. По административному делению 1785 г. Рига была разделена на 5 частей, две из которых приходились на Старый город. Каждая из частей состояла из двух кварталов. Три части приходились на форштадт, или предместье. За последними тремя частями укрепилось также название форштадтов: Петербургский, Задвинский и Московский.

Из таблицы 1 видно, что основная масса русских была сосредоточена во 2-й (Московской) части предместья; некоторое количество их проживало в Петербургской части. Совсем ничтожное число русских приходилось на Старый город в пределах валов, воздвигнутых в XVII веке. Это объясняется тем, что русским купцам, даже преуспевающим, разрешалось жить лишь за пределами городских укреплений. Выделить из общего количества русского населения старообрядцев не представляется возможным. Первые данные о них в Риге появляются лишь с 1817 г. До той поры магистрат

Риги принимал староверов «без удовлетворительных документов, и на них не было обращено внимания как на людей, должествующих подпасть ближайшему наблюдению местных властей»⁵².

Таблица 1

Распределение русского населения Риги в 1787 и 1797 гг. по местам проживания

Части Риги	1787 г.	1797 г.
	человек	человек
I часть города		
1-й квартал	29	38
2-й квартал	8	31
II часть города		
1-й квартал	1	14
2-й квартал	43	76
Предместье		
1-я часть (Петербургская)	411	196
2-я часть (Московская)	2460	2483
3-я часть (Задвинская)	110	622
<i>Итого</i>	3062	3460 ⁵³

К концу XVIII в. разрослись старообрядческие поселения в Илукстском уезде Курземе. Первая попытка установить хотя бы приблизительно количество русских беглых в Курляндском герцогстве принадлежит Рижскому генерал-губернатору графу Броуну, стараниями которого в конце 1782 г. туда была направлена воинская команда майора Тарбеева для поимки российских беглых и беспаспортных людей. На основании его рапортов граф Броун доносил Сенату, что в Илукстском уезде Тарбеевым «найдено разного рода России принадлежащих беглых людей, жительствующих своими домами, 4514 душ»⁵⁴.

Социальное лицо русских пришельцев в Латвии во второй половине XVIII в. определяли главным образом крепостные крестьяне и дворовые люди, а также бежавшие рекруты, рядовые

солдаты и прочие военные дезертиры. В связи с развитием товарно-денежных отношений в составе беглых в этот период появились и новые социальные категории – откупившиеся на волю крестьяне, которые в условиях Латвии находили для себя соответствующее поле деятельности, приписываясь в мещанский и купеческий оклады различных городов.

Численный рост русского населения Латвии продолжался и в первой половине XIX в. Прежде всего, как и в конце XVIII в., в состав трех историко-этнографических областей Латвии влилась определенная часть пришельцев, возвратившихся из-за границы в Россию по «всемиловнейшим» манифестам 1801, 1814, 1826 гг. Среди возвратившихся лиц были в основном так называемые прусские выходцы, точнее, выходцы из районов Сувалкии и Августовщины, находившихся с 1795 по 1807 год в составе Пруссии. Прусские выходцы по своему происхождению являлись беглыми крепостными крестьянами, рекрутами из различных районов России, а также из Латгале, Литвы и Курземе. Названные манифесты предоставляли прусским выходцам право приписываться к различным окладам избираемых ими для жительства городов. Многочисленные дела Курляндского губернского правления о прусских выходцах свидетельствуют о том, что часть из них оседала в Латвии. Как выходцы из-за границы они становились свободными и приписывались в мещанский или рабочий оклады различных городов⁵⁵. Но избираемые для приписки города Латвии не всегда были местами их действительного проживания. Став мещанами или рабочими, возвратившиеся из-за границы лица чаще всего устраивались на жительство в качестве свободных земледельцев в Илукстском уезде или Латгале.

В первой половине XIX в. продолжался также приток русского населения в Латвию непосредственно из внутренних губерний России. Формы такого проникновения были различными: часть крестьян переселялась официально помещиками, часть более состоятельных – путем добровольной приписки к различным окладам городов Латвии. Третью, наиболее многочисленную группу пришельцев составляли по-прежнему беглые крестьяне. Притоку пришельцев способствовали отмена крепостного права в Латвии и вновь усилившиеся в то время в России притеснения старообрядцев. Наибольшую интенсивность этот

Численность русского населения Латвии по переписи 1897 г.*

Губерния	Православных и единоверцев с родным рус. яз.	Староверов с родным рус. яз.	Остальных вероисповеданий с родным рус. яз.	Всех вероисповеданий с родным рус. яз.		% староверов ко всему рус. населению
				Абс. число	% ко всему населению губернии	
Лифляндская В городе и уезде Только в уезде Только в городе	36 357	10 458	4 149	50 964	6,8	20,5
	3 040	832	289	4 161	0,9	20,0
	33 317	9 626	3 860	46 803	15,1	20,6
Курляндская В городе и уезде Только в уезде Только в городе	15 270	8 089	2 273	25 632	3,8	31,6
	3 906	6 588	1 165	11 659	2,2	56,5
	11 346	1 501	1 108	13 973	9,0	10,7
Витебская (Лвинский, Режицкий и Люцинский уезды) В городе и уезде Только в уезде Только в городе	28 301	46 974	2 692	77 967	15,5	60,0
	12 532	41 883	1 277	55 692	13,4	75,2
	15 769	5 091	1 415	22 275	26,0	22,9
Всего в трех губерниях Латвии Только в уезде Только в городе	79 928	65 521	9 114	154 563	8,0	42,3
	19 478	49 303	2 731	71 512	5,1	68,9
	60 450	16 218	6 383	83 051	15,0	19,5

*Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Лифляндская губерния. – Т.21. – СПб., 1905. – Табл.XIV; Курляндская губерния. – Т.19. – СПб., 1905. – Табл.XIV; Витебская губерния. – Т.5, тетр.3. – СПб., 1903. – Табл.XIV.

процесс приобретает в 20 – 30-е и отчасти 40-е годы XIX в. Отстаивая свои интересы, староверы уходят в западные губернии, где они, по их мнению, были менее досягаемы для царских властей. Обосноваться в новых краях, перейти на легальное положение беглецам помогали уже освоившиеся в Латвии старообрядцы. Они охотно принимали и скрывали у себя беглых, снабжая их подложными документами, что неоднократно отмечалось властями. Это было характерно для всех староверов, независимо от места проживания. «Беглых скрывают и давать им пристанище почитают не за грех, но за благодеяние», – говорилось в одном из документов 1826 г.⁵⁶. Из некоторых архивных документов видно, что письменные виды, или паспорта, беглые приобретали за деньги у разных лиц в корчмах и на базарах, используя также документы умерших родственников. С приобретенными таким образом бумагами беглые крестьяне, солдаты и прочие лица получали возможность после нескольких лет скитаний перейти на легальное положение.

В чем же кроется причина столь доброжелательного отношения старообрядцев к беглым? Это несомненно связано с давней традицией помощи единоверцам в условиях тех гонений, которым подвергались старообрядцы со стороны официальных властей и церкви. Однако со второй половины XVIII в. укрывательство беглых, особенно в городах, приобретает и иные, экономические мотивы, что справедливо было отмечено исследователями П.Г.Рындзюнским и А.А.Подмазовым⁵⁷. Развитие капиталистических отношений способствовало тому, что отдельные старообрядческие общины превращались в своеобразные центры первоначального накопления капитала и активно включались в экономическую деятельность. Обладая значительным капиталом и будучи заинтересованными в притоке наемной рабочей силы, общины охотно оказывали поддержку беглым. Эти тенденции проявлялись, разумеется, не только в городской старообрядческой общине, но и в сельской, экономический вес которой возрастал по мере увеличения ее численности.

В первой четверти XIX в. важную роль играла Рижская федосеевская община. Активно включившись в экономическую деятельность, она обладала известным капиталом, имела свою Гребенщиковскую моленную, больницу, богадельню, школу, имение

Гризенберг. Богатые старообрядцы – Хлебников, Пименов, Грязнов, Дьяконов, Шелухин и другие уже в конце XVIII в. открывают промышленные предприятия и поддерживают общину денежными средствами. Заинтересованная в увеличении числа верующих Рижская Гребенчиковская община содействует притоку русских старообрядцев. Достаточно отметить, что число староверов в Риге с 1817 г. по 1848 г. возросло с 2112 до 9 тыс. человек. Динамику роста численности Рижских староверов по годам за первую половину XIX в. отражают следующие данные:

В 1817 г. староверов насчитывалось	2112 чел.,	или 5% всего населения Риги			
1826 г.	-	5425	-	12,9%	-
1830 г.	-	7905	-	15,2%	-
1848 г.	-	ок. 9 тыс.	-	15,3% ⁵⁸	-

Обосновавшиеся в Риге русские выходцы из крестьян пополняли ряды рабочих. Известно, что основные рабочие кадры возникавшей капиталистической мануфактуры Риги вплоть до 60-х годов XIX в. составляли русские крепостные из различных губерний России (Витебской, Смоленской, Могилевской, Псковской, Рязанской, Ярославской, Олонецкой), отпущенные с согласия своих обществ на заработки⁵⁹. Бывали случаи, когда владельцы мануфактур, как например Пихлаут – владелец Страздмуйжской хлопчатобумажной мануфактуры, принимал на работу целые группы русских крестьян, заключая договоры с владельцами имений⁶⁰. Территориальные источники пополнения русского населения в первой половине XIX в. были теми же, что и в предшествующие периоды. Это Псковская, Новгородская, Петербургская, Московская, Тверская и некоторые другие губернии. Большое количество беглых давала, видимо, Псковская губерния. В этот период многие имения псковских помещиков, втянутые в товарно-денежные отношения, имели тесные связи с Ригой. Островские, опочечкие крестьяне постоянно поставляли в Ригу лен на продажу, поэтому часто бывали в ней, устанавливали контакты с проживающими в Риге соотечественниками, которые склоняли их обосноваться в Латвии, Риге. Псковская помещица Черкесова в 1846 г. жаловалась Прибалтийскому генерал-губернатору

А.А.Суворову, что из-за массовых побегов ее крестьян в Ригу она боится быть разоренной, ибо бежавшие могут переманить половину ее крепостных. Помещица Черкесова была хорошо осведомлена, что беглые русские, в том числе и ее крепостные, проживали возле Риги, на Двине, на Заячьем острове и занимались пилюкой дров, а некоторые работали на ткацкой фабрике⁶¹.

В первой половине XIX в. возросла численность населения Курземе. К 1850 г. одних староверов насчитывалось здесь около 5 тыс. человек⁶². Правда, к 1852 г. их количество сократилось до 3036, т.к. многие, по утверждению курляндского губернатора, переселились в южные губернии, а часть примкнула к единоверию⁶³. Основные места проживания староверов Курземе – Илукстский уезд, Якобштадт (Екабпилс), Митава (Елгава). Значительнее (по сравнению с Курземе) возросло в тот же период количество русских в Латгале. Одни только старообрядцы в 1826 г. составили 26 966 человек. По численности проживавшего здесь старообрядческого населения на первом месте отныне стоял уже не Динабургский, а Режицкий уезд, где проживало 17 390 староверов, тогда как в Динабургском – 7948, в Люцинском – 1628 человек⁶⁴.

На численность русского старообрядческого населения в первой половине XIX в. наряду с миграционным движением оказывали влияние факторы и другого характера. Так, в этот период на статистических данных отразилось переселение староверов в 40-х годах в Пруссию, в Мазурский край (ныне Сувалкское воеводство Польши), насильственное обращение староверов (свыше 4 тыс. человек) военного поселения в Малиновской волости Динабургского уезда в православие, а также переход их в единоверие. Единоверческая церковь, созданная по инициативе православной церкви и государственной власти, занимала промежуточное положение между православием и старообрядчеством. Богослужения в единоверческих церквях проводились по старым книгам и старому обряду, но организационно они были подчинены православию⁶⁵. Толчком к переходу в единоверие послужили начавшиеся в период царствования Николая I репрессии против старообрядцев. Однако этот переход не стал массовым, имея подчас формальный характер. К единоверию присоединялись в основном имущие слои старообрядчества,

поскольку постановления 40-х годов XIX в. ущемляли, прежде всего, их интересы (запрет допускать беспоповцев в местное городское гражданство, в купеческие гильдии и др.).

Вторая половина XIX в. в истории формирования контингента русского населения характеризуется рядом новых моментов. По сравнению с предшествующими периодами в эти годы существенно изменились пути и формы притока русских, что можно объяснить отменой крепостного права в России и некоторым ослаблением преследований за отступление от официальной веры.

Если во все предшествующие периоды увеличение численности русского населения Прибалтики было связано с развитием крепостничества и усилением крепостнической эксплуатации, а также с религиозными преследованиями, то во второй половине XIX в. приток русских крестьян был обусловлен преднамеренной политикой правящих кругов. Это нашло свое отражение и в изменении форм проникновения русского населения в Латвию: прежде это происходило в основном путем тайного бегства за пределы Русского государства, во второй половине XIX в. – преимущественно путем официального переселения.

События 1831 и 1863 гг. (два польских восстания) заставили царское правительство задуматься над вопросом упрочения своих позиций в Северо-Западном крае. Уже в 30 – 40-е годы XIX в. здесь проводится ряд мероприятий по укреплению православия и русского элемента, из которых наиболее важным с точки зрения раскрытия интересующей нас темы было водворение русских крестьян на свободные казенные земли. Но желаемых результатов в этот период оно не дало. Большого в своей политике русификации края царское правительство достигло, видимо, в 60-е годы XIX – начале XX века. После подавления польского восстания 1863 г. правительство на землях, оставшихся после выдворения из имений польских помещиков – участников восстания, селит старообрядцев, которые своим выступлением в 1863 г. против помещиков в общем содействовали подавлению восстания. Водворенным с 1 января 1863 г. на казенных землях (образованных из запасных и свободных земель, особенно расположенных на границе с Царством Польским и в лесах) староверам предоставлялись различные льготы: освобождение

на три года от оброка за землю и от всех прочих денежных и натуральных повинностей, в том числе и от рекрутской⁶⁶. В целях укрепления русского крупного землевладения правительство продает крупными участками казенные земли лицам русского происхождения, служившим в Западном крае, а через Крестьянский поземельный банк – участки скупленных им имений крестьянам из Псковской губернии. Последняя акция привела к тому, что в начале XX в. на территории Латгале поселилось довольно много псковских крестьян, купивших земельные участки имений Шкильбаны (Бальтиновская волость), Александрополь, Боловск (Боловская волость) и другие Люцинского уезда. В одном только Боловском православном приходе число прихожан за период с 1904 по 1913 год за счет русских из Псковской губернии, приобретших земельные участки, увеличилось с 1553 до 3582 человек⁶⁷.

В меньших масштабах эта практика имела место в Курляндской губернии, где из состава земель казенных имений губернии к 1913г. земельные участки приобрели 194 человека, из них 75 латышей и 119 русских. Среди русских были как местные, так и переселенцы из Псковской, Виленской и Каунасской губерний⁶⁸. Судить о степени действенности каждого из перечисленных начинаний царского правительства в целях усиления позиций русского населения в Северо-Западном крае затруднительно. Можно лишь отметить, что численность русских на территории Латвии за вторую половину XIX в. значительно возросла. Но этот рост, разумеется, нельзя полностью отнести на счет русификаторской политики царизма. Во второй половине XIX в. гораздо существеннее на миграционные процессы населения оказывали независимо от воли и желания правительства социально-экономические факторы: неравномерность развития капиталистической промышленности в различных регионах, порайонная специализация сельского хозяйства, развитие транспорта и т.д. Рост численности русского городского населения Латвии во второй половине XIX в., особенно после отмены крепостного права, происходил в основном за счет лиц наемного труда. Среди них – рабочие, чиновники, военные, духовенство, домашняя прислуга, учителя, все вместе составившие основную часть православного населения Латвии. Людей этой категории привлекали прежде всего

Рига и Лиепая как крупные промышленные города и крупные торговые порты. Много русских, а также белорусов появилось в Даугавпилсе, который с 60-х годов сделался узловым пунктом железных дорог (здесь перекрещивались дороги Рига–Орел и Петербург–Варшава). То же наблюдалось и в Резекне, через который проходили железнодорожные линии, соединявшие Ригу и Москву, Петербург и Варшаву.

Неотъемлемой составной частью многонационального рабочего класса, как сказано выше, были русские в Риге. Известно, что здесь на бумаготкацкой фабрике И.Хлебникова работало 180 ткачей-русских, выходцев из Смоленской и Рязанской губерний; 85 русских ткачей было занято на хлопкоткацкой фабрике Бека; 160 русских работниц – на табачной фабрике Ковского и Кухчинского; большое число русских рабочих, выходцев из Московской, Владимирской и других губерний, а также старообрядцев Латвии трудилось на керамическом заводе Кузнецова⁶⁹. То же наблюдалось на фабриках Пименова, Грязного⁷⁰ (владельцы последних трех предприятий сами были старообрядцами).

Проведение реформ, освободивших крестьян от крепостной зависимости и предоставивших всем слоям населения России право свободно перемещаться по всей стране, содействовало приросту русского населения в городах и сельской местности Латвии за счет лиц (преимущественно крестьян нечерноземных губерний), занимавшихся отхожими промыслами. Среди них – кирпичники из Витебской и Ковенской губерний, рыболовы из Тверской и Новгородской губерний, коновалы из Петербургской, офени из Пскова, кожевенники, овчинники и огородники из Калужской губернии⁷¹, многие из которых, вероятно, навсегда остались в Латвии.

Рост численности русского населения Латвии во второй половине XIX в. можно проследить и по данным о староверах. В Риге их количество к началу XX в. возросло почти в два раза. В 1850 г. староверов насчитывалось 8174 человека, в 1913 г. – 15 500 человек. Но удельный вес русского населения в общем составе жителей Риги падал, поскольку более быстро возрастало количество других этнических групп и прежде всего латышей. В Латгале количество

староверов с 25 659 человек в 1854 г. увеличилось к 1890 г. в два с лишним раза и составило примерно 66 тыс. человек.

Менее всего прирост русского старообрядческого населения (по имеющимся весьма противоречивым данным) наблюдался в Курземе. Здесь число староверов с 4973 человек в 1850 г. возросло до 5786 в 1865 г. и составило 5,2% от общего количества населения. Приведенные выше данные имеют разное происхождение, взяты из разных источников и относятся к разным временным отрезкам. Степень их достоверности и точности относительна. Наиболее достоверным статистическим источником, отражающим количественное состояние населения страны на конец XIX в., являются материалы Первой всеобщей переписи населения России за 1897 г. Однако следует иметь в виду, что национальная принадлежность людей в ней определялась по языку. Между тем не все, кто называл своим родным языком русский, в действительности являлись по национальности русскими. Из составленных при официальной обработке переписи таблиц мы воспользовались теми, в которых учет населения производился по двум признакам – родному языку и религиозной принадлежности, что давало большую гарантию достоверности статистических данных.

Кроме того, следует пояснить, что в переписи в графу «русские» были включены отдельно великорусы, белорусы и малорусы (украинцы). При составлении таблицы о численности русского населения Латвии автор пользовался данными графы «великорусы»: в таблице они показаны под названием «русские». И еще одно добавление. По Лифляндской губернии нами приводятся данные лишь латышских уездов. Эстонские уезды исключены (см. табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что сформировавшаяся к концу XIX в. русская этническая группа включала в себя 154 563 чел., что составляло 8% всего населения Латвии. Из общей численности русских горожане превалировали над сельчанами и в абсолютных цифрах и в процентном соотношении. Городских жителей русской национальности в Латвии проживало 83 051 чел., или 15% всего городского населения Латвии, в сельской местности – 71 512, или 5,1%.

По вероисповеданию русское население распределялось следующим образом: православные и единоверцы составляли 79 928 чел., или 51,7% всех русских, староверы соответственно – 65 521 чел.,

или 42,3% всех русских. На долю русских остальных вероисповеданий приходилось лишь 6%.

Из таблицы также явствует, что православные и единоверцы проживали в городах Латвии, а староверы преимущественно в сельской местности, что связано с различием причин и времени их переселения в Латвию.

Наибольшее количество русских за долгую историю их переселения в Латвию осело в пограничном с Русским государством районе Латвии – Латгале (77 967 чел.). В ней самым «русским» оказался Режицкий уезд (30 178 чел.). Следует, однако, отметить, что в отношении староверов Латгале перепись 1897 г. представила несколько заниженные данные. По результатам переписи здесь насчитывалось всего 46 974 старовера, в то время как по данным губернаторских отчетов их к началу 90-х годов было свыше 67 тыс.⁷². Охватившее в конце века латгальское крестьянство переселенческое движение повлиять столь существенно на численность староверов, думается, не могло. Обращение к первичным формулярам переписи дало объяснение разночтению. Из просмотренных нами формуляров переписи ряда волостей Режицкого и Люцинского уездов видно, что лица, проводившие перепись, по неизвестным причинам отнесли большую часть староверов к белорусам, поселения которых там имелись. Это обстоятельство и сократило действительную численность русского старообрядческого населения⁷³. Нами установлено, что в названных уездах число староверов, представленных в переписи белорусами, составляло примерно 13 068 человек (без городских).

В Режицком уезде русское население было сконцентрировано, главным образом, в Тискадской, Солуионской, Розенмуйжской, Сакстыгальской, Узультмуйжской, Голянкой, Макашанской, Андрепненской, Ковнатской, Розентовской волостях. Основной центр сосредоточения русского населения в Двинском уезде составляли Малиновская, Капинская, Ужвалдская, Прейльская, Вышковская, Дагденская и Варковская волости. Из перечисленных волостей этого уезда по количеству русских особенно выделялась Малиновская волость. В Люцинском уезде русских проживало менее всего – чуть более 9 тыс. человек (вместе с городскими), причем здесь православные и единоверцы численно превосходили староверов,

как и в Двинском уезде. Но в Двинском уезде большое число православных составляли горожане (14 722 чел.), а в Люцинском – уездные (6786 чел.). По количеству русских в Люцинском уезде выделялись Михаловская, Рунданская, Звирздинская, Нерзенская, Корсовская волости. В остальных волостях Латгале русских было мало или не было вовсе.

По вероисповеданию русское население Латгале распределялось неравномерно. Более всего староверов проживало в Режицком уезде (28 652 чел., с горожанами); менее всего – в Люцинском уезде (1674 чел. с горожанами), в Двинском уезде – 16 648 чел. (с горожанами). Православных и единоверцев в Режицком уезде насчитывалось чуть более 3 тыс. человек.

Второе место после Латгале по количеству русского населения принадлежало Рижскому уезду, в первую очередь Риге, в которой в то время насчитывалось 44 452 русских всех исповеданий. Из них большую часть (31 270 чел.) составляли православные и единоверцы; 9567 человек приходилось на староверов, остальные 3615 человек были представителями других конфессий (католики, лютеране, иудеи и др.). Помимо Риги большое количество русских православных и единоверцев, по данным переписи, проживало в Рижском уезде (1726 чел.) и в городе Валка (1125 чел.). На долю староверов во всех уездах и городах, кроме Риги и Рижского уезда, приходилось от 3 до 53 человек.

Значительно меньше русских и в абсолютных числах, и по доле в общем количестве населения, как видно из таблицы, насчитывалось в Курляндской губернии. Здесь в сельской местности (без городов) первое место по количеству русских жителей занимал Илукстский уезд, где русских всех исповеданий насчитывалось 9390 человек. Среди них 2209 человек составляли русские православные и единоверцы, 6196 человек – староверы и 985 – люди других исповеданий. В остальных уездах Курляндской губернии количество русского населения было сравнительно невелико.

В городах, согласно переписи 1897 г., русские проживали в основном в Либаве (Лиепая) – 7276 человек, Митаве (Елгава) – 3984 человека и Якобштадте (Екапилс) – 1198 человек. Принадлежали они здесь преимущественно к православию и единоверию. Староверов в

названных городах проживало всего 1340 человек.

Таблицы свидетельствуют также, что доля русскоязычного населения Латвии была более высокой в городах, чем в сельской местности, что говорит о том, что формирование русского населения было обусловлено не политическими причинами, а новыми тенденциями экономического развития: ростом потребности в лицах наемного труда.

Такова наша концепция истории формирования контингента русского населения Латвии в период до начала XX века.

Приложения

1. Этим рубежом ограничиваются хронологические рамки статьи.

2. Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗРИ). Собр.1, т.XV, №11007, 11456; т.XVI, №11618, 11720, 11815; т. XX, №14870, 1787; т.XXVI, №19786; т.XXXII, №25677; собр.2, т.1, №540.

3. Лилеев М.И. Из истории раскола в Стародубье и на Ветке. - Киев, 1897.- С.149, 294, 309; Волков В. Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии.- Витебск, 1866. - С.49; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России. - Ч.3. - М., 1897 - С.46; ЛГИА, ф.1, оп.6, д.2806.

4. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв. - Рига, 1965.- С.81, 89; Казакова Н., Шаскольский И. Русь и Прибалтика (IX-XVII вв.). - Л., 1945.- С.5.

5. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии.- М., Л., 1938.- С.114.

6. Там же. - С.152.

7. Цит. по: Mugarēvičs E. Kāda bija senā Jersikas valsts. Kultūras fonda 10.avīze. - 1991.g., jūlijs - 8.lpp.

8. Там же.

9. Latvijas PSR vēsture (No vissenākajiem laikiem līdz mūsu dienam). - 1.sej.- R., 1986. - 34.lpp.

10. Семенова М.Ф. Из топонимики Латгале /Учен. записки ЛГУ.- Т.XI.- Рига, 1956.- С.233.

11. Там же. - С.222.

12. Кейслер фон Фр. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии. - СПб., 1900. - С.107.

13. Бережков М.Н. О торговле русских с Ригою в XIII-XIV вв. (Журнал министерства народного просвещения).- М., 1877. - С.350; Семенова М.Ф. Из истории языковых взаимоотношений в городе Риге (Контакты латышского языка).- Рига, 1977.- С.197; Муравская Е.И. Торговля Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII-XV вв. Автореф. дисс. на соиск. учен. степен. канд. ист. наук. - Рига, 1962.- С.17.

14. Saune A. Pati Rīga ūdenī. - R., 1992, 92., 93. lpp.

15. Бережков М.Н. Указ. соч. - С.353.

16. Hildebrand H. Das Rigasche Schuldbuch (1286-1352). - St.Petersburg, 1872. - S.10, 14, 501, 1007, 1016, 1261, 1324, 1340, 1511.

17. Еньш А.Г. Московское торговое подворье в Риге /Родная старина. - №11, 12, Рига, 1932.- С.21; Поммер А.А. Русские в Латвии. XIII-XIX вв. /Русские в Латвии /Сборник Дня русской культуры/.- Рига, 1933. - С.16.

18. Новгородская вторая летопись. - Полн. собр. русских летописей. - Т.3. СПб., 1841.- С.143, 144.

19. Там же.- С.144.

20. Журавлев А.И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разногласиях.- Ч.1.- СПб., 1855.- С.23. (1-ое изд. в 1794 г.).

21. Skujenieks M. Latvieši svešumā un citas tautas Latvijā. - R., 1930.- 40.lpp. Имеются и другие версии относительно происхождения поселившихся в Голмскофском имении.

22. Журавлев А.И. Указ. соч. - С. 51.

23. Толстой А.К. Собр. соч. в 4-х томах.- Т.2.-М., 1969.- С.483.

24. Староство - коронное владение, которое польские короли жаловали своим приближенным.

25. Довгялло Д.И. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 27. Витебск, 1898.- С.144.

26. Здесь и далее названия волостей и уездов даются по административно-территориальному делению начала XX в. в транскрипции того времени на русском языке.

27. Jakubowski J., Kordzikowski J. Polska XVI wieku. - Т.ХIII. Inflanty. Cz.1. Warszawa, 1915. - С.1-6.

28. Официальная церковь и власти до 1905 г. называли старообрядцев, или староверов, только раскольниками / Законодательные акты переходного времени 1904-1906 гг.- СПб., 1906.- С.42.

29. Подмазов А. Старообрядчество в Балтийском регионе. Первое столетие истории / Reliģija. Vēsture. Dzīve. - R., 1993.- 159.lpp.

30. Житие Феодосия Васильева, основателя феодосиевского согласия,

написанное его сыном Евстратом в 7250 г. / Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.- Кн. 2, отд.V.- М.,1869.- С.78.

31. Центральный Государственный исторический архив Российской Федерации (далее - ЦГИА РФ), ф.726,д.386. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Синода. - Т.1.- С.434-438.

32. Иустинов П.Д. К истории федосеевского толка / Богословский вестник.- 1910, сентябрь.- С.140.

33. Brežgo V. Latgolas inventari un generalmēreīšonas zem̄u aproksti. 1695 - 1784. - Daugavpils, 1943.- 5.-8.lpp.

34. Брежго Б.Р. Очерки по истории крестьянских движений в Латгалии.- Рига, 1956. - С.11.

35. Brežgo V. Daugavpiļs nūvods (starostwo). Sējējs. - 2.sēj. - Rēzekne, 1948.- 40.lpp.

36. Пшеничников П.Г. Русские в Прибалтийском крае. Исторический обзор. - Рига, 1910. - С.6.

37. A. von Richter. Geschichte der dem russischen Kaizerthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben. - Т.II, Bd.2. - R., 1858. - S.326.

38. О рижских старообрядцах/Рижский вестник.-№165. - Рига, 1871.- С.1.

39. Пшеничников П.Г. Указ. соч. - С.7.

40. Сб. императорского Русского исторического общества (далее - ИРИО).- Т.14.- СПб.,1875. - С.256, 257, 261, 266, 268, 295, 299, 342, 343, 354, 365, 368, 381, 401, 414, 425, 438.

41. Сб. ИРИО. Т.14. - С.266.

42. Сб. ИРИО. Т.14. - С.381.

43. Бантыш-Каменский Н.Н. - Указ. соч. - С.47.

44. Тр. Московского предварительного комитета X археологического съезда в Риге. Вып.2.- М., 1896.- С.165.

45. Жукович П. Сословный состав населения Западной России / ЖМНП. - Новая серия. Ч.55., кн.2.- М., 1915.- С.288.

46. Рябинин И. К вопросу о побегах русских крестьян в пределы Речи Посполитой / Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при МУ. Кн.3. - М., 1911. - С.16.

47. Материалы переписи на польском языке, хранятся в ЛГИА. Ф.1881, оп.1, д.8; ф.713, оп.2, д.1.

48. Центральный Государственный архив древних актов Российской Федерации (далее - ЦГАДА РФ). Ф.12. Гос. архив. Дела о Польше и Литве.- Д.159.

49. ЦГАДА РФ. Ф.16.Гос. архив, внутреннее управление.- Л.112 об.

50. Brambe R. Rīgas iedzīvotāji feodalisma perioda beigās.- R., 1982.- 130.lpp.
51. Гун О. Топографическое описание г. Риги с присовокуплением врачебных наблюдений, сочиненное в 1798 г. и Его императорскому величеству посвященное.- СПб., 1803. - С.162.
52. Латвийский Государственный исторический архив (далее - ЛГИА). Ф.1, оп.10, д.885, л.29,30.
53. Сост. по: Гун О. Указ. соч.- С.132, 162.
54. ЛГИА. Ф.1, оп.6, д.2806, лл.120-122.
55. ЛГИА. Ф.96, оп.1,т.2, д.3682, 3683, 3685, 3687, 3688, 3693, 3697, 3698, 3860, 3879, 3882, 3887, 3890, 3892, 3894-3897 и др.
56. ЦГИА ЭР. Ф.291, оп.8, д.217, л.14.
57. Рынзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России.- М., 1958.- С.460, 463, 471; Подмазов А.А. Церковь без священства.- Рига, 1973.- С.41, 42.
58. ЛГИА. Ф.1. оп.10, д.885. Процентное соотношение установлено по: Brambe R. Rīgas iedzīvotāji.- 82.-83.lpp.
59. Feodālā Rīga.- R.,1978.- 377.lpp.
60. Там же.
61. ЛГИА. Ф.1, оп.10, д.1415, л.1.
62. ЛГИА. Ф.1, оп.10, д.1192, л.2.
63. ЛГИА. Ф.1, оп.8, д.333, л.3,4.
64. ЦГИА Белоруссии. Ф.1430, оп.1, т.1, д.674, л.171.
65. Подмазов А.А. Церковь без священства. - С.45; Сахаров С.П. Православные церкви в Латгалии. - Рига, 1939.- С.141.
66. ЦГИА РФ. Ф.384, оп.1, д.218, лл. 91, 184, 185.
67. Сахаров С.П. Православная церковь в Латгалии /Историко-статистической очерк/ Рукопись. - Рига, 1933. - С.38.
68. Dshiwe, 14.sept. 1913. - 1.lpp.
69. В 1908 г. на фарфоровом заводе Кузнецовых было занято до 4 тыс. человек, преимущественно русских старообрядцев. (ГИА ЛР. Ф.989, оп.9, д.33).
70. Вилкс Б.Я. Формирование промышленного пролетариата в Латвии во второй половине XIX в. - Рига, 1957. - С.37.
71. Рижский вестник, № 219, 1879.- С.2.
72. ЦГИА РФ. Ф.1263, оп.1, д. 4722, л.639.
73. На этот факт в свое время обратил внимание Е.Ф.Карский, который полагал, что под старообрядцами-белорусами на самом деле скрываются великорусы / Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени.- Пг., 1917.- С.27.

Древлеправославие и первые староверческие храмы в Прибалтике*

С конца XIII века при рижском городском магистрате велась так называемая «долговая книга» для записи преимущественно долговых обязательств. Из этого любопытного документа мы узнаем, что в Риге была сильно развита торговля в кредит и было большое торговое оживление. Приезжали купцы с Готланда, из Германии, Англии, Швеции и др. стран. Были торговцы из ливов, латышей и русских древлеправославного исповедания.

Последние составляли в Риге целое торговое поселение. Здесь была «русская» улица, населенная сплошь русскими людьми старой веры, и торговый их двор с древлеправославной церковью святителя Николы на площади против Ратуши. Кроме того, в одном предместьи города упоминается русская деревня. Из грамот XVI века видно, что клир к древлеправославной церкви святителя Николы назначался Полоцким древлеправославным епископом. (Грамота епископа Иосифа 1521 года о назначении к церкви святителя Николы в Риге священника Ивана. Напьерский К.Е. Русско-ливонские акты. СПб., 1868. № 370). В другой грамоте от 1523 года полочане просят рижский магистрат доверить ключи от их церкви новому древлеправославному священнику Матвею Яковлевичу (там же, № 374)¹.

Из Рижской долговой книги видно, что русские ведут свою торговлю небольшими компаниями, человека в три или четыре. Из латышей, товарищей русских по торговле, особенно часто встречаются Плюцке и Пуреке. В Полоцке были запрещены компании немцев с русскими. Отсюда мы видим, что русские ведут свои дела в товариществе с латышами и реже с немцами. Русские внесены в долговую книгу почти всегда должниками; случаи, когда они являются кредиторами, весьма редки. Однако некоторые из них

выдаются своими большими оборотами и имеют большой кредит. В этом отношении особенно замечательны Яким Скорняк с двумя зятьями, Василий Мануйла. Всех больше — Иоанн «Johannes Rutenus». Этот Иоанн и другие, упомянутые с ним купцы из русских, держали в своих руках крупную торговлю русским воском. Поселясь в Риге, русские выигрывали весьма много, как ловкие посредники между немцами и своими единоплеменниками, приезжавшими торговать в Ригу. Кроме того, в качестве рижских граждан они приобретали право заморской торговли, чем и пользовался, например, Тимошка (зап. 1511), который около 1327 года торговал в Любеке.

Известно также из «Ливонской хроники» Генриха Латыша, что древлерусские князья в отдаленное время, гораздо ранее появления немцев, имели на Западной Двине два укрепленные городка: Кукейнос и Герсик и что на Амовже еще Ярославом Владимировичем в 1030 году был основан город Юрьев.

Самарин рассказывает, что в начале XIII столетия одной церкви юрьевского древлерусского монастыря принадлежали 24 села; в Риге и Пернове уже были древлерусские православные церкви, находившиеся под властью псковского епископа (см. «Liviändische Bekehrungen wie sie Herr Samarin erzählt E. von Stenberg Dunker u. Humbolt. Leipzig, 1872»)².

В настоящее время от древнего русского городка — Кукейноса (Кокенгузен) не осталось ровно никаких следов. Из летописи Генриха Латыша (XIII, § 4), ожесточенным врагом латынян, Альберта князя Кукейноса, в 1207 – 1208 г., был Весцеко, или Вячко, который впоследствии был князем в Юрьеве. В 1208 году князь Вячко, видя невозможность бороться с Альбертом и его немецким войском, сам покинул Кукейнос и удалился внутрь России. Его дружина и кукейносские жители, русские и латыши (говорит Генрих Латыш), собрав свое имущество, зажгли замок и поспешили скрыться по лесам. Кукейнос запустел.

Герсикским князем в начале XIII в. был Всеволод (Висевалде, как его называет Генрих Латыш), женатый на дочери литовского князя Даугерута. Он был, по свидетельству Генриха Латыша (XIII, § 4), ожесточенным врагом латынян, и постоянно враждовал с

Храм Володинской старообрядческой общины, одной из старейших в Латвии (Даугавпилсский р-н). Сгорел в 1964 г.

Фото из архива Н.А.Рыжакова

немцами. Поэтому-то епископ Альберт в октябре 1209 г. и двинулся на Герсик. Русские выступили навстречу, но не выдержали натиска, бежали в город, а за ними в ворота ворвались и немцы. Всеволод бежал за Двину, немцы же захватили в плен его жену и ограбили город. «И собрали они, пишет Генрих Латыш в гл. XIII, § 4 своей летописи, – много добычи, снося со всех углов города одежду и серебро и пурпур и сгоняя скот в множестве, и взяли из церквей колокола и иконы, и денег и много добра». Обобрав Герсик и забрав жителей, они зажгли его.

Из рассказа Генриха Латыша видно, что в этом городе были древлеправославные церкви, не одна, а несколько. В главе XVIII, § 4 Генрих Латыш рассказывает о втором нападении немцев на Герсик, произведенном в 1214 г. Немцы ворвались в замок, разграбили все, что там было, взяли многих в плен, а другим дозволили спастись бегством.

Беглецы переправились на левый берег Двины и поселились между курляндскими латышами. От этих беглецов и ведет свое начало русская слобода, возведенная курляндским герцогом Яковом в 1670 г. в степень города с наименованием его в честь герцога Якобштадтом.

Из приведенных исторических данных видно, что русские были местными жителями, издревле мирно жившими в Прибалтийском крае среди латышей, литовцев и эстонцев; у них были тогда свои поселки, деревни, торговые дворы, церкви и священники.

Рюссов в своей летописи говорит, что, кроме вопроса о дани, московское правительство возбудило вопрос о тех древлерусских церквах, которые находились в Юрьеве, Риге и Ревеле для русских людей старой веры и торговцев, приезжавших сюда. (См. летоп. Рюсова; переговоры с московитами в 1554 г.).

Ко времени занятия русскими войсками г. Риги (1710 г.) в нем не было уже ни одной русской церкви, ни одного священника, говорят историки.

Куда же девались древлеправославные люди, дотоле жившие в Риге, и куда исчезли их церкви?

Ответ даст нам русская церковная история.

II.

Политическое соединение Литвы с Польшею на Люблинском сейме (1569 г.) привело к их религиозному объединению³.

В представленных папе условиях соединения древлерусской церкви с латинскою епископы Поцей и Терлецкий соглашались принять главенство папы и признать исхождение Св. Духа и от Сына, для евхаристии принимать без различия хлеб квасный и пресный, обливание в крещении, моление на коленях, признать чистилище и действительность индульгенции и все постановления флорентийского и тридентского соборов.

Таким образом, уния была уже весьма близка к латинству. Самое оставление восточных церковных законов, обычаев и догматов допускалось только в такой мере, в какой они не противны учению католической веры. (Булла *Magnus Dominus*, § 10.)

Древлерусская полоцкая епархия, начинаясь от границы Курляндии и Ливонии и обнимая воеводства Полоцкое, Витебское (с поветами витебским и оршанским), после принятия унии стала считаться униатскою. Рижские староверы и купцы не подчинились унии, остались при исповедании своей старой веры и перестали с этого времени принимать к себе униатских священников из полоцкой епархии. Староверы стали молиться Богу в своих домашних церквях или молельнях; а русская церковь в Риге полоцкой епархии стала униатской и, не имея прихожан, прекратила свое существование.

Нет ничего удивительного, что ко времени занятия русскими войсками г. Риги здесь не было русской церкви.

Государственной греко-ново-русской церкви здесь действительно не было, но были староверские церкви, как домашние, так и общественные, существовавшие до Петра, во время Петровское, после Петра и существующие до днесь.

В доказательство привожу ценные исторические данные из книги «Увещание». (Издание 6-е. Москва. В Синодальной типографии, 1840).

«Описание моленных домов, и при них настоятелей, в Курляндии и Литве.

Первый молитвенный храм устроился в Курляндии, близ реки Двины, в деревне Лигинишках, ныне мыза Лигинишки. Он существование свое возымел и основан от насельников той – в 17 столетии, в царствовании Алексея Михайловича в России, в патриаршество же Никоново, в лето 7168 (1660 г.). При сем молитвенном храме были настоятели: 1) священно-иерей Терентий, 2) Афанасий Терентьич, 3) Стефан Афанасьич. Посем сия моленна упразднися.

Священно-иерей Терентий древлеправославного крещения и рукоположения сущи, прииде в Лигинишки с сыном Афанасием от страны Московския в лето 7184

(1676 г.).

Священно-иерей Терентий преставися в Лигинишках в лето 7212 (1704 г.); жития его было 97 лет. Значит этот иерей древле-русской православной староверской церкви прожил в Курляндии 28 лет. Сын его Афанасий Терентьич преставися в деревне Билтруках (Курляндской губ.) в лето 7283 (1775 г.), жития его было 111 лет.

Второй молитвенный храм устроился в той же Курляндии, побочь местечка Алыкшты (Илуксте), в деревне Билтруках, благословением священно-иерея Терентия, в конце 17 столетия в царствовании Петра Алексеевича I императора, в лето 7207 (1699 г.), при нем настоятели быша сии: 1) Афанасий Терентьич, под паствою отца Терентия, 2) Стефан Афанасьич, 3) Иван Стефаньич. Посем моленная сия упразднена бысть.

Третий молитвенный храм, в Литве при местечке Кревне, в деревне Пуце построен благословением Афанасия Терентьича, в начале 18 стол., до Рижского взятия (до взятия г. Риги русскими войсками), в царствование Петра I, который, в царствование Александра I 1819 году, перенесен в Бобрышки в лето 7218 (1710 г.). При нем настоятели: 1) Стефан Афанасьич, при пастве Афанасия, 2) Иван Степаньич, 3) Митрофан Алексеевич, 4) Иван Кузмич Токарь, 5) Егор Герасимьич.

Четвертый молитвенный храм, или обитель Гудижская, устроился в Литве близ местечка Козачизны Евстратом Федосеичем с братиею, в царствование Петра II, в лето 7236 (1728 г.). При нем настоятели:

1) Евстратий Федосеич, фундатор (основатель), 2) Наум Савельич, 3) Терентий Васильич. Посем моленная сия упразднена бысть и переведена в Черниговскую губернию, устроися там, близ Злынскаго посада, на грунте онаго же посада Федулом Димитричем с братиею, и проименована Покровско-Норская обитель, безпоповская. При ней же настоятели: 1) Петр Ф., 2) Инок Василий, 3) Яков Васильич Холин, СПб., 4) Иван Васильич, 5) Андрей Алексеич Варакин, СПб., 6) Григорий Савинич.

Пятыи молитвенный храм, в Курляндии близ местечка Езерюс, что ныне город Ново-Александровск (теперь находится в Литве), в деревне Саманех построен благословением отца Федора Никифоровича, в царствование Анны Ивановны, в лето 7243 (1735 г.). При нем настоятели: 1) Данила Яковлич, фундатор, 2) Никифор Федорыч, 3) Агафон Алексеич, 4) Илья Яковлич, 5) Илья Васильич, 6) Михаил Семеныч, 7) Гурий Афанасьич, 8) Автоном Акиндинич. При сем моленна сия упразднена в лето 7356 (1847 г.).

Шестыи молитвенный храм, в Курляндии, близ местечка Скрундалины, в деревне Войтенишках устроися благословением Федора Никифоровича, купно и Афанасия Терентьича, в царствование Анны Ивановны, в лето 7248 (1740 г.). И при нем настоятели: 1) Артемон Осипович Зачеревской, 2) Антон Семеныч Волохово, 3) Ипат Федотыч, 4) Иван Федорыч.

Седмыи молитвенный храм, в Литве, в деревне Королишках, в лето 7250 (1742 г.), устроися благословением духовнаго отца из Гудишской обители, Наума Савельича. При нем настоятельство: 1) Конон Андреев, 2) Димитрий Гаврилыч Бедра, 3) Назарии Яковлич - благословивый царя, 4) Афанасий Иваныч, 5) Никифор Ефимыч.

Осмый молитвенный храм, в Литве, в Солоцком Ключе, в деревне Дегутях, по разорении в Гудышках обители и по переведении ея в Черниговскую губернию, того же лета возымел свое существование, заведен вместо обительской остальцами оной, благословением Филимона Петровича, купно и Стефана Афанасьича, в царствование Елисаветы Петровны, в лето 7263 (1755 г.). При нем настоятели: 1) Семен Силыч, под паствою Филимона, Петра, Степана, Афанасия, 2) Тит Антоныч Танаев, фундатор, 3) Автоном Акиндинич, 4) Григорий

Васильич Танаев - потомок обительский, 5) Тит Васильич Танаев - потомок обительский.

Девятыми молитвенными храмы бысть в г. Риге, основаны благословением Федора Никифоровича Саманского, в царствование Елисаветы Петровны, в лето 7268 (1760 г.). При нем настоятели быша: 1) Федор Никифорыч Саманской, 2) Агафон Алексеич Саманской, 3) Семен Антоныч Волошин, 4) Лазарь Степаныч, 5) Яков Яковлич, 6) Кирила Тимофеич Тосненской, 7) Инок Гавриил, 8) Иван Васильевич Волков, 9) Мирон Карпыч - утопший, 10) Алексей Гаврилыч, якобштадский, 11) Семен Леонтыч, севрунский, 12) Степан Васильич Голубь.

Десятыми молитвенными храмы - Солоцко-Поливарский - основаны благословением духовных отцов, обительских остальных, Филимона Петровича и Степана Афанасьича, фундаторы Носырев с товарищем, в царствование Петра III, в лето 7270 (1762 г.). При нем настоятели: 1) Степан Петрович, крупяны, 2) Иван Родионыч, 3) Иван Борисыч, 4) Иосиф Мироныч.

Первыми надесят молитвенными храмы, в городе Видзях устроены благословением Филимона Петровича и Степана Афанасьича, в царствование Екатерины II, в лето 7272 (1764 г.). При нем настоятельство быху, под паствою благословением: 1) Иван Степаныч Башен – он же и фундатор, 2) Савин Васильич, 3) Иван Сисоич Ефишонок».

Из приведенных данных видим, что задолго до завоевания Петром Прибалтийского края в нем староверы имели не только домашние, но и общественные молитвенные храмы, многие из которых, по завоевании края русскою светскою и духовною властью, были закрыты и упразднены.

Законом 1905 и 1906 гг. был положен конец гонениям на староверие, и была обнародована свобода вероисповеданий. Но не успели староверы Прибалтийского края оглянуться, как началась мировая война, и они опять, волею Божиею, оказались жителями заграницей, как в допетровское время.

Задача автора – пойти навстречу потребностям людей старой веры, в особенности молодежи, жаждущей узнать свое прошлое.

Успешному ходу такого изучения нередко препятствует для староверов недоступность многих изданий, в которых первоначально были напечатаны те или другие важные исторические документы.

При составлении этой статьи о староверии мы пользовались исследованиями: Бережков М. О торговле русских с Ригою в XIII и XIV веках; Журнал министерства народного просвещения за 1877 г. Кн.2; Чершихин Е. Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. I – IV. Рига, 1876–1882; Протоиерей Синайский П. Исторический очерк Рижского кафедрального собора, Рига, 1910; Протоиерей Беляев И. Судьбы православия в Прибалтийском крае; Сенатов В.Г. Философия истории старообрядчества. Вып. I и II. М., 1908; Деяние московских соборов 1666 и 1667 гг. М., 1893; Документы из Рижской городской публичной библиотеки в помещении Ратуши; Чистович И. Очерки истории Западно-Русской церкви. Ч. I и II; Макарий, митрополит московский. История Русской Церкви. Т.12. Изд. 2-е, 1910.

Приложения

*Опубликовано в кн. «Родная старина». Издание Староверческого кружка ревнителей русской старины в Риге. Пробный выпуск. 1927. - С. 10-13. Печатается с небольшими сокращениями.

1. Грамоты Полоцких и Витебских епископов XV - начала XVI века о присылке священников в Ригу опубл. и в собр. Ф.Г.Бунге. Liv - Esth - Curlandur Kundenbuch. Abt.I. Bd. X. Nr. 265, 284; Bd. XI Nr. 399, 426, 663, 687; Abt. II. Bd.3. Nr.364, 857, 454. 562, 595 а, 817 (Прим. научного ред.).

2. На самом деле рижская церковь получала священников из Полоцка (Прим. научного ред.).

3. В Литве господствующей религией до того было православие (Прим. научного ред.).

Из истории старообрядческой общины в городе Екабпилсе (Якобштадте)

Екабпилс находится почти в центральном регионе Латвии, на берегах Даугавы, в том месте, где она уже пробежала половину своего пути по республике. В настоящее время он располагается на обоих берегах реки, т.к. в 1962 г. два небольших районных центра, имевших совсем непохожую историю, – Екабпилс и Крустпилс – были объединены. Ниже речь пойдет о левобережной части нынешнего города – т.е. собственно Екабпилсе, именовавшемся до 1920 г. Якобштадтом.

Уже в начале 17 века (а, возможно, и раньше) здесь стояла Слобода, населенная свободными русскими людьми, связанными с обслуживанием торгового пути по Даугаве (они ее называли Двиною). Поселение возникло не случайно: сразу за городом начинался более чем 50-километровый порожистый участок реки. Пороги были серьезные, вполне сравнимые с днепровскими (как утверждал в своих путевых описаниях в 19 веке барон Мантейфель). Тяжело груженные суда (струи и лайбы) не могли пройти их даже по большой воде, отчего и возник своеобразный перевалочный пункт на левом берегу, где перед порогами река образует небольшой залив - удобную пристань. Торговые люди и корабельщики делали тут привычную остановку на несколько дней. Товары (или часть их) перегружали на подводы и отправляли по суше до нынешней Яунелгавы (Фридрихштадта). Там пороги кончались. Грузы снова загружали на подошедшие суда и продолжали путь до Риги. С обратной транспортировкой товаров дело обстояло примерно так же, с той лишь разницей, что объем товаров из Риги был гораздо меньшим и суда против течения тащили бурлаки.

Торговцы и корабельщики в массе своей были русскими и до Раскола – просто православными людьми. Естественно, что кто-то задерживался по тем или иным причинам в этом перевалочном пункте, а потом оставался насовсем. И проезжие предпочитали остановиться у

«своих», запастись привычным хлебушком, попариться в бане и, конечно, помолиться о благополучном продолжении пути. Еще им требовались лоцманы, по-местному «корники», для прохода судов и плотов через пороги. Вот и выросла у так называемой Саласской корчмы Слобода, населенная русскими лоцманами, грузчиками, пекарями, владельцами лошадей и перевозчиками.

Эта часть нынешней Латвии тогда входила в состав Курляндского герцогства, вассала Польши. В середине 17 века им правил герцог Екаб (Якоб), наиболее талантливый и деятельный из всех правителей этого государства. Он заботился о хозяйственном развитии своих небольших владений: устраивал промышленные мануфактуры (в том числе и вблизи будущего Якобштадта), создал морской флот, успешно развивал торговлю. Слобода была расположена на герцогских (т.е. государственных) землях. Есть предположения исследователей, что рядом с упомянутой уже корчмой находился речной порт герцога, через который вывозились произведенные на ближних мануфактурах товары. Местность была лесистой, малонаселенной. Поэтому дальновидный Якоб мог только способствовать развитию Слободы, приносившей доходы в его казну.

В самом начале второй половины 17 века в России началась трагедия Великого Раскола. Странники патриарха Никона отошли от веры, традиций отцов и дедов, а верных им объявили раскольниками. Многие видные исследователи и писатели 20 века считали, что беды России начались именно с Раскола, когда огромную часть народа объявили опасной для государства, сделали на своей же родине неполноправной. Но в отличие от сторонников Лютера и других реформаторов христианства в Европе, «раскольники» не развязали гражданско-религиозной войны против тех, кто их мучил, казнил и преследовал. Хранители заветов отеческих, бросая все нажитое, забирали только детей, древние иконы и книги и уходили все дальше и дальше на окраины, в дикие места. Для сохранения духовной свободы уходили даже за рубежи Руси, – подчас иноплеменники и иноверцы были для них лучше озверевших собратьев.

Вот тогда и хлынул народ в небольшую Слободу на Даугаве, что возникла напротив замка баронов Корфов. В начале 1670 г. во время очередного посещения герцогом Якобом своих мануфактур, обитатели Слободы «били ему челом» и просили дать Слободе права города.

Герцог знал о притоке населения, понимал, что он скоро не иссякнет. Поэтому в герцогской фундушной грамоте о присвоении Слободе городского статуса прямо было указано, что полноправными жителями новопровозглашенного города Якобштадта могут быть люди, «только до русской нации принадлежащие». (Ныне это кажется странным, но немцы и поляки добьются такого статуса только через 20 - 30 лет, при приемниках герцога Якоба. Латыши получают это право лишь во второй половине 19 века, а евреи - еще позже.) Якобштадту было дано широкое самоуправление на основе Магдебургского права и приписаны большие земельные угодья. Границы городских земель были порушены лишь в конце 40-х годов 20 века.

На Руси гонения не прекращались, поэтому все новые и новые беглецы прибывали в Якобштадт к своим единоверцам. В черте самого города уже не оставалось свободных земель, и вновь прибывшим разрешали селиться в конце «шнуров» (наделов пахотной земли, начинавшихся от городских улиц), где было большое болото и брод через него. Так в трех километрах от самого города возникла деревня Броды, жители которой до конца 40-х годов 20 века относились к Екабпилсу, а не к одной из соседних волостей.

Конечно, не миновали городок эпидемии чумы, холеры и другие напасти, а также войны. Казалось временами, что существование его вот-вот прервется, как это произошло с соседним (в 20 км ниже по течению) Селбургом – Селпилсом. Но то ли место было весьма удобное, то ли жители слишком упорные, но Якобштадт выжил. Во время Северной войны через него прошли шведские и русские войска, был здесь и сам полководец Шереметев. Согласно преданию, староверы дали проводника его солдатам для захода в тыл шведам перед проходившим неподалеку сражением. Кстати, именно от тех времен - от 1710 года, «когда Шереметев тут бывал», по изустному преданию и ведет свое неофициальное летоисчисление наша старообрядческая община.

Уже в первой половине 18 века (а, возможно, и ранее) Якобштадт был многонациональным и многоконфессиональным городом. Согласно некоторым сведениям, в самом центре его когда-то существовал цистерианский монастырь, который в первой трети 18 века заняли хлынувшие в город униаты. Известно, что они успешно «оттягали» часть угодий у небольшого Свято-Духовского монастырька, сохранявшего официальное православие и подчиненного Полоцкой епархии

(которая не раз склонялась к униатству). Все больший вес в городе приобретали – как наиболее зажиточные и образованные – немцы (как правило, лютеране) и поляки. Ведь все делопроизводство здесь велось на немецком языке – так было даже в начале второй половины 19 века! Латыши тогда жили в городе лишь на правах домашних слуг или даже крепостных. Такая пестрота состава населения волей-неволей приучала людей к национальной и конфессиональной толерантности. Известный в Екабпилсе исследователь истории города А.Штокманис в 30-е годы нашел документы, свидетельствовавшие о классовых столкновениях в 18 веке, но следов национальных или религиозных столкновений не обнаружил, кроме длительных тяжб между униатами и Свято-Духовским монастырем. Так что старообрядцы большую часть 18 столетия прожили, видимо, относительно спокойно. Владея землей и ремеслами, они с присущим им трудолюбием обрабатывали свои надель, расчищали луга, поставляли – до середины 20 века – основные кадры лоцманов, плотников, столяров, каменщиков и т.д. Оттесненные от власти немцами и поляками, они оставались самостоятельной полноправной частью горожан, хотя большинство их было людьми скромного достатка. Несомненно, у них был свой небольшой храм, но о его местонахождении в 18 веке достоверно ничего не известно.

Положение стало меняться после вхождения Курляндии в состав России в 1795 году. Вместе с российским подданством сюда пришли и законы империи, в том числе и относительно «раскольников». Наверное, не сразу это стало ощутимым, скорее всего после войны 1812 года. Правда, преследования уже не доводили старообрядцев до самосожжений, однако все законы рассматривали их как людей подозрительных (с точки зрения государства), неблагонадежных, их имущественные и наследственные права так или иначе ограничивались, как и возможности передвижения из губернии в губернию. Было время, когда их дети считались незаконнорожденными и подлежали изъятию из семей и передаче на воспитание в так называемые кантонистские школы. В любом случае хорошие училища (вплоть до последних десятилетий 19 века) старообрядцам были доступны лишь при условии перехода в синодальную церковь, признания ее обрядов. Следствием этого все заметнее становилось отставание от общего уровня официальной образованности. Однако среди средней массы многонационального населения города процент грамотных староверов

Храм Екабпилской старообрядческой общины.
[Фото из семейного архива З.Н.Зимовой]

был высоким: глава каждой семьи (за исключением разве что самых неблагополучных) свято выполнял заветы законоучителей староверия – сохранить древлеправославие и передать его потомкам. Поэтому не только мальчики, но и большинство девочек в старообрядческих семьях города знали церковную грамоту, пение и общий устав богослужений. Так что в случае недоступности молитвенного дома семейство могло своими силами провести праздничную службу. Для этого имелся и набор необходимых богослужебных книг.

...Сменялись на престоле цари. Преследования «раскольников», несколько ослабевшие во время правления Александра I, вновь усилились после 1825 года и продолжались все долгое царствование императора Николая I. Вот несколько примеров. По закону 1826 года молитвенные дома старообрядцев не разрешалось ремонтировать, нельзя было строить новые и проводить общие моления в крестьянской избе. Где же можно было?

В архивах Рижской духовной консистории хранилось дело №4 (по секретному столу) «О числе раскольников разных сект в Рижской епархии за 1859 год». По Курляндской губернии (к которой относился Якобштадт) там все тщательно расписано: сколько в каждом городе иноверцев, православных и «раскольников»; про последних особые графы – к какому согласию принадлежат (в пределах этой губернии все были не приемлющими священства и не молившимися за царя), к каким сословиям относятся (купцы, мещане, крестьяне). Последней шла графа с вопросами о моленных: где помещаются, когда построено и отремонтировано здание, в каком оно состоянии. Если не знать о законе 1826 года, такое внимание удивляет.

Вот запись о моленной в Митаве (Елгаве): «Моленная в доме купца Смирнова за №126. Заведение существует примерно 50 лет. Каменное, очень прочное строение» (чувствуется сожаление чиновника, что сносу не подлежит). А вот об Илукстском уезде, где насчитывалось наибольшее количество старообрядцев в Курляндской и Лифляндской губерниях (не считая Риги): «Моленная в дер. Войтишкас, существует более 100 лет, перестроена в 1814 году. Строение деревянное, без каменного фундамента, с соломенной ветхою крышею, нижние балки гнилые. Запечатана в апреле 1852 года».

По переписи 1859 года в Якобштадте насчитано более 300 взрослых старообрядцев, а молитвенного дома нет. Неужели его не было?

Отдельного здания, действительно, уже не существовало.

Секретные документы архива Рижской консистории №№160 и 312 сохранили весьма драматическую историю 1847 – 1851 годов.

Община господствующей синодальной церкви (чиновники, учителя, жандармы, военные и часть местных униатов, вернувшихся в православие после запрета униатской церкви в России) насчитывала тогда в Якобштадте всего на несколько десятков человек больше старообрядческой. Центром общины была древняя деревянная Свято-Духовская церковь в упраздненном уже монастыре. И туда в конце 40-х годов 19 века был прислан весьма активный молодой священник – о. Николай Васильев. По документам секретного архива (его «покорнейшие просьбы», доносы, сообщения, адресованные архиепископам Рижским Филарету, а после него – Платону) видно, что о. Николай задался целью ликвидировать «очаг раскола» в Якобштадте. Начал он с 70-летнего наставника Ивана Васильевича Рыбникова. Тот был уроженцем Режицы, относившейся тогда к Витебской губернии. Закон запрещал старообрядческим наставникам переезжать в другую губернию и этим «распространять раскол». За это полагалось два – три года тюрьмы. Сообщив о Рыбникове соответствующим духовным инстанциям, Васильев взялся за ликвидацию самого молитвенного дома.

Моленная тогда размещалась близ центра города на углу нынешних улиц Виестура и Пормалья. Это было деревянное здание под обитым железом куполом. Наличие купола позволяет предположить, что молитвенный дом был построен еще в конце 18 века, до присоединения Курляндии к России – ведь по законам империи молитвенные дома старообрядцев не должны были иметь каких-либо внешних признаков церкви (это положение будет отменено лишь после 1905 года). Даже если здание и было несколько моложе, то с 1826 года уж точно не ремонтировалось. При моленной был и домик наставника и огород.

Священник Васильев добился прихода двух комиссий из городского магистрата. Те признали, что здание, действительно, ветхое и постановили запечатать его. Васильев, судя по его же донесениям, заранее надеялся, что вся утварь моленной – иконы, кадилъницы, книги, аналои – перейдет в Свято-Духовский храм, который, видимо, тоже был беден. Особенно привлекал о. Николая «хороший запрестольный Крест». Но в этом его ожидания не оправдались. В первую же ночь после

ухода комиссии все богослужебные книги из здания были вынесены и разобраны по семьям. Наставник Рыбников прямо так и пояснил, что Евангелие и Апостол взял Феокист Антонович Китов, т.к. сам когда-то принес их в молитвенный дом. 28 ноября 1847 года моленную запечатали. Старообрядцы пошли в магистрат с просьбой разрешить им взять из моленной иконы, которые некогда принесли туда их родители. Поколебавшись, бургомистры (их было трое) уступили: все иконы и Крест были вынесены, а здание снова опечатано. Васильев негодовал, слал жалобы в духовные и гражданские инстанции, но безрезультатно. В марте 1851 года здание моленной разобрали, по недокументированным данным – в присутствии солдат, выстроенных на случай возможных беспорядков. Свято-Духовской церкви достались лишь три обтянутых материей аналоя, два стола, три железных крюка от свечей и обитый жестью купол, в получении чего Васильев и расписался.

Вот поэтому в 1859 году в переписи и не оказалось моленной в основанном старообрядцами Якобштадте.

Скорее всего, городским властям «нагорело» за мягкое отношение к раскольникам. Наставник Рыбников был брошен в тюрьму. Он там болел, потом лежал в градской больнице под охраной (!). Наконец через шесть с лишним месяцев его выпустили с тем, чтобы он немедленно возвратился в Режицу. Суда над ним, по-видимому, не было. Поскольку официально старообрядцам было запрещено создавать «общества» (общины), то общинная собственность не имела права на существование. Так земля под моленной и домом наставника и недавно подаренный М.Девятниковым «шнурок» – все вначале было взято в Свято-Духовский приход. Однако затем, после долгой переписки, было передано городу.

Где же молились многие десятки семей местных староверов после закрытия моленной? Вероятно, общая молитва, собиравшая какую-то часть древлеправославных, проходила полуподпольно, в каком-либо просторном частном доме, например, у того же Феокиста Китова, или старосты общины Евстратия Ивановича Перевозчикова, или у кого-либо из Девятниковых. Все они жили на ул. Песочной (ныне Пормая), населенной почти одними лишь старообрядцами. Оттуда начинались их земельные наделы, в большинстве своем сохранявшиеся за их потомками вплоть до Первой мировой войны.

Известны имена двух наставников 60-х годов 19 века. Это Даниил

Белов и Григорий Герасимов. Последний позже служил в Илуксте, откуда был выслан назад в Якобштадт под надзор полиции. За ним следили, доказывали, что он принимает людей на исповедь. Еще один местный уроженец – Илларион Павлович Быков – служил в то время наставником в Митаве.

В 60-е годы 19 века официальная церковь, не сумев одолеть старообрядцев репрессиями, несколько изменила тактику. Местные синодальные священники и даже специально прибывший в Якобштадт священник-миссионер Николай Бельский стали прельщать староверов перейти в так называемую единоверческую церковь. Это была искусственно образованная «уния», где молитва могла проходить с некоторыми признаками старого обряда, но под руководством рукоположенных священников господствующей церкви. И, конечно, там исправно молились за весь царствующий Дом.

Как свидетельствуют названные выше документы, миссионеры прежде всего обратились к бедным семьям. Там в открытую не возражали, вздыхали, изворачивались, но не поддавались. Вот на что ссылались наши прапрадеды (Тимофей Кузьмин) в тот трудный момент: «Мы бы и рады присоединиться к Церкви, да нельзя, доколе не присоединятся богатые: Евстатий Иванов Перевозчиков, Архип Соловьев, Михаил Бобогаев, Феоктист Китов, Семеон Иванов. Когда эти присоединятся, то и другие пойдут в церковь вместе с ними». И дальше миссионер от себя добавляет: «Но сии богатые по доброй воле никогда не перейдут».

Видимо, к «этим богатым» семьям миссионеры так и не пошли. Грамотные, вполне зажиточные люди были на хорошем счету и среди своих, и в городе, не раз выручая членов общины в трудную минуту. Они лишь усмехнулись бы в лицо миссионерам на предложение изменить древлему благочестию.

Миссионеры даже пробовали взяться за обоих 70-летних наставников: а вдруг по старости не устоят, польстятся на предложенное рукоположение и твердый оклад? А за пастырями и овцы перейдут в единоверие? «Нет, – отвечали наставники Белов и Герасимов, – стары, слабы глазами. Старый устав (богослужения) помним, новому не выучимся».

Даже документы только этих двух «секретных» папок свидетельствуют, что представители господствующей церкви не могли

скрыть невольного уважения при виде того, как стойко держались друг за друга старообрядцы, как много для них значила поддержка или осуждение родни и братьев по вере. И еще того, как почитали и любили «раскольники» свои древние иконы. И поныне они еще стоят в нашем храме, эти потемневшие, чуть потрескавшиеся, но все еще святающиеся, намоленные четырьмя – пятью поколениями предков иконы. Среди них, наверное, и те, что были вынесены из старой моленной 150 лет назад.

Кончилось тяжелое «Николаевское время». В годы правлений Александра II и Александра III законы предоставили старообрядцам некоторые гражданские права, появились первые ростки религиозной терпимости. Староверы могли занимать общественные должности, получать паспорта для поездок по стране, свободно заниматься торговлей и промыслом. Наконец было разрешено «совершать общественную молитву и исправлять молитвенные здания».

И в качестве одного из первых появился старообрядческий храм в Якобштадте. Выстроить его на старом месте не удалось. Решили строить новый. Самое главное – землю – предоставил Егор (Георгий) Матвеевич Китов (1828 – 1916). Сохранились неясные воспоминания о том, что сперва под общее моление была приспособлена какая-то расположенная на земле Китова постройка. К ней-то и было пристроено основное молитвенное помещение, освященное в 1889 году в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

Строительство этой моленной – пример энергии и навыков общего деяния, сохраненных несмотря на все тяжелые времена. Конечно, храм вырос на пожертвования. Самый значительный вклад принадлежит Егору Матвеевичу. Кроме земельного участка, он за несколько лет вложил в строительство и оборудование храма не только около 10 000 руб., но и свою душу и энергию. Его попечение о храме длилось около 20 лет. Примеру его следовали и другие имущие семьи: еще две ветви Китовых, Соловьевы, Перевозчиковы, Лебедевы, Девятниковы, Беловы и др. Внесли свою лепту и малоимущие, преимущественно трудом: кто плотничал, столярничал, кто клал печи, крыл крышу, перевозил грузы. Средства, очевидно, были собраны немалые. Это видно по трехъярусному иконостасу – две трети икон заказные, одноразовой работы. Жаль только, уже не у кого узнать, где и кем выполнялся заказ.

Построенный в еще весьма неласковые времена, этот молитвенный

дом, вмещающий более 300 человек, отличается суровой простотой планировки: в нем нет хоров, нет приподнятой солеи, потолок не закруглен и в центре опирается на массивный каменный столб огромной архаичной массивной балкой.

Заглянуть бы хоть одним глазком в тот день 1 октября 1889 года, когда на праздник Покрова к новому зданию на тогдашней Выгонной улице сошлись и съехались сотни людей! Не обошлось без гостей из Гребенщиковской, Митавской, Режицкой и других ближних и дальних общин. Сколько слез радости, благодарения Господу! Наконец-то, почти через 40 лет, появился свой храм – новый, гулкий, просторный. И люди несли дары: книги, рукоделия, иконы. Эти дары и поныне украшают храм, старики еще помнят, какие: «Никола Угодник» от Дементьевых, «Господь Вседержитель» от Соловьевых.

Отсыял праздник, снова наступили будни. Снова то и дело подчеркивалось неравноправие старообрядцев: колокольно ставить не разрешено, вести метрические книги при храме – тоже. К началу 20 века только старообрядцам приходилось регистрировать рождение ребенка у полицейского надзирателя. Правда, в 1882 году было открыто отдельное старообрядческое кладбище, ныне уже заполненное – и не только одними староверами. В городе было около десятка различных школ и училищ, но нигде не было древлеправославного законоучителя.

Выход Высочайшего Манифеста от 17 апреля 1905 года и указа 17 октября 1906 года стали историческими датами для всего российского староверия. Впервые за 250 лет старообрядцы получили полные гражданские права в своей собственной стране и свободу вероисповедания. Они могли сооружать настоящие храмы и колокольни, официально регистрировать общины и их недвижимость, открывать свои училища. Лицам, избранным общинами для пастырского служения, официально присваивался сан «настоятелей и наставников» и было дано освобождение от воинской службы. В 1907 году было даже приказано вести в общинах единообразные метрические книги, т.е. регистрировать факты рождения, смерти и бракосочетаний. Было от чего воспрянуть духом нашим дедам и прадедам!

Уже несколько лет в прихожей Екабпилского храма висит за стеклом увеличенная копия первого официального документа общины: протокол общего собрания, посланный для регистрации в канцелярию

Курляндского генерал-губернатора. Читаешь подписи и думаешь: впервые за два с лишним столетия потомки гонимых смело ставили свою подпись под таким официальным документом.

Общину утвердили 20 марта 1907 года, у нее отныне была и своя круглая печать. Но еще до этого старообрядцы успели открыть свое училище. Сохранилась фотография (на обороте почтовые штампы ноября 1906 года). На улице Философской из-за переезда хозяев Беловых в Ригу временно освободился полуторный дом №12. Большая вывеска почти в полфасада читается отчетливо: «Якобштадское старообрядческое казенно-приходское училище». Дом украшен гирляндами зелени и вензелями императора и императрицы. А перед домом в четыре ряда расположились дети и взрослые. Первые годы училище работало в частных домах. Законоучителем был рижский мещанин Иван Ульянович Ваконья, впоследствии известный нас-тавник Рижской Гребенщиковской общины.

26 августа 1907 года на общем собрании прихожан было решено возвести для училища собственное здание, как сказано в протоколе, «на возвращенном месте», т.е. на углу нынешних улиц Виестура и Пормаля, где когда-то стояла старая моленная. Сразу же приступили к сбору пожертвований и подготовке к строительству. Был образован Попечительский совет училища, который руководил строительством, сбором и распределением средств. В него избрали А.Ф.Китова, Д.Д.Перевозчикова и И.И.Лебедева. Вновь строили миром: кто жертвовал деньги, кто кирпич со своей фабрики, кто рубил и сплавлял по Двине пожертвованный казной лес.

Вместо деревянного (как задумывалось вначале) сооружения на перекрестке застроенных деревянными домами улиц через два года встало строгое двухэтажное краснокирпичное здание под высокой железной крышей. Осенью 1909 года занятия начались в новой, пахнувшей свежей краской школе. Сохранилось и фото: жертвователи, попечители, чиновники в вицмундирах, молодые учителя - тоже в форме, худенький старый наставник и единственная женщина - молодая учительница. На некрашеных полах школы - первые следы учащихся. Была даже выпущена брошюра о строительстве этой школы.

Эти 8 лет до Первой мировой войны по всей России были годами начавшегося расцвета староверия - экономического, культурного и организационного. В Якобштадскую общину вошли семьи, проживавшие

в соседних местечках и на хуторах; она разрослась и насчитывала около 400 семейств. Из наставников того времени известен о. Антипа Матвеевич Кудряшов.

Возросла и роль староверов в жизни города. Крупнейшим подрядчиком по строительству был Афанасий Феоктистович Китов. Он был собственником кирпичного завода, лесопилки и магазинов. Соловьевы «держали почту», т.е. брали у государства на откуп перевозку и доставку по округе почты. Для этого нужно было иметь транспорт и лошадей, отвечающих очень высоким требованиям. Старшие сыновья видных семейств стали получать высшее образование. Впервые перед потомками старообрядцев открывались перспективы стать инженерами, юристами, офицерами. Так, сын Д.Перевозчикова получил высшее юридическое образование и стал присяжным поверенным. Евтихий, сын А.Ф.Китова, к 1915 году почти окончил Рижский Политехнический институт по специальности инженер-строитель. Сын Соловьевых – Леонтий, окончив в Харькове юнкерское училище, начал офицерскую службу в Двинске. Молодые девушки из многих семей учились в Маринском училище.

Экономика Якобштадта была на подъеме, и не прерывалась работа многочисленных плотничьих артелей и столярных мастерских, например, Якова Колесникова и З.Гаврилова. Еще стоят возведенные и украшенные ими жилые дома. Росло благосостояние старообрядческой общины. Перед 1914 годом ей принадлежали (кроме школы) еще два дома на ул. Песочной, три десятины пахотной земли в черте города и 6 десятин лугов возле деревни Броды.

Это долгожданное поступательное развитие старообрядчества оборвалось с началом Первой мировой войны. Летом 1915 года Якобштадт стал на два долгих года прифронтовым городом. Его заполнили русские войска, обстреливали и бомбили немцы. Храм и школа уцелели и в войне, и в последующие трудные времена оккупаций и революций. Часть имущества храма (в частности, подсвечники) была по приказу властей вывезена в Витебскую губернию и где-то затерялась. Ушли из жизни многие строгие старики, на которых держалась община, в том числе и Е.М.Китов. Не стало семейств Репковых, Знатных, Мещенковых, Бобобаевых. Утонул в Двине, спасаясь от пуль большевиков, молодой адвокат Перевозчиков.

С провозглашением Республики Латвии и становлением

самостоятельного государства жизнь не сразу вошла в нормальную колею. В разоренном, голодном городе почти 5 лет не работали школы, дети-переростки оставались необученными. Первую после войны школу открыли в помещении бывшего старообрядческого училища, первые два года там учились дети всех национальностей и вероисповеданий. Экономика города была разрушена и за двадцать межвоенных лет далеко не достигла уровня 1913 года. К бедствиям войны добавились еще и болезни, такие, как сыпной тиф, выкосивший целые семьи. Община была ослаблена, порушена, в смутные времена даже не вела метрических книг. (Возобновлены они были лишь в 1924 году.) Число старообрядческих семей сократилось почти наполовину, уровень их зажиточности резко снизился. Правда, появились и новые активные члены общины – переселившиеся из Латгалии семьи Полуэктовых, Молчановых и вернувшееся из Советской России семейство учителя Тарасия Феопентовича Макарова. Это был разносторонне образованный человек, волевой, трудолюбивый, большой знаток знаменного распева. Описание его жизни и деяний достойно отдельного изложения.

Финансовое положение общины оставляло желать лучшего: пожертвований стало мало, с большим трудом собирали деньги на ремонт и покраску здания. Сданные в аренду земли давали мало дохода. Поэтому содержать свою старообрядческую школу средств не было. И помещение училища было сдано городу в аренду с тем, чтобы городская управа проводила ремонт помещений, надворных построек и т.д. В школу теперь ходили все желающие учиться на русском языке – в шести классах училось 150 – 160 человек. Более 80% из них составляли дети из старообрядческих семей. Они постигали Закон Божий на уроках Т.Ф.Макарова.

Возрождением общины в 20-е годы руководили наставник Никифор Иерофеевич Егоров, председатели общины (в разное время) братья Игнатий и Евтихий Китовы, долговременные члены совета – А.Р.Буклагин, А.Соловьев, Я.Колесников, А.И.Лебедев, Т.Т.Дементьев, И.С.Китов и его сыновья, братья Федотовы. И, конечно, самое деятельное участие во всем принимал Тарасий Феопентович Макаров (1880 – 1953). Он был бессменным головщиком левого клироса, хор которого создал из молодежи буквально на пустом месте. Много труда и времени понадобилось, чтобы из переростков, отвыкших от учебы, подготовить хороших певцов и чтецов. Регулярно проводились

спевки во время постов и перед праздниками. Этот молодой хор был впервые отмечен после выступления (пели задостойники) на 7-ом Вселатвийском съезде старообрядцев в Екабпилсе. Кстати, и 8-й съезд – наиболее представительный и успешный – тоже проходил в нашем городе в 1928 году. Председатель Совета общины Игнатий Китов получил тогда от Центрального старообрядческого Совета 150 латов на организацию съезда, встречу, ночлег и скромное угощение делегатов. В разное время членами Центрального Совета старообрядцев Латвии от Екабпилса избирались А.Р.Буклагин, Евтихий Китов, Т.Ф.Макаров (неоднократно).

Хор общины под руководством Т.Ф.Макарова участвовал и в уникальном Слете старообрядческих хоров Латвии в Риге. Этот слет, собравший весь цвет старообрядческой молодежи, был организован Иваном Никифоровичем Заволоко в мае 1937 года. Певцы вначале репетировали и пели в Гребенщиковском храме, а на следующий день выступали с исполнением старинных духовных стихов в самом престижном зале Риги – Доме Черноголовых. Наши участвовали в сводном хоре, а отдельно исполняли «Стих об Иосифе Прекрасном» (как видно из сохранившейся программы). Ученица Макарова К.М.Петрова более 30 лет была головицей, а А.Д.Вошкин и А.А.Китова пели на клиросе еще в 1998 году.

Латвийское государство практически не вмешивалось во внутреннюю жизнь общин. Во всех созывах Сейма постоянно присутствовали представители старообрядцев — Елисеев, Каллистратов и другие, за которых голосовали и старoverы Екабпилса. Однажды в Старообрядческий список по выборам в Сейм был внесен и Евтихий Афанасевич Китов, и по количеству поданных за него голосов остался на четвертом месте из восьми. Депутаты-старообрядцы поддерживали регулярную связь с общинами, добываясь пособий на ремонт и строительство храмов (в 1925 году община получила 250 латов). Служебные бумаги общин рассылались бесплатно. В городской Думе Екабпилса старообрядцы всегда были представлены депутатами (в 1927 году это были Иван Китов и Мина Растопыркин).

В 1935 году на старообрядческом кладбище община воздвигла трехметровый дубовый Крест-памятник. У подножия его помещалась доска с выгравированной славянскими буквами надписью: «Воинам-старообрядцам, павшим за освобождение Латвии». (Возможно, это

не имело аналогов в жизни других общин, автору, по крайней мере, это не известно.) Крест простоял до начала 60-х годов (по какому-то недосмотру советских властей), обветшал, и когда община собралась заменить его, разрешение было дано с изменением текста: «Павшим за освобождение Родины». Каменная плита получилась маловыразительной и не соответствующей старообрядческой ментальности. Однако истинная сущность памятника запомнилась не только староверам, но и коренному латышскому населению. В первый год «Атмоды» 18 ноября к нему собралось много латышей с цветами и свечами.

В середине 30-х годов при наставнике Парфенове инженером Евтихием Афанасьевичем Китовым был разработан проект строительства колокольни над храмом. Но осуществлен он будет только через 50 лет.

Устоявшаяся жизнь была нарушена присоединением Латвии к Советскому Союзу. Церковь сразу оказалась униженной и гонимой. У общины были отняты здания и земли, запретили вести метрические книги. В январе 1941 года был изъят весь архив общины – 57 единиц хранения. Архив был вывезен в Елгаву, откуда через 40 с лишним лет часть документов удалось вернуть тогдашнему председателю совета общины М.Ф.Богданову.

Вторая мировая война пощадил храм. Во время бомбежек и артобстрелов жители окрестных домов сбежали в обширный подвал молитвенного дома, надеясь на Покров Пресвятой Богородицы. После смерти Парфенова в военное время наставником был избран упоминавшийся выше Александр Родионович Буклагин. Однако, прослужив только год, он неожиданно скончался в конце 1943 года. Тогда Т.Ф.Макаров разыскал и привез наставника Ивана Исаевича Волкова (1878–1965), прослужившего в Покровском храме ровно 20 лет. В 20 веке для общины это были наиболее трудные годы. Отец Иоанн, человек глубоко благочестивый, кроткий и грамотный, терпеливо нес крест общественного служения, несмотря на личные страдания и великую бедность, если не нищету. Его облик, манера общения с людьми, образ жизни – все это как идеал наставника запало в душу и взрослых прихожан, и тех детей, которых он начал учить церковному чтению и пению в последний военный год. Это были последние молодые причетники, учившиеся при храме. (Впереди их ждали пионерские и комсомольские годы, отлучение от общей молитвы, но кроткий образ

батюшки Волкова, как тихий свет лампы, не позволял угаснуть религиозному чувству. Как только стало возможно, почти все из его тогдашних учеников вернулись в храм прихожанами и привели своих внуков.)

В 1947 году, когда проводилась перерегистрация общины, лишь 39 человек из 150 бывших в общине семейств решились поставить свою подпись, чтобы сохранить общину. Они устояли перед посулами и обещаниями, запугиванием, угрозами повлиять на судьбу детей. Всех их уже нет в живых, вечная им память! Если бы не их решимость, Екабпилский храм постигла бы участь многих десятков храмов Латвии.

Еще в начале 60-х годов при Хрущеве была предпринята попытка ликвидировать храм. С возведением вокруг нескольких многоэтажных зданий скромный молитвенный дом с крестом на крыше стал многим мозолить глаза, а звон его «била» – резать слух. По «письмам трудящихся» начальство предлагало руководству общины закрыть его или, в лучшем случае, перенести его на самую окраину города, в «лесок». Но староверы снова выстояли. Однако община, как и повсюду в Латвии, несла утраты: уходили из жизни грамотные певцы и чтецы, а замены им не было. Молодежи в 40 - 80-е годы дорога в храм была закрыта. Навсегда гасли лампы перед многими семейными киотами. В лучшем случае икона передавалась храму и пополняла круг общих дарений. В настоящее время в храме можно видеть эти горькие, осиротевшие иконы, собравшиеся в свое последнее пристанище, словно души молившихся перед ними людей: «Благовещение» в окладе от Перевозчиковых, иконы «Успения» из семей Гаргажиных и Навишниковых. А сколько других продано в алчные руки спекулянтов, уплыло за рубеж или погибло в небрежении!

В те трудные 40 – 60-е годы председателями общины были В.Я.Федотов, А.И.Лебедев, Я.С.Герасимов и др. Они чудом умудрялись сводить концы с концами в оскудевшем хозяйстве общины, платить непомерные налоги.

Шло время. Стало исполняться ветхозаветное пророчество: «И возвращаются ветры на круги своя» (Еккл.1 - 6). Поворот к лучшему впервые стал ощущаться в 70-е годы. При деятельном наставнике И.Ф.Голубове (1914–1976) храм вновь стал понемногу наполняться верующими. Иоакимфа Фомич умел собирать людей и за 14 лет

служения сумел привлечь многих верующих из сельской округи. После его безвременной кончины несколько лет в храме вел службу знаток и любитель древнего знаменного пения А.И.Бесполонов. После его смерти община долго искала наставника, пока посланцы не добились согласия от Харлампия Тимофеевича Данилова (1921 г.р.) из причта Резекненского храма. С декабря 1983 года он является наставником, а последние 14 лет – и председателем Совета общины.

По предложению наставника и под его умелым руководством здание храма в 1989 году увенчала колокольня, проект которой был разработан еще в 30-е годы. Это потребовало не только денежных затрат, но и большой энергии и находчивости - возвести большую надстройку на столь древнем здании. Искать мастеров на стороне не пришлось – в общине нашлись свои древоделы: мастер А.Крюков, рабочие Н.Нагловский, Н.Цветков, П.Волков. Затем были приобретены и колокола. Храм обрел голос, знакомый уже всем прихожанам. Отец Харламгий подарил храму и 10 икон, в том числе большую, сравнительно редкую, прекрасного тонкого письма «Страсти Христовы», на которой в окружении 20 «клеим» в центре изображена Голгофа с распятым Спасителем и предстоящими у Креста двумя разбойниками.

Рухнули запреты, и народ пошел в храмы. Кто-то с умилением вернулся сюда как в родной, надолго оставленный дом, другие пришли из любопытства или моды ради. Есть и такие, кто пришел искать свои корни. Бабушки привели своих внуков для обучения церковной грамоте.

Государство вернуло общине часть земельных владений и здание построенной в начале века школы. Сейчас оно сдано в аренду, что покрывает многие текущие расходы. В последние годы благоустроена территория молитвенного дома, проведены большой косметический ремонт и ремонт отопления. В конце 2001 года осуществилась и давняя мечта наставника Данилова – храм покрыт современной металлочерепичной крышей. Нельзя не отметить, что и местные власти посильно помогают общине денежными средствами.

Наставнику Харлампию Тимофеевичу, как никому другому из его предшественников, приходится много крестить как младенцев, так и взрослых, а также венчать и хоронить. В общине в настоящее время насчитывается около 700 постоянных прихожан и свыше 1000 «исповедников». Среди них потомки основателей города остались в

меньшинстве. Основная масса прихожан – выходцы из различных латгальских общин. К Екабпилсскому приходу относится и моленная в Энджели (Межарская волость) в 20 км от города.

Продолжает уходить в мир иной старая «гвардия» причетников. После почти 20 лет руководства правым клиросом на второй день Светлой Пасхи 2001 года скончалась Е.Я.Крюкова. Идет подготовка молодых причетников. Из среды екабпилсской старообрядческой молодежи вышли исполняющие ныне обязанности наставников общин Г.Замараев (Даугавпилс) и В.Волков (Виляны).

В последние годы по инициативе старообрядческого общества «Беловодье» стало традицией проводить совместные работы на кладбище по приведению в порядок старых осиротевших захоронений. По благословению наставника и при большой поддержке членов общины в местном краёведческом музее летом 2000 года была проведена первая послевоенная в Латвии выставка «Старообрядцы Екабпилса. Быт и традиции», которую благожелательно оценили средства массовой информации. Выставку посетило более 4 тыс. человек, и не только из Латвии. Успех выставки вдохновил руководство музея на разработку проекта создания первой в республике постоянной музейной экспозиции, посвященной старообрядчеству. Надо надеяться, что к концу 2002 года за счет средств Фонда интеграции кратко изложенная выше история старообрядцев Екабпилсской общины найдет зримое отражение в помещениях Крустпилсского замка.

В.В.Никонов

Из истории Режицкой кладбищенской старообрядческой общины (1858–1940 гг.)

Для восточной части Латвийской республики, именуемой Латгале, характерно наличие большого количества русского старожильского населения. Его контингент формировался на протяжении достаточно длительного исторического периода, уходящего корнями в X – XI вв. и заканчивающегося первым пятилетием XX столетия, причем конец XVII – нач. XVIII столетия и вторая половина XVIII - нач. XIX века примечательны концентрацией именно старообрядческого русского населения¹.

Только в Режице (с 1920 г. Резекне. – *В.Н.*) и Люцине (Лудза) с уездами по состоянию на 1940 г. насчитывалось 36 старообрядческих общин. Предлагаемая статья представляет собой фрагмент исследования по их истории и посвящена «Режицкой кладбищенской старообрядческой общине старопоморского согласия» (далее – РКО).

Основная масса русского, в том числе и старообрядческого, населения проживала в уездах: так в 1780 г. в Режицком уезде насчитывалось 778 старообрядцев, в 1826 г. – 17390² и, наконец, в 1912 г. - 36340³. Что касается непосредственно города, то в своей работе⁴ мы предполагали наличие старообрядческого населения в XVIII веке. Вновь выявленные документы заставили нас изменить мнение. По данным 1792 г. в Режице имелись следующие конфессии: «Город населен белорусским народом законов греко-российского униатского римско-католического и еврейского»⁵. Посемейные списки городских старообрядцев 1837 и 1844 годов указывают

18 (79 душ) и 19 семейств соответственно⁶, и только в 1848 г. ощущается заметный прирост – 172 души⁷. Во второй половине XIX столетия сложились благоприятные условия для развития города, стало расти население, старообрядческое в том числе. Так, если в 1862 г. оно составляло 590 человек (18,45% от общего количества населения), в 1867 г. – 913 (12,51%), то в 1912 г. – 2168 человек⁸. По донесению Режицкого городничего (1826 г.), «моленных и прочих зданий, в которых совершаются старообрядцами богослужения, не находится», все немногочисленное население ходило исполнять требы в моленную в трех верстах от города⁹. Позднее стали снимать частные дома и самовольно там собираться.

В 1858 г. в 400 саженьях за городским окопом была отведена земля под старообрядческое кладбище, где позднее формируется весь комплекс РКО¹⁰. Первый молитвенный дом, якобы по устному разрешению начальника Западного края М.Н.Муравьева, возвели на общественные деньги в 1863 г. Как затем показало следствие, к его постройке были причастны 42 человека, а руководил сбором пожертвований и строительством мещанин Семен Иванович Синицин¹¹. Сооружение имело длину 6 и ширину 4 сажени (12,8x8,53 м), было покрыто соломой и внутри разделено на две комнаты с печами. Режицкий благочинный о. Перлашкевич в связи с этим доносил, что при кладбище выстроена моленная больших размеров и при ней повешена рельса¹². Просуществовала она недолго: в 1865 г. по распоряжению Витебского губернатора генерал-майора В.Н.Веревкина ее опечатали; велось дознание, которое для строителей не имело последствий, главный же виновник С.И.Синицин к тому времени уже скончался (1864 г.). В ноябре 1868 г. Режицкий уездный суд вынес постановление, согласно которому «дом, выстроенный для моленной, отдать в жилище раскольникам под надзор полиции»¹³. Предполагалось устроить там богадельню, используя это как прикрытие. Старообрядцы моленную восстановили. Но в мае 1869 г., по доносу, Режицкий уездный исправник произвел осмотр, обнаружив иконостас, аналой, книги, кадильницы и другие предметы, присущие моленной. Здание тут же опечатали, причем присутствовавшие при этом наставник Иван

Иванов и собравшиеся старообрядцы подтвердили, что на службу собирался народ из города и окрестных деревень. Шестнадцать богослужебных книг было изъято для отправки в консисторию¹⁴. Началось новое следствие. Старообрядцы же по-прежнему, вплоть до 80-х годов, продолжали собираться на молитву летом в сених опечатанной моленной, а зимой в избе сторожа¹⁵. Для этой цели использовались также и частные дома.

В 1880 – 1884 гг. доверенные от «общества старообрядцев Федосеевского Московского Преображенского согласия» мещане В.А.Васильев, О.С.Синицин, Е.Д.Колосов и крестьянин В.Китов неоднократно ходатайствовали о распечатывании моленной, но безрезультатно. К тому времени (1884 г.) к кладбищенскому обществу принадлежало 150 семей (около 500 душ), т.е. третья часть всего городского старообрядчества (1486 душ)¹⁶. После неудачных ходатайств была избрана другая тактика: мещанин Е.Д.Колосов в апреле 1885 г. подает прошение о разрешении построить на собственном участке, близ кладбища, семейный молитвенный дом, правда, с правом допуска на молитву посторонних лиц. Разрешения он не получил, однако в том же году в течение месяца и вероятно на общественные деньги моленная была построена. Пристав Булыгин 8 июня 1886 г. усмотрел, что во вновь выстроенном доме «раскольники самовольно открыли моленную», где и собрались на молитву. Здание опечатали, в очередной раз началось дознание, а иконы, книги и прочая утварь были конфискованы. Уголовное дело в отношении Колосова впоследствии было прекращено¹⁷. Кладбищенские старообрядцы на некоторое время примкнули к Васильковской моленной, при этом неоднократно и безрезультатно ходатайствовали о распечатывании моленной в доме Колосова.

В 1890 г. от Васильковской моленной отделилась группа лиц, которая начала новый этап возвращения моленной. Для начала здание переоформили на Леона Воробьева, который впоследствии в 1915 г. подарит его общине. В дело вступили достаточно состоятельные и влиятельные старообрядцы: Л.Воробьев, Г.А.Разумеев, И.П. и Д.П.Синицины, Е.Синицин, И.Воробьев, М.Воробьев, А.Ф.Разумеев и Н.В.Козлов¹⁸. Благодаря их энергии, денежным средствам и связям

Храм Резекненской кладбищенской старообрядческой общины.

(а дошли они в 1896 г. вплоть до государя) и учитывая, что в 1893 г. закрыли Васильковскую моленную, 28 июля 1898 г. взамен была разрешена Кладбищенская, или Щербаковская (Агтевская), моленная – это и есть дата официального открытия существующего храма. Разрешенный к переделке дом Воробьева имеет 8 сажень в длину и 4 в ширину (17,07x8,53 м) и «...представляет вид обыкновенного жилого дома». На момент открытия РКО насчитывала 1202 души¹⁹. При этом следует заметить, что задолго до этого, в 1893 г. в доме Воробьева поселился наставник Е.А.Щербаков. Там имелась комната для моленной и комната для чтения псалтыри²⁰. Совершенно очевидно, что проводились самовольные моления. Это подтверждается письмом помощника начальника Витебского губернского жандармского управления, где он пишет, что Щербаков разъезжает по разным моленным и на большие праздники ведет безнаказанно службу по той причине, что «...к уездному исправнику Корецкому сходит закоренелый раскольник, богатый и влиятельный купец Иван Петров Синицин «походатайствует» и затем Щербаков служит смело». Полиция несомненно имеет выгоду, но доказать это нельзя, по слухам, только за разрешение молиться на Рождество Корецкий получил 70 – 75 руб. и около 25 руб. – другой полицейский чин²¹.

Прискорбные для Российского государства события 1905 г. оказались благом для старообрядцев. Новое законодательство существенно упростило старообрядческую жизнь и предоставило новые возможности, которые Режицкие старообрядцы использовали сполна. Уже в декабре 1905 г. директор департамента общих дел МВД Арбузов телеграфировал: «Прихожанам старообрядческого молитвенного дома в городе Режице министерством разрешено поставить колокол»²². В настоящее время автору удалось обнаружить лишь неутвержденный вариант проекта пристройки. Датирован он мартом 1906 г. и подписан академиком архитектуры Крыловым (?) (подпись неразборчива). Однако возведенное сооружение лишь в общих чертах сохранило конфигурацию колокольни²³. Колокола являются одной из достопримечательностей общины. Отлиты они на заводе Т-ва А.С.Лаврова в Гатчине. Большой имеет вес 302 пуда

5 фунтов и подарен И.П. и М.Е.Синициными; средний сооружен на общественные деньги - 158 пудов 30 фунтов; малый весом 69 пудов подарен М.Е.Воробьевым и М.А.Трубициным.

Интерьер перестроенного храма в 1908 г. украшали 110 икон и крестов, причем 44 крупнейшие из них подарены И.П.Синициным. Большое количество икон написано Г.Е.Фроловым, встречаются также работы его ученика П.М.Сафронова²⁴.

В 1907 г. община получила статус юридического лица. Количество членов общины в 1912 г. составляло 800, причем только 180 имели право голоса, т.е. соответствовали возрастному цензу и полностью уплатили взносы²⁵. В 1922 г. – 2275²⁶, в 1935 г. – 2025, из них полноправных 250²⁷ и наконец в 1940 г. – 1300 и 112 соответственно²⁸.

Исстари в районе кладбища находился домик, где проживали старики. На его основе в 1897 г. открыли богадельню, где в это время проживало около 40 человек²⁹. В 1901 г. строится новое здание богадельни, ремонтируется старое, строятся различные хозяйственные постройки, а спустя семь лет, в 1908 г. богадельня получает официальный статус и устав. В обновленной богадельне призревало 24 человека, преобладали женщины³⁰.

В предреволюционные годы у кладбища окончательно сформировался старообрядческий комплекс из храма, богадельни, домов эконома и наставника и ряда хозяйственных построек, оценивавшихся в 23 310 руб. Кроме того, в центре города находился двухэтажный дом, приносявший ежегодно 1360 руб. чистой прибыли. По завещанию И.Л.Синициной был получен неприкосновенный капитал в ценных бумагах на сумму 102 960 руб.³¹. В целом источником формирования денежных средств служили доходы от продажи масла, свечей, от аренды недвижимости, процентов с капитала, тарелочного сбора, пошлин за выдачу документов и членских взносов (которые уплачивались весьма нерегулярно).

Расходную часть составляли затраты на покупку свечного материала, масла, расходы по содержанию храма, в том числе жалованье старосте (60 руб. в месяц), пономарю (10), сторожувонарю (25), кухарке (8), коровнице (5), помощнику учителя (35). В

цифрах хозяйственная деятельность выглядела следующим образом:

Год	Приход (руб.)	Расход (руб.)	Прибыль/ убытки	Источник
1914	2066	1670	+ 396	К.н., №2, 1914
1915	6394	7710	- 1316	К.н., №2, 1915
1917	5577	5794	- 217	К.н., №2, 1917
1939	5279 (лат)	4293 (лат)	+ 286 (лат)	ЛГИА, ф.1370, оп.1, д.2677, 124

Заканчивая краткий обзор истории РКО, представляется уместным упомянуть о наставниках. О них имеются неполные данные. Известно, что одним из первых был Иван Иванов (1869 г.)³²; отмечен он и в 1875 г.³³. С 1893 г. – это Ефрем Щербаков; фигурирует он и в 1902 г.³⁴. Двадцать шесть лет с перерывом отслужил Архип Семенович Синельников 1905 – 1915 (16) и 1924 – 1940 гг.³⁵. В 1917 г. благословлен на наставничество бывший до того 25 лет головщиком Д.Е.Миролюбов³⁶. В 1922 г. это Н.В.Цветков и, наконец, с 01.02.40 г. – Иван Никифорович Заволоко³⁷. Помощником наставника в 1929 – 1940 гг. служил А.М.Тимашев³⁸.

Резюмируя запутанную историю РКО, следует отметить, что впервые при кладбище в 1863 г. появилась моленная. Ее здание впоследствии, видимо, вошло в состав богадельни. В 1885 г. строится дом Колосова – Воробьева, на базе которого в 1898 г. официально устраивается существующая ныне моленная, и, наконец, в 1906 г. возводится пристройка колокольни и храм приобретает современный вид. После революции сколько-нибудь заметных строительных работ не производилось. Большинство из строений комплекса сохранилось и используется общиной по сей день.

1. Заварина А.А. Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века. Рига, 1986.
2. Там же. - С.26, 33.
3. Национально-исторический архив Республики Беларусь (далее - НИРБ). Ф.1430, оп.1, д.48280, л.52.
4. Никонов В.В. Резекне. Очерки истории с древнейших времен до апреля 1917 года. Рига, 2000.
5. Центральный военно-исторический архив. Москва (далее - ЦВИА). Ф. ВУА, д.18354, л.140.
6. НИРБ, ф.1430, оп.1, д.10543, 69; д.6698, л.2 - 4.
7. Там же, ф.1430, оп. 1, д.824, л.1 об.
8. Никонов В.В. Резекне. - С.139; НИРБ, ф.1430, оп.1, д.48280, л.363.
9. НИРБ, ф.1430, оп.1, д.478, л.18.
10. Там же, д.36640, л.14 об.
11. Там же, д.36640, л.14 об. - 15.
12. Там же, д.36640, л.14.
13. НИРБ, ф.1416, оп.2, д.14037, л.1.
14. Там же, л.3, 4.
15. НИРБ, ф.1430, оп.1, д.36640, л.6, 18.
16. Там же, л.60.
17. Там же, д.37856, л.1, 7, 14, 29, 30.
18. Там же, оп.1, д.40057, л.4, 5; д.52941, 4.
19. Там же, д.37185, л.78, 80.
20. Там же, д.52941, л.21.
21. Там же, д.41337, л.11, 12.
22. Там же, д.53607, л.2.
23. Никонов В.В. Резекне. - С.134.
24. Там же.
25. НИРБ, ф.1430, оп.1, д.48280, л.52.
26. Латвийский Государственный исторический архив (далее - ЛГИА), ф.1370, оп.1, д.145, л.71 об.
27. ЛГИА, ф.1370, оп.1, д.2450, л.182.
28. Там же, д.2678.
29. Никонов В.В. Резекне. - С.134, 135.
30. Журнал заседаний Совета РКО за 1911 год.
31. Никонов В.В. Резекне. - С.136.
32. НИРБ, ф.1430, оп.1, д.36640, л.14 об.
33. Истина, 41. Псков, 1875.
34. Полоцкие епархиальные ведомости, 2. 1902.
35. ЛГИА, ф.1370, оп.1, д.1038, л.19.
36. Национальный архив Республики Беларусь, ф.622, оп.2, д.47, л.1.
37. ЛГИА, ф.1370, оп.1, д.145, л.71.
38. Там же, д.2518, л.19.

Древние иконы Гребенщиковского молитвенного дома*

* Под этим названием, более понятным современному читателю, воспроизводятся материалы исследования икон Рижского Гребенщиковского храма: Успенские М., В., А.И. «Очерк церковных древностей города Риги (с 2-мя табл.)... Молитвенный дом Федосеевцев». — Труды Десятого археологического съезда в Риге, 1896. [Под ред. графини Уваровой.] Т. III. М., 1900, с 161 — 186.

Молитвенный домъ Федосеевцевъ.

Въ модельнѣ Федосеевцевъ громадное количество иконъ, большую частью разставленныхъ безъ системы, безъ порядка. Очень жаль, что старина иконъ не падится любителями церковного благолѣпія и исчезаетъ подѣ не искусною кистью теперешнихъ иконописцевъ-маляровъ. Несомнѣнно, и прошедшая исторія этихъ иконъ полна подобными заботами старообрядцевъ о благолѣпіи, въ виду чего трудно судить о времени написанія образовъ. Во всякомъ случаѣ, по композиціи, сюжетамъ и надписямъ многія иконы заслуживаютъ полного вниманія археологовъ. Онѣ разставлены какъ въ самой модельнѣ, такъ и по кельямъ, комнатамъ для наставниковъ, въ столовой, мертвецкой. Есть иконы, рѣдкія по сюжету или композиціи и по художественности письма.

№ 79. Весьма интересна икона „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“, находящаяся при входѣ въ молельню, на правой сторонѣ. Это — яркою кистью написанная иллюстрація псалма, замѣчательная по полнотѣ различныхъ животныхъ, извѣстныхъ въ древней Руси. Вверху, въ полномномъ херувимами кругѣ изъ красной каймы съ сянїемъ, на престолѣ съ подножіемъ, Исусъ Христосъ, десницею благословляетъ, въ шуйцѣ — евангеліе съ надписью: „Прїидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы во“. По угламъ краснаго четырехугольника, за кругомъ, символы евангелистовъ (тетраморфъ): наверху — человѣкъ и орелъ, внизу — левъ и телець, въ нимбахъ и съ евангеліями. По сторонамъ Спаса — изображенія ангеловъ, въ верхнемъ ряду: 1) ангелы съ чашами, средній поднимал чашу кверху (фіалы, о которыхъ говорится въ Апокалипсисѣ?); 2) серафимы многоочитые, очи по крыльямъ, 3) ангелы съ кадилами (опять согласно Апокалипсису). Во второмъ ряду: два, ошуюю Господа, кажется, съ мечами, по крайней мѣрѣ, одинъ — несомнѣнно, прочіе — трудно разобрать, съ чѣмъ. Въ нижнемъ ряду: 1) у одного изъ ангеловъ харгія: „Творяй ангелы своя духи и слуги св.“ (Это мѣсто, обозначающее, что воздухъ и огонь исполняютъ повелѣнія Божія, подобно ангеламъ, въ половинѣ и концѣ XVII в. толковалось въ томъ смыслѣ, что природа у ангеловъ воздушная и огненная.) 2) Средній изъ ангеловъ вынимаетъ мечъ изъ ноженъ; 3) справа Богородица съ простертыми руками, слѣва Предтеча. За ними ангелы съ посохами. У одного изъ стоящихъ за Богородицей, сверхъ того, кружокъ „IC“. Ниже — четыре ряда святыхъ. Справа отъ зрителя (внизу Предтечи) два (надпись

АРХЕОЛОГ. СЪЗДАДЪ ВЪ РИГѢ. Т. III.

закрыта ризою Крестителя), далѣе Исаія, Даниилъ съ надписью въ рукахъ: „Азь ты прозвахъ дѣво чистая гору отъ нея же отторжесе кам.“, Илія, „прор. Аронъ“ съ двуперстемъ и съ хартіей въ шуйцѣ: „излию отъ духа моего на всяку плоть и прорекуть“, Елисей съ хартіей въ обѣихъ рукахъ: „Возопихъ въ скорби моея ко Господу Богу моему и услыша“. Во второмъ ряду: князь Теодоръ, у него на хартіи: „Царю небесный утѣшителю душе истины“ (это слово постерто, однако разобрать возможно), „иже вездѣ съи и вся исполняя сокровище“. За Теодоромъ — Давидъ, Василій Великій въ крестчатой ризѣ древней формы, Григорій Богословъ съ евангелиемъ въ шуйцѣ, Іоаннъ Златоустъ держитъ евангеліе обѣими руками, преп. Александръ Свирскій съ хартіей въ обѣихъ рукахъ: „Не скорбите убо, браге, но посему разумѣйте“, Антоній, Максимъ (нагой). Въ третьемъ ряду: Владиміръ князь, Михаилъ, вѣроятно, митрополитъ кіевскій, изъ за другихъ фигуръ видна только его обнаженная голова; князь Борисъ, Глѣбъ, кн. Всеволодъ, „Александръ Нев.“, преп. Варлаамъ съ хартіей въ шуйцѣ: „Аще по истинне Бога взыщемъ самъ онъ къ намъ...“, преп. Сергій Радонежскій съ хартіей въ шуйцѣ: „Терпите братье скорби и бѣды да избав.“, рядомъ съ нимъ пагая фигура — „Маркъ Фр“ (яческій). Въ нижнемъ ряду святыя въ низенькихъ шапкахъ-митрахъ старой формы, шубахъ съ длинными рукавами и, вообще, въ древне-русскихъ одеждахъ. Тутъ и женщины съ дѣтьми; одна ведетъ мальчика за руку. На лѣвой сторонѣ, внизу Богородицы и ангеловъ, пять рядовъ. Въ верхнемъ — апостолъ Петръ; десница простерта, въ лѣвой рукѣ либо камень, либо свитокъ съ надписью: „ты еси“ (Петръ и на семь камені созидау церковь...). Надпись надъ другимъ апосто-

ломъ закрыта ризою Богородицы, онъ съ евангеліемъ. Далѣе ап. Павель, также съ книгою, изъ-за св. Павла виденъ ликъ Варооломея; Андрей и Лука держать евангелія, Иаковъ и Филиппъ, послѣдній руками держится за пащъ. Во второмъ ряду царь Давидъ, правая рука простерта молебнo, въ шуйцѣ хартія: „воскресни Господи Боже мой, да вознесется рука твоя, яко ты наслѣдиши... Небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку его возвѣ...“; Соломонъ (какъ Давидъ, такъ и Соломонъ въ коронахъ), св. царь Константинъ въ діадемѣ въ родѣ древней митры, держитъ восьмиконечный крестъ, за нимъ виденъ вѣнецъ и нимбъ Елены (изъ глубокой древности свв. Константинъ и Елена изображались въ коронахъ и назывались *Ἐξοστῆλτοι*, а Deo согопаті, „боговѣнчанными“, названіе, — усвоенное влослѣдствіи западными императорами¹⁾), равно какъ и русскими). Далѣе — „Николае“, десница простерта; ликъ, часть митры и нимба Филиппа (замѣчательное сопоставленіе святителей Николая и Филиппа, которые, согласно подлинникамъ, изображаются похоже одинъ на другого, какъ предполагаетъ проф. Н. В. Покровский, влсѣдствіе сходства ихъ по ревности въ облченіи нечестія), Петръ съ евангеліемъ, въ бѣломъ клобуцѣ, часть нимба и митры Іоны, Алексѣй съ евангеліемъ въ десницѣ, въ бѣломъ клобуцѣ, съ простертою десницею. Въ третьемъ ряду: прор. Захарія, архидіаконъ Стефанъ, Георгій, Феодоръ, Димитрій, Бонифатій, Никита, Іоаннъ Воинъ, Мина, — это ликъ мученической. Руки у всѣхъ мучениковъ простерты молебнo. Внизу народъ разнаго званія, пола ивозраста. Вверху

1) Мартиньи, Dictionnaire des antiquités chrétiennes. 1865, стран. 269.

солнце и луна въ видѣ круглыхъ лицъ, изо рта которыхъ исходятъ лучи. Подъ Христомъ и ангелами три листовныя дерева съ сидящими на нихъ и около птицами. Далѣе по громамъ животныя и звѣри: лошадь, „туръ“ (длинная фигура съ двумя рогами, переднія ноги длиннѣ заднихъ), „лань“ съ двумя загнутыми внутрь рогами; козелъ съ четырьмя рогами — „козерогъ“; чудовище пятнистое, въ родѣ пантеры съ длиннымъ высунытымъ языкомъ и хвостомъ съ пышнымъ махромъ на концѣ — „велозверъ“; человѣческое лицо съ чешуйчатымъ туловищемъ сирены и красными крыльями — „амелфетъ“; „и осли“, „змѣй“, на которомъ сидитъ птица (изображена борьба между ними); обвитый этой змѣею „скименъ“, въ видѣ льва; „рысь“ бѣлая съ черными пятнами; „коза“ въ родѣ мышки, „гыма“ — змѣйка; „схидна“ — человѣческая фигура на двухъ когтистыхъ лапахъ съ крыльями, съ чешуйчатымъ змѣвиднымъ хвостомъ; около нея въ пещерѣ змѣйки; „зубръ“, „волки“ (изображена стая ихъ), „медвѣдь“, „буй козелъ“ (животное съ двумя рогами, каждый съ развѣтвленіемъ на двѣ части), „барсъ“ — животное бѣлое съ разноцвѣтными пятнами и когтистыми лапами; „баранъ“ съ острыми торчащими напередъ рогами; „слонъ“, „буйволъ“, „верблюдъ“, „левъ“, „единорогъ“ безъ подпояса, лошадь съ длинными рогами на лбу; „аговидъ“ — пернатое чудовище съ крыльями, на четырехъ когтистыхъ ногахъ, „козелъ“, „лось“ съ крайне вѣтвистыми рогами, „лисица“, „ежъ“, „аммонъ“ — чешуйчатый конь съ крыльями, красными передними ногами и на ногахъ когтистыми лапами, длинный загнутый сверху крысиный хвостъ; надъ лосемъ животное безъ надпояса, далѣе „вепръ“, „овца“, „олень“, „аслидъ“ (змѣй съ двумя красными когтистыми лапами и двумя красными крыльями); около него чудовище

съ круглымъ туловищемъ, какъ у ежа, съ чешуйчатымъ хвостомъ, красными крыльями и когтистыми лапами. Далѣе въ горахъ „василискъ“ — человѣческое лицо, въ шапкѣ съ красными перьями наверху, человѣческое туловище, руки простерты, одежда въ родѣ штановъ, красная, ноги когтистыя. Икона въ чеканномъ серебряномъ окладѣ. Ризы на Спасителѣ, Божіей Матери и Предтечѣ чеканныя же, позднѣйшей работы, съ пробую. Въ двухъ хартіяхъ вверху иконы надписи: „Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ, хвалите Его вси ангели Его, хвалите Его вся силы Его, хвалите Его солнце и луна, хвалите Его вси звѣзды и свѣтъ, хвалите Его... превыше небесъ, да восхвалятъ имя Господне, яко той рече и быша, повелѣ и создашася... въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка“. На второй хартіи написано: „Повелѣніе по-ложи и не мимо идетъ. Хвалите Бога огъ земли змие и водѣ безднн, огонь, градъ, свѣтъ, голодъ, духъ буренъ, творящая слово Его, горы и вси холми, древа плодonoснн и вси кедрн, звѣріе и вси скоти, гади и птицы пернаты, царіе земстнн и вси людіе, князіе и вси судіи земніи, юноши и дѣвы, старіе съ юнотами, да восхвалятъ имя Господне“. Наверху иконы, подъ хартіей, — звѣзды. Размѣръ иконы 32 × 28 вершк.

Судя по тому, что среди святыхъ помѣщенъ святигель московскій Филиппъ, едва ли можно относить икону „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“ къ XVI в.

Изображенія, нѣсколько подобныя тѣмъ, которыя на иконѣ № 79, встрѣчаемъ. мы въ лицевыхъ апокалипсисахъ. У Булаева есть слѣдующій снимокъ съ миниатюры изъ рукописи проф. Тихонравова, № 5, половины XVII в. (Мин. 67. Апокалипс. XIX, 1—6). На престолѣ съ балдахиномъ въ родѣ бесѣдки Давидъ, играющій на гус-

ляхъ. Вокругъ — народъ; верхній рядъ съ хартиями, — у одного: „Хвалите Бога во святыхъ Его“, у другого: „Воспоемъ Господеви пѣснь нову“, у третьяго: „Все языцы воскликните“, у четвертаго: „Пойте...“ Въ среднемъ ряду — трубащи, въ третьемъ — скрипачи и барабанщики. Надъ Давидомъ надпись: „Славный пророкъ Давидъ Тессеови(чь)“. Сверху этой группы надпись: „И гласъ отъ престола изыде глаголя: пойте Господеви Богу вси святїи Его и боящїися Бога малыи и велици“. Внизу же подъ аркой, на которой надпись: „Хвалите во псалтирѣ и гусльхъ; хвалите во струнахъ и органахъ. Всяко дыханіе да хвалитъ Господа“, — изображено: сидящїй старецъ или средовѣкъ перебираетъ пальцами по клавишамъ инструмента, сзади котораго другой средовѣкъ дѣйствуетъ мѣхами (въ родѣ кузнечныхъ), — для того, чтобы игралъ инструментъ. „Внизу въ правомъ углу какіе-то звѣри и чудовищная голова; надъ ними бѣжитъ единорогъ и летитъ птица. Отношеніе ихъ къ изображаемому сюжету объясняется надписью изъ псалма: *Всякое дыханіе да хвалитъ Господа*. Дополненіе къ этому составляетъ рыба въ водѣ, изображенная въ лѣвомъ углу“¹). Изображеніе это, въ общемъ, напоминаетъ собою миниатюру въ рукописи *Козмы Индиколова*, помѣщенной въ Макарьевской Четьи Миней, — ркл. Синод. библ. № 997, съ датой 7010 (1542 г.). Здѣсь на л. 1248 об. изображенъ Давидъ между Мойсеемъ, Соломономъ и ликами играющихъ на инструментахъ (иныхъ, чѣмъ въ Апокалипсисѣ). Но животныя тутъ не представлены.

На иконѣ № 79 достойно примѣчанїя, между прочимъ, то обстоятельство, что на ней „прор. Аронъ“ представленъ съ двуперстно сложенной десницей, и что слово

„истины“ („душе истины“) постерто. Желаніе доказать во что бы то ни стало, что необходимо креститься двуперстно, могло побудить раскольниковъ-старообрядцевъ заставлять *ветхозавѣтныхъ* праведниковъ *креститься* и благословлять (двуперстно). Побужденіемъ же къ попыткѣ уничтожить слово „истина“ могло служить желаніе старообрядцевъ оправдать дониконовскій текстъ молитвы Духу Святому: по чтенію, принятому раскольниками, эта молитва читается: „...душе истинный“. Въ виду того, что текстъ надписей на этой иконѣ согласенъ съ книгами, исправленными при Никонѣ, можно думать, что она первоначально принадлежала православнымъ, но впоследствии попала въ руки Феофанцевъ, которые и сдѣлали на ней нужныя, по ихъ мнѣнію, исправленія.

Феофаневцы придають важное значеніе разсматриваемой картинѣ, и одинъ изъ нихъ передавалъ намъ, что „какой-то англійскій ученый, не то министр“, купалъ ее за громадныя деньги, и когда раскольническое общество на это не согласилось, за одно дозволеніе снять снимокъ съ этой иконы давалъ крупную сумму, но опять получилъ отказъ.

„Всякое дыханіе да хвалить Господа“ является однимъ изъ любимыхъ сюжетовъ русскаго народнаго искусства. Въ лубочныхъ картинахъ нѣкоторыя встрѣчаются съ заглавіемъ: „Всякое дыханіе да хвалить Господа: хвала служебныхъ духовъ своему Творцу“²⁾.

¹⁾ Буславевъ, Русскій лицевой апокалипсисъ. М. 1884 г., стр. 641, въ снимкахъ таблица 158.

²⁾ Историческій и статистическій сборникъ. М. 1845 г. Статья И. М. Свєгирева о лубочныхъ картинахъ русскаго народа, стр. 201.

№ 80. Въ кельѣ одного изъ наставниковъ находится икона **Семь вселенскихъ соборовъ**. Вверху Господь Саваоѣ, благословляющій обѣими руками, на облакахъ предъ Нимъ пророки съ хартіями, ниже пророковъ семь архангеловъ съ надписями: Варахиль, Селефилъ, Рафаилъ, Михаилъ, Гавріилъ, Уріилъ, Эгудилъ. Отъ Саваоѣ лучи, въ которыхъ въ кругѣ Духъ Святой, исходятъ на сидящую на престолѣ Богородицу съ предвѣчнымъ Младенцемъ, благословляющимъ обѣими руками. Богоматерь въ кругѣ изъ темно-синей каймы. Предъ нею на облакахъ по три апостола на каждой сторонѣ. Ниже Богоматери изображенъ Агнецъ Божій въ дискосѣ между двумя херувимами и однимъ серафимомъ. По сторонамъ вселенскіе соборы (семь). Въ углахъ — евхаристія: справа отъ зрителя — преподаніе чаши, съ надписью на поляхъ: „Рече Господь своимъ ученикомъ: прийдѣте и питѣ, сія есть кровь моя новаго завѣта“, слѣва — преподаніе пречистаго тѣла Христова съ надписью: „Рече Господь своимъ ученикомъ, примите и ядите, сіе есть тѣло мое, ломимое за вы и многихъ во оставленіе грѣховъ“. Въ нижнемъ отдѣленіи иконы — изображеніе съ надписью: „Царь Соломонъ созда себѣ столпъ царству своему“. На тронѣ сидитъ Соломонъ съ хартіей въ десницѣ: „глаголы моя внуши и разумѣй...“, шуйцу поднявъ съ указательнымъ перстомъ. Предъ царемъ трапеза, съ которой служители раздаютъ окружающему народу яства и питіе. Противъ Соломона на возвышеніи музыканты трубятъ (изображеніе, подобное тому, какое находится въ кievскомъ Софійскомъ соборѣ на лѣстницѣ на галлерей). Внизу музыкантовъ закаляютъ тельцовъ. Размѣръ иконы: $10 \times 8\frac{1}{2}$ в. Вотъ схема ея изображеній:

Пророки.	Саваоѣ.	Пророки.
Архан-	Духъ Св.	гелы.
Апо-	Богоматерь.	столы.
□ □	Агнецъ Божій.	□ □
Со-		□ □
	-бо-	
	Евха- □ ристія.	
	Палаты.	
	Народъ.	Музыканты.
Соломонъ.	Трапеза.	Закланіе тельцовъ.

Какъ въ иконѣ „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“ изображалось міросозерданіе, космографическія представленія древне-русскаго человѣка, такъ во „Вселенскихъ соборахъ“ развито цѣлое понятіе о церковности, ученіе о Церкви, Богѣ, искупленіи и вѣрѣ, какъ основѣ государственнаго порядка и государственной жизни. На иконѣ „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“ Богъ изображается, какъ Творецъ и Промыслитель міра, во „Вселенскихъ“ же „Соборахъ“ — какъ искупитель человѣка и глава Церкви. Во главѣ изображенія Господь Саваоѣ съ слугами Своими — архангелами и Его служителями ветхаго завета — пророками; затѣмъ — воплотившееся отъ Духа Святаго и Пречистой Дѣвы божественное Слово и служители Слова — апостолы (третьей рядъ); далѣе — божественное Слово, закланное за грѣхи міра

и преподаваемое въ литургіи, основаніе которой положено на тайной вечери, и которе православно исповѣдано вселенскими соборами. Такимъ образомъ, на иконѣ иллюстрируются главнѣйшіе наши догматы — о Троиномъ Богѣ, о боговоплощеніи, пророкахъ, апостолахъ, соборахъ и таинствахъ. Здѣсь изображена Церковь Божія, Христова, апостольская, соборная. Нижній рядъ изображеній указываетъ на значеніе вѣры въ жизни, изображая, что „вѣра столпъ царствъ“: какъ это было у Соломона, такъ представлялось и древне-русскому челоуѣку. Отъ Соломоновой мудрости черпаетъ народъ яства счастья и благополучія; такъ и отъ прореченной Соломономъ божественной ипостасной Премудрости получаютъ народы залогъ земного счастья и вѣчнаго блаженства. Широкая по содержанию идея выражена въ искусствѣ съ замѣчательно сильною концентраціей мысли, что обнаруживаетъ талантливаго художника. Композиція оригинальная: хотя и касающаяся отвлеченныхъ догматическихъ идей, тѣмъ не менѣе выражающая ихъ понятно, наглядно и въ этомъ отношеніи удачная. Въ описи воронежскаго Благовѣщенскаго собора между другими иконами указанъ образъ семи вселенскихъ соборовъ¹⁾. Въ архивѣ московской Оружейной палаты есть указанія на то, что икона „семь вселенскихъ соборовъ“, написанная лучшими государевыми иконописцами на одной или на семи доскахъ, выносилась въ недѣлю православія на средину церкви и полагалась на аналоѣ; между тѣмъ какъ, по другимъ извѣстіямъ, на аналоѣ во время чина анаеаматствованія клали икону Святой Троицы или Нерукотворенный Образъ. (Въ Москвѣ, по прочтеніи протодіакономъ книги Соборнаго дѣянія, на нейже написанъ образъ Живоначальныя Троицы, святѣйшій патріархъ цѣловалъ Соборное дѣяніе²⁾).

№ 81. Во второмъ ярусѣ иконостаса моельни обращаетъ на себя вниманіе, по рѣкости сюжета, икона **Величїи Душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ**. Вверху Господь Савооъ на серафимахъ, нимбъ восьмиконечный, въ шуйцѣ шаръ съ водруженнымъ на немъ крестомъ, десницей благословляетъ. Ангель летить къ палатамъ, гдѣ стоитъ Богородица съ поднятыми (отъ изумленія и недоумѣнія — „каково будетъ цѣлованіе сіе“) руками; къ ней идутъ двѣ фигуры. Надпись на полѣ: „Яко призрѣ на смиреніе рабы своея“. Ниже, въ палатахъ, — Богородица же, одна, взирающая на Савооа. Надпись: „Себо отнынѣ ублажатъ мя вси роди“. Ниже старцы и молодые безъ нимбовъ. Предъ ними Моисей съ нимбомъ и скрижалями. Надпись: „Воспрїятъ Израїля отрока своего помянути милости“. Внизу дѣволы поражаютъ копіями находящихся подъ ними грѣшниковъ. Надпись: „Богалящїея отпусти тѣа“ (а не „тщи“, — слѣдовательно, по тексту доиконовскому). Подъ Савооомъ — великій архіерей Христосъ въ коронѣ, благословляющій обѣими руками. Внизу — Богородица на престолѣ. По сторонамъ Спасителя ангелы съ жезлами (у одного — справа отъ Спаса — въ правой рукѣ, а у другого — въ лѣвой, въ другихъ рукахъ обычныхъ у ангеловъ круговъ нѣтъ, но правый шуйцу простеръ, лѣвый опустилъ правую руку). По сторонамъ Богородицы святые, — слѣва три и справа четыре, между святыми справа — Давидъ въ коронѣ и

1) Преосв. архіеп. Димитрій (Самбикинъ), Указатель храмовныхъ праздниковъ въ Воронежской епархіи, вып. 3, стр. 25.

2) Чиновникъ патр. Іоакима 1676 г. Временникъ М. Общ. ист. и дрвин., кн. 24, стр. 40.

съ жезломъ, слѣва — одинъ похожій на Крестителя. Подъ Богородицей — „ангели Господни“. Ниже въ пещерѣ (адѣ или треисподней) рядъ преклонившихся человѣческихъ фигуръ въ коронахъ, руками опускаются къ землѣ. Внизу подпись: „Низложи сильныя со престолъ“. Вверху, справа отъ Саваоа, — рай, огороженный заборомъ, гдѣ Авраамъ, Исаакъ и Иаковъ. Подпись: „Якоже глагола ко отцемъ нашимъ Аврааму и сѣмени его до вѣка“. Ниже — Иосафъ царевичъ и другой подвижникъ (Иоаннъ Лѣтвичникъ?), съ кувелемъ на плечахъ, съ крыльями. Клеймо: „Яко сотвори мнѣ величіе сильный: свято имя Его“. Ниже — ликъ святыхъ, два ряда, впереди первато святитель (въ высокой митрѣ) съ евангелиемъ въ рукахъ. Въ двухъ клеймахъ надпись, — въ верхнемъ: „Милости его въ родъ и родъ на боящихся его“, въ нижнемъ: „Сотвори державу мышцею Своею“. Ниже — святые за трапезою, на которой сосуды. Надпись: „Вознесе смиренныя, алчущіяся исполни благъ“. Въ нижнемъ ряду въ аду (въ видѣ пещеры) сагана съ огромной бороною, въ коронѣ, взираетъ вверхъ (съ завистью). Надпись: „Расточи гордыя мысли сердець ихъ“ (чтеніе по дониконовскому тексту). Размѣръ иконы 17×15 в. Окладъ по клеймамъ вышпанный. Схема изображеній:

Рай	Саваоъ, взирающій на Богородицу.	Ангель.	Палаты.
Иосафъ, и митрѣ	Ангелы.	Ангелы.	Богоматерь.
съ кувелемъ	Ангелы.		Богоматерь.

Спасъ въ коронѣ.	} Трое святыхъ.	} Бъсы.
Четыре святыхъ. (Богоматерь.)		
Святитель.	Моисей.	
(Ангели Господни.)		
Цари и царицы.		
Трапеза святыхъ.		
Сатана.		

Идея этой иконы, заимствованная изъ пѣсни Богододицы, — величіе смиренныхъ и гибель гордыхъ — выражена въ отношеніи какъ къ самой Пресвятой Дѣвѣ, такъ и ко всѣмъ людямъ. Широкое пониманіе величія смиренія. Здѣсь мы видимъ не только торжество Богоматери за ея смиреніе, но и смиренія вообще. Гордые люди погибаютъ, мучатся въ аду, сатана съ завистью смотритъ на блаженство праведниковъ, а праведники насыщаются отъ безсмертных трапезы (обычное въ XVII вѣкѣ представленіе райскаго блаженства) и возносятся въ горній Иерусалимъ: такъ „вознесе“ Богъ „смиренныя, богатѣющія же отпусти ти“. Цельзя не поражаться на иконѣ той широкой разра- боткой идеи, которая охватываетъ нравственную жизнь человѣчества, когда фактъ величія Богоматери превращается, такъ сказать, въ фактъ величія праведниковъ, торжества добра надъ зломъ, въ универсальное господство правды. Композиція — продуманная, отличающаяся симметрией. Иконографическія группы блаженства правед- никовъ и горнаго Иерусалима съ Іоасафомъ и Іоанномъ Лѣствичникомъ передъ нимъ, а равно изображеніе мученія грѣшниковъ и мучителей-діаволовъ заимствованы изъ иконографіи страшнаго суда.

Нерѣдко нѣсколько отдѣльныхъ иконъ иллюстрируютъ одну и ту же пѣснь. Такъ, четыре иконы, находящіяся въ женской половинѣ молитвеннаго дома, представляютъ иллюстрацію известной пѣсни „Честивѣйшую херувимъ“. Изъ нихъ первая —

№ 82. а) „**Честивѣйшую херувимъ**“. Богоматерь въ кругѣ съ Богомладенцемъ на рукахъ, около — ангельскіе чины; въ двухъ верхнихъ отдѣленіяхъ изображены херувимы и серафимы. Икона крайне потемнѣвшая; разобрать детали изображенія и особенно надписи — крайне затруднительно. Размѣръ иконы 13×11 в.

№ 83. б) „**Присно блаженную и пренепорочную**“. Хартію съ этою надписью держать два святыхъ. Богоматерь — въ темно-синемъ кругѣ, наполненномъ ангелами. Предъ кругомъ колѣнопреклоненный народъ; у двухъ лицъ, стоящихъ напередѣ, по хартіи, у одного: „о чюдо, иже“. Вверху по угламъ — слетающіе ангелы, изображенные до пояса. Размѣръ иконы 13×11 в.

№ 84. в) „**Безъ ислѣвія Бога Слово рождшую, сущую Богородицу тѣ величаемъ**“. Хартію съ этою надписью держать два святыхъ въ крестатыхъ ризахъ. Въ среднѣи иконы, въ кругѣ изъ красной каймы съ звѣздами и лучами, Богородица, возсѣдающая на престолѣ съ подножіемъ. На рукахъ ея — Богомладенецъ. Около этого круга круглая зеленая полоса съ погрудными изображеніями святителей; нѣкоторые съ хартіями, надписи на которыхъ разобрать трудно. Внизу колѣнопреклоненные сонмы людей: направо отъ Богородицы — иноки и инокини, налѣво — міряне. У двухъ лицъ, стоящихъ впереди, хартіи, — у одного: „Владычице, пріими молитву рабъ твоихъ и избави“, у другого: „блажен“. Въ пейзажѣ — растительность. Раз-

мѣръ иконы $13\frac{1}{8} \times 11$ в.

№ 85. г) „Суную Богородицу“. Богоматерь въ кругѣ съ Богомладенцемъ на престолѣ, окруженная ангелами и святыми. Внизу также святые, у нѣкоторыхъ харити. Икона весьма потемнѣла. Размѣръ ея 13×11 в.

№ 86. На правой сторонѣ отъ входа, на стѣнѣ находится весьма попорченная икона въ мѣдной посеребренной ризѣ — „Спасъ Благое Молчаніе“, хотя и извѣстная въ археологической литературѣ¹⁾, но остававшаяся на себѣ наше вниманіе въ виду возможности прослѣдить генезисъ ея изъ глубокой старины Востока. Спаситель изображенъ въ видѣ ангела съ въюющимися по плечамъ локонами; нимбъ восьмиконечный въ кругѣ; одежда украшена по вороту, поясу и напереди. Руки скрещены на груди. Ликъ совершенно потемнѣвшій, икона во многихъ мѣстахъ выкрошилась. Надпись: „Исусъ Христосъ Благое Молчаніе“. По сторонамъ приписъ: внизу, справа отъ зрителя, св. мученица Анна, слѣва — ангель-хранитель съ восьмиконечнымъ крестомъ въ шуйцѣ (весьма нерѣдкая приписъ на старинныхъ иконахъ, вѣроятно, предназначенныхъ для домашней божницы, гдѣ особенно умѣстно изображеніе ангела-хранителя. Вверху святитель Николай, надъ ангеломъ „священномуч. Егр.“ (?). Размѣръ иконы $6 \times 4\frac{1}{2}$ в. Фигура Спасителя напоминаетъ изображеніе Софії Премудрости Божіей. Вѣроятно, что „Спасъ Благое Молчаніе“ есть видоизмѣненное изображеніе „Софії Премудрости“ („Слова Божія“, Ипостасной Премудрости). Безмолвіе — одно изъ

¹⁾ См. В. И. Успенскаго „Переводы съ древнихъ иконъ изъ собрания А. М. Постникова“. С.-Пб. 1898, табл. 14.

основныхъ свойствъ премудрости. „Мужъ мудрый безмолвіе водить“, говоритъ премудрый. „Устамъ твоимъ сотвори дверь и запоръ“, говоритъ Сирахъ¹⁾, „и блуди, да не како поплзнешися языкомъ“. „Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія о устнѣхъ моихъ“, — поется въ церковныхъ службахъ стихъ изъ Псалтири. „Запирай ротъ твой такъ, какъ дверь. Оставляй лучше твои сундуки и сокровище, нежели твои губы, безъ замковъ... Устамъ твоимъ дверь и замокъ... Благоразуміе содержитъ ключи у себя“, — говорятъ правила практической мудрости XVIII вѣка²⁾. По народной пословицѣ, сказанное слова есть только серебряное, тогда какъ не сказанное всегда золотое. Въ частности, молчаніе являлось обѣтомъ благочестія подвижниковъ (молчальниковъ). На „Изображеніи пророчества законнаго“ въ сѣскомъ подлинникѣ³⁾ къ устамъ распятаго монаха прикрѣпленъ замокъ — символъ молчанія. Во всякомъ случаѣ, однако, изображеніе Иисуса Христа, какъ Благого Молчаніе, является, повидимому, противорѣчіемъ названію Его Богомъ-Словомъ, Логосомъ. Но древне-христіанская мысль весьма любила сопоставленіе антитезъ и въ частности по отношенію къ Божеству. Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ: „Подобаетъ коемуждо нещевати о Божѣ, яко вся глаголемая о Немъ, не еже есть по существу, знаменуютъ; но или еже не есть Онъ, являютъ, или соотношеніе нѣкое къ нѣкому отъ противоразнствующихъ, или что-либо отъ тѣхъ, яке естеству или дѣйствію Его послѣдуютъ... Послику же всѣхъ виновенъ есть, и всѣхъ сущихъ винословія и вины въ Себѣ содержитъ, отъ всѣхъ сущихъ и между собою противныхъ именуется, якоже отъ свѣта и тьмы, отъ воды и огня; да познаемъ, яко Онъ по существу нѣсть сіе, но

паче существа есть; ниже коимъ именемъ нарецися можетъ; обаче якоже вьческихъ вина отъ вьсѣхъ виновныхъ именуется¹⁾. Тотъ же святой отецъ говоритъ слѣдующее о божественномъ Словѣ: „Слово, еже есть существенно, Отцу соприсносущное; слово паки есть естественное ума движеніе, имже движется, и умствуетъ и помышляетъ, якоже свѣтъ Его сый и сіяніе; и паки, слово есть залогственное, еже въ сердцѣ токмо глаголится; и паки, слово есть вѣстникъ ума, еже усты исповѣдуются. Богъ убо слово есть существенное и ипостасное, прочая же три рода словесъ суть силы душевныя, яже не въ свойственной ипостаси разсуждаются: оныхъ же первое есть естественное ума (нашего) рожденіе, еже изъ Него естественно всегда истекаетъ; второе залогственное (сирѣчь внутреннее) глаголится; третіе же произносимое“²⁾. Различается, такимъ образомъ, слово внутреннее отъ слова произносимаго, молчаніе отъ рѣчи; въ виду чего для обозначенія того, что божественное Слово открылось людямъ, насколько они вмѣстятъ это въ состояніи, полнота же божественной жизни сокрыта въ Немъ отъ тварныхъ существъ, и такимъ образомъ Христосъ подобенъ слову залогственному, внутреннему, — христіанское искусство, стремившееся съ воз- можною широтою изобразить христіанскія вѣрованія и представленія, могло представить

1) Гл. XXVIII.

2) Правила Соломоно-Сираховы, изд. С. Писарева 1752 г., стр. 162.

3) Вып. I, стр. 30—32.

4) „Преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина богословіе“, переводъ архіепископа московскаго Амвросія. М. 1834 г., т. 15 об. и т. 18 об.

5) Тамъ же т. 22 об.

Христа, какъ молчаніе, Благое Молчаніе. Въ Апокалипсисѣ представляется, что Спаситель „въ десницѣ держитъ тайну“¹⁾, что Онь — „Агнецъ, достойный раскрыть книгу Сидящаго на престолѣ, написанную внутри и отвнѣ, запечатанную семью печатами, и снять семь печатей ея“²⁾. Олицетвореніе молчанія въ видѣ Иисуса Христа могло совершиться тѣмъ удобнѣе, что въ классической иконографіи послѣднее также изображалось въ видѣ бога Гарпократа. Гарпократъ — египетскій богъ восходящаго и весенняго солнца, въ виду того, что изображался съ пальцемъ, приставленнымъ къ губамъ, у грековъ и римлянъ подвергся метаморфозѣ, явился богомъ молчанія. Гарпократа представляли то въ видѣ дитяти въ пленкахъ, то въ видѣ юноши въ египетской митрѣ, увѣнчанаго краснымъ и зеленымъ дискомъ, съ волосами, падающими прядью, напоминающею рогъ изобилія, съ которымъ онъ иногда изображался. Древніе изображали обыкновенно Гарпократа на пакетахъ для обозначенія того, что должно хранить секретъ писемъ. (*Dictionnaire mythologique universel*, pag. 1. d.-г. E. Jacobi, trad. — pag. Th. Benard. Paris 1846, ср. Noel Abrege de la *Mithologie universelle*. Paris 1815, p. 301). Такимъ образомъ, „восходящее солнце“ египтянъ могло явиться въ христіанскомъ мѣрѣ „солнцемъ правды“, сохранивъ атрибуты египетскаго происхожденія (митра (въ „Черводахъ“ Постникова Спасъ Благое Молчаніе въ митрѣ и съ ключами въ рукѣ), дискъ, волоса, напоминающе своиими локонами рогъ изобилія), молчаніе (*silentium*) римлянъ стало „благимъ молчаніемъ“ у христіанъ. „Спасъ Благое Молчаніе“ въ иѣскольکو измѣненномъ видѣ, — безъ митры и ключа, встрѣчается на литыхъ изображеніяхъ; они есть, напр., въ музеяхъ Новгородскомъ³⁾ и

Тверскомъ⁴⁾.

№ 87. Икона безъ выемки „Умовеніе ногъ апостоламъ“. Апостолы, возсѣдающіе въ три ряда, — два (верхній и средній) на лежахъ и одинъ (нижній) на полу. Въ верхнемъ ряду изображены апостолы: Петръ, Матей, Симонъ, Андрей, Иоаннъ, „Юда“ (представленъ безъ нимба); въ среднемъ: Варсоломей, Іаковъ, „Марко“; въ нижнемъ: Ѳома „Юда“ (въ нимбѣ), Филиппъ. Господь, стоящій около сосуда, отираетъ правую ногу апостолу Петру, который указываетъ на свою главу (умой, Го-споди, и главу). Палаты, городъ. Приписъ на иконѣ — святые безребренники Киръ и Иоаннъ. Они изображены въ преподобническихъ одеждахъ съ кукулями назадъ. Въ рукахъ, у Кира — въ лѣвой, а у Иоанна — въ правой, — врачевскіе сосуды, другія руки молитвенно простерты. Киръ изображенъ направо отъ зрителя, а Иоаннъ — налѣво. Размѣръ иконы $10\frac{1}{2} \times 8$ в. „Умовеніе ногъ“ нерѣдко встрѣчается въ древней иконописи; иконы съ изображеніемъ этого событія, вѣроятно, ставились на поклоненіе для величанія на четвергѣ, когда совершается трогательный обрядъ умовенія ногъ. „Умовеніе ногъ“ есть въ „Переводахъ съ древнихъ иконъ изъ собранія Л. М. Постникова“ и въ Сійскомъ подлинникѣ. Въ собраніи Постникова эта икона скомпонована примѣнительно къ обычной византийской схемѣ этого изображенія. Сцена довольно

¹⁾ I гл., 16 и 20 ст.

²⁾ Гл. V, ст. 5.

³⁾ Краткое описаніе Новгородскаго музея, стр. 28—29.

⁴⁾ Жизневскій, Описаніе Тверск. музея, стр. 108, № 420.

оживленная, типы разнообразны, съ нѣкоторыми признаками индивидуальности. Икона напоминаетъ образцы греческаго иконнаго письма эпохи XV—XVI в. Иконописные типы свв. Кира и Иоанна нельзя назвать установившимися въ XVI—XVII вв. Въ софійскомъ подлинникѣ подъ 31 января читаемъ: „Киръ. Съдъ, брада Власьева, манатя выше пояса, а отъ пояса узломъ связано, ряска санкирь съ бѣлилы. Иоаннь. Младъ, ряска реотъ. Держать аки темьяницы“; въ строгановскомъ: „Киръ — съдъ, ряска санкирь съ бѣлломъ. Иоаннь младъ, ряска реотъ“. На изображеніи у свв. безсребренниковъ десница сложены двуперстно, въ лѣвой рукѣ у Кира свитокъ, у Иоанна врачевскій сосудъ. Въ сводномъ подлинникѣ говорится: „Киръ, мнихъ отъ Александри, подобіемъ съдъ, брада аки Власіева, мантія выше пояса, у пояса узломъ связана, ряска санкирь съ бѣлилы, въ правой рукѣ держитъ перо, а въ лѣвой сосудъ. Иоаннь отъ Едесса, чиномъ воинскимъ почтенный, подобіемъ младъ, власы простерты и кратки, *ризы на немъ воинскія*, въ рукѣ сосудъ и перо. Въ мшени пишетъ: единъ въ чернестѣмъ одѣяніи, а другій *въ воинствѣ*“. Такимъ образомъ, иконописные типы этихъ святыхъ въ строгановскомъ и софійскомъ подлинникахъ указаны одинаково, но иначе, нежели въ сводномъ; а изображеніе на рижской иконѣ не согласуется ни съ однимъ изъ нихъ.

№ 88. Въ женскомъ отдѣленіи молитвеннаго дома икона: Ангелъ, сидящій на камнѣ у гроба Господня, съ жезломъ въ шуйцѣ, десница двуперстно благословляющая. Во гробѣ свернутыя пелены, сударь лежитъ особо. Передъ гробомъ жены-мироносицы. У передней въ рукахъ алавастръ съ миромъ. На заднемъ планѣ

палаты въ горахъ. Размѣръ иконы 11 × 9 в. На вратахъ храма архангела Михаила, на такъ называемой горѣ св. Ангела, въ южной Италіи (дѣланы въ 1076 г. въ Цареградѣ), между прочими изображеніями есть такое: „Ангель, сидя на гробѣ Слассителя, извѣщаетъ пришедшихъ жень-мироносицъ о Его воскресеніи; прекрасный ризунокъ, отъ ранней эпохи сохраняемый и дошедшій и до русской иконописи“¹⁾. Въ монастырѣ Никорциндскомъ въ Имеретіи на грузинскомъ евангеліи XIII вѣка „верхняя и боковая створка ковчежца ограда украшена любопытнымъ изображеніемъ ангела, вѣщающаго мироносицамъ и сидящаго внутри арки гроба, на сферѣ, относится по рисунку къ позднѣйшему времени“²⁾. Композиція на иконѣ № 88 еще разъ доказываетъ, что въ эпоху процвѣтанія русской иконописи сюжеты для нея были весьма разнообразны, и нерѣдко сюжетомъ иконы служило не событіе, воспоминаемое въ извѣстный праздникъ, а лишь одинъ изъ частныхъ моментовъ его.

№ 89. Въ женскомъ же отдѣленіи икона: **Архистратигъ Михаилъ**, поражающій діавола, — переводъ, подобный № 64, помѣщенному въ „Переводахъ съ древнихъ иконъ изъ собранія А. М. Постникова“, т.-е. архангелъ на иконѣ поражаетъ копіемъ повергаемаго въ бездну діавола и въ то же время кидитъ Еммануилу, избранному за престоломъ въ облакахъ, — переводъ, нерѣдкій въ древней иконописи. Несмотря на то, что эта икона или поновлена, или даже не особенно давно написана, она заслуживаетъ вниманія по своимъ пояснительнымъ надписямъ (обычно-

1) Буслаевъ, въ Сборникъ на 1866 г., изд. Общ. др.-рус. иск., стр. 72.

2) Кондаковъ, „Опись“, стр. 60.

венно подобныя изображенія — безъ нихъ); вверху: „Небеснаго царя державы крѣпкій, сильный, страшный, грозный воевода отъ Бога учиненъ архистратигъ Михаилъ“; на поляхъ: „престолъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка“; на другой сторонѣ: „изыде отъ кадила благоуханіе по всей вселеннѣй“; внизу: „морю вскипѣвшему врагу оскудѣша оружіе въ конецъ“.

№ 90. Икона Рождества Христова. Вверху звѣзда. Слѣва отъ зрителя ѣдутъ три всадника (волхвы), обратившіе взоры къ звѣздѣ. Справа три спящія фигуры, предъ ними ангель; это, безъ сомнѣнія, согласно подлинникамъ, напр. сводному, „трѣмъ пастыремъ благовѣститъ архангелъ Гавріилъ о рожденіи Христа Сл., Сына Божія и посылающа въ вертепъ“. Въ срединѣ Богоматерь. Предъ нею ясли въ видѣ ящичка, въ которомъ лежитъ спеленатый Спаситель. За ящичкомъ два животныхъ. Богородица обратилась, поднявши руки, вправо къ тремъ подходящимъ волхвамъ. Влѣво отъ животныхъ двѣ фигуры (пастыри?), передняя указываетъ правой рукою на звѣзду. Внизу ихъ — бабка Соломія, омывающая Богомладенца. Подъ волхвами Іосифъ съ пришедшимъ къ нему пастыремъ. Влѣво отъ бабки изображено бѣгство въ Египетъ. За св. семействомъ слѣдуетъ четвертая фигура въ нимбѣ. (По предаіію „Іосифъ отправился въ Египетъ въ сопровожденіи одного или нѣсколькихъ членовъ своей семьи. Въ одномъ памятникѣ древней письменности мы встрѣтили, говорить проф. Н. В. Покровскій, замѣчаніе, что Іосифъ, „попавъ Отроча и мать Его и сыны своя и дщери, иде во Египетъ“¹). Изъ чети миней 25 дек. и критическаго подлинника узнаемъ, что св. семейство сопровождалъ сыно Іосифа отъ первой жены — Іаковъ,

братъ Господень по плоти; преданіе это проникло и въ восточную гимнографію, гдѣ объ ап. Іаковѣ поется: самовидецъ божеств. таинъ: бѣгалъ съ нимъ, и въ Египтѣ бывъ со Іосифомъ, матерію же Іисусовою (стих. 2 на стих. 23 октября). Это-то лицо и вошло въ композицію изображенія бѣгства во Египеть. Она изображается иногда въ нимбѣ, чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго слуги¹⁾. Внизу Богоматери и пониже Соломіи и Іосифа съ пастыремъ — женская фигура въ пещерѣ; около пещеры воинъ (женская фигура — Елизавета, укрывшаяся отъ воиновъ, избивавшихъ младенцевъ). Въ нижнемъ ряду, слѣва отъ зрителя — царь Иродъ на тронѣ, со скипетромъ, лѣвая рука простерта въ разсужденіи. Его окружаютъ тѣлохранители. Предъ нимъ воины, впереди которыхъ священникъ со свиткомъ: „Христосъ родился въ Вифлемѣ ію“ (на ризѣ написано только „Христосъ“, остальные слова можно прочитать только подъ ризою). Далѣе изображено изобіеніе младенцевъ. Младенцы представлены даже выше головы воиновъ. Направо отъ зрителя, въ палатахъ, двѣ фигуры въ нимбахъ, но не повлаченныхъ, какъ другіе. Одна фигура на колѣняхъ, а другая — воинъ, преслѣдующій ее. Это, очевидно, умерщвленіе Захаріи предъ жертвенникомъ; сооружавшій же ризу не могъ, однако, понять значенія этой группы и одинаково надѣлалъ вѣнцомъ какъ святого Захарію, такъ и воина-убійцу. Изъ-подъ жѣдной ризы видно великое множество избіенныхъ младенцевъ. За Іосифомъ и пас-

1) Ркл. Соф. библ. № 1186, л. 100 об.

2) Евангеліе въ пам. иконографіи, стр. 141.

тыремъ — сиящій Іосифъ, а предъ нимъ ангелъ. Размѣръ иконы 38 × 32 в. Она находится въ иконостасѣ. Вотъ схема этой иконы:

Звѣзда.

Три волхва.

Волхвы.

Богородица.

Два пастыря.

Пастыри.

Іосифъ и ангелъ.

Іосифъ и пастырь.

Бабка Соломія.

Иродъ.

Св. Елизавета въ пещерѣ.

Бѣгство въ Египетъ.

Избиеніе младенцевъ.

Убиеніе Захаріи.

№ 91. Подобный же переводъ на иконѣ Рождества Христова во второмъ ярусѣ того же иконостаса. Здѣсь заслуживаютъ вниманія надписи, объясняющія изображенныя событія. Надъ волхвами надпись: „Волсви персидстін“. Волхвы съ дарами — во второмъ ряду изображеніи поклоняются Спасителю, лежащему въ ясляхъ. Надъ Нимъ ангелы. Богоматерь по другую сторону. Къ ней идутъ два пастыря. Надъ пастыремъ у Іосифа надпись: „Накѣннѣ“. У Соломіи, которой здѣсь помогаетъ дѣвица, льющая воду, надпись: „баба“. У четвертой фигуры въ изображеніи „бѣгства во Египетъ“ ить нимба. Въ пещерѣ изображена Елизавета. Надпись: „Бежа Елизавега въ гору со Іоанномъ“. На картѣ у стоящаго передъ Иродомъ старца написано: „Христосъ родитса въ Вселсемѣ іудейстѣмъ тако писано естъ“. Въ изображеніи избиенія младенцевъ представлено множество убитыхъ дѣтей, а надъ ними рыдающія матери. Вонны

колютъ пиками и разсѣкаютъ младенцевъ мечами. Въ углу вонь закалаетъ Захарію у жертвенника. Размѣръ иконы 20 × 16 в. Окладъ на ней вылащенный. Схема изображеній на иконѣ:

Волхвы.	Звѣзда.	Явленіе ангеловъ спящимъ пастырямъ.
Поклоненіе волхвовъ.	Спаси- тель.	Два пастыря.
Ангелъ и Іосифъ, сня- щій подъ де- ревоуъ.	Дѣвица и баба омывають стоящаго Младенца.	
Иродъ.	Елизавета укрывается въ пещерѣ.	
	Избіеніе младенцевъ.	
	Захарія.	

№ 92. Покровъ Пресвятыя Богородицы. У Богоматери, стоящей на облакахъ, на рукахъ омофоръ, въ десницѣ хартія съ надписью: „Царю небесный прими всякаго челоуѣка, славицаго ты и призывающаго имя твое престою на всякомъ мѣстѣ, идѣже бываетъ“. Надъ палатами (седмиглавая церковь) — облачный Спасъ, десницею

благословляетъ, въ шуйцѣ харти: „Придѣте благословенніи отца моего наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе“. За Богородицею на облакахъ Іоаннъ Предтеча съ дуперстно сложенной десницей и молитвенно простертою шуйцей; за нимъ Іоаннъ Богословъ съ евангеліемъ въ десницѣ и простертою шуйцей; апостоль Петръ со свиткомъ въ правой рукѣ и съ простертою лѣвой; св. ап. Павелъ съ книгою въ рукахъ, Василій Великій съ Евангеліемъ въ десницѣ и простертою шуйцей, ризы на немъ древней формы. Во второмъ ряду, выше, изображены: Моисей со скрижалями, царь Давидъ съ простертою шуйцей, св. великомученикъ Георгій въ латахъ, св. Іоаннъ Златоустъ съ евангеліемъ въ десницѣ и простертою шуйцей. Въ третьемъ ряду, еще выше, преподобный Кириллъ Бѣлоозерскій съ молитвенно воздѣтыми руками, великомученица Евдокія въ схимонашеской одеждѣ¹⁾. Въ четвертомъ ряду три ангела съ бѣлыми жезлами, а передній, кромѣ того, держитъ кругъ. Внизу, по срединѣ церкви, на амвонѣ новой (т.-е. послѣ половины XVII в.) формы — юноша Романъ Сладкопѣвецъ въ діаконскихъ одеждахъ, съ хартій въ шуйцѣ: „Дѣва днесъ пресущественнаго раждааетъ и земля вертепъ неприкосновеннаго приноситъ, ангели съ пастырами славословятъ воѣ“, десницею указуетъ на хартію. Около Романа на возвышеніи патр. Тарасій, около него архіерей, священники и множество народа. На царскомъ мѣстѣ, возлѣ патріарха — царь Левъ, правую руку поднялъ въ изумленіи. Надъ его балдахиномъ — балдахинъ царицы Зои, взирающей изъ-подъ занавѣса съ распростертыми руками (жестъ удивленія); извѣстно, что нѣкогда въ восточной Церкви женщины при богослуженіи стояли особо на хорахъ за занавѣсомъ. Влѣво отъ Ро-

мана — Андрей, обнявши Елифанія, указывает на Царицу небесную. За этою группою — палаты въ родѣ бесѣдки, гдѣ на ложѣ съ занавѣсомъ юношѣ Роману Богородица влагааетъ въ уста свитокъ. Между облачнымъ Спасомъ и царицей Зоей — колокольна съ пятью колоколами литовскаго литья, т.-е. формы черепушки. Надъ колокольною восьмиконечный крестъ. Размѣръ $38 \times 27\frac{1}{2}$ в. На иконѣ изображенъ святитель въ фелони древняго покроя, существовавшего въ XV—XVI вв., и въ то же время амвонъ — новой, послѣ Никона, формы; это обстоятельство, на ряду со многими другими, свидѣтельствуетъ о существованіи въ иконописи анахронизмовъ, о томъ, что на иконѣ одновременно съ особенностями быта, современнаго иконописцу, находили себѣ мѣсто особенности быта гораздо древнѣйшаго, и что, поэтому, на основаніи какой-либо детали иконы, относящейся къ извѣстному времени, нельзя еще относить икону къ этому послѣднему.

Облака нарисованы очень удачно и вѣрно. Изумленіе народа передъ поющимъ Романомъ изображено довольно живо. Композиція иконы — довольно перѣдко встречающаяся въ рижскихъ церквахъ и интересная по тому сказанію Четвы Минеи, которому она служить иллюстраціей, и которое обычно упускается изъ вниманія обслѣдователями иконы Покрова Богородицы (см. сійскій подлинникъ). На иконѣ изображены два событія: а) относящееся къ VI—VII вѣку, изъ житія св. Романа Сладкопѣвца и б) X вѣка — изъ житія св. Андрея Христа ради юродиваго. О первомъ изъ этихъ со-

1) По софійскому подлиннику, на Евдокеи клубокъ лазорь, не круглой, ряска санкиръ съ бѣлымъ, а по сводному (подъ 1 марта), на главѣ клубокъ круглый лазоревый, мантия темная, ряска санкиръ съ бѣлѣмъ.

бытій въ Четьи Минеѣ говорится слѣдующее. Св. Романъ, будучи человекомъ неученымъ, но добродѣтельнымъ, состоя въ должности понамаря церкви св. Софїи въ Константинополѣ, пользовался особымъ расположеніемъ патріарха, чѣмъ возбудилъ къ себѣ зависть въ другихъ понамаряхъ, которые сговорились сдѣлать ему непріятность. Былъ обычай „на амвонѣ кондакъ единому клирику пѣти. Единою же въ на-вечеріе праздника Рождества Христова, пришелшу царю въ церковь, и Роману поставляющу свѣтильники по церкви, емше его, клирицы влечаху на амвонъ, глаголюще: равны части съ нами сподобенъ еси, равнѣ убо богохвальную пѣснь, возшедъ вынѣ на амвонъ, воспой, якоже и мы. Сіе творяху на посрамленіе его, завистію одержими, вѣдуще, яко не вѣсть писанія и не можетъ то сотворити. Романъ же такое поношеніе отъ клириковъ пріемъ при царѣ и при всемъ народѣ, въ церкви сущемъ, постыдися зѣло и плакаше. По отпущеніи же пѣнія, ишедшемъ вѣмъ изъ церкви“ (онъ, какъ понамарь, остался, вѣроятно, для уборки храма), поверже себе предъ образомъ Пресвятыя Богородицы горчѣ рыдая и моляся. Долго же плакавъ и молился, воста и поиде въ домъ свой, и не пріемъ пища“ (т.-е. ужинать не сталъ), „усну мало: и се явился ему во снѣ Пресвятая Владычица наша Богородица, яко вѣмъ скорбящимъ утѣшеніе, держащи въ рудѣ свитокъ книжный малъ и рече тихимъ гласомъ Роману: „отверзи уста“. Отверзшу же ему уста своя, вложи свитокъ Владычица глаголя: „снѣдъ сіе“. Романъ же снѣдъ и проглону хартію, и абіе пробудися и не видѣ никогоже: невидима бо бысть являшася. Исполнися же его сердце неизреченныя сладости и утѣхи духовныя, и размышляше видѣнное, ощути же

во умѣ своемъ разумѣніе книжное: отверзе бо ему Дѣва Богородица, яко же иногда Сынъ ея апостоламъ умъ разумѣти писаніе. И наполнися сердце его премудрости великія, и нача со слезами воздавати благодареніе учительницѣ своей, яко въ маломъ времени вразуми его болѣе, неже кто чрезъ многая лѣта учася разумѣеть. Придшу же времени всенощнаго пѣнія, поиде въ церковь, радуяся и веселися о благодати, данной ему отъ благодатныя Дѣвицы. Егда же бысть часть пѣнія кондака, взыде Романъ святыи на амвонъ и воспѣ сладкимъ голосомъ свой кондакъ, егоже во умѣ своемъ изложи, глаголя: Дѣва днесь пресущественнаго раждаеть¹⁾, и земля вертепъ неприступному приносить и прочая. Все же то видяще и слышаще удивившася²⁾ (вотъ почему на разматриваемой иконѣ царь при видѣ Романа, поющаго на амвонѣ, разводитъ руками, — конечно, отъ удивленія) и въ сладость пѣнія того послушаху, внемлюще силѣ поемыхъ словъ³⁾. Когда, по окончаніи пѣнія, патріархъ спросилъ у Романа, „откуда ему сія премудрость“, и Романъ разсказалъ патріарху о бывшемъ съ нимъ чудѣ, патріархъ „постави его абіе діакономъ²⁾“, и течаше отъ устъ его аки рѣка премудрость, и иже ему первѣе досаждяху о простотѣ и о невѣжествѣ, тѣи посемъ у него учахуся. Сотвори же множество кондаковъ праздникамъ Господнимъ

1) Въ макарьевскихъ Четьяхъ Минеяхъ про это говорится такъ: „И абіе возблудъ отъ она (Романъ), вшедъ на амвонъ, нача пѣти: Дѣва днесь *пресватано* раждаеть“. Великия Минеи Четии, изд. Археограф. Комиссии, октябрь, стр. 3.

2) Въ греч. ред., которой, повидимому, слѣдовала и описываемая икона, бл. Романъ уже имѣлъ во время чуда чинъ діаконосій.

Прим. ред.

и богородичнымъ и святымъ нарочитымъ, яко быти кондакамъ его до тысячи и болѣе: и отъ всѣхъ почитаемый бысть зѣло“¹⁾.

Другое событіе, представленное на иконѣ, которое и послужило поводомъ къ установленію праздника Покрова, это — видѣніе св. Андрея и Елифанія въ константинопольскомъ Влахернскомъ храмѣ, — что во время всеобщаго бѣднія Пресвятая Богородица съ ликами святыхъ на воздухѣ молилась Господу за христіанъ. Нѣсколько основаній къ тому, чтобы соединить эти два событія въ одной композиціи: 1) Романъ Сладкопѣвецъ часто посѣщалъ Влахернскій храмъ, гдѣ было чудесное видѣніе святому Андрею; 2) предметъ пѣснопѣнія св. Романа — Богоматерь и молитвы ея за насъ и съ нами; 3) память его и праздникъ Покрова приходятся на одно и то же число — 1 октября.

Замѣчательно то обстоятельство, что на разматриваемой иконѣ старообрядческой моделью есть деталь, указывающая на то, что современные раскольники или не знаютъ сочиненій первыхъ расколочителей, или же несогласны съ ними во взглядахъ на нѣкоторые первыя принадлежности культа. На этой иконѣ — амвонъ новой формы (т.-е. въ видѣ полукруглаго возвышенія), а не старой (въ видѣ каедр). „Да онъ же Никонъ, бывшій патріархъ“, пишетъ Никита Пустосвятъ, „амбоны старые изывломатъ велѣлъ и въ то мѣсто рундуки со степенями учинить велѣлъ“. Указавши на существованіе амвоновъ, „строенныхъ чудотворцами по чину восточныхъ Церкви“, прежней формы, „а не рундуками“, Никита продолжаетъ: „Еще же о тѣхъ старыхъ амбонахъ изычно свидѣтельствуя старописанныя Покрова Пречистыя Богородицы иконы,

что на нихъ амбоны написаны по чину Влаернской церкви, якоже въ русскихъ гра-
дѣхъ, а не рундуками²⁾. Изъ того, что Пустосвятъ ссылается на „старописанныя“
иконы, можно заключать о существованіи уже въ его время иконъ Покрова съ ам-
вонами новой формы. Дѣйствительно, на знамени Большаго полка 1664 года на изобра-
женіи Покрова Пресвятой Богородицы — амвонъ новой формы.

Иконописный подлинникъ XVI вѣка указываетъ для иконы Покрова слѣдующія
черты: „Церковь съ одною маковицею; по сторонамъ двѣ палаты; Богоматерь на
облакахъ, равно какъ и Петръ съ другими апостолами, а Предтеча съ Павломъ
и святителями на лѣвой сторонѣ, а подъ ними облачекъ; Романъ по обычаю, а около
него народъ; церковь охра съ бѣлилы³⁾“. Въ строгановскомъ подлинникѣ изобра-
жена церковь о трехъ главахъ, четвертая глава, вѣроятно, принадлежить другой со-
сѣдней церкви. Внутри на облакѣ Богоматерь съ омофоромъ, простертымъ надъ на-
родомъ. Надъ нею два ангела также держатъ омофоръ. Выше — благословляющей
обѣими руками Спаситель. По сторонамъ Богоматери два рада святыхъ, изъ которыхъ
впереди можно различить Давида въ коронѣ и съ хартіей въ рукѣ (передній въ верх-
немъ ряду по правую сторону Богоматери) и Предтечу (передній въ томъ же ряду,
но съ лѣвой стороны отъ Богородицы). На амвонѣ древней формы Романъ со свѣт-
комъ. Направо отъ Романа царь на царскомъ мѣстѣ (въ родѣ узкой ниши или бе-

1) Четьи Минеи, 1-е октября.

2) Матеріалы для исторіи раскола, т. IV, стр. 140—142.

3) Софійскій подлинникъ подъ 1 октября.

сѣдки съ аркою вверху). За царемъ — патриархъ и народъ. Налѣво отъ Романа обычная группа — Андрей съ ученикомъ Епифаніемъ. Царь, патриархъ, Андрей и Епифаній въ нимбахъ. Въ церкви, по обѣ стороны амвона — народъ. Сводный подлинникъ представляетъ композицію праздника Покрова Богородицы гораздо сложнѣе: Церковь стоитъ о пяти верхамъ; за нею по сторонамъ палаты; въ церкви на вышеніи стоитъ Пресвятая Богородица, солнечнымъ сіяющая свѣтомъ и покрывающая людей честнымъ своимъ омофоромъ. И ста Пречистая между двумя дѣвственницами¹⁾ Иоанномъ Предтечею и Иоанномъ Богословомъ и окрестъ ея множество предстояху ангельскихъ воинствъ, пророковъ, преподобныхъ, мучениковъ и дѣвственниковъ, подобныхъ и праведныхъ въ бѣлыхъ ризахъ, съ благоговѣніемъ стоящихъ. И св. Пречистая Богородица, молящаяся Сыну своему и Богу нашему, умиленнѣ и прозирающею честнѣйшія свои рѣчь, со слезами за весь міръ, вѣщающа словеса, въ молитвѣ, милосердая, глаголющи: Царю небесный, пріими всякаго челоуѣка, славащаго Тя и призывающаго имя Твое на всякомъ мѣстѣ именемъ моимъ, пріемля ихъ всяку молитву и обѣты и отъ всякихъ бѣдъ и золь избавляя. Надъ нею въ облацѣхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ обѣма руками благословляетъ; окрестъ Его ангели и архангели, херувимы и серафимы и вся девять чиновъ. Надъ Пречистою омофоръ, сирѣчь покровъ, красенъ, прописанъ златомъ, а держать за концы два ангела. По правую сторону Пречистая ликъ пророческій со Предтечею, а по лѣвую — апостольскій со Иоанномъ Богословомъ, за ними ликъ всѣхъ святыхъ; а выше Пречистая два херувима киноваръ; подъ ногами ея двери царскія, противъ — амвонъ, на амвонѣ

стоитъ Романъ пѣвецъ, младъ, риза діакопская киноваръ, исподъ лазоръ, въ рукѣ свитокъ, а въ немъ написано: Дѣва днесъ. Въ церкви множество народу стоящу, св. Андрей Христа ради юродивый возведе очи свои горъ и видѣ небесную Царицу, покровительницу всего міра, Пресвятую Дѣву Богородицу и рече ученику своему Елифанію: видѣши ли, брате, Царицу и Госпожу всѣхъ, молящуюся о всемъ мірѣ? Онъ же рече: вижу, св. отче, и ужасаюся. Св. Андрей правою рукою указываетъ Елифанію св. Богородицу. Елифаній младъ, образомъ аки Георгій, риза киноваръ, исподъ лазоръ. Явися Пресвятая Богородица въ царствующемъ Константинѣ градѣ въ царство Льва, царя благочестиваго, въ преславной Богородичной, яже во Влахернахъ, церкви, идъже совершающаюся всенощному пѣнію, въ день недѣльный, октября мѣсяца въ первый день, и множеству народа предстоящу о четвертомъ часѣ ноци“.

№ 93. Въ первомъ же ярусѣ иконостаса — **Входъ Господень во Іерусалимъ**. Христосъ на ослѣ, благословляетъ двуперстно, въ шуйцѣ держитъ вожжи. За Нимъ — группа апостоловъ, между ними Лука, къ которымъ Господь обратился. Сзади юноша „Іуда Искаріотъ“²⁾ съ выраженіемъ злости на лицѣ. Изъ воротъ іерусалимскихъ вы-

1) Не указываетъ ли эта иконографическая деталь, которой нѣтъ въ софійскомъ подлинникѣ, на то обстоятельство, что въ XVII вѣкѣ композиціи составлялись чернецами въ обителяхъ? (ср. икону „Чинъ иноческаго постриженія“).

2) Въ сирійскомъ евангелии въ Лаврентіанской библиотекѣ во Флоренціи, конца VI вѣка, на миниатюрахъ „Іуда — юиомская фигура, цѣлуетъ Іеуса Христа въ руку, котораго саади уже схватываютъ двое воиновъ“; „Іуда, въ сбромъ хитонѣ, виситъ на суку: фигура отлично нарисованная. Подъ Іудую сосудъ въ видѣ рога съ его внутренностями, которыя кладезь вороновъ“. Буславевъ, Общія понятія, стр. 58. Такамъ образомъ, изображеніи Іуды юношею существовали въ древности.

ходятъ народъ и дѣти съ ваими, одинъ изъ дѣтей подстилагетъ одежду. Со стѣнъ іерусалимскихъ и въ отверстія ихъ смотритъ множество зрителей. Около городскихъ стѣнъ традиціонное дерево, на которомъ сидятъ нѣсколько дѣтей, ломаютъ и бросаютъ внизъ вѣтви. Зданія іерусалимскія съ развѣвающимися на нихъ, на шпичкахъ, флагами. Вверху, въ углу иконы изображено воскрешеніе Лазаря. Спеленатый Лазарь, поддерживаемый справа юношей, стоитъ во гробѣ, предъ нимъ благословляющій его Христосъ, къ ногамъ Котораго припала одна изъ сестеръ Лазаря, касаясь ихъ руками. Другая сестра стоитъ на колѣняхъ, простерши и сложивши вмѣстѣ руки. За Христомъ апостолы, сзади которыхъ — фигура Іуды безъ нимба. Изъ-за горъ смотритъ мятущаяся толпа зрителей. Повсюду горы. Размѣръ иконы 38×28 в.

Соединеніе въ одну икону изображеній двухъ событий — воскрешенія Лазаря и входа Господня во Іерусалимъ — объясняется какъ хронологическою близостью ихъ, такъ и тѣмъ, что воскрешеніе Лазаря празднуется подъ Вербное воскресенье.

№ 94. Во второмъ ярусѣ иконостаса — **Покровъ Пресвятыя Богородицы.** Левъ и Зоя подъ однимъ балдахиномъ, рядомъ множество народа и Тарасій съ со-служачами. Вся церковь полна молящимися. Андрей и Епифаній на обычномъ мѣстѣ. У стоящаго Епифанія правая рука у щеки, какъ бы для выраженія скорби. На амвонѣ новой формы — Романъ съ хартіей: „Дѣва днесь предстоитъ“. Надъ нимъ на облакахъ Богоматерь на рукахъ держитъ омофоръ. Окрестъ архангелы: Михаилъ, Рафаиль, Гавріиль и др. и лики апостоловъ, святителей, преподобныхъ — четыре

ряда. Выше, на херувимъ благословляющій Христось съ евангеліемъ въ шуйцѣ. Окладъ на иконѣ вышаченный. Размѣръ ея 20 × 16 в.

№ 95. На правой сторонѣ отъ входа икона **Покрова Пресвятыя Богородицы**. Богоматерь на облакѣ, простерши руки, на нихъ омофоръ; въ десницѣ свитокъ: „Господи Иисусе Христе, сыне мой, услыши молитву“. Ошуюю Богоматери три ряда святыхъ: вверху за ангелами святые съ надписями: Давидъ, Моисей, Іоаннъ, Александръ (преподобный); во второмъ ряду: Іоаннъ Предтеча съ простертыми руками, Іоаннъ (Богословъ), Петръ и Павель (въ десницѣ Павла евангеліе, шуйца простерта), нимбъ и часть головы Іоанна (Златоуста?), Василій въ крестчатой ризѣ старинной формы, держитъ евангеліе, Григорій, нимбъ и часть головы Козьмы, Даміанъ и святой съ надписью, которую разобрать трудно. Подъ Предтечею и Богоматерью облако. Въ третьемъ ряду: Парасковія, Марина, Анастасія, Анна, Екатерина въ вѣнцѣ и др. Внизу на амвонѣ древней формы Романъ съ простертою десницею, въ шуйцѣ свитокъ: „Дѣва днесь пресусществе“. Около Романа — справа патр. Геннадій¹⁾ въ саккосѣ и омофорѣ, держитъ евангеліе, другой святой въ нимбѣ облаченъ въ ризы новой формы (не есть ли это доказательство того, что эта фигура явилась въ композиціи въ послѣдующее время? во всякомъ случаѣ, соединеніе на одной иконѣ ризъ двухъ разныхъ покровъ можетъ свидѣтельствовать или о существованіи этихъ покровъ одновременно въ русской Церкви, или же о томъ, что иконники не стѣснялись анахронизмами въ своихъ произведеніяхъ). Церковь полна

¹⁾ Св. Геннадій, патриархъ царградскій, скончался въ V вѣкѣ.

народа. Андрей, по выражению подлинника, „вышлечася“, обнявшій Елифанія и укузующій на Богородицу, изображенъ въ правомъ отъ зрителя углу, въ народѣ. Справа отъ Геннадія царь Левъ съ простертыми отъ изумленія руками. Отъ него направо, въ палатахъ (въ родѣ бесѣди) спящій Романъ получаетъ свитокъ отъ Богородицы, которую сопровождаетъ ангель. У лежащаго Романа десница простерта въ разуженіи. Надъ царемъ Львомъ — Зоя, впереди женщинъ, стоящихъ вверху, на хорахъ (гинекоиты), надъ Романомъ. Въ лѣвомъ отъ зрителя углу облачный Спасъ съ благоговяющей десницею. Палаты: подъ Спасителемъ — одноглавая, а за Богородицею — трехглавая цркви, за архангелами — колокольня. Окладъ на иконѣ вышпаченный по полямъ. Размѣръ иконы 7 × 6 в.

№№ 96, 97 и 98. На правой стѣнѣ отъ входа — „Архангельскій Деисусъ“, т.-е. Еммануиль, а по сторонамъ Его архангелы Михаилъ и Гаврииль, — изображены на трехъ доскахъ; размѣръ каждой — 7 × 6 в. Надпись: „Господь Еммануиль“, „архангелъ Михаилъ“, „архангелъ Гаврииль“. Архангельскій Деисусъ является весьма близкимъ къ изображенію собора архангеловъ. Въ сводномъ подлинникѣ подъ 8 ноября читаемъ: „Михаиль начальникъ вышнимъ силамъ: риза верхъ киноварь, исподъ лазорь. Архангели младымъ образомъ пишутся, курчеваты, виднѣимъ благолѣпны, и велики прекрасны, на единомъ риза киноварь, средняя лазорь, исподъ киноварь съ бѣлизь, держатъ *Спаса Вседержителя Еммануила во облакъ*, подъ Спасомъ херувимъ киноварень, съ другой ссерафимъ лазорь, вси ангели крылаты, со скипетры. Аще хочещи большій соборъ писати, еже толкуется собраніе девяти чиновъ: 1) херу-

вмы, 2) серафимы, 3) престоли, 4) господствія, 5) многочители, 6) власти, 7) силы, 8) архангели, 9) ангели". Въ Строгановскомъ подлинникѣ подъ 8 ноября читаемъ: „Соборъ архистратига Михаила и протчихъ безплотныхъ. У Михаила риза кеноварь, средняя лазорь, исподъ кеноварь съ бѣлиломъ. Гавриилъ риза празелень. Средняя кеноварь з бѣлиломъ, исподъ санкирь з бѣлиломъ“. Изображены два архистратига, держащихъ въ медальонъ *Еммануила*, за Нимъ сонмъ ангеловъ, внизу херувимы. Подобное же изображеніе и подъ 26 марта (соборъ архистратига Михаила). Въ сводномъ подлинникѣ подъ этимъ числомъ говорится: „Ангели Господни, хотя и духи нешестивенни, но пишутся во образѣ красныхъ юношъ, ихъ же красоты изрѣщи невозможно; лица ихъ бяху пресвѣтлѣйшая, очи любезно взирающе, власы главы ихъ аки снѣгъ бѣлы, зловидное показующъ блещаніе, одежды ихъ яко молнія бяху, препоясаны поясы златыми по сосцамъ крестообразно. Святыхъ седми превъсочайшихъ архангеловъ, небесныхъ силъ, ихъ же имена суть сія: Михаилъ, Гавриилъ, Рафаилъ, Уриилъ, Селафіилъ, Іегудіилъ, Варахіилъ. Бяше же сихъ святыхъ архангеловъ въ древняя времена въ вѣхомъ градѣ Римѣ, въ Неаполѣ, градѣ Кампанійскомъ, въ Панорамѣ, градѣ Сицилійскомъ, въ святыхъ церквахъ лица ихъ иконописнымъ художествомъ на дскахъ, мусіею же по стѣнамъ церковнымъ написаны быша. Ихъ же начертаніе сичево: святой Михаилъ изображенъ бѣ топчущъ ногами Люцифера, шуйцею держащъ вѣтвь финичную зеленую, десницею же копіе, имущее на версѣ своемъ хоругвь бѣлую, около копія концемъ обвивающуюся, а на ней червленъ крестъ истканъ; святой Гавриилъ изображенъ бѣ держащъ десницею фонарь

23*

съ возженою внутрь свѣщю, въ шуйцѣ же зеркало каменно яписа зелена, червленности нѣчто мѣстами въ себѣ имуща... Сія подпись подписывается надъ каждымъ архангеломъ: Михаилъ есть побѣдитель супостатовъ, Гавріиль вѣстникъ Божіихъ тайнъ“.

Въ древне-русской иконописи Иисуса Христа — Еммануила обычно изображали въ видѣ младенца или отрока для обозначенія, конечно, Его вѣчности, съ архангелами по сторонамъ — Михаиломъ и Гаврииломъ, какъ предстоящими престолу Божію и посвященными въ тайны божественныя, какъ первозданными существами предъ „Первозданнымъ всея твари“.

№ 99. **Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы.** У отверстыхъ царскихъ вратъ и завѣсы, сквозь которыя видно окно алтаря, на возвышеніи первосвященникъ Захарія благословляетъ Богородицу, простершую къ нему руки. Далѣе Іоакимъ и Анна и сонмъ дѣвицъ съ возженными свѣтильниками. Вверху, въ отдѣленіи палатъ, „архангелъ Гавріиль“ съ жезломъ въ шуйцѣ, десница указующая двуперстно, предъ возсѣдающею на крестѣ или на престолѣ Богоматерью, которая простерла руки какъ бы въ изумленіи.

№ 100. **Икона Благовѣщенія.** Богоматерь, — стоящая на подножіи своего сѣдалища съ простертыми руками; предъ Нею на столѣ книга, раскрытая на словахъ: „се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему“. Предъ Богородицей архангелъ, десницею указующій двуперстно, въ шуйцѣ жезлъ трезубый и кругъ „Иисусъ“, далѣе тогъ же архангелъ, въ шуйцѣ кругъ „Иисусъ“, въ десницѣ мечъ трезубый, — перстомъ указываетъ на кругъ. Вверху на облакахъ Господь Саваоѣ на

престолѣ, благословляющій двуперстно. Изъ устъ Его лучи, въ которыхъ въ кругѣ Духъ Святыи въ восьмиконечномъ нимбѣ, какъ и Богъ Отецъ. Предъ Саваоомъ, преклонившись, архангелъ Гавріиль держитъ кругъ „Исусъ“. Палаты. Размѣръ иконы 9 × 8 в. Эта икона, какъ и предыдущая, вѣроятно, прошла столѣтія, — писъма старобрядческаго. Она, очевидно, носитъ на себѣ слѣды полемики о имени Спасителя: одно изъ самыхъ употребительныхъ возраженій противъ имени „Исусъ“ то, что ангеломъ принесено имя „Исусъ“.

№№ 101, 102 и 103. Едва ли не самая художественная икона въ модельнѣ — каждая размѣромъ 8 × 7 в. Сопровождаяшій насъ Федосѣвецъ, указывая на нихъ, говорилъ, что онѣ „пальмоваго писъма“, а въ доказательство ихъ древности указалъ на дски, обратившіяся по мѣстамъ въ порошокъ. Иконы настолько свѣжи, сохранны, что весьма легко съ перваго раза усумниться въ ихъ древности. Если изображенія настолько же древни, какъ и доски, то умѣли же въ древности приготовить крѣпкія и яркія краски. Недоумѣвая, о какомъ „пальмовомъ“ писъмѣ толкуетъ Федосѣвецъ, мы взглядывались въ иконы. При идейности, осмысленности и въ то же время натуральности изображенія (даже складки кожи обозначены на иконѣ), мы обратили вниманіе на греческій типъ Еммануила, напоминающій Зевеса, и копію съ Еммануила, писаннаго Панселиномъ. Едва ли, однако, это писъмо — греческое въ виду того, что надписи на иконахъ русскія. —

№ 101. „Агіосъ Іоаннъ Θεολογъ“, — у него въ полураскрытомъ евангеліи видно: „ви... уб... чес... не во“.

№ 102. Еммануилъ.

№ 103. „Агіосъ Симеонъ Богопріимецъ“. У него на хартіи: „Нынѣ отпущаши раба своего Владыко по глаголу твоему“. Фонъ всѣхъ этихъ трехъ иконъ золотой; одежды прописаны золотомъ.

№ 104. Въ молельнѣ на перегородкѣ, слѣва отъ входа, отдѣляющей помѣщеніе для женщинъ, между другими иконами обращаетъ на себя вниманіе Распятіе. Одинъ изъ воиновъ прободаетъ ребро, другой — подаетъ губку съ желчью. По обѣимъ сторонамъ — распятыя разбойники. Предстоящіе — Іоаннъ, Логанъ, Марія, мурносицы, воины. У подножія три воина мечутъ жребій; средній держитъ одежду, сѣдѣице по сторонамъ простерли къ нему руки. Около воиновъ — падающіе чегуреугольники, по два около каждаго. Внизу надпись: „Раздѣлиша риза моя себѣ и одеждѣ моей меташа жребія. Уалома ѿкъ, стихъ ѿ“. Одежды лежатъ у ногъ. Внизу, справа отъ зрителя, — „проповѣданіе о Хртѣ во адѣ праведникомъ ст҃аго Іоанна Прѣчи“. Стоящіе предъ Іоанномъ — Давидъ, Исаія, Моисей, Іезекииль, Данииль. Слѣва изображено „снятіе со креста и положеніе во гробъ Гда ншего Ісѣа Хртѣ“. У креста двѣ лѣстницы къ перекладиנѣ. У гроба, облачая Спасителя въ плащаницу, стоятъ въ печали Богоматерь, „Іосифъ“, „Марія“, „Соломонія“, „Іоаннъ“, „Никодимъ“. Сверху летятъ ко Христу ангелы съ гробными пеленами. По угламъ — скрывающее лучи свои, потемнѣвшее солнце и красный дискъ луны. Вверху, на престолѣ, — Отечество. Богъ Отецъ, въ восьмиконечномъ нимбѣ, десницею благословляетъ Сына, шуйца простерта. У Сына Божія правая рука простерта, шуйца возложена на шаръ

съ водруженнымъ крестомъ. Подъ престоломъ — херувимъ. Размѣръ иконы — 8×7 в. № 105. На этой же перегородкѣ икона Божіей Матери „**Всѣмъ скорбящимъ радость**“. Богоматерь со скипетромъ въ шуйцѣ и шаромъ въ десницѣ. Въ верхнемъ ряду по два святыхъ на каждой сторонѣ. Справа отъ Богоматери — Григорій Декаполитъ и Варлаамъ, слѣва — Θεодосій (?) въ святительскихъ одеждахъ и преподобный Сергій Радонежскій. По нимъ, по обѣимъ сторонамъ Богородицы, — харгіа: „**О прѣстѣлѣ** Гѣже Владѣще Бѣще вышше еси ты аггелъ и архангелъ и всеа твари чстнѣйши и помощнице, ненавдѣющимся надѣяніе, убогимъ заступнице, печальнымъ утѣшеніе и поможене“. Далѣе внизъ, по сторонамъ Богородицы, по три маленькихъ харгій на каждой сторонѣ: „**болынымъ исцѣленіе**“ (изображено: болыные съ упованіемъ взраютъ на Богоматерь), „**нагимъ одѣяніе**“ (ангелъ покрываетъ нагихъ), „**хромымъ хожденіе**“ (представлены хромые, у одного — нога деревянная), „**алчущимъ питательнице**“ (алчущіе; одинъ протягиваетъ руки, другой держитъ ихъ у лица, третій скрестилъ ихъ на груди), „**страннымъ прибѣжище**“ (ангелъ съ кругомъ въ шуйцѣ подходитъ къ странникамъ), „**грѣшнымъ спасеніе**“ (толпы разнаго рода людей обратились къ Богородицѣ; одинъ съ посохомъ). Подножіе Богородицы — какъ бы изъ двухъ камней. Кверху — облачный Спасъ, благословляющій обѣими руками. На облакахъ у груди Спасителя Евангеліе: „**приидите благо... Отца моего и нас**“... Солнце и луна. Окладъ по полямъ серебряный (прошлаго вѣка). Размѣръ иконы 12×10 в.

№ 106. **Господь Вседержитель**, икона на лѣвомъ клиросѣ (Спасъ, что на Спасскихъ вратахъ въ Москвѣ). На раскрытомъ Евангеліи надпись: „**рече Го-**

сподь своимъ ученикомъ вся мнѣ предана суть... токмо сынъ". Ангелы держатъ орудія страданій. Пейзажъ — горы и деревья. Риза — золотая. Размѣръ иконы $9 \times 6\frac{1}{2}$ в. Подобная же композиція есть въ „Переводахъ съ древнихъ иконъ изъ собрания А. М. Постникова“, № 25.

№ 107. Икона „святаго ангела-хранителя“. Св. ангелъ въ десницѣ держитъ восьмиконечный крестъ, въ шуйцѣ — мечъ; одежды — бѣлыя съ зеленымъ и алымъ оттѣнкомъ, съ прозолотою — кудри, коронча и тороки. Вверху Еммануиль, благословляющій обѣими руками. Размѣръ иконы 12×10 в.

№ 108. Св. Алексѣй, человекъ Божій, — съ житіемъ; икона въ ризѣ поздней работы. Изображено: 1) „Рождество святаго человека Божія“ (подобно тому, какъ пишется Рождество І. Предтечи), 2) „Крещеніе Алексѣя человека Божія“, 3) „Ученіе человека Божія“, 4) „Бракосочетаніе Алексѣя человека Божія“, 5) „Алексѣй человекъ Божій остави свой обручальный перстень“; представленъ пиръ въ одиѣхъ палатахъ; въ другихъ — св. Алексѣй отдаетъ своей женѣ перстень; 6) „Алексѣй человекъ Божій приде въ Римъ въ домъ отца своего“, 7) „Алексѣй человекъ Божій како приде въ лжину мола Бога“, 8) „Алексѣй человекъ Божій како спроси хартію трость чернила“, 9) „Алексѣй человекъ Божій како поставиша (?) посреди“, 10) „Алексѣй человекъ Божій, како обрѣтоша его мертваго“, 11) „Погребеніе Алексѣя человека Божія, како погребоша его въ церкви с. ап.“ Все изображенныя на иконѣ лица — въ нимбахъ. Непониманіе значенія нимба въ православной иконографіи, а также крайне безграмотныя надписи и нѣкоторыя буквы (ПОГ, ПР, АМІСІС чѣ, како, погр.

боша, 6-го, в, иркыѣ 5, АП) показываютъ, что эту икону, можетъ-быть, писалъ какой-либо рижскій пѣмецъ.

№ 109. Въ женскомъ отдѣленіи молеельни — икона **Сочествія Св. Духа**. Въ палатахъ возсѣдаютъ 12 апостоловъ, по шести на каждой сторонѣ; между ними Павелъ и Лука. Внизу палатъ космосъ въ коронѣ, въ рукахъ — лентой и омофоръ. Размѣръ иконы 10 × 8 в.

Икона № 109 слѣдуетъ болѣе первоначальному греческому изводу композиціи.

№ 110. На хорахъ въ мужскомъ отдѣленіи икона **Маріи Египетской**, (не на вырѣзѣ). Преподобная представлена въ рубицѣ; десница поднята съ двуперстіемъ, въ шуйцѣ хартія (надпись неразборчива, видны только слова: „мой... чистота... истина“). По сторонамъ главнаго изображенія житіе въ шести мѣстахъ. 1) Марія на воздухѣ, надъ пустынею. У преподобной десница сложена двуперстно, обнаженная шуйца простерта въ разсужденіи. Тутъ же св. Зосима. Надпись: „Егда приде преп. Зосима и видѣ преп. Марію въ нѣкоей странѣ на воздухѣ стоящу, Богу молящуся“.

2) Зосима и Марія кланяются другъ другу. Подпись: „Преподобный Зосима падѣ на землю, просяще благословенія, тако и преподобная Марія сотвори, прося единый у друга благословенія“. 3) Св. Зосима на лжицѣ преподаетъ преп. Маріи св. дары. Надпись: „Приде преп. Зосима другое лѣто и принесе святые дары, да причаститъ преподобную Марію“. 4) Св. Зосима даетъ Маріи одежду. Подпись: „И сотвори преп. Зосима вскорѣ реченное, снемъ съ себе едину изъ ризъ. Она же взяше преподобная ея“. 5) Преподобный сидитъ на камнѣ у рѣки, съ сосудомъ въ рукахъ, около

него другой сосудъ. Марія идетъ по водамъ съ молитвенно поднятою десницею. Подпись: „Преп. Зосима ждахъ преподобную Марію на другомъ брегѣ. Она же преиде по водамъ, яко по суху“. 6) Внизу, — за Иорданомъ (онъ раздѣляется верхнія изображенія отъ нижнихъ), погребеніе преподобной, лежащей со скрепченными на груди руками. Зосима (онъ вездѣ въ преподобическихъ одеждахъ) стоитъ надъ нею; лѣвая рука простерта, въ правой заступъ. Тутъ же левъ копаеть лапами могилу. Пейзажъ — пустыня, горы, растительность. Размѣръ иконы $12\frac{3}{4} \times 11$ в.

№ 111. **Входъ Господень въ Иерусалимъ.** Изображено нѣсколько моментовъ этого событія. Господь възсѣдаетъ на ослѣ, въ шуйцѣ держитъ поводъ, десница благословляющая двуперстно. За Нимъ — апостолы. Изъ воротъ Иерусалима, навстрѣчу процессіи, выходитъ народъ. У переднихъ въ рукахъ ваи въ видѣ вербъ. У стѣнъ іерусалимскихъ высокое дерево, на которомъ сидятъ дѣти и сръзаютъ вѣтви. Два мальчика подстилаютъ одежды. По угламъ иконы, вѣвво отъ зрителя, изображено: 1) въ нижнемъ — Господь со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, обращаясь къ двумъ переднимъ изъ стоящихъ предъ Нимъ апостоловъ, благословляетъ ихъ двуперстно, при чемъ каждый изъ нихъ подставляетъ для получения благословенія руки. Вѣроятно, это — посольство двухъ учениковъ за ослемъ. Въ верхнемъ углу, у палатъ привязанъ за кольца осель. Одинъ апостолъ ведетъ осленка, другой бесѣдуетъ съ хозяиномъ животныхъ — старцемъ. Апостолы указуютъ ему, ведущій осленка — на Христа, другой — на небо. Вверху иконы надпись: „Входъ во Иерусалимъ Господа нашего Иисуса Христа“. Размѣръ иконы 29×22 в.

№ 112. На хорахъ въ женскомъ отдѣленіи икона „**Приде жены муроносицы ко гробу и видѣша ангела едина на камени сѣдѣща**“. Ангелъ сидитъ у гроба, гдѣ лежитъ сударь отдѣльно огъ ризъ. Въ шуйцѣ у ангела жезлъ, десница указываетъ двуперстно. У каждой изъ муроносицъ по алавастру мѣра. Вверху, справа отъ зрителя, — горы, влѣво — огражденный вертоградъ. Въ вертоградѣ изображено явленіе Спасителя Маріи. „Марія видѣ Господа въ вертоградѣ идуща, яко вертоградъ есть. Онъ же рече ей: Марія не прикасайся мнѣ“. Представленъ Спаситель со свиткомъ въ шуйцѣ и съ благословляющей десницею. Предъ Нимъ колѣнопреклоненная Марія. Размѣръ иконы $16\frac{3}{4} \times 16$ в.

№ 113. **Св. великомученикъ Димитрій**, на бѣломъ со шлеей конѣ, поражаетъ въ уста Діа, какъ бы низвергнутаго съ лошадыю въ пещеру. Діа въ конронѣ, ухватился рукою за шею лошади. Впереди — палаты, городъ. Вверху въ облакахъ Еммануилъ. Пейзажъ — горы съ растительностью. Размѣръ иконы $8 \times 6\frac{1}{4}$ в.

Основаніемъ для такой композиціи, нерѣдко встрѣчающейся на древнихъ иконахъ св. Димитрія, послужила та часть житія этого святого, гдѣ повѣствуется, какъ по молитвѣ и благословенію его, былъ побѣжденъ въ единоборствѣ христіанномъ Несторомъ царскій любимецъ Діа; подвигъ Нестора перенесенъ на св. Димитрія, благословенію котораго Несторъ обязанъ успѣхомъ въ борьбѣ. Древнѣйшей формой представленія св. Димитрія было изображеніе его стоящимъ. Такъ и въ подлинникахъ, кромѣ сійскаго, гдѣ находимъ нѣсколько изображеній св. Димитрія какъ стоящаго, такъ и на конѣ, — обычно вмѣстѣ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ. Изображенія Димитрія въ видѣ

всадника, побѣждающаго Лиа, встрѣчаются не рѣдко. Остатокъ такого изображенія виденъ въ древне-греческомъ храмѣ Зеленчукскаго монастыря на Кавказѣ, Кубанской области; храмъ, по мнѣнiю нѣкоторыхъ, относится ко времени Юстиниана. Въ Варлаамской часовнѣ въ Новгородѣ на древней (1604 года) иконѣ у св. Димитрія на правой рукѣ крестъ, въ лѣвой — копье и щитъ, на латахъ, на груди, — икона, подлѣ святыми — левъ и драконъ. Иногда св. Димитрій изображался сидящимъ въ креслахъ, голова у него обнаженная; въ правой приподнятой рукѣ копье, а въ лѣвой — мечъ, позади его щитъ, на груди образъ Спасителя и зеркало. По краямъ иконы изображены чудеса. Таковы двѣ иконы въ Новгородѣ въ Димитріевской церкви, на торговой сторонѣ; на одной изъ нихъ надпись: „Лѣта 7207 (1699) писаль образъ сей царевъ изографъ Кирилль Улановъ. Построенъ сей святой образъ тщаніемъ Московскаго Благовѣщенскаго собору священника Стефана Парфентьева въ поминоvení души великихъ государей и духовника Меркурія Гавриловича и о ихъ родителейъ“¹⁾. Въ Устюгѣ, Вологодской губерніи, въ Димитріевской церкви замѣчательна, какъ мѣстная святыня, икона св. Димитрія, гдѣ онъ изображенъ сидящимъ на сѣдалищѣ съ подушкой, въ латахъ, съ мечомъ въ рукахъ²⁾. Къ памяти св. Димитрія Солунскаго славяне и, въ частности, русскіе всегда относились съ особеннымъ почетомъ. Въ древней Руси были распространены иконы съ изображеніемъ этого мученика. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ имѣется икона съ изображеніемъ Димитрія, написанная на гробовой доскѣ его, принесенной во Владимирѣ 1197 года, а въ 1380 году отсюда въ Москву; икона эта переписана, какъ значится на ней, въ 1517 году.

На гербъ великаго князя Дмитрія Иоанновича Донскаго изображался св. великомученикъ Дмитрій въ панцырѣ, съ сіяніемъ на головѣ и съ знаменемъ въ рукѣ¹⁾.

Въ мертвецкой при молебнѣ заслуживаютъ упоминанія слѣдующія иконы, — судя по одинаковому рисунку и стилю, вѣроятно, составившія вмѣстѣ одинъ чинъ. Размѣръ каждой иконы $6\frac{3}{4} \times 3$ в.

№ 114. Богородица, въ ростъ съ Младенцемъ, держащимъ въ рукахъ свитокъ.

№ 115. Св. Иоаннъ Предтеча съ дуперстно сложенною десницею и съ хартіей въ шуйцѣ: „Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ всего міра“.

№ 116. Ап. Павелъ съ Евангеліемъ въ рукахъ.

№ 117. Ап. Петръ со свиткомъ и ключомъ въ рукахъ.

№ 118. Архангелъ Михаилъ съ жезломъ въ десницѣ и съ кругомъ въ шуйцѣ; на кругѣ написано „Исусъ“.

Изъ иконъ, находящихся въ комнатахъ („келліяхъ“) наставниковъ молельні, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія, — у наставника Семена Сидоровича.

№ 119. Архистратигъ Михаилъ, съ мечомъ въ десницѣ и съ хартіей въ шуйцѣ: „Идѣже осянеть благодать твоя, архангеле, оттуда діаволѣ“. Архангелъ на подножіи, похожемъ на подушечку и украшенномъ золотомъ. Размѣръ иконы $7 \times 5\frac{1}{8}$ в.

№ 120. Св. великомученица Параскева, съ житіемъ. Надпись: „Святая

1) Архим. Макарій, Археологическое описаніе..., т. 2, стр. 110.

2) „Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1875 г., № 7.

3) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, стр. 51.

Параскева, нареченная Пятница“. У святой двуперстно сложенная десница простерта, въ шуйцѣ хартія, на которой написанъ Символъ вѣры. Позади — городъ. Вверху — Перукотворенный Спасъ. Вокругъ въ двѣнадцати мѣстахъ изображено, — въ верхнемъ ряду: 1) Рождество св. Параскевы. Ея мать съ сосудомъ въ лѣвой рукѣ возлежитъ на ложѣ, у котораго занавѣсъ. У ложа столъ съ сосудомъ. У стола служитель съ хлѣбомъ. Въ другомъ отдѣленіи палатъ омываютъ св. Парасковію“. 2) Крещеніе св. Параскевы. Святая стоитъ въ купели; священникъ возложилъ на нее десницу; по другую сторону священника діаконъ съ ладницею (?) въ лѣвой рукѣ и съ кадиломъ въ правой. Предстоящіе. Въ палатахъ (церковь) — занавѣсъ. 3) Св. Параскева представлена за городомъ съ распростертыми руками; предъ нею люди, впереди святитель; тутъ же тронъ, который вездѣ на иконѣ представленъ въ видѣ палатки съ занавѣсомъ; около трона — столъ съ ножомъ и двумя сосудами. 4) Св. Параскева заключенная (вѣроятно, въ темницѣ); ключомъ (замокъ вдѣланъ внутрь) отпираетъ дверь юноша въ колпакѣ. Чтобы изобразить святую внутри зданія, художникъ одну изъ стѣнъ представилъ въ половинѣ. Стѣны составлены изъ деревьевъ или досокъ стоймя, какъ тынь. *Во второмъ ряду* изображено: 5) Св. Параскева приводится къ царю, сидящему на престолѣ, за ней воины и толпа народу. Передній указываетъ на нее. Царь простеръ лѣвую руку, а святая — обѣ руки, въ разсужденіи. Сзади — городъ. 6) Св. мученица, обнаженная, только въ препоясаніи, предъ царемъ, простершимъ лѣвую руку, вѣроятно, отдающимъ приказаніе. Вокругъ святой — мучители съ палками. *Въ третьемъ ряду* изображено: 7) Царь стоитъ предъ трономъ, представленнымъ на

иконѣ вездѣ въ видѣ палатки съ занавѣсомъ, и простираетъ правую руку. За царемъ тѣлохранители. Святая привязана къ столу и строгається желѣзными крючьями (столбъ съ конусомъ наверху). Сзади — городъ. 8) Св. мученица на ложѣ; предъ нею ангель. Палаты. *Въ четвертомъ ряду*: 9) Тронъ, предъ нимъ столъ съ маленькими фигурами (идолами), изъ которыхъ одна упала, другая стоитъ, третью святая беретъ за ноги. За нею толпа народа; передней поднялъ руки, вѣроятно, въ удивленіи или ужасѣ. Сзади — городъ. 10) Царь на тронѣ съ простертой лѣвой рукой, предъ нимъ св. Параскева, обнаженная, съ препоясаніемъ. Два воина поджигаютъ ее горящими факелами. Въ сторонѣ толпа зрителей. Сзади — городъ. 11) Св. мученица, какъ на предыдущемъ изображеніи, — со скрещенными руками; воины поджигаютъ ее факелами, по сторонамъ зрители. Сверху къ мученицѣ слетаетъ ангель; въ рукахъ, вѣроятно, — платъ. Сзади — городъ. 12) Кончина св. мученицы. Святая нагнула шею; палачь лѣвую руку возложилъ на ея главу, а правую поднялъ съ мечомъ. Сзади — палаты. Шейзаязъ — горы. Размѣръ иконы 12×10 в. На иконѣ припасъ: справа отъ зрителя — св. Ольга, слѣва — ангель-хранитель.

На иконѣ № 120 въ надписяхъ святая называется то Параскева, то Прасковія. Замѣна Прасковіи Параскевою совершилась въ нашемъ церковномъ языкѣ во время Никонскаго книжнаго исправленія, на эту замѣну жалуются, между прочимъ, протопопъ Аввакумъ въ своемъ сочиненіи объ иконописцахъ: „И подписе измѣнили же Исусу, и Николѣ чудотворцу, и Парасковіи великомученицѣ, и другимъ святымъ“¹⁾.

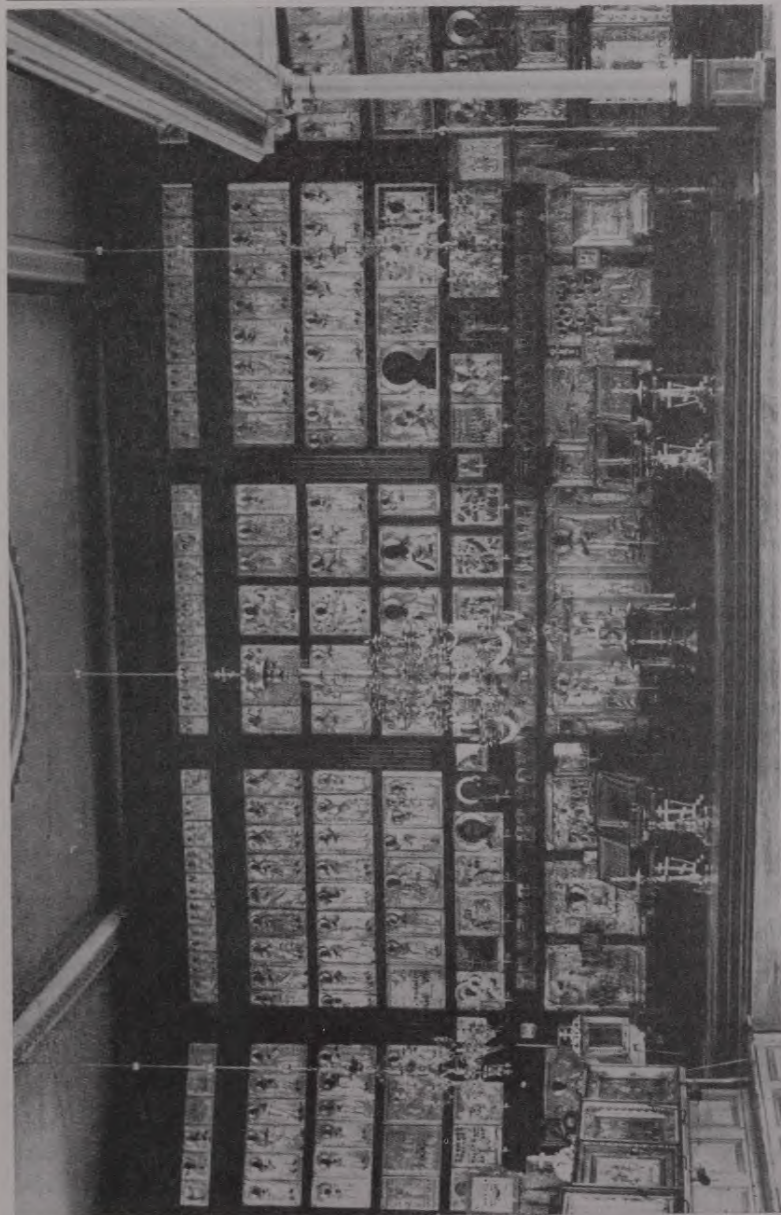
¹⁾ Материалы для исторіи раскола, изд. подъ ред. проф. Н. И. Субботина, т. V. М. 1879 г., стр. 297. АРХЕОЛОГ. СЪВѢДѢ ВЪ РИГѢ. Т. III.

№ 121. Въ комнатѣ третьяго наставника икона „Неопалимая купина“. На этой иконѣ вмѣсто обычно изображаемаго жезла изъ корене Иессеева представленъ серафимъ, влагающій клещами уголь въ уста пророка Исаин; надпись: „Серафимъ возьмше отъ алтара клещами уголь и принесе къ устамъ Исаиц“. По толкованію св. отцовъ, клещи съ углемъ прообразовали Богородицу. Ап. Петръ съ хартіей: „Ты еси Петръ“ и съ однимъ ключомъ. Размѣръ иконы $21 \times 9 \frac{3}{4}$ в.

Въ женскомъ отдѣленіи моельни иконы:

№ 122. „Агіостъ Петръ митрополитъ, Алексѣй и Іона“. У Петра и Алексѣя — саккосъ травами, у Іоны — крещатая риза (кресты въ кругахъ), у каждаго святителя въ шуйцѣ Евангеліе, десница благословляетъ двуперстно. Петръ и Алексѣй — въ бѣлыхъ клобукахъ, Іона — въ низенькой митрѣ. Размѣръ иконы 25×21 в. Композиція составлена около времени установленія праздника въ честь этихъ трехъ святителей. Праздникъ установленъ въ 1596 году при царѣ Феодорѣ Ивановичѣ и патріархѣ Іовѣ, но онъ не упоминается ни въ софійскомъ, ни въ строгановскомъ подлинникахъ, составленныхъ по всей вѣроятности, раньше этого года. Въ сводномъ подлинникѣ подъ 5 октября говорится: „Иже во святыхъ отецъ нашихъ тріехъ святителей Петра, Алексія, Іоны“ и проч.

№ 123. Св. Филиппъ, въ низкой митрѣ, въ крещатой ризѣ; въ шуйцѣ Евангеліе, десница простерта молитвенно; борода значительно болѣе, чѣмъ по подлиннику, гдѣ у св. Филиппа указана „брада Николаина“ (по сводному подлиннику, подъ 9 января: „брада аки Николаина, покороче“).

Иконостас храма Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины.
Фото из старообрядческого церковного календаря на 1980 год.

К истории старообрядческого духовного образования в Прибалтике

В истории старообрядческой духовной культуры XIX–XX столетий, в частности образования, Западный край играл особо заметную роль. Причиной тому послужило несколько обстоятельств: расположение к трезвому и работающему старообрядческому населению местной администрации (как правило, немецкой или польской); глубоко усвоенный местным населением дух веротерпимости; компактное проживание великороссов-старообрядцев в инородческой в целом среде; сравнительно более успешное, чем в центрально-российских губерниях, развитие торгово-промышленных отношений, предъявляющих к рынку труда высокие квалификационные требования и т.д. В результате именно в Западном крае после известного манифеста от 17 октября 1905 года происходил наиболее стремительный рост числа старообрядческих народных школ, многие из которых имели статус городских училищ. Так, в одной только Курляндской губернии уже в 1906 году было открыто 17 старообрядческих школ, что по численности было пока недостижимо для центрально-российских губерний. Неудивительно, что именно в г. Двинске (ныне – г. Даугавпилс) 3 июля 1911 года открылся Первый Всероссийский Съезд по народному образованию старообрядцев-поморцев, имевший огромное значение в деле народного просвещения – создания и становления старообрядческих школ¹. Документы этого съезда достойны самого внимательного изучения, как и деятельность Илукстской учительской семинарии (около г.Двинска), имевшей специальные классы для учащихся-старообрядцев и своего законоучителя – Льва Сергеевича Мурникова (1882–1945), ставшего в дальнейшем наставником Рижской Гребенщиковской общины.

История старообрядцев в 1920 – 1930-х годах в независимых прибалтийских государствах и Польше должна вызывать сегодня особый интерес. Это был драгоценный опыт устройства церковно-

общественной жизни в условиях поначалу ничем не стесняемой свободы. В короткое время удалось организовать регулярное проведение летних Духовных курсов по подготовке вероучителей в Даугавпилсе и Вильно, к деятельности которых привлекались опытнейшие педагоги и авторитетные наставники, знатоки богослужебного устава и знаменного пения. Наибольшего успеха добились литовские старообрядцы: в 1931 г. в Каунасе открылось стационарное духовное учебное заведение – Семинарские курсы с трехлетней программой обучения, включавшей как духовные, так и общеобразовательные предметы. Последующий жизненный опыт показал, что Каунасские семинарские курсы – это наиболее успешный образовательный проект старообрядцев-поморцев, так как именно из этого учебного заведения вышли самые авторитетные и духовно одаренные балтийские духовные наставники, служащие верой и правдой Господу вплоть до 90-х годов.

Таким образом, история старообрядческого духовного образования в Прибалтике настолько богата фактами, событиями, что может послужить объектом для многих обстоятельных исследований. Нам же хотелось бы включить в эту летопись событий два эпизода, два уже, к сожалению, завершившихся образовательных проекта. Обращение к недавнему опыту обосновано не попыткой дать ему какую-либо оценку (давать оценку собственным проектам – занятие неблагодарное), а всего лишь настойчивыми просьбами ныне трудящихся на ниве духовного просвещения старообрядцев.

1. Рижское духовное старообрядческое училище

Состояние поморских общин к концу 80-х годов известно: в Прибалтике почти уже не осталось наставников с систематическим духовным образованием, полученным хотя бы путем самообразования (в России их практически не было уже несколько десятилетий). Молодежи в старообрядческих общинах за богослужениями не было, не говоря уже о клиросах. Знатоков знаменного пения можно было пересчитать по пальцам, причем почти все они были в преклонном возрасте. Между тем в одной только Латвии действовали 64 старообрядческие общины.

И тут произошло то, что современники назовут «перестройкой». Появился шанс, который необходимо было немедленно использовать. 6 февраля 1989 г. в храме Рижской Гребенщиковской общины состоялся съезд, учредивший региональный духовный центр – Центральный Совет Древлеправославной Поморской Церкви Латвии (во главе с автором этих строк).

Духовный центр мыслился как орган совещательный, координирующий деятельность автономных беспоповских общин, но по своему статусу имеющий право заниматься издательской и образовательной деятельностью. Таким образом, нами двигала не идея создания некой «беспоповской иерархической структуры», «Церкви без священства», а желание использовать небольшие пока возможности, скорее даже бреши, советского законодательства. Теперь, спустя годы, ощущается нечто вроде вины за согласие совести на вполне амбициозное название духовного центра, ибо ранее вовсе не в традициях поморцев было именовать себя «церковью», тем более без каких-либо на то канонических оснований. Но то было время эйфории.

Наряду с возрождением издательской деятельности, прежде всего учебных книг для детей (об этом речь ниже), важнейшим делом нам представлялось немедленное возрождение духовного образования. Причем решать предстояло двойную задачу - не только готовить будущих духовных наставников, но и грамотных молодых причетников – знатоков устава и пения.

План представлялся состоящим из двух этапов:

1) создание стационарного духовного училища, в котором в течение двух лет при реальном участии в повседневных богослужениях Рижской Гребенщиковской общины, а также в исполнении треб для прихожан, учащиеся, помимо теоретических, получали бы необходимые практические навыки;

2) на базе духовного училища создание трехгодичного заочного семинарского отделения для подготовки духовных наставников.

Практически удалось реализовать только первую часть плана, хотя частично были подготовлены учебные пособия и для обучения по курсу семинарии.

Для открытия учебного заведения нам представлялось необходимым наличие как материальных условий, так и собственно учебных. К обязательным материальным условиям следует отнести возможность для учащихся проживать, питаться и заниматься учебой как совместно (в аудитории), так и самостоятельно. Такие возможности в принципе для человек 8-10 Рижская Гребенщиковская община могла предоставить. К условиям учебным, имея в виду специфику духовного учебного заведения, следовало бы отнести, помимо наличия соответствующих преподавателей, также обязательное наличие библиотеки и здорового духовного микроклимата в общине. С последними если и не все бывало

идеально, то особых затруднений как-то не предчувствовалось. Но позже появились проблемы. С одной стороны, со временем перед большими жизненными искушениями оказались сами руководители Гребенщиковской общины, а, с другой – учащиеся, многие из которых впервые оказались в большом европейском городе, при этом нередко бывали предоставлены самим себе – из-за непомерной загрузки преподавателей далеко не только учебными занятиями. Опыт Рижского училища однозначно говорит: ректор (или инспектор, или воспитатель) должен проживать совместно (или рядом) с учащимися, организуя или контролируя их досуг. Нельзя сказать, чтобы этому не уделялось в Риге вовсе никакого внимания, но все же значительно меньше, чем следовало. В какой-то мере недостатки организации воспитательного процесса удавалось компенсировать наличием среди самих учащихся людей с большим жизненным опытом, в частности, например, уволившегося из рядов Вооруженных Сил в звании старшего офицера В.Клементьева.

Особое внимание нами было уделено комплектованию библиотеки, содержащей книги, помимо церковно-исторических и богословских, также по многим другим отраслям знаний - прежде всего по русской культуре и истории. Библиотека имела благоустроенный читальный зал (использовался также как одна из аудиторий для занятий) и общедоступный фонд книг, включающий поначалу копии учебных конспектов духовных учебных заведений Русской православной Церкви (Москвы и Санкт-Петербурга) и быстро пополняющийся новыми церковными изданиями, в том числе изданиями всех старообрядческих согласий. Помимо библиотеки в Рижской Гребенщиковской общине издавна имеется и «книжница» с большим фондом (несколько тысяч) старопечатных книг и рукописей. В книжнице – прекрасное собрание старообрядческой (и «миссионерской») дореволюционной периодики, полемических книг разных старообрядческих согласий; собран практически весь круг чтения дониконовских «грамотеев» и старообрядческих начетчиков позднейшего времени.

Гораздо хуже обстояло дело с наличием преподавателей. К началу занятий имелось шесть привлеченных к учебному процессу человек. Большинство учебных дисциплин пришлось преподавать автору этих строк – в то время единственному из старообрядцев-поморцев, имевшему хотя бы семинарское образование, студенту-заочнику Московской Духовной Академии (окончил в 1992 году, кандидатскую диссертацию защитил в 1993 году, степень доктора на теологическом факультете

Латвийского госуниверситета получил в 1994 году – практически уже во время закрытия училища). Можно также отметить, что к моменту открытия духовного училища у нас имелось определенное знакомство с организацией учебного процесса в Ленинградских и Московских духовных школах, а также небольшой опыт преподавания в светском технической вузе.

Самую большую помощь в организации учебного процесса оказал большой знаток знаменного пения, энтузиаст распространения знаний о старообрядческом наонном пении, автор двух печатных учебных пособий для самостоятельного изучения пения, причетник Гребенщиковской общины Евгений Григорьев, в то время сам – студент-заочник Московской духовной семинарии (успешно закончил в 1991 году). Ему наша искренняя благодарность за самоотверженный труд, который живет во многих учениках. А ведь пением приходилось заниматься только с первым курсом по 10 астрономических часов в неделю!

Большую помощь в организации учебного процесса оказали преподаватели Устава и Богослужебной практики А.Каратаев и Ф.Бехчанов, преподаватель церковно-славянского языка, доцент Латвийского университета, доктор филологии Н.Боголюбова, преподаватель латышского языка, опытный педагог З.Григорьева.

Надежды на привлечение к преподаванию других лиц не оправдались, поэтому преподавание теоретических предметов строилось таким образом, чтобы одни учебные курсы прочитывать полностью – Введение в Священное Писание (Исагогика), Введение в Богословие (Катехизис), другие – частично, с проведением обзорных лекций и семинаров – Библейская история, Священное Писание Нового Завета, Священное Писание Ветхого Завета.

Училище открылось торжественным молебном с освящением специально подготовленных помещений 1 октября 1989 года. На 1-й курс было принято 8 человек (4 из Латвии, 2 из Белоруссии, 2 из России – Москвы и Петербурга). Всем была предоставлена возможность жить в помещениях Гребенщиковской общины и питаться бесплатно в ее столовой. Следует отметить, что община несла значительные расходы по содержанию учащихся, получив взамен существенное пополнение причта. Все учащиеся привлекались по мере необходимости к выполнению хозяйственных работ по храму. Материальное обеспечение учебного процесса и оплата труда преподавателей осуществлялась за

счет Центрального Совета Древлеправославной Поморской Церкви Латвии, имеющего доходы от издательской деятельности и литья икон, а также за счет пожертвований старообрядцев США. Ни одна из старообрядческих общин (кроме американских), даже из тех, кто присылал своих кандидатов на обучение в Ригу, никакой материальной поддержки учебному процессу не оказала.

Учебный план училища приблизительно соответствовал аналогичному учебному плану первых двух курсов православных духовных семинарий, но такие учебные предметы, как Устав и Знаменное Пение, учащиеся должны были освоить в гораздо большем объеме. На эти предметы отводилось и наибольшее время в расписании учебных занятий. Много времени отводилось и на самоподготовку, работу в библиотеке – для самостоятельного усвоения некоторых теоретических курсов.

Уже при открытии училища возникла проблема - часть учащихся выразила пожелание осваивать учебную программу самостоятельно (по полученным пособиям), а богослужебную практику проходить в своем храме, там же осваивая Устав и Знаменное пение. Так возникло заочное отделение, или, вернее, экстернат. Обучение экстерном допускалось только в том случае, если соответствующую практическую подготовку учащийся мог получить в своем храме – это было разрешено некоторым представителям старообрядческих общин Москвы, Санкт-Петербурга, Вильнюса, Елгавы. В дальнейшем, когда среднее число учащихся достигло 20 и более человек, около половины учащихся осваивали учебную программу заочно, приезжая два раза в год на экзаменационно-консультационную сессию.

Несколько слов об используемых учебных пособиях. За пять лет существования училища произошло много исторических событий: учеба началась тогда, когда рассчитывать на что-либо, кроме оперативного тиражирования существующих учебных пособий старообрядческих школ начала века (Каунасской семинарии и Московского института) или даже новообрядческих (Московской и Ленинградской семинарий) рассчитывать не приходилось. Но со временем стали появляться более современные или удачные пособия, изданные типографским способом - например, издания Джорданвилльской семинарии.

Дадим краткую характеристику учебных предметов:

1) Богослужебный Устав – в объеме, необходимом для исполнения обязанностей уставщика;

2) Знаменное Пение – в объеме, необходимом для исполнения обязанностей головщика;

3) Богослужбная практика – все учащиеся ежедневно посещали клирос Гребенщиковской общины, где должны были постепенно пройти основные обязанности причетников – от псаломщика до головщика и уставщика;

4) История Староверия – преподавалась в основном по учебнику И.Прозорова, написанному для Каунасских семинарских курсов. Содержание учебника приходилось дополнять и в некоторых случаях корректировать;

5) История Русской Церкви (до раскола 1666/1667 гг.) – преподавалась сначала по учебным пособиям Московской Духовной семинарии (далее – МДС), в основе которых лежал дореволюционный учебник П.Знаменского в редакторской правке проф. К.Скурата, затем появились и более приемлемые пособия. К сожалению, именно при усвоении этого предмета возникали наибольшие трудности, так как приходилось буквально по главам комментировать предлагаемое учебное пособие. Впрочем, можно полагать, что это приносило определенную пользу – полемическое усвоение предмета усиливает дидактический эффект;

6) Общая Церковная История (от зарождения Церкви до раскола 1054 г.). Сначала использовался конспект для 2-го курса МДС, составленный проф. К.Скуратом и игуменом Георгием (Тертышниковым) по дореволюционному учебнику Смирнова, затем – учебник Н.Тальберга для Джорданвиллской семинарии «История Христианской Церкви»;

7) Славянский язык - в качестве пособия служил семинарский учебник Ушкова. При этом от преподавателя требовалось в необходимых случаях делать поправки на принятые у старообрядцев более архаичные версии языка, называемого церковно-славянским;

8) Введение в Богословие (Катехизис) – учебными пособиями служили различные издания новообрядческих катехизисов, катехизисы старообрядцев-поповцев, а также старопечатный Малый катехизис. Привлекались и другие учебные пособия – прежде всего, по догматическому богословию протопресвитера Михаила Помазанского (Джорданвилл). Фактически учебный предмет усваивался по лекционным записям, так как преподаватель пытался по возможности избежать схоластических схем и показать своеобразие старообрядческого

понимания проблем экклесиологии, сотериологии и т.п.;

9) Введение в Священное Писание (Исагогика) – учебного пособия по предмету не существовало, учащимся предлагался устный курс лекций по истории текста, составлению канона, важнейшим переводам и изданиям, правилам толкования Священного Писания. Курс был введен с тем, чтобы в дальнейшем пособия по экзегетике Ветхого и Нового Завета усваивались самостоятельно;

10) Библейская история – также пропедевтический курс, предшествующий экзегезе Ветхого и Нового Завета. По Библейской истории Ветхого Завета использовалось очень добротное учебное пособие МДС доцента Б.Пушкаря (ныне – епископ Владивостокский и Приморский Вениамин), содержащее также сведения по современным археологическим раскопкам в Палестине. Затем учащиеся обеспечивались репринтами дореволюционных пособий по Священной истории Ветхого и Нового Заветов протоиерея Николая Попова (для гимназий);

11) Священное Писание Ветхого Завета – только Пятикнижие Моисеево, в соответствии со вторым курсом семинарий. Использовалось учебное пособие МДС доцента-протоиерея Владимира Иванова;

12) Священное Писание Нового Завета – только Четвероевангелие, в соответствии со вторым курсом семинарий. Предлагалось несколько пособий, но вскоре все вытеснило «Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета» архиепископа Аверкия (Джорданвилл);

13) латышский язык был обязательным предметом только для жителей Латвии.

Следует отметить, что приведенный список предметов не является исчерпывающим. С учащимися проводились отдельные занятия и по другим темам или предметам. В частности, во время экзаменационно-консультативных сессий, когда в Ригу приезжали заочники, всем желающим иной раз предлагалось посещать занятия по древнегреческому языку (проводил ректор по пособию проф. Д.Огицкого «Элементарный курс греческого языка»). Приезжали и гости, в частности, с целым курсом лекций по истории старообрядчества в Польше д-р Евгений Иванец (Лодзинский университет), д-р исторических наук И. Левочкин (Москва) с лекциями по древнерусской книжности, проф. Оксфордского университета д-р А.Дейлс с лекцией по истории древней английской церкви и западной святости и др. Профессиональный музыкальный педагог Е.Гришина проводила с желающими занятия по

постановке голоса.

По прошествии времени важно ответить на два вопроса: насколько учебный план был успешно продуман и насколько программа усваивалась учащимися? С одной стороны, мы практически полностью готовы присоединиться к весьма критической позиции относительно учебного плана духовных школ РПЦ, которую публично высказал известный православный богослов иеромонах Илларион (Алфеев, ныне — викарный епископ Корсунской епархии, Великобритания). В частности, глубокому сомнению была подвергнута целесообразность включения в план семинарий таких предметов как Библейская история и Катехизис². И в этом мы согласны с уважаемым епископом, но на некую двойственность цели создания училища мы ранее указывали: не только пастырская школа, но и школа подготовки причетников. Соответственно, образовательный уровень и способности учащихся весьма различались: формально у всех было по меньшей мере среднее образование, на самом же деле примерно треть учащихся имела высшее образование и обычно легко справлялась с теоретическими предметами. Но имела и группа учащихся, нередко с великолепным слухом и голосом, практически малоспособная самостоятельно работать с книгой или связно излагать свои мысли. Поэтому в результате одних, с отсутствующим слухом, приходилось освобождать от занятий по солевому пению, организуя для них занятия с упражнениями по напевке, других ориентировать прежде всего на практические занятия по Пению и Уставу. Некоторые с рассчитанной на два года программой справились лишь за три учебных года, иные не справились вовсе. Приходилось отчислять и тех, кто по своим моральным качествам не подходил для обучения в духовной школе.

Общий количественный результат пятилетней деятельности духовного училища таков: было зачислено на обучение в 1989 – 1993 гг. 32 человека, из них закончило полный курс училища всего 10 человек. Их можно назвать поименно с указанием нынешнего рода деятельности: Шамарин Владимир (экстерном, наставник Санкт-Петербургской общины); Александров Михаил (наставник Рижской Гребенщиковской общины); Клементьев Вячеслав (наставник Минской общины); Бурдин Андрей (наставник Лудзенской общины, Латвия); Половинкин Павел (наставник Самарской общины); Болдавешко Иоаким (наставник Москвинской общины, Латвия); Юнг Георгий (уставщик (?) Римшенской федосеевской общины, Латвия); Холопов

Димитрий (Экстерном, причетник Вильнюсской общины, научный сотрудник Вильнюсского университета, специалист по этнологии старообрядцев); Даукша Сергей (Россия, нет данных). Как видим, абсолютное большинство выпускников стало наставниками, что обычно трактуется как высокая «эффективность» деятельности учебного заведения, но в данном конкретном случае может быть объяснено и заниженными требованиями к духовным наставникам в современном поморском старообрядчестве. Во всяком случае, в пользу второго утверждения говорит тот факт, что из 22 человек, не справившихся с учебной программой или отчисленных из училища, не менее пяти все же стали наставниками (трое в Белоруссии, один в Латвии, один в России).

Большим упущением в деятельности училища представляется то, что несмотря на наши намерения для перспективных выпускников все же не удалось организовать чтение хотя бы обзорных лекций по каноническому праву и гомилетике.

Приходилось слышать разные версии по поводу причин закрытия Рижского старообрядческого духовного училища. На самом деле их вовсе не следует выдумывать. Во-первых, существенно менялась политическая и экономическая ситуация: приобретение Латвией независимости в 1991 г., введение визового режима, ухудшение материального положения населения, а как следствие – и Рижской общины. Финансовые обвалы почти парализовали всякого рода поездки на дальние расстояния (а половина учащихся была, главным образом, из России и Белоруссии, хотя были и с Украины, Киргизии). Обо всех проблемах финансового и международно-политического плана подробно сообщалось в ежегодном «Церковном календаре»³, откуда видно, что последний набор в училище (1993 г. – 8 человек) состоял уже только из жителей Латвии, причем половину учащихся составляли девушки (ранее их в училище вообще не принимали).

Во-вторых, в 1994 г. в Рижской Гребеншиковской общине разразился глубокий внутренний конфликт, являющийся следствием общего кризисного состояния в современном поморском старообрядчестве. Сначала училище утратило всякую финансовую поддержку от Совета общины, затем помещения Центрального Совета Древлеправославной Поморской Церкви Латвии были опечатаны, а далее и келья автора этих строк. Учебный процесс прекратился.

И тем не менее на вопрос, закрылось ли Рижское старообрядческое

училище, нельзя ответить однозначно. Минул кризисный 1994 год, жизнь Гребенщиковской общины быстро стабилизировалась, затем наступило и экономическое равновесие (хотя и не благоденствие). В общину вновь стали поступать на временную стажировку или в штат молодые причетники. И хотя училище как таковое не действует, занятия по знаменному пению все же проводятся, а причетники обязываются самостоятельно осваивать учебные предметы по имеющимся в библиотеке пособиям, с ними организуются консультации и экзамены. Из тех, кто уже после фактического закрытия училища самостоятельно освоил его программу, следовало бы назвать безвременно ушедшего в мир иной бывшего причетника Рижской Гребенщиковской общины, ставшего без преувеличения замечательным духовным наставником Елгавской общины о. Владимира Рубцова⁴.

Видятся и иные пути приобретения духовного образования. Считая одной из причин нынешнего печального состояния поморских общин удручающее невежество большинства пастырей, Совет Гребенщиковской общины с радостью принимает в штат общины выпускников средних школ, с детства поющих в церковных хорах и посещающих воскресную школу, направляя их на учебу в духовные семинарии. В 2001/2002 учебном году такое обучение проходило четверо рижских причетников – двое в Санкт-Петербурге, двое в Рижской семинарии Русской Православной Церкви (далее – РПЦ).

2. Заочные педагогические курсы по подготовке учителей Закона Божьего для старообрядцев

Импульсом к осуществлению другого образовательного проекта послужило принятие Сеймом (парламентом) Латвийской Республики закона «О религиозных организациях» (1995 г., новая редакция - 06.03.98), согласно п.3 ст.6 которого педагоги евангелическо-лютеранской, римско-католической, православной, старообрядческой и баптистской конфессий имеют право преподавать христианское вероучение в государственных школах по учебным программам, утвержденным Министерством образования и науки ЛР, если в школе имеется не менее 10 учащихся, желающих овладеть учением соответствующей христианской конфессии⁵. Причем, согласно закону, преподавание вероучения финансируется из средств государственного бюджета.

Особое значение принятие нового закона имело для восточной части Латвии – Латгале, где компактно проживают десятки тысяч старообрядцев. Перед ЦС ДПЦЛ встала задача разработки

соответствующей учебной программы с последующим ее утверждением в Министерстве образования и науки, а также задача подготовки и аттестации педагогов, способных преподавать Закон Божий для старообрядцев. Результатом деятельности небольшой рабочей группы под руководством автора этих строк стало появление «Учебной программы по изучению Закона Божьего в общеобразовательных школах Латвийской Республики»⁶.

Данная программа (см. приложение) была построена на основе «Программы преподавания Закона Божия для учащихся-старообрядцев в русских школах Латвии», одобренной Вселатвийским съездом законоучителей-старообрядцев 1 июня 1931 г. в Риге и утвержденной Министерством образования 14 октября того же года. Новая программа была существенно дополнена в соответствии с 9-летним курсом обучения в основных школах Латвии (до 1940 г. основные школы имели 6-летний курс обучения) и подвергнута методической переработке из-за изменений условий времени, психологии учащихся и с учетом современного опыта преподавания Закона Божия в наиболее близких старообрядчеству христианских конфессиях.

Согласно вновь разработанной программе, в каждом учебном году планируется около 35 учебных занятий, т.е. одно занятие в неделю. В предисловии к программе оговорено, что ее содержание является приблизительным, допускающим значительные вариации с учетом местных условий и возможностей педагогов и учащихся. В основу построения программы были положены следующие принципы: 1) постепенность; 2) повторяемость с углублением и усложнением; 3) усвоение нравственных и практических навыков предшествует усвоению теоретических положений.

В младших классах даются самые главные истины христианства в наглядно-образных рассказах, притчах, в форме живой беседы, с активным использованием наглядных пособий. С целью постепенного усвоения молитв представляется полезным посвящать их разбору, чтению и постоянному повторению (особенно полезно пением) на каждом уроке. Уроки периодически должны проводиться непосредственно в старообрядческом храме. Цикл занятий желательно согласовывать с годовым кругом церковных праздников.

В среднем школьном возрасте предлагаемые задания более детальны и конкретны; каждый сюжет излагается как ряд нравственных ситуаций с обязательной оценкой и выводами, которые делают сами ученики.

В курсе обучения предполагается активность учащихся (рисование, декоративно-прикладное творчество и т.д.). При наличии соответствующей квалификации учителя предлагаемую программу целесообразно дополнить уроками знаменного церковного пения.

Учебная программа по Закону Божию для старообрядцев была принята на расширенном заседании ЦС ДПЦЛ 11 мая 1998 года и утверждена Центром содержания образования и экзаменации Министерства образования и науки Латвийской Республики 22 мая 1998 года.

Необходимо отметить, что хотя успешная реализация учебной программы, безусловно, предусматривает наличие соответствующих учебников или учебных пособий, таковыми, пусть и методически устаревшими, старообрядцы-поморцы в целом были обеспечены задолго до получения возможности организовать обучение в государственных школах. Первыми в издательских планах ЦС ДПЦЛ ставились именно учебные пособия для детей и, можно сказать, что благодаря тому, что «либерализация» по отношению к Церкви в прибалтийских республиках наступила значительно раньше, чем в России, старообрядческие общины стали получать из Риги в больших количествах учебную литературу раньше, чем это смогли сделать многочисленные теперь православные российские издательства. Так, массовыми тиражами (по 25 тыс. и более экземпляров) были репринтно переизданы:

1. С. Кириллов, Л. Мурников. Азбука для начального учения. 1934 г.

2. И. Заволоко. Учебник по Закону Божьему для старообрядцев. Рига, 1933 г.

3. Учебник по закону Божьему (для старообрядцев). Резекне, 1924 г.

4. И. Заволоко. История Церкви Христовой. Рига, 1937 г.

Много времени и внимания потребовалось для организации подготовки педагогов. Уже 9 ноября 1998 года в помещениях Даугавпилсской Гайковской старообрядческой общины открылись занятия на Заочных педагогических курсах по подготовке учителей Закона Божия для старообрядцев. К занятиям приступили более 20 школьных учителей (среди них были и директора школ, и заведующие учебной частью) из Даугавпилсского, Краславского, Резекненского и Прейльского районов Латвии. С 2000/2001 учебного года занятия для учителей стали проводить и в Рижской Гребенщиковской общине.

Общее число посещающих их педагогов превысило 30 человек.

Нельзя не отметить большую организационную работу, проведенную еще до начала действия курсов, а затем - по организации каждого занятия, причетником Гребенщиковской общины Ф.Платковым. Уроженец города Даугавпилса, до выхода на пенсию директор одной из школ г.Риги, он стал заведующим учебной частью курсов, буквально обходя русские школы и привлекая учителей-старообрядцев к посещению занятий.

Главной трудностью в организации курсов представлялось отсутствие преподавателей, способных работать с достаточно квалифицированной и эрудированной аудиторией – педагогами общеобразовательных школ.

Вместе с тем весьма позитивным фактором в организации занятий на Заочных курсах был опыт старообрядческого училища и, как следствие, наличие в необходимом количестве учебных пособий. Основную учебную нагрузку пришлось взять на себя автору этих строк: выезжать в 1-2-дневные командировки в г. Даугавпилс, где проживало большинство слушателей курсов и куда остальные добирались из соседних районов Латгалии. Всего за три года было проведено более 100 учебных часов занятий - по Экзегетике Священного Писания, Катехизису, Общей Церковной Истории, Введению в Священное Писание, Сравнительному Богословию (в Латгалии старообрядцы живут среди латышей-католиков) и т.д. Несколько занятий по Богослужебному Уставу и Истории Церковного Пения провел бывший головщик Гребенщиковской общины А.Бурдин. Дважды слушатели курсов организованно выезжали в Гребенщиковскую общину, где, помимо знакомства с библиотекой, книжницей и музеем, они посетили занятия в воскресной школе, заведующая которой (Е.Миролюбова) провела консультацию по методике преподавания Закона Божия, рекомендовала соответствующую учебную и методическую литературу.

До организации курсов представлялось, что наибольшую трудность будет представлять организация в г. Даугавпилс регулярных учебных занятий по церковно-славянскому языку. Ведь именно необходимость самому педагогу основательно знать церковно-славянский язык, есть, на наш взгляд, неперемнное условие для начала педагогической деятельности с учащимися-старообрядцами. Это неизбежно вытекает как из содержания учебной программы, так и всей традиции преподавания Закона Божия для старообрядцев.

Но тревоги оказались напрасными. В штате Даугавпилсского педагогического госуниверситета оказался великолепный педагог, блестящий знаток славянского языка (включая версии XVII века), выпускник МГУ, доцент, доктор филологии А. Кузнецов. Благодаря его таланту и регулярной организации занятий по церковно-славянскому языку практически все учителя показали на экзаменах превосходные результаты по чтению и грамматике.

В целом можно сказать, что хотя замысел Заочных курсов не был реализован до конца (в течение еще одного-двух лет в Даугавпилсе предполагались лекции и консультации по Истории Староверия и Христианской Этике, а в Риге занятия проводились всего только один учебный год), результат все же налицо: 21 человек получил аттестацию ЦС ДПЦЛ о допуске к преподаванию Закона Божия в 1-5 классах. Аттестовать учителей для преподавания всей программы (1-9 классы) предполагалось еще через 1-2 года занятий (или их самостоятельной подготовки к сдаче соответствующих экзаменов). С выходом Гребенщиковской общины в сентябре 2001 г. из ЦС ДПЦЛ занятия с педагогами прекратились, так как прав на их аттестацию у Гребенщиковской общины не имеется.

Между тем, несмотря на практически саботаж чиновников Министерства образования и науки ЛР по введению преподавания Закона Божия («не нашлось» бюджетных средств, затеяна бесконечная дискуссия «о целесообразности» преподавания вероучения, а не абстрактной этики и т. д.), сегодняшняя реальность говорит о том, что в ряде школ Латгалии, где компактно проживает старообрядческое население и где руководство школ проявляет заинтересованность, уже с 1999/2000 учебного года такое преподавание было введено. Можно назвать хотя бы несколько школ, где организовано обучение Закона Божия для старообрядцев: Даугавпилсская 16 средняя школа (3 педагога), Даугавпилсская 8-я основная школа, Даугавпилсская 6-я основная школа, Резекненская 2-я средняя школа, Рибибиньская средняя школа Прейльского р-на, Эглайнская основная школа Даугавпилсского р-на, Бикерниекская основная школа Даугавпилсского р-на и другие.

Примечания:

1. См.: Труды Первого Всероссийского съезда по народному образованию старообрядцев-поморцев. Двинск, 1911. См. также нашу статью (использован псевдоним) в «Старообрядческом церковном календаре на 1987 год». Рига.
2. Иеромонах Иларион (Алфеев). Православное богословие на рубеже столетий. М., 1999. - С. 35-36.
3. «Старообрядческий церковный календарь» на 1990, 1992, 1993, 1994 годы. Рига.
4. Некролог в «Старообрядческом поморском церковной календаре на 2002 год». Рига, 2002. - С.106.
5. Нормативные документы, связанные с деятельностью религиозных организаций. Рига, 1998. - С.101-102.
6. Учебная программа по изучению Закона Божьего в общеобразовательных школах Латвийской Республики. Рига, 1998.
7. Старообрядческий поморский церковный календарь на 2001 год. Рига, 2001.- С.89.

Приложение

ПРОГРАММА

по изучению Закона Божия в общеобразовательных школах Латвийской Республики

I класс

Первоначальные сведения. Молитвы.

Церковно-славянская азбука

1. Понятие о Боге, Богородице, ангелах и святых - 1 ч.
2. Молитва Исусова. Крест Господень. Крестное знамение. Перстосложение. Поклоны. Нательный крест - 2 ч.
3. Церковно-славянская азбука - 12 ч.
4. Понятие о храме, его значение, поведение в храме. Свечи - 1 ч.
5. Понятие о святом имени. Молитва своему святому и ангелу-хранителю - 1 ч.

6. Молитва Господня «Отче наш» - 4 ч.
7. Молитва Богородице «Достойно есть» - 3 ч.
8. Молитва Св. Духу. «Царю Небесный» - 3 ч.
9. Семипоклонный начал. Молитва Св. Троице - 2 ч.
10. Понятие о важнейших христианских праздниках: Рождество Христово, Крещение, Пасха. Почитание воскресного дня - 2 ч.

При.мечание: Молитвы изучаются по славянскому тексту. На каждом уроке закрепляются навыки церковно-славянского чтения. На каждом уроке необходимые для запоминания молитвы несколько раз пропеваются всеми вслух. На уроке разъясняется их перевод на русский язык и духовное значение.

II класс

Первоначальные сведения из Священной истории.

Первоначальные сведения о вере

1. Бог – Творец и Вседержитель.
2. Святая Троица – Единосущная и Нераздельная. Отец, Сын, Дух Святой.
3. Сотворение мира и человека.
4. Грехопадение Адама и Евы.
5. Обетование Спасителя.
6. Каин и Авель.
7. Всемирный потоп.
8. Дети Ноя.
9. Столпотворение. Рассеяние.
10. Титлы при церковно-славянском чтении (не менее 4-х уроков).
11. Рождество Богородицы.
12. Введение Ее во Храм.
13. Благовещение.
14. Рождество Христово.
15. Сретение Господне. Поклонение волхвов.
16. Крещение Господне.
17. Тайная вечера.
18. Суд над Христом.
19. Распятие Иисуса Христа.
20. Воскресение Христа.
21. Вознесение.
22. Сошествие св. Духа. Начало Церкви.

23. Внешнее и внутреннее устройство храма.
24. О молитве. Виды молитв.
25. Об ангелах. Молитва ангелу (наизусть).
26. Иконопочитание.
27. Утренние молитвы: «От сна восстав» и др. (наизусть).

III класс

Священная история Ветхого Завета.

Беседы о вере

1. Призвание Авраама.
2. Жертвоприношение Исаака.
3. Видение Иакова. Лестница в небо.
4. История Иосифа.
5. Иов многострадальный (история Иова).
6. Пророк Моисей.
7. Дарование Закона Божия.
8. Заповеди Десятословия (Декалог) и их краткое объяснение (не менее 2-х уроков).
9. Странствия иудеев.
10. Вступление в землю Ханаанскую. Исус Навин. Судьи. Самсон.
11. Пророк Иона, его непокорность и наказание.
12. Цари Саул и Давид. Понятие о псалмах.
13. Царь Соломон. Построение храма.
14. Пророк Илия. Ревность о Божьем законе.
15. Пророк Даниил во рву со львами.
16. Три юноши в огненной печи. Бесстрашие и чудеса веры.
17. Пророк Исаия. Пророчества о Христе.
18. Церковно-славянская азбука: запись цифр 1-1000 (не менее 3-х уроков).
19. О свечах, лампадах, фимиаме. Принятие каждения.
20. Пост. Виды постов.
21. О послушании и страхе Божиим. Почитание родителей.
22. Полный начал - до «приидите поклонимся» (наизусть).
23. Молитва св. Ефрема Сирина (наизусть).
24. Почитание святых. Молитва своему святому. Молитва св. Николе.
25. О благочестивых обетах.
26. О любви христианской.

IV класс**Священная история Нового Завета**

1. Языческий и иудейский мир до пришествия Спасителя.
2. Рождество Богородицы. Тропарь празднику.
3. Введение Богородицы во храм. Тропарь празднику.
4. Благовещение Божией Матери. Тропарь празднику.
5. Рождество Иоанна Крестителя.
6. Рождество Иисуса Христа. Тропарь и кондак празднику. Святки. Христославление - 2 ч.
7. Сретение Господне. Тропарь празднику.
8. Отрок Христос в храме (Лк. 2, 40-52).
9. Крещение Иисуса Христа (Богоявление). Тропарь празднику. Понятие о крещенской воде.
10. Испытание Иисуса Христа в пустыне.
11. Первые ученики Христовы и первое чудо в Кане Галилейской.
12. Изгнание торгующих из храма (Ин. 2, 13-21) и исцеление сына царедворца (Ин. 4, 46-53).
13. Чудесный улов рыбы (Лк. 5, 1-10).
14. Исцеление расслабленных (Лк. 5, 18-26; Ин. 5, 1-17).
15. Избрание апостолов (Ин. 1, 35-51). Понятие об апостолах. Молитва апостолам.
16. Начало проповеди. Нагорная проповедь. Понятие о заповедях блаженств - 2 ч.
17. Прощение грешницы в доме Симона (Лк. 7, 36-50).
18. Притча о сеятеле. (Мк. 4. 1-20).
19. Воскрешение дочери Иаира и сына наинской вдовы (Лк. 7, 11-17; 8, 41-56).
20. Усекновение главы Иоанна Крестителя (Мф. 14, 3-12).
21. Чудесное насыщение народа (Мф. 14, 15-21).
22. Хождение Иисуса Христа по водам (Мф. 14, 22-34).
23. Преображение Господне. Тропарь празднику. Освящение плодов.
24. Исцеление слепорожденного (Ин. 9, 1-38).
25. Притча о милосердном самарянине (Лк. 10, 25-37).
26. Притча о Марфе и Марии (Лк. 10, 38-42). Притча о блудном сыне (Лк. 15, 11-32).
27. Притча о богатом и Лазаре (Лк. 16, 19-31).
28. Притча о мытаре и фарисее (Лк. 18, 10-14).
29. Благословление детей (Мф. 19, 13-15). Воскрешение Лазаря (Ин.

11, 17-57).

30. Псалом 50 («Помилуй мя, Боже»). Значение и употребление - 2 ч.
31. Молитвы перед сном. «Да воскреснет Бог» (наизусть).
32. Молитвы перед обедом и после обеда (наизусть).

У класс

Священная история Нового Завета (продолжение)

1. Вход Господень в Иерусалим. Тропарь празднику. Вербное воскресенье.
2. Притча о злых виноградарях (Мф. 21, 33-46).
3. Лепта вдовицы (Мк. 12, 41-44). Учение о милостыне.
4. Учение Христа о двух заповедях (Мф. 22, 37-38).
5. Притча о десяти девах (Мф. 25, 14-30).
6. Притча о талантах (Мф. 25, 14-30).
7. Изображение Страшного Суда (Мф. 25, 31-46).
8. Тайная вечеря и предательство Иуды.
9. Молитва в саду Гефсиманском. Взятие под стражу.
10. Суд над Иисусом Христом. Отречение Петра. Позорная смерть Иуды.
11. Распятие Иисуса Христа. Погребение тел - 2 ч.
12. Воскресение Иисуса Христа. Погребение тела - 2 ч.
13. Вознесение Господне. Тропарь празднику.
14. Сошествие Св. Духа (Троица).
15. О молитве за усопших. Понятие о панихидах. Родительские недели. Литии на кладбищах.
16. Успение Пресв. Богородицы. Тропарь празднику.
17. Воздвижение Креста Господня. Тропарь Кресту.
18. Покров Пресв. Богородицы.
19. Св. Никола и его праздники.
20. Понятие о Христе - Спасителе и Искупителе.
21. Учение о богослужении. Понятие о всеобщем бдении, вечерне, утрене, часах.
22. Понятие о молебне. Виды молебнов. Чтение канонов.
23. Учение о лестовке. Правила пользования.
24. Псалом 90 («Живые в помощи»). Значение и употребление - 2 ч.
25. Понятие о христианском погребении. Панихиды в 3-й, 9-й, 40-й день и годовые.

26. Молитвы за ужин и после ужина (наизусть).
27. Молитва «Светися, светися ...» (наизусть).
28. Круг годовых праздников - подвижный и неподвижный.
29. Круг седмичный. Особенности каждого дня седмицы.
30. Круг дневных служб. Понятие о полиелеосе, больших и малых праздниках.

VI класс

Общая церковная история

1. Понятие о Церкви и церковной истории.
2. Древний мир до Рождества Христова.
3. Благовестие. Сущность христианства и Евангельских заповедей.
4. Гонения от иудеев. Убийство св. Стефана. Обращение Савла. Благовестнические труды св. ап. Павла. Убийство св. Иакова (2 ч.).
5. Гонения от язычников, смерть свв. апостолов Петра и Павла. Гонения при Домиане, Траяне, Адриане, Марке Аврелии. Св. Поликап мученик. Гонения при Септимии Севере. Св. мученица Перпетуя. Гонения при Декии. Св. мученик Неофит. Гонения при Диоклитиане. Св. Варвара мученица - 3 ч.
6. Торжество христианства. Император Константин Великий.
7. Император Юлиан Отступник.
8. Первые христиане. Примеры христианской любви и благотворительности.
9. Ложные учения и ереси. Причина появления.
10. Вселенские соборы. Св. Максим Исповедник - 3 ч.
11. Святые отцы и учителя Церкви. Св. Афанасий Великий. Св. Василий Великий. Св. Григорий Богослов. Св. Иоанн Златоустый. Св. Иоанн Дамаскин - 3 ч.
12. Отпадение Западной Церкви. Причины и последствия.
13. Происхождение реформации. Лютеранство.
14. Падение Византии.
15. Язычество восточных славян.
16. Предвестники христианства на Руси. Аскольд и Дир. Св. княгиня Ольга.
17. Свв. братья Кирилл и Мефодий - просветители славян.
18. Крещение Руси. Св. князь Владимир.
19. Распространение христианства при св. Владимире и его преемниках.

20. Распространение древлеправославия среди балтийских народов.
21. Древлеправославные монастыри.
22. Прпп. Антоний и Феодосий - основатели Киево-Печерской обители.
23. Прп. Сергей Радонежский - основатель Троице-Сергиевой лавры.
24. Прпп. Савватий и Зосима - основатели Соловецкой обители.
25. Исповедники древлеправославия при монголо-татарском нашествии.
26. Великопостные молитвы. «О всепетая Мати», «Ненавидящих и обидящих».
27. Устав о домашней молитве. Келейное правило.

VII класс

История староверия

1. Старец Филофей и формула «Москва - третий Рим».
2. Стоглавый Собор.
3. Положение Греческой Церкви и Юго-Западной Руси.
4. Исправление книг до патриарха Никона.
5. Патриарх Никон. Жизнеописание.
6. Реформы Никона - 2 ч.
7. Помощники Никона: Арсений Грек, Дионисий, Епифаний Словинецкий.
8. Епископ Павел Коломенский.
9. Протопоп Аввакум и его сочинения - 2 ч.
10. Боярыня Морозова.
11. Сподвижники ревнителей благочестия: Стефан Вонифатьев, Иоанн Неронов, священники Логгин, Лазарь, Даниил и другие.
12. Соборы 1666 и 1667 гг.
13. Греки на соборах 1666-1667 гг.: Паисий Лигарид и Макарий Антиохийский.
14. Соловецкое стояние.
15. Восстание московских стрельцов. Священник Никита Добрынин.
16. Петр I и разгром Московии.
17. Выговский монастырь, его значение в церковной жизни ревнителей старины.
18. Андрей Денисов (Мышецкий). «Поморские ответы».
19. Правительственные указы и самосожжения. Страдальцы за веру.
20. Феодосий Васильев и федосеевское согласие. Преображенская

обитель. Ковылин.

21. Возникновение беглопоповщины.

22. Новообрядцы: учреждение Синода вместо Патриаршества, Симеон Полоцкий, Стефан Яворский и «Духовный регламент», латинизация учения и обряда.

23. Поморское брачное согласие. Емельянов, Скачков, Павел Любопытный.

24. Рогожское кладбище и Иргиз, Белокриницкая иерархия.

25. Отношение русского правительства к старообрядцам в XIX веке и начале XX века. Гонения о старообрядчестве.

26. Манифест о веротерпимости 1905 и 1912 года. Храмостроительство. Школы. Исследования о старообрядчестве.

27. Старообрядческие Соборы 1909 и 1912 гг. Известные начетчики: Пичугин, Зыков, Худошин, Батов, Надеждин.

28. Старообрядчество в Прибалтике. Краткая история.

29. Старообрядцы Риги. История местной общины.

30. Знаменное пение. История богослужебного пения. Пение наонное и наречное.

31. Символика изображения Креста и святых икон.

32. Христианские обычаи и их нарушение. О брадобритии и табакокурении.

33. Особенности богослужений страстной седмицы. Особенности Пасхальных богослужений и домашних обычаев.

VIII класс

Катехизическое учение о вере.

Символ веры

1. Божественное Откровение как источник древлеправославной веры.

2. Священное Писание. Его боговдохновенность и понятие о каноне книг.

3. Священное Предание. Его необходимость и важность в деле веры.

4. Священное Писание Ветхого Завета и его состав. Разделение книг. Септуагинта.

5. Священное Писание Нового Завета и его состав. Разделение книг.

6. Символ веры, его происхождение и разделение на 12 членов.

7. Первый член С.В. Свойства Божии и отражение их в Св. Писании.

8. Первый член С.В. Древлеправославное учение о Св. Троице.

9. Первый член С.В. Духовный мир: добрые и злые ангелы. Промысел Божий о мире.
10. Второй член С.В. Иисус Христос - Сын Божий, второе лицо Пресвятой Троицы.
11. Третий член С.В. Тайна воплощения Сына Божия.
12. Третий член С.В. Первородный грех и его следствия в жизни мира и человека.
13. Третий член С.В. Приснодевство Пресвятой Богородицы.
14. Третий член С.В. Ветхозаветные пророчества о рождении Спасителя мира.
15. Четвертый член С.В. Искупление павшего человечества голгофской Жертвой.
16. Пятый член С.В. Воскресение Иисуса Христа и его значение в деле спасения павшего человечества и обновления мира.
17. Шестой член С.В. Вознесение Иисуса Христа на небо.
18. Седьмой член С.В. Учение Св. Писания о втором пришествии Сына Божия.
19. Седьмой член С.В. Признаки второго пришествия. Понятие об антихристе и всеобщем отступлении.
20. Восьмой член С.В. Божественные и ипостасные свойства Св. Духа. Свидетельства Св. Писания.
21. Девятый член С.В. Древлеправославное учение о Церкви.
22. Девятый член С.В. Единство Церкви. Средство общения Церкви земной и небесной.
23. Девятый член С.В. Святость и соборность Церкви Христовой.
24. Девятый член С.В. Апостоличность Церкви Христовой.
25. Десятый член С.В. Понятие о таинстве и обряде. Изначальное число таинств. Таинства, необходимые для спасения. Возможность совершения таинств мирянами.
26. Десятый член С.В. Таинство Св. крещения. Условия совершения.
27. Десятый член С.В. Таинство покаяния. Понятие об епитимии.
28. Десятый член С.В. Учение о духовном причастии.
29. Десятый член С.В. Благословение на брак. Условия вступления в брак.
30. Десятый член С.В. Иерархические церковные чины. Каноническое положение и духовное значение старообрядческих наставников.
31. Одиннадцатый член С.В. Всеобщность воскресения мертвых. Состояние душ умерших до всеобщего воскресения.

32. Двенадцатый член С.В. Жизнь будущего века. Блаженство праведников и мучения грешников.

IX класс

Христианская этика

1. Нравственные и безнравственные действия. Нравственный закон. Условия нравственного воспитания.

2. Греховность человеческого рода. Отражение греховности в душе человека - уме, чувствах, воле. Стадии греха. Источники греха.

3. Христианская добродетель. Жизнь христианина как борьба и подвиг. Необходимость духовного бодрствования.

4. Свобода воли. Детерминизм и индетерминизм. Мотивы поступков, свобода выбора. Сознание свободы и факт раскаяния.

5. Недостаточность внутреннего закона и внешний богооткровенный Закон. Декалог. Разделение на две скрижали.

6. 1-я Заповедь Моисея. Необходимость внутреннего и внешнего богопочитания. Грехи против 1-й заповеди. Учение о христианском самоотвержении. Почитание ангелов и святых..

7. 2-я Заповедь Моисея. Понятие о кумире. Почитание икон. Идолопоклонство и другие грехи против этой заповеди.

8. 3-я Заповедь Моисея. Святость имени Божия. Недопустимость клятв. Обеты и зароки. Грех кощунства по отношению к святым предметам.

9. 4-я Заповедь Моисея. Празднование воскресного дня у христиан. Посты и их учреждение.

10. 5-я Заповедь Моисея. Почитание родителей как основа долголетней жизни детей. Почитание духовных отцов.

11. 6-я Заповедь Моисея. Различные виды убийства. Категорический запрет самоубийства.

12. 7-я Заповедь Моисея. Грехи против этой заповеди. Борьба с телесными желаниями.

13. 8-я Заповедь Моисея. Грехи против этой заповеди.

14. 9-я Заповедь Моисея. Грехи против этой заповеди. Виды лжесвидетельства и клеветы.

15. 10-я Заповедь Моисея. Греховность зависти и других пороков, запрещаемых этой заповедью.

16. Учение о любви (Кор. 13). 1-я Заповедь блаженств.

17. 2-я и 3-я Заповеди блаженств. Христианское учение о кротости и смирении.

18. 4-я и 5-я Заповеди блаженств. Учение о милостыне.

19. 6-я и 7-я Заповеди блаженств. Награды миротворцам и людям с чистым сердцем.

20. 8-я и 9-я Заповеди блаженств. Учение о христианском терпении. Пути «мира сего» и узкий христианский путь.

21. Обязанности человека по отношению к себе. Развитие личности. Греховность эгоизма. Постепенность развития.

22. Развитие ума. Значение светского научного и необходимость духовного образования. Развитие сердца - эстетическое чувство. Связь красоты и нравственности.

23. Развитие воли. Самодисциплина. Труд и его необходимость для христианина. Развлечения и самособранность духа. Средства преодоления дурных навыков.

24. Христианская семья. Взаимные отношения мужа и жены, родителей и детей.

25. Гражданские обязанности. Христианство и светское государство. Долг служения отечеству. Христианский взгляд на войну.

26. Нехристианские системы этики. Эвдемонизм (эпикурейство), утилитаризм, философия общего блага. Несостоятельность этих систем морали.

27. Христианство и коммунизм. Общность имущества в христианстве и коммунизме. Нарушение справедливости в коммунизме. Идеология христианства и коммунизма.

28. Атеизм. Технократические теории. Глобальное общество.

29. Отношение к Богу. Неразрывная связь любви к Богу и любви к ближнему. Обязанности богопознания.

30. Учение о молитве. Виды молитвы. Молитва Господня как образец христианской молитвы.

Духовные стихи в старообрядческой среде Латвии*

Духовные стихи в настоящее время являются почти забытым видом устного народного творчества. Здесь, в Латвии, люди старшего поколения помнят, как перед Второй мировой войной, в довоенное время происходило обучение детей пению духовных стихов в школах. Однако в дальнейшем обучение пению этих стихов заменилось светскими песенками, по содержанию чуждыми того поучительного и нравственного начала, которым проникнуты духовные стихи.

Исторически известно, что духовные стихи уже во втором веке имели среди христиан большое распространение. Составлялись они как иноками (монахами), так и мирянами. Учитель Св. Церкви – Иоанн Златоуст - нередко предлагал своей пастве увещание петь в домах, в часы досуга, священные песнопения вместо мирских, чуждых христианскому целомудрию песен.

Наряду с советом к домашнему употреблению священных песнопений и другие отцы Церкви представляли обильный плод добродетели от такового домашнего упражнения.

«Поющая бо, – говорит св. Иоанн Златоуст, – Духа Святаго исполняются, якоже мирския песни наводят духа сатанинского».

Как церковное знаменное пение, так и духовные стихи имели самостоятельное развитие, они только изредка подчинялись гласовой церковной напевке.

Мелодия духовных стихов передается так же, как и остальное богослужбное пение, посредством знаменных крюков с их пометами.

Как известно, в знаменном пении имеется свыше 50 крюков, обозначающих продолжительность (и интервал) звука и 12 помет (красных), обозначающих высоту звука. На этом фондовом мелодическо-музыкальном материале и зиждется все знаменное пение, включая сюда и фиты (каденции).

Духовные стихи пришли на Русь вместе с Крещением и составили

особый, глубинный пласт национального певческого искусства. В допетровской Руси особенно любили и почитали пение духовных стихов.

Ученые предполагают, что создателями и исполнителями духовных стихов в древней допетровской Руси были калики¹ переходные, паломники по святым местам и монастырям. В какой-то мере они являлись бродячими певцами с серьезным, «божественным» репертуаром; исполнение духовных стихов давало им средства к существованию. Былины знают калик-одиночек («Илья и Идолище») и каличи ватаги («Сорок калик»)… Подобные сведения о каликах есть и в русских летописях. У слова «калика» тогда еще не было значения убогий, слепой, нищий; оно приобретено позднее².

Рассказывает И.Н.Заволоко – ученый, один из собирателей духовных стихов в Прибалтике: «Деды и прадеды наши, презрев блага земные, все искали: как душу спасти от мирской суеты и прельщений. Все искали Град-Китеж взыскуемый, все стремились, как путники странные, в свой небесный отеческий дом. Исстари повелось, что народ свои думки душевные в стихи, в песню слагал. Себя радовал. А слагали эти песни калики убогие, что бродили по селам, в степях, по лесам, от цветущих степей до край Севера, все бродили слепцы переходные, правду Божию искали и тем людей поучали. А иным Господь и радость давал: в Святой град (т.е. в Иерусалим. – А.Ж.) пробирались. И оттуда как шли, Богу честь воздавали, воспевая стихи умирительно.

И любил же народ певунов переходных! Соберутся вокруг, и все слушают. А певцы им поют про дела стародавние. Как начали калики во Иерусалим нарежаться, как Христос дал им имя святое, чтоб его каждый час прославляли. Вот запели про время минувшее, как святые Борис-князь и Глеб были братом своим убиенны. Как Егорий святой на Руси в деле проповеди веры Христовой трудился. И как Владимир святой принимал нищую братию.

Уж и вечер пришел, а народ все стоит, не шелохнется. А певцы все поют и все жалостно: про Христово Второе пришествие, про антихристовы страшны дни, о мучении души нераскаянной. И молчит все кругом, только вьетса стих умирительный. Прослезившись, стоят старики и молодые. Отдыхает душа, мысли чище становятся, все мирское уносится прочь.

Вот замолкли певцы. А вокруг все стоят, думку думают: как спастись от грехов, как, очистив себя покаянием, стать носителем света и благости³.

Исполнители духовных стихов ходили по русским хуторам Латгале и после Второй мировой войны. В основном это были нищие, ради куска хлеба предпринимали они этот труд. Бывало, и у ворот городских кладбищ сидели они, прося подаяние, исполняли различные духовные стихи.

После Великого раскола Русской Церкви, который произошел во второй половине XVII в., духовные стихи особое расположение приобрели в среде «рачителей древляго благочестия», в среде старообрядцев. Опираясь на печальный ход отечественной истории, ревнители старины сами составляли новые духовные стихи, в которых слышались и плач о горестных временах, и восторг о духовных подвигах своих отцов-наставников, и надежда на спасение души в вечной жизни.

Самыми почитаемыми в старообрядческой среде и по сей день являются два духовных стиха: «О смерти» («Горе мне, горе мне...») и «Умоляла мать родная». Здесь они исполнялись по древнему написанию, т.е. в знаменном распеве, хотя знаменный распев повсеместно в новореформированной церкви стал искореняться даже волевым царским Указом. Вот что сказано, например, в литературном памятнике — «Хронограф, сиречь летописец Курляндско-Литовский», или в упрощенном названии «Дегутская хроника»:

«Лето 7188.

В сем 1680-м году царь Федор Алексеевич по любви своей к пению церковному приказал переменить старознаменное пение по крюкам (которое разделялось на столповое, состоящее из одних басов, и демественное, из теноров и басов), а ввел пение из многих различных голосов состоящее, многооугубляемое, партесное, киевское»⁴.

Необходимо отметить, что уже во второй половине XVI в. появляются довольно обширные сборники стихов духовного содержания. Переписанные полууставом, они весьма ценились и передавались бережно, из рода в род как святыня.

Тематически духовные стихи могут быть сгруппированы следующим образом.

1. Апокрифические стихи и стихи на Библейские темы: «О плаче праотца Адама по изгнании из рая», «О раю пресветлом», «О всемирном потопе», «Плач Иосифа».

2. Стихи на тему христианских новозаветных праздников: «Рождеству Христову», «Вознесение», «Введение во храм Пресвятой

Богородицы» и святым угодникам.

3. Стихи на евангельские темы о жизни Иисуса Христа и Им сказанные притчи: «Человек бе некто» (Притча о блудном сыне), «Стих о Закхее», «Самарянка».

4. Стихи на тему отечественной русской истории: «Стих о Борисе и Глебе».

5. Стихи пустынножителей, иноков: «О пользе пустынной жизни», «О раскаянии во грехах», «О святом Антонии».

6. Стихи о страдальцах за исповедание древлеправославия - истинной веры: «Стих соловецких иноков», «Протопоп Аввакум и семья в изгнании», «Боярыня Морозова».

7. Стихи, содержащие эсхатологические мотивы: «О плаче грешной души», «О ожидании смертной кончины», «О втором пришествии Христа на Землю», «Ой, вы, голуби».

8. Стихи философского содержания и содержания поучительно-нравственного: «Умоляла мать родная», «Уже небесное светило».

Упомянутый литературный памятник «Дегутская хроника» сообщает интересные сведения о духовных стихах, а именно год их создания. Правда, здесь нет сведений об авторстве и ничего не сказано о географической местности написания этих стихов. Но сам факт того, что наряду с сообщениями важных исторических событий автор летописи считает нужным сообщить и о создании того или иного стиха, свидетельствует о большом духовном значении, о важности и значительности, какое в быту старообрядчества занимали духовные стихи.

15 раз в тексте летописца упоминается дата создания духовных стихов:

1. 7209. 1701. Написан стих «Душа моя, помысли...» и «Кто бы мне...» (301 год! – А.Ж.).

2. 7210. 1702. Написан стих «Егда придет кончина...»

3. 7213. 1705. Написан стих «Взираи с прилежаньем...»

4. 7251. 1743. Написан стих «Европа ты славнейшая...» (тема стиха - кончина Андрея Дионисьевича, киновиарха Выговского общежительства. – А.Ж.).

5. 7252. 1744. В сем 1744 году написан стих «Человек бе некто». (О блудном сыне – евангельская притча.)

6. 7254. 1746. Написан стих «Мати милосерда...». (Этот стих исполняет молодежный староверческий хор «Воскресение». Стиху

Храм Новостроенской старообрядческой общины.
Фото из Старообрядческого церковного календаря на 1988 год.

этому 256 лет! - А.Ж.)

7. 7256. 1748. Написан стих «По грехам нашим».
8. 7265. 1756. Написан стих «Взыди ты, человече».
9. 7273. 1765. В сем году написан стих «Се ныне радость».
10. 7275. 1767. Написан стих «Человек живет на земли».
11. 7284. 1775. Написан стих «О как наше на сем свете житие...».
12. 7291. 1783. Написан стих «Сам я не знаю, как на свете жити...».

(О юности.)

13. 7293. 1785. Написан стих «О ленивом и раскаянии».
14. 7312. 1804. Распет псалом 144 «Вознесу Тя, Боже мой».
15. 7313. 1805. Написан стих «Бог Творец всесильный».

В качестве духовного стиха в старообрядческой среде исполняется стихотворение М.В.Ломоносова «Утреннее размышление о Божием величестве» — «Уже небесное светило».

Учеными в разряд духовных стихов справедливо отнесены и такие образцы фольклорного творчества, как «Сон Богородицы» (или «Богородицын Сон») и «Сказание о 12 пятницах» (или «О двенадцати пятницах»). Дело в том, что оба этих фольклорных текста имеют широкое хождение в старообрядческой среде Латвии. Они переписываются и хранятся где-либо у домашних икон. Известны многочисленные случаи, когда, отправляя на войну сына или мужа, мать или жена зашивала текст «Сна Богородицы» в одежду воина. Ходило поверье, да и сейчас оно не утратило своего значения, что «Сон Богородицы» обладает охранительной силой, так называемым «оберегом» от ранений и убиения.

Сюжет «Сна Богородицы» зиждется на евангельских событиях, куда вплетены страдания Иисуса Христа на Кресте. Его погребение и воскресение.

Сюжет «Сказания о 12 пятницах» основан на конкретном поучительном Слове св. Климента, папы римского, в котором он призывает христиан неукоснительно соблюдать пост во все пятницы в продолжение всего года. Но выделяются из этих постных дней 12 пятниц. Причем духовным стихом указаны и печальные последствия несоблюдения поста в эти дни:

«А кто эти пятницы не сохранит

.....
У того зародится детище

Либо глупо, либо немо,

Либо еретик, либо клеветник,
Либо вор, либо разбойник
Или всяческому злу начальник будет»⁵.

Приведенные примеры показывают, насколько глубоко тексты Св. Писания проникли в народную среду, в христианское сознание русского человека. Опираясь на церковные тексты, народ переработал их в своем понимании и сотворил из этих текстов самостоятельные фольклорные ценности.

Возникает вопрос: могут ли духовные стихи быть использованы в качестве молитвословных текстов в Церкви за Богослужением? Нет, не могут. Их содержание, безусловно, вмещает духовность, но в них отсутствуют догматические определения и строгая каноническая направленность. Это отличает духовные стихи от молитвы в церковном понимании.

В 1916 году центр федосеевского старопоморского согласия - Преображенская община в Москве – издал духовные стихи отдельной книгой под названием «Книга, глаголемая Сборник духовных стихов в трех книгах». В основу легли рукописные тексты, хранящиеся в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге. Издатели имели намерение выпустить 4 книги сборника.

Но, очевидно, начавшаяся Первая мировая война помешала этому благому намерению. В нашем распоряжении имеется лишь один сборник духовных стихов, состоящий из двух книг. В первой книге содержится 29 духовных стихов, во второй – 57. Итак, в общей сложности 86 духовных стихов увидело свет перед Первой мировой войной в старообрядческом издании.

В 1931 году Рижский кружок ревнителей старины издал собранные руководителем хора кружка головщиком Порфирием Федоровичем Фаддеевым «Сборник духовных стихов», куда вошло 24 духовных стиха.

Ныне существующий в Риге Старообрядческий любительский хор под руководством М.Е.Селушинской, который был создан в 1993 году, выпустил в свет соответственно в 1995 и 1996 году два сборника духовных стихов, из которых состоит репертуар самого хора.

Решением Совета I-й Даугавпилсской старообрядческой общины от 01.02.97 г. при общине был создан из молодых причетников храма староверческий молодежный хор «Воскресение». Руководит хором и проводит спевки долголетняя прихожанка храма, головщица правого клироса Е.М.Григорьева. Основу исполнения хора составляют

духовные стихи. Количество их в репертуаре дошло до 30.

Примечательно, что в наше сложное время, когда кругом много соблазнов и искушений, молодые люди, вступающие в жизнь, стремятся постичь глубину духовных ценностей, изучают свое богатое духовное наследие. К тому же, происходит и преемственность поколений. Несмотря ни на какие препятствия и трудности традиция духовных поколений в Латвии в среде старообрядчества жива.

Исследователи считают, что русский фольклор без духовных стихов не может быть признан целостным явлением. Духовные стихи не представляют в нем изолированного круга произведений. Обращаясь в устном бытовании, они взаимодействовали с былинами, обрядовыми и историческими песнями, подвергаясь их влиянию и сами оказывая значительное воздействие на них. История русского фольклора без духовных стихов так же не полна, не полноценна, как история русской культуры без истории православной церкви⁶. С этим мнением нельзя не согласиться. Остается только добавить, что для нас, верующих христиан, причетников Церкви, духовные стихи являются душевным отдыхом, философским размышлением о тленности нашего бытия и о глаголах вечной жизни.

Плач Израиля

1. Скучно жить в стране безбожной,
Без святого алтаря,
Где кумир и бог подложный,
Власть надменного царя.

2. Где святой закон в зазоре,
Нету истины следа.
О, велико наше горе,
Жить с неверными беда!

3. Дни проводим мы в боязни,
Нами трепет овладел;
Ни за что мы терпим казни,
И орган наш онемел.

4. Вот и снова злое время
Над вселенной взяло власть:
Утеснено правых племя,
Терпят кроткие напасть.

5. Пала древняя святыня,
Храм духовный разорен,
И Сион стал, как пустыня,
Весь закон в нем изменен.

6. С виду много блеску, славы
И наружной красоты,
А посмотришь на уставы -
Все фальшивые цветы.

7. Род избранных весь рассеян,
Сжат железною рукой,
Опорочен и осмеян;
Цену платят за покой.

8. Если вспомнишь прежни годы,
Слезы ронишь не хотя,
Время мира и свободы,
О прошедших днях грустя.

9. Когда вера процветала
И любовь жила в сердцах,
Всюду истина блистала,
Был в народе Божий страх.

10. Воин, раб и царь на троне,
Князь, святитель и купец -
Были все в одном законе:
Земледелец и мудрец.

11. Все одну печать имели:
Крест честный, небесный знак;
И в одной святой купели
Омывали древний мрак.

12. Удалясь от мира в горы,
Как пустынные орлы,

Дев и иноков соборы
Пели Вышнему хвалы.

13. Расширялись наши грани.
Как на пир, мы шли на сечь,
Цари наши брали дани,
Сокрушали вражий меч.

14. В древность было - с поля рати
Устрашенный враг бежал
Действом крестной благодати -
Меч не столь их поражал.

15. Власть святители имели
И творили чудеса,
И потом в земле не тлели
Их по смерти телеса.

16. Ныне люди только знают
Посмеяться старине;
Звезды на небе считают,
Царства видят на луне.

17. Видят там леса и горы,
Степи, реки им в глазах.
Но не проникнут лишь их взоры
В беспредельных высотах.

18. Вечно мир земной летает,
И вертится день и ночь.
Тех прелестник обретает,
Кто от Церкви отпал прочь.

Вариация (Иной текст)

19. Тех, кто древность презирает
И уставы не хранит,
Все за глупость почитает,
Своим уставом дорожит.

20. Устав древних содержащих,
Тех считают за глупцов,
Хулу на древность износящих -
За превеликих мудрецов.

21. Видят там леса и горы,
Степи, реки, всякий знак,
Не проникнут лишь их взоры,
Есть ли кофей да табак.

22. Вечно мир земной летает
И вертится день и ночь;
Тех прелестник обретает,
Кто благих дел весьма тощ.

Приложения

* Опубликовано в старообрядческом церковном календаре на 1999 год. Издатель - Даугавпилсская Новостроенская община. Даугавпилс, 1998. - С.68 - 70.

1. Калики - от названия обуви паломников «калитва» (Даль В.И. Т.2, ст.190).

2. Селиванов Ф.М. Стихи духовные. М., Советская Россия, 1991. - С.4.

3. Заволоко И.Н. Духовные стихи старинные. Вып.1. Рига, 1933. - С. 3 - 4.

4. Маркелов Г.В.. Дегутский летописец. Древлехранилище Пушкинского Дома. Л., Наука, 1990. - С.187.

5. Селиванов Ф.М. Указ. соч. - С. 183.

6. Там же. - С.25.

А.А.Подмазов

**Старообрядчество в системе
экономического развития
(к вопросу о религиозной детерминированности
хозяйственной деятельности)**

Исследователи истории раскола достаточно единодушны в признании того факта, что распространение старообрядчества оказывало заметное влияние на развитие экономики. В качестве примера часто описывается история Выговского общежительства, находившегося севернее Онежского озера на берегу реки Выг (Олонецкий край, Карелия). Основанная в 1694 г. Даниилом Викуловым община монастырского типа быстро пополнялась беглецами из центральных районов России. В исключительно тяжелых условиях переселенцы осваивали суровый край, занимаясь рыболовством, охотой, земледелием, скотоводством. Под управлением энергичного и всесторонне одаренного Андрея Денисова (возглавлял общину с 1702 по 1730 год), а затем его брата Семена (1730–1740) Выг за короткое время превратился в крупный экономический комплекс с многоотраслевым хозяйством.

В 1706 г. в 20 верстах от Выга был построен Лексинский женский монастырь. Оба поселения со строгим монастырским уставом находились под единым руководством и представляли собой единый экономический комплекс с определенным разделением труда.

В хозяйственной деятельности выговцев все большее место постепенно стала занимать торговля. Их торговые представительства появились в Петрозаводске, Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и в других городах России, даже в далекой Сибири. Успехи выговцев в развитии экономики впечатляют.

Несколько позже старообрядцы внесли значительный вклад в развитие Московского промышленного района, что нашло освещение

первоначально в сочинении Н.М.Никольского «История русской церкви»¹, в статье П.Г.Рындзюнского «Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма»², а также в его капитальной монографии «Городское гражданство дореформенной России»³.

В настоящее время изучению роли старообрядчества в развитии экономики уделяется повышенное внимание. В качестве примера можно отметить научно-практические конференции «Морозовские чтения»⁴. В большинстве работ современных авторов дается все более развернутая и детализированная констатация успехов старообрядцев в хозяйственной деятельности. Действительно, на рубеже XIX–XX вв. старообрядцы контролировали значительную часть промышленного и торгового капитала Российской империи. Достаточно отметить, что многие крупнейшие русские олигархи, такие как Рябушинские, Морозовы, Гучковы, Солдатенковы и многие другие были старообрядцами. Некоторые наиболее передовые для того времени отрасли промышленности, где применялось новейшее оборудование и использовалась передовая технология, были созданы в значительной мере на старообрядческие капиталы, а производимая продукция занимала прочные позиции не только в Российской империи, но и на мировом рынке.

Историк В.Ф.Миловидов утверждает, что «ни одно религиозное направление в России не оказало такого влияния на развитие капиталистических отношений, как старообрядчество»⁵. И далее он пишет: «В известной мере старообрядчество выполнило в России ту же историческую миссию, что и протестантизм на Западе»⁶.

Сравнение старообрядчества с протестантизмом в деле развития экономики требует весьма осторожного подхода. Как известно, еще видный социолог Макс Вебер пришел к выводу, что активная предпринимательская деятельность протестантов связана с догматом о предопределении, свидетельством которого является успех в предпринимательстве, в профессиональной деятельности, что нашло наиболее полное выражение в учении Кальвина. В работах «Протестантская этика и дух капитализма», «Протестантские секты и дух капитализма»⁷ М.Вебер приходит к выводу, что сложившиеся еще в христианских сектах средневековой Европы нормы хозяйственной

этики наиболее полно выражали «капиталистический дух», затем были развиты в протестантизме, что привело к активной экономической деятельности, к тому вкладу, который внесли протестанты в развитие производительных сил.

Но сравнение старообрядчества с протестантизмом не должно, на наш взгляд, выходить за рамки сопоставления результатов деятельности в области экономики, ибо совпадения мотивации этой деятельности не существует.

К сожалению, в большинстве работ по истории раскола содержится констатация успехов старообрядцев в развитии экономики, но недостаточно выявлены причины этих успехов, хотя данная проблема привлекала внимание исследователей. Ее решению значительное место отводится в упомянутых трудах Н.М.Никольского и П.Г.Рындзюнского. К этой проблеме обращаются и современные исследователи⁸. Так, В.В.Керов отмечает, что «религиозно-нравственная мотивация предпринимательской деятельности у старообрядцев заключалась в том, что, самоотверженно трудясь в организации промышленного или торгового дела, они осуществляли подготовку личного душеспасения. Ревность в «труде о Господе» на предпринимательском поприще объяснялась и тем, что «Дело» представляло собой исполнение христианского долга перед Богом и людьми. Успех зависел лично от хозяина – организатора, но не имел самостоятельной этической ценности, приобретая смысл лишь тогда, когда результаты предпринимательства использовались в служении Богу и Церкви как сообществу христиан»⁹.

На подобную мотивацию трудовой деятельности еще раньше указывал в своих воспоминаниях П.А.Бурышкин. Он писал: «...самое отношение «предпринимателя» к своему делу было несколько иным, чем теперь на Западе или в Америке. На свою деятельность смотрели не только или не столько, как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти и в том, что именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которое смотрели, как на выполнение какого-то свыше назначенного долга»¹⁰. Заметим, что в своих воспоминаниях

П.А.Бурьшкин говорит о мотивации трудовой деятельности всего московского купечества. Что же касается концепции В.В.Керова, то нужно отметить, что она не подкрепляется какими-либо сочинениями самих старообрядцев.

Рассуждая о мотивации трудовой деятельности, другой исследователь, М.О.Шахов, ставит вопрос: «Можно ли говорить о том, что успехи старообрядческих купцов и капиталистов были обусловлены их религиозным мировоззрением?»¹¹. И далее: «... если М.Вебер мог из самих текстов протестантских богословов черпать доказательства прямой связи хозяйственной практики с мировоззрением, то в старообрядческой литературе нет никаких теоретических экскурсов в область философии хозяйства, за исключением, быть может, не выходящих за пределы традиции упоминаний о необходимости честно трудиться»¹².

Г.Флоровский пытался объяснить повышенную предприимчивость староверов следующим парадоксом: по учению беспоповцев, в мире воцарился антихрист, из мира ушла благодать. Это, по его мнению, оборачивалось своеобразным «пелагианством» – в этом мире человек не может надеяться на помощь благодати, а значит, должен рассчитывать только на свои собственные силы.

Успешная практическая хозяйственная деятельность староверов остается фактом, однако нигде в старообрядческой литературе XVIII века и позднее не встречается подобное объяснение ее мотивов.

Согласно старообрядческим представлениям, богатство или бедность вовсе не являются свидетельством богоизбранности, или наоборот. В этой связи П.П.Рябушинский писал: «Не нужно думать, что благословение Божие только в богатстве: когда в богатстве, а когда и в бедности. Многих из нас когда-то Господь благословил богатством, а сейчас бедностью или даже ницетью. Это благословение, думается, еще выше»¹³.

Отсутствие обоснования достижений староверов в развитии экономики приводит и к неудачным попыткам объяснения этого феномена самими старообрядцами. Например, бывший председатель Высшего старообрядческого совета в Литовской республике И.И.Егоров пишет: «Лишенные в течение долгого времени многих гражданских прав, усиленно облагаемые денежными штрафами и

устраненные законом даже от участия в общественной деятельности, старообрядцы направили свои дарования и силу в ту сторону, которая оставалась для них полуоткрытой: в торговлю и промышленность, где они специализировали в себе торговую сметку и предприимчивость»¹⁴. Однако эта мысль ничего не объясняет, ибо в качестве побудительного стимула для занятия торговлей и успехов в промышленном производстве выступает лишь лишение гражданских прав.

Нельзя согласиться и с некоторыми дореволюционными авторами, которые считают, что беглые старообрядцы «уносили с собой большие капиталы», которые были использованы для развития торговли и промышленности. Это совершенно голословные утверждения, не подкрепленные фактическими данными. К тому же бежали не зажиточные люди, а прежде всего бедняки, не имевшие вообще никакого капитала.

Итак, на первый взгляд, успехи старообрядцев в развитии экономики кажутся труднообъяснимыми, ибо ни в особенностях вероучения, ни в апологетических сочинениях нет обоснования предпринимательской деятельности. Более того, некоторые важные положения вероучения, казалось бы, делали недопустимым участие в торговле и промышленности. Например, одним из важнейших элементов догматики беспоповцев является учение о духовном воцарении в мире антихриста. Отсюда вытекает обоснование необходимости бегства в самые глухие и отдаленные места, обоснование необходимости самоизоляции от царства антихриста, прекращение с ним любых контактов. Так, уже в середине XVIII века (1751 г.) на территории современной Литвы в Гудинишках состоялся известный собор федосеевцев, принявший так называемый «Устав Польский» (Литва входила в то время в состав Речи Посполитой). Весь устав пронизан духом господства в мире антихриста, поэтому даже товар, покупаемый на торгу, считался оскверненным и очищался молитвами и поклонами, а даже за вынужденное общение с внешним миром налагались церковные наказания. Например, за покупку товаров на торгу назначалось 300 земных поклонов¹⁵, за посещение бани вместе с «мирскими» (т.е. общающимися с «миром») - 300 поклонов¹⁶, за обращение в светский суд - 2000¹⁷, и т.д.

К этому нужно добавить, что в старообрядчестве было прежде

негативное отношение к ростовщичеству, из которого выросло банковское дело, и к кредиту. Все это должно было затруднить предпринимательское дело.

В то же время, на наш взгляд, субъективные предпосылки успехов в экономической деятельности были заложены в старообрядчестве как бы изначально и обусловлены прямо или опосредованно спецификой религиозных воззрений. Исходный момент – необходимость бегства от антихриста. Но кто мог бежать и заранее обречь себя на новые испытания, на борьбу за выживание в тяжелейших условиях? Это могли быть прежде всего (но не только) достаточно здоровые, наиболее деятельные и предприимчивые люди. Суровые условия в новых местах проживания, подчас в иноверческом окружении, не способствовали праздности, требовали непрерывного напряженного труда, сплоченности, взаимопомощи. В результате вырабатывался тип человека настойчивого, бережливого, расчетливого, упорного в труде и изворотливого в ведении дел. К тому же, в силу необходимости отстаивать свое вероучение, находить нужную аргументацию в старых книгах и рукописях, образовательный уровень старообрядцев первоначально был несколько выше, нежели у прочего населения.

К концу XVIII века постепенно складывались и объективные экономические предпосылки, благоприятные для включения первоначальных старообрядческих сообществ, с их специфическими особенностями, в активную торговую и производственную деятельность. Эти предпосылки все больше нейтрализовали отчужденность старообрядцев от «мира антихриста», заставляли их идти на компромисс с этим миром, сохраняя в то же время веру, бытовые устои и традиции.

С середины XVIII века экономическое развитие Российской империи характеризуется двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, продолжается рост феодальной эксплуатации, усиливается крепостное право, увеличивается власть помещиков над крестьянами. Но наряду с этим, прежде всего в городах, все более быстрыми темпами начинают развиваться капиталистические отношения, появляется все больше кустарных, полупромышленных и промышленных производств, на которых используется наемный труд. Для развития капиталистического производства на его начальной

стадии необходимо как минимум два условия - определенная сумма свободных денег, которые нужно вложить в производство, и наличие свободной рабочей силы. В условиях же господства крепостничества в городах по мере развития капиталистических отношений все острее ощущался дефицит рабочей силы. Это привело к тому, что с середины XVIII века начинает меняться направление потока беглецов. Крестьяне бегут все чаще не на окраины государства, в самые глухие и недоступные места, а в крупные города, где складывались капиталистические отношения.

Для адаптации беглецов на новом месте необходимо прежде всего какое-то укрытие, какой-либо приют. Вот тут и проявилась роль старообрядческих организаций, которые могли предоставить беглым приют, помочь найти работу, обзавестись необходимыми документами и легализовать свое положение. Не случайно в архивах сохранилось множество документов, свидетельствующих об укрытии старообрядцами беглых.

Постепенно происходило социальное расслоение: в сельской местности складывалась прослойка зажиточных крестьян, в городах росло число купцов-старообрядцев, а в самих общинах происходит первичное накопление капитала.

Таким образом, старообрядческие общины становятся организациями, в которых накапливаются определенный капитал и свободная рабочая сила, что предопределяет их включение в сферу капиталистического производства и дальнейший численный рост, прежде всего в крупных городах, в том числе в Риге.

В Российской империи в целом промышленность выросла на базе купеческого капитала. Сами купцы в своем большинстве были выходцами из крестьян, часто из беглых. Но в Балтийском регионе были свои особенности. Например, в Риге определяющее воздействие на становление промышленного производства оказывали капиталы остзейского дворянства и городской немецкой торговлоростовщической буржуазии. Анализируя первый этап в развитии капиталистической промышленности латвийского экономического района (конец XVIII – 40-е годы XIX века), латвийский историк и экономист Ю.Н.Нетесин отмечает, что немцы, владельцы крупных рижских предприятий, такие как Пихлау, Тило, Шепелер, Танк, Бек

(текстильные промышленники), Кригсман (пробочная фабрика), Голландер (табачное производство), Бранденбург (сахарные и другие производства), входили в руководящую группу Большой гильдии. В то же время довольно заметную роль в некоторых отраслях (кожевенной, мыловаренной, кирпичной и др.) играли капиталы русских купцов¹⁸, среди которых особенно видное место занимали старообрядцы.

В 1770 г. под Ригой в Ульброке на средства старообрядческого купца Н.Артемея строится кожевенный завод. В 1782 г. купец Б.Шелухин основывает еще один кожевенный завод. Вскоре купец первой гильдии С.Дьяконов создает крупнейший в Риге и один из крупнейших в Российской империи кожевенный завод. Возникают хлопчатобумажные предприятия И.Хлебникова, чугунолитейные заводы Ф.Грязнова и Н.Иванова, строятся кирпичные заводы, деревообрабатывающие и другие предприятия, принадлежащие старообрядцам и имевшие в качестве рабочей силы преимущественно старообрядцев.

Примечательно, что первый старообрядческий храм в Риге, освященный в 1760 г. одним из наиболее образованных и энергичных духовных наставников Ф.Саманским, находился в здании и на земельном участке купца первой гильдии С.Дьяконова¹⁹. Следует помнить, что немецкие правители в Латвии весьма ревностно оберегали свои интересы, стремясь любыми путями не допускать не немцев к торгово-промышленной деятельности. Можно лишь догадываться о том, насколько ловко и изощренно вел свои дела С.Дьяконов, став купцом первой гильдии.

Таким образом, во второй половине XVIII - начале XIX века в Риге идет быстрый процесс включения старообрядцев в развитие промышленного производства. Этот процесс обусловлен как субъективными предпосылками, так и объективными условиями того периода. В результате происходит укрепление старообрядчества, его численный рост. Увеличение прослойки зажиточных купцов и промышленников ведет к росту благотворительности, что также позитивно отражается на положении старообрядчества.

Как отражение относительного благополучия старообрядчества увеличивается количество храмов. Вместо деревянного здания храма в 1798 г. было возведено кирпичное, которое вскоре перестраивается

и значительно расширяется²⁰. Этот момент показателен. Как отмечал позже рижский полицмейстер Вакульский, на строительство документов не было. Высокопоставленные чиновники Крегер и князь Гагарин считали, что строение возведено со «словесного разрешения» генерал-губернатора²¹. Примечательно, что в данном случае старообрядцы явно нарушили законодательство, запрещавшее строительство каменных зданий в предместьях, которые полагалось сжигать в случае приближения неприятеля во время военных действий. Данный факт свидетельствует как о либеральном отношении местных властей к старообрядчеству, так и о выработанном умении староверов успешно вести дела с чиновниками самого различного ранга.

Построенное здание сгорело в 1812 г., когда без всякой необходимости было приказано сжечь Московский и Петербургский форштадты, населенные в основном латышами и русскими. Но старообрядцы, имевшие к этому времени значительные капиталы, уже в 1814 г. построили новое кирпичное здание, более просторное и величественное²².

На рубеже XVIII – XIX веков хозяйство рижских старообрядцев было уже обширным. Кроме «большой каменной» моленной на Московском форштадте находилась еще одна, так называемая «Пушковская» (по фамилии основавшего ее купца). В 1809 г. на Петербургском форштадте в здании купца К.Панина оборудуется третья моленная.

При главной «каменной» моленной имелись богадельня, в которой по отчету за 1829 г. проживало 244 человека, больница, где в стационаре лечилось 73 больных, сиротское отделение, в котором находил приют 71 ребенок. Кроме главной богадельни существовали и другие. Так, в доме купеческой вдовы Волковой проживало до 30 женщин и детей. Третья богадельня находилась на Московском форштадте в доме купца Ф.Никитина, а четвертая – на Двинском форштадте в доме купеческой вдовы Олифановой²³. При главной моленной имелась школа, в которой обучалось 110 учеников. При моленной существовали различные мастерские.

Таким образом, включение старообрядчества в сферу активной экономической деятельности, обусловленное как спецификой истории этого вероисповедания, так и объективными факторами, привели

к его расцвету и стабилизации, что помогло выстоять в условиях очередных жестоких гонений периода правления Николая I.

Приложения

1. Никольский Н.М. История русской церкви. М. - Л., 1931.
2. Рындзюнский П.Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма. - Вопросы истории религии и атеизма. - Вып. 1. - М., 1950. - С.188 - 249.
3. Он же. Городское гражданство дореформенной России. - М., 1958.
4. Морозовы и Москва. Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения». - М., 1998.
5. Миловидов В.Ф. Старообрядчество и социальный прогресс. - М., 1983. - С.8.
6. Там же.
7. Вебер М. Избр. произведения. - М., 1990.
8. Керов В.В. Т.С.Морозов: идея собственности в старообрядческом предпринимательстве. - В кн.: Морозовы и Москва. - М., 1998. - С.28 - 41.
9. Он же. Тимофей Морозов: управленческий опыт русского хозяина. - Проблемы теории и практики управления. - М., 1999, №2.
10. Бурышкин П.А. Москва купеческая. - М., 1990. - С.100.
11. Шахов М.О. Философские аспекты староверия. - М., 1997. - С.107.
12. Там же.
13. Рябушинский П.П. Купечество Московское.
14. «Град Китеж». - Вильнюс, 1990, №3. - С.13.
15. Устав польский. - Сб. для истории старообрядчества. - Т.1. М., 1934. - С.12-13.
16. Там же. - С.14.
17. Там же. - С.15.
18. Негёсин Ю.Н. Промышленный капитал Латвии. - Рига, 1980. - С.66 - 67.
19. Латвийский Государственный исторический архив (далее - ЛГИА), ф.1, оп.10, л.136, с.8.
20. Там же.
21. Там же. - Л.885, с.32.
22. Там же. - С.32 - 33.
23. Там же, ф.1, оп.1, л.885, с.34.

Депутаты-старообрядцы в Латвийском Сейме

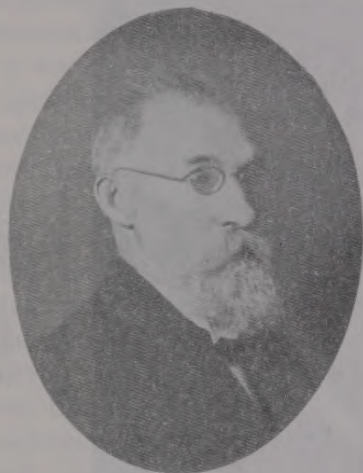
Старообрядцы, имея глубокие исторические корни на латвийской земле, сумели сравнительно быстро принять новые реалии, связанные с возникновением в 1918 г. Латвийского государства, и включиться в его политическую жизнь. Уже в Народном совете, первом представительном органе Латвийской Республики, старообрядцы были представлены в лице Ф.С.Павлова, Е.С.Колосова и В.В.Формакова. В Учредительном собрании (1920–1922 гг.) их вновь представлял Ф.С.Павлов, а также П.И.Мельников.

На выборах в 1-й Сейм, в октябре 1922 г., старообрядцам (составлявшим около 45% русского населения) удалось завоевать одно депутатское место из ста. Неожиданно для многих оно досталось 26-летнему учителю Мелетию Архиповичу Каллистратову (1896–1941). Всего в 1-м Сейме было три русских депутата, которым однако не удалось объединиться в единую фракцию – каждый из них действовал отдельно, представляя лишь самого себя. К сожалению, подобный разброс русских сил был характерен для всего периода существования в довоенной Латвии парламентской республики.

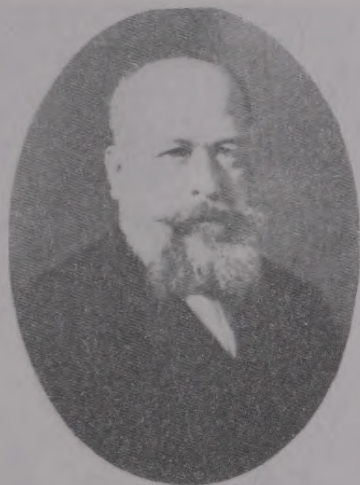
Хотя в «Старообрядческом списке» М.А.Каллистратов занимал лишь вторую ступень после Ф.С.Павлова, по числу поданных за него голосов он уверенно вышел на первое место. Между тем Ф.С.Павлов, известный своим консерватизмом, голосами избирателей был оттеснен на пятое место и вынужден был отойти от активной политики. Поначалу восхождение М.А.Каллистратова могло показаться случайным, но уже первые шаги в политике молодого депутата из Даугавпилса рассеяли подобные предположения. Особенно выигрышно он смотрелся на фоне двух других русских депутатов – А.С.Бочагова и П.А.Корецкого, чья политическая карьера бесславно завершилась по окончании работы 1-го Сейма.

М.А.Каллистратову почти сразу удалось проявить себя целеустремленным политиком, умело разбирающимся не только в проблемах близкого ему старообрядчества, но и русского населения в целом. Не случайно, что свое первое выступление в Сейме он в основном посвятил положению своих единоверцев. В частности, он высказался против административного вмешательства в дела старообрядческих общин и осудил увольнение служащих-староверов под предлогом незнания ими латышского языка. Одновременно он считал нужным подчеркнуть лояльность старообрядцев к Латвийскому государству, а также свою приверженность идее мирного сосуществования народов¹. Как и следовало ожидать, одним из основных для М.А.Каллистратова стал аграрный вопрос. Ведь основу его электората составляли латгальские крестьяне-старообрядцы, многие из которых чувствовали себя обделенными в ходе аграрной реформы и страдали под тяжестью непомерных налогов. Не менее важными для М.А.Каллистратова были и вопросы образования. Низкий уровень грамотности русского населения не мог не тревожить русского депутата. Он с горечью отмечал, что в Латгале лишь половина русских детей посещает школу, а многие школьные помещения находятся в плохом состоянии. Поэтому на заседаниях Сейма он не раз ставил вопрос о расширении сети русских школ в Латгале; резко выступал против попыток пересмотра закона о школьной автономии, гарантировавшего национальным меньшинствам право получения образования, включая среднее, на родном языке. Неоднократно в 1-м Сейме М.А.Каллистратов поднимал и большой вопрос об увольнениях железнодорожных служащих из-за незнания ими латышского языка². При участии М.А.Каллистратова и двух других русских депутатов был разработан и передан на рассмотрение комиссии Сейма законопроект о русской культурно-национальной автономии³, не получивший, однако, дальнейшего хода.

Пожалуй, наиболее ярко способности М.А.Каллистратова в начале его политической карьеры проявились в двух эпизодах. Во-первых, в 1924 г. в ходе жарких споров вокруг того, кто должен занять кресло начальника Русского отдела при Министерстве образования. Для русских это был немаловажный вопрос, ибо от Русского отдела зависела не только постановка русского образования,

Иван Ферапонтович
Юпатов
(1865 – 1944)

Степан Родионович
Кириллов
(1877 – 1960)

но и в значительной мере культурная жизнь. Твердая позиция М.А.Каллистратова, поддержавшего порядочного, хоть и несколько консервативного профессора И.Ф.Юпатова, снискала ему симпатии в кругах русской интеллигенции, дотоле почти не замечавшей его. Вторым эпизодом, заставившим русское общество заговорить о Каллистратове, стало его участие в конфликте, разгоревшемся вокруг Русского театра. Суть дела состояла в том, что в 1925 г. в Риге, наряду с театром Русской драмы, известной русской актрисой Е.Н.Рошиной-Инсаровой был создан еще один – Камерный театр. Однако государственная субсидия выделялась лишь из расчета на один национальный театр. Реально это означало, что выжить сможет лишь один из названных театров. Какой? В немалой степени это зависело от Русского отдела и русских депутатов. Мнения разделились. И опять же, во многом благодаря твердости М.А.Каллистратова, чаша весов склонилась в пользу Русской драмы. И в последующие годы Каллистратов оставался верным другом этого театра, не раз еще

Григорий Савельевич
Елисеев
(1896 – 1967)

Мелетий Архипович
Калистратов
(1896 – 1941)

приходя ему на помощь.

Мелетий Архипович принадлежал к числу людей, стремившихся идти в ногу со временем. Своим поведением он ломал стереотипы о старообрядцах как о людях, замкнувшихся в своем кругу, неприемлющих новаций. Каллистратов явно не соответствовал такому представлению. Он отказался от традиционной для старообрядцев бороды, за что ни единожды был упрекаем своими единоверцами. Нельзя не заметить, что Каллистратов уже в начале 20-х годов перешел на новую орфографию, чем выделялся среди многих русских латвийцев, упорно продолжавших пользоваться «ятями» и «ижицами». И еще одна деталь, которую хотелось бы отметить: Каллистратов, не отличаясь особой религиозностью, считал своим долгом отстаивать интересы не только своей конфессии, но и православной церкви. Депутат-старообрядец не мог оставаться в стороне, когда речь заходила, например, об изъятии у православных верующих Алексеевского монастыря в Риге или о сносе часовни на Привокзальной площади.

На выборах во 2-й Сейм М.А.Каллистратов выступал уже как бесспорный лидер «Старообрядческого списка». Проявив больше активности, чем на предыдущих выборах, старообрядцам удалось получить два места в Сейме. Всего же в Сейм прошло пять русских депутатов. Коллегой Каллистратова по старообрядческой фракции стал упоминавшийся выше И.Ф.Юпатов (1865–1944), выходец из известной в Риге старообрядческой семьи. «С седой бородой, в очках с золотой оправой, человек старого закала, консерватор, но с практической стрункой, он старался, не входя в конфликт со своими убеждениями, идти в ногу с новыми требованиями... Ему приходилось немало бороться с господствующим латышским шовинизмом, который постепенно сдавливал меньшинственные школы, вытесняя число русских предметов и заменяя их латышскими уроками истории и географии»⁴, - так, уже в послевоенные годы, в Швейцарии, вспоминал о нем известный в довоенной Риге журналист и педагог Г.И.Гроссен.

Во 2-м Сейме М.А.Каллистратов, имея за плечами определенный политический опыт, стал действовать еще более смело и уверенно. Тем не менее среди русских депутатов он уже не являлся бесспорным лидером. На фоне архиепископа Иоанна Поммера образ

Каллистратова несколько поблек, однако в старообрядческих кругах он по-прежнему задавал тон. Наряду с социальными проблемами Каллистратова особенно беспокоили вопросы, связанные с правовым положением национальных меньшинств. Он был среди тех, кто активно, но, увы, безуспешно добивался принятия закона о культурно-национальной автономии. Каллистратов не мог не замечать растущего национализма как в обществе в целом, так и среди своих коллег-депутатов. Выступая с трибуны Сейма, Каллистратов критиковал латышские правые партии за их лозунг «Без меньшинств», полагая, что следование лозунгу ставит меньшинства в положение граждан второго сорта и тем самым препятствует развитию демократии в стране. Вновь и вновь поднимал Каллистратов большой вопрос о положении русских крестьян, о допускаемых по отношению к ним несправедливостях. Пользуясь трибуной Сейма, депутат не забывал покритиковать и чиновничество за то, что многочисленные прошения о принятии в подданство от лиц, имеющих на то законное право, длительное время остаются безответными⁵.

Однако единую позицию двум депутатам от старообрядцев выработать не удалось. И.Ф.Юпатов, в отличие от М.А.Каллистратова, придерживался более консервативных взглядов, что однако не мешало ему активно работать в Сейме. Несомненно, его как депутата, ученого и начальника Русского отдела более всего волновали проблемы образования. В частности, он полагал, что экзамены при поступлении в университет не нужны, что они являются проявлением недоверия к школьным педагогам. Негативным было и его отношение к вступительному экзамену по государственному языку, из-за которого, как он полагал, многие способные нелатыши уезжают получать образование за границу или же остаются без высшего образования вообще. Юпатов был сторонником более широкого доступа в Латвийский университет лиц, желающих учиться, обосновывал и пропагандировал эту идею с трибуны Сейма⁶.

Пожалуй, наиболее отчетливо расхождения во взглядах русских депутатов обнаружили при обсуждении в Сейме, в октябре 1927 г., Торгового договора с СССР. И.Ф.Юпатов, в отличие от своего коллеги по фракции, оказался в числе противников ратификации этого договора. Выступая в Сейме, он обосновывал его нецелесообразность

для Латвии. На его взгляд, советский заказ для Латвии проблематичен и опасен, так как потребует расширения заводов и фабрик, для чего нет необходимого капитала, технических средств, рабочих, а также постоянного рынка, в то время как в России имеются все возможности для развития промышленности. К тому же он был обеспокоен и тем, что поощрение промышленности со стороны Банка Латвии может привести к сокращению помощи крестьянам и ухудшить положение в сельском хозяйстве в целом⁷.

Вопрос о целесообразности Торгового договора с СССР, заключенного так называемым левым правительством Маргерса Скуениекса, был поставлен и в ходе прений о доверии этому правительству. Выступая на этот раз, профессор Юпатов заметил, что договор с СССР может создать базу для расширения коммунистической пропаганды в Латвии, для которой, по его словам, имелась благодатная почва. Недовольство народных масс, значительное число безработных, в особенности среди русских, чрезмерно высокие налоги, несправедливое распределение фондовых земель и т.п. все это было очевидным⁸. В свою очередь, М.А.Каллистратов подчеркивал, что правительству не следует повторять неразумную политику по отношению к окраинам, проводившуюся царской Россией. Он вновь заметил, что малоземельное русское крестьянство Латгале оказалось жертвой чиновничьего произвола. При этом град упреков был адресован по большей части в адрес «Крестьянского союза». По мнению депутата, исключительно по национальному признаку многим русским служащим пришлось оставить свои места и заполнить городские биржи труда. Однако Каллистратов вынужден был признать, что левое правительство не оправдало возлагавшихся на него надежд. Но если перед ним те, кто всегда противодействует осуществлению элементарных требований русского населения, и те, кто обязуется не делить людей по национальностям и при известном давлении идет на некоторые уступки, то русские депутаты должны поддерживать последних. Между тем Каллистратов никогда не был близок к социал-демократам, тем более к коммунистам, в чем его так любили упрекать противники. Русское население не хочет видеть в Латвии коммунистических экспериментов, подчеркивал депутат, замечая при этом, что правые политические партии, любящие

кричать о коммунистической опасности, ничего не делают для того, чтобы предупредить нарастание недовольства в среде обездоленного русского населения⁹.

Оценивая работу правительства М.Скуениекса (уже после его падения в декабре 1927 г.), Каллистратов отмечал, что при нем русским удалось добиться назначения своего представителя в состав Землеустроительного комитета, а также права на употребление русского языка в ряде самоуправлений Латгале. Поэтому падение «левого правительства» депутатом было воспринято с тревогой¹⁰. Что касается И.Ф.Юпатова, то он, не будучи сторонником правительства М.Скуениекса, посчитал нужным заметить, что всякое правительство будет сильно лишь в том случае, если поймет, что меньшинства в Латвии составляют четверть всего населения¹¹.

К концу работы 2-го Сейма раскол в рядах старообрядчества стал очевидным. На состоявшемся в августе 1928 г. «Вселатвийском старообрядческом съезде» сторонники С.Р.Кириллова, увидев, что они оказались в меньшинстве, покинули съезд, продемонстрировав, что им не по пути с «левыми старообрядцами», возглавляемыми М.А.Каллистратовым¹².

На выборах в 3-й Сейм «левые старообрядцы» выставили свой список не только в Латгале, но и в Риге. В итоге Каллистратову вновь удалось занять депутатское место, а его коллегой по фракции стал его давний друг еще по службе в отряде князя А.П.Ливена – Г.С.Елисеев (1896–1967). Между тем сторонники правого крыла вошли в «Блок православных и старообрядческих избирателей и общественных организаций». От этого блока, от Земгале, в Сейм прошел упоминавшийся выше известный в старообрядческих кругах деятель, бывший депутат 4-й Государственной думы – С.Р.Кириллов (1877–1960). Так что выборы в 3-й Сейм оказались наиболее плодотворными для старообрядцев.

Как и прежде, пальма первенства среди депутатов-старообрядцев принадлежала М.А.Каллистратову — легкому на подъем, готовому отправиться в самые глухие уголки Латгале, чтобы терпеливо выслушать крестьянские жалобы, да и делом или советом помочь своим избирателям. Такое поведение депутата далеко не всем импонировало, особенно некоторым коллегам, полагавшим, что в

их обязанности входит лишь участие в заседаниях Сейма и работа в парламентских комиссиях. Отзывчивость же к нуждам отдельных избирателей, по их мнению, лишь развращала последних¹³. Но невзирая на упреки в популизме, М.А.Каллистратов оставался верен избранной тактике. В реальной обстановке тех лет, при наличии широкого пласта малообразованного, неразбирающегося в политике населения, его «популизм» помогал преодолевать пропасть, разделявшую народ и власть.

Каллистратову не раз приходилось слышать упреки как справа, так и слева: по-разному относились к нему современники. Нелестно отзывался о нем упомянутый Г.Гроссен. На его взгляд, то был «типичный митинговый оратор из провинциального городка», мнивший себя левым и старавшийся держаться поближе к социал-демократам. «Его политическая платформа, по мнению Г.Гроссена, выражалась одним словом «демократия», хотя он едва ли знал это понятие в широком европейском смысле. Все свободы, да побольше земли крестьянам, хотя последней неоткуда было взять, что он прекрасно понимал»¹⁴. Критиковали Каллистратова и социал-демократы, называвшие его истинным представителем своего времени, не имеющим никаких определенных политических взглядов и общественных идеалов, высшая премудрость которого заключается в своевременном уловлении требований данного момента¹⁵. В то же время газета «Сегодня», отмечая десятилетие работы Каллистратова в Сейме, подчеркивала, что он неизменно и активно выступал в защиту русских интересов во всех областях, и никакие левые или правые уклоны не могли увести его с этого пути¹⁶. Несомненно одно – своя политическая ниша у Каллистратова была, и он ею умело пользовался.

Начало работы 3-го Сейма ознаменовалось довольно продолжительными дебатами о составе нового правительства. Лишь спустя почти два месяца после выборов Сейм выразил доверие новому Кабинету министров во главе с Х.Целминьшем. Однако Каллистратов голосовал против, обосновав это тем, что правительственная декларация – лишь звучные слова, не имеющие под собой серьезного основания. Прежнее правительство для русского населения ничего не сделало... Прирезы, ранее полученные русскими крестьянами, отняты... Многие полагают, что если в правительстве имеется русский товарищ

министра земледелия (намек в адрес Л.В.Шполянского. – Т.Ф.), то все нужды русского крестьянства удовлетворены. На самом деле это не так¹⁷. В 3-м Сейме Каллистратов неоднократно выступал и по проблемам формирования бюджета. При этом его особенно беспокоила проблема получения ассигнований русской основной школой, а также и средней, которая, по его расчетам, получала значительно меньше средств, чем ей полагалось¹⁸. Кстати, после этого выступления произошла перепалка между двумя депутатами-старообрядцами – М.А.Каллистратовым и С.Р.Кирилловым. Последний позволил себе иронически отозваться о коллеге как о защитнике интересов рабочих и крестьян, подчеркнув, что сумма, выделенная правительством для помощи нуждающимся, вполне достаточна¹⁹.

Да, позиции М.А.Каллистратова и Г.С.Елисеева были сходны, но последний заметно отставал в активности от своего более опытного товарища. За три года пребывания в Сейме Елисееву так и не удалось сформировать свое политическое кредо. И уж совсем особняком выступала фигура Кириллова. «Малоразговорчивый, вдумчивый и спокойный, казалось, что все страсти – как политические, так и общественные – шли мимо него»²⁰, – вспоминал о нем Г.Гроссен. За три года пребывания в Сейме он лишь пару раз поднялся на трибуну, прослав «великим молчальником». Одним из наиболее приметных событий в его депутатской практике стало участие в инциденте, когда депутаты социал-демократы, разъяренные очередным выступлением против них архиепископа Иоанна, набросились на него. А депутат Кириллов оказался в числе немногих вставших на защиту Владыки²¹, с которым, не взирая на конфессиональные различия, поддерживал дружеские отношения. Но справедливости ради надо сказать, что упомянутые действия социал-демократов были М.А.Каллистратовым осуждены²².

Так что в 3-м Сейме не могло быть и речи о единстве действий не только русских депутатов в целом, но и депутатов-старообрядцев, полагавших, что каждый из них может иметь отличную позицию по обсуждаемым вопросам. Поэтому непросто определить место русских депутатов в политическом спектре, хотя в большинстве случаев они тяготели к центру или располагались несколько левее него. В этой связи справедливым представляется утверждение

историка С. Кузнецова, что «более-менее определенную политическую линию русских парламентариев сложно сформулировать ввиду их непоследовательности, но можно утверждать, что М. Каллистратов стоял несколько левее центра, а его программа, если проводить аналогию с дореволюционными партиями, напоминала эсеровскую»²³.

Казалось бы, ничто не угрожало политической карьере Каллистратова, и его избрание в 4-й Сейм было обеспечено. Однако предвыборная кампания для Каллистратова и Елисеева оказалась омраченной. В самый ее разгар появилась анонимная листовка «Не могу молчать» за подписью «ливенец», из которой следовало, что ее автор не может более молчать о том, как его товарищи по отряду – Каллистратов и Елисеев – грабили мирное население, издевались над пленными красноармейцами, расстреливали их; как вешали двух своих товарищей, заподозренных в дезертирстве. «Я молчал долго, отмечал «ливенец». Я ждал и, может быть, наивно ждал, что Каллистратов и Елисеев свои грехи загладят перед народом своей службой ему, но тщетно. Ярые монархисты на войне превращаются в ярых красных на мирном поприсе, а действительным рычагом остается все то же, т.е. корысть»²⁴.

Несомненно, это была попытка помешать Каллистратову и Елисееву вновь занять депутатские места, скомпрометировав их в глазах избирателей. Однако предполагаемого результата листовка не принесла, хотя в Риге ее раздавали пачками на всех русских предвыборных собраниях, а в Латгале ею наводнены были почти все старообрядческие деревни²⁵. Число голосов, поданных за «левых старообрядцев», по сравнению с предыдущими выборами, возросло. Каллистратов в четвертый раз завоевал себе место в высшем законодательном органе Латвии. Из русских депутатов он был единственным, кому удалось добиться такого успеха. Правда, Елисеев в 4-й Сейм не попал, но это скорее было связано с его неудачной работой в 3-м Сейме, а не с появлением упомянутой листовки. Вторым депутатом от «левых старообрядцев» стал Т. Е. Павловский (1890–1964), занимавший в списке лишь пятое место. Что же касается «правых старообрядцев», то никому из них не удалось пробиться в Сейм.

Но было бы ошибочным предполагать, что после выборов дело о пресловутой листовке оказалось закрытым. Вовсе нет. Как

видно из газетных материалов, ни для кого не было секретом, что под псевдонимом «ливенец» скрывался бывший боевой товарищ Каллистратова и Елисеева – Даниил Фролов. 3 апреля 1933 г. (через полтора года после появления листовки) в Латгальском окружном суде состоялось слушание дела по обвинению Д.К.Фролова в клевете на депутата М.А.Каллистратова. Судебное заседание началось с заявления обвиняемого Фролова, в котором он попросил у Каллистратова прощения за содеянное им. После чего Каллистратов задал несколько вопросов Фролову, в частности, по собственному ли побуждению он напечатал клеветническую «летучку», а также, на чьи средства она была отпечатана. На поставленные вопросы Фролов ответил, что написал «летучку» по просьбе бывшего депутата С.Р.Кириллова и нынешнего депутата Т.Е.Павловского, но на чьи деньги она отпечатана, ему неизвестно. Получив ответы на свои вопросы, М.А.Каллистратов заявил, что считает Д.К.Фролова жертвой своих политических врагов, и в виду его раскаяния отказывается от выдвинутого им иска²⁶. Итоги суда были воистину сенсационными, тем более что Т.Е.Павловский баллотировался с М.А.Каллистратовым по одному списку и поначалу работал с ним в одной фракции. Но нельзя не заметить, что столь поспешное закрытие дела, без опроса вызванных в суд свидетелей с обеих сторон, оставили лазейку для различных кривотолков. В свою очередь, депутат Павловский поспешил заявить, что показания Фролова о его причастности к листовке, – новый вымысел, новая ложь и клевета, за что он вынужден будет привлечь его к ответственности²⁷. Но, видимо, дело все же до нового разбирательства не дошло. И, как покажет время, – ни искреннего примирения, ни раскаяния, увы, не было.

Некоторый свет на события, связанные с злополучной листовкой, проливают и материалы из архивного фонда Политуправления МВД Латвии, в частности, в ходе обыска у М.А.Каллистратова, произведенного сотрудниками этого ведомства в июне 1934 г., ими были обнаружены и изъяты копии нескольких писем, в подлинности которых, судя по известным событиям, вряд ли стоит сомневаться. Прежде всего, это копия письма светлейшего князя А.П.Ливена (1862–1937), в то время одной из наиболее авторитетных фигур в правых русских кругах, адресованного поручику Фролову 24

сентября 1931 г., из которого явствует, что упомянутый Фролов намеревался опубликовать письмо, разоблачающее Каллистратова и Елисеева, однако по совету К.И.Дыдорова (одного из ближайших сподвижников Ливена) отказался от этого намерения. По мнению Ливена, такой способ предвыборной борьбы представляет собою одну из худших теневых сторон демократического парламентаризма. В то же время он относит это явление и к печальным сторонам русской общественной жизни: «вместо того, чтобы идти вместе единым списком, мы идем разрозненно, но если приходится идти разрозненно, то будем по крайней мере держать добрососедство и бороться с конкурентами только лояльными мерами, а не пасквилями»²⁸. Но, несмотря на просьбу бывшего командира, пасквиль все же увидел свет, хотя «ливенец», под давлением своих соратников, полагавших, что листовка бросает тень на них в целом, и пришлось поспешить с заявлением, что ее появление явилось результатом «злоупотребления доверием со стороны третьего лица»²⁹. Этой же теме посвящено письмо Дыдорова Фролову от 2 октября 1931 г., в котором прямо говорится, что в листовке содержится ложь. В то же время Дыдоров соглашается с Фроловым в том, что Каллистратов и отчасти Елисеев увлекаются коммунистическими идеями, ломают церковь, разрушают семейные устои; упрекает их за поддержку торгового договора с СССР³⁰. И, наконец, в письме от 17 октября 1931 г. Дыдоров предлагает Фролову отказаться от всего подписанного под псевдонимом «ливенец», обещая в свою очередь добиться, чтобы Каллистратов и Елисеев не привлекли его к суду³¹. Так что, хотя деятельность Каллистратова и Елисеева и была не по душе русским правым кругам, тем не менее они не считали возможным опускаться до подобных методов борьбы. По-видимому, наличие копий этих писем у Каллистратова можно объяснить двояко – как желанием Каллистратова получить заверения от своих бывших командиров в их непричастности к пасквилю, так и желанием последних не доводить дела до суда и не выносить свару на широкую публику.

Но вернемся к работе 4-го Сейма. Увы, дуэт двух депутатов-старообрядцев не получился. Т.Е.Павловский попытался сразу же перехватить инициативу. Если раньше М.А.Каллистратов любил покрикивать своих коллег, то теперь сам стал объектом такой

критики. В частности, Павловский, выступая в Сейме, заявил, что еще до обсуждения вопроса о запрете на получение одним лицом одновременно жалования как от государства, так и от самоуправления, он отказался от половины оклада, получаемого в уездном правлении. Между тем он бросил упрек в адрес Каллистратова, не поступившего таким же образом³². Павловский обвинил своего коллегу в причастности к выселению безработных из квартир, вступил с ним в спор по поводу отношения к безработным латгальским учителям³³. Так что уже в самом начале заботы 4-го Сейма стало ясно: о единой фракции не может быть и речи.

Вместе с тем в ходе работы 4-го Сейма начинает вырисовываться новая конфигурация в расстановке русских политических сил, знаменующая все усиливающуюся ломку межконфессиональных перегородок. В частности, в Сейме возникает «Русская крестьянская фракция», возглавляемая депутатом от «Русского крестьянского объединения» С.И.Трофимовым, к которой присоединяются избранный в Сейм по списку архиепископа И.Поммера – И.В.Корнильев, а также упомянутый выше депутат-старобрядец Т.Е.Павловский. Знаменательно, что в сторону этой фракции начал склоняться и архиепископ Иоанн Поммер³⁴. Новоиспеченная фракция пыталась представить себя в роли единственной защитницы интересов русского крестьянства независимо от его конфессиональной принадлежности. И это не случайно: ведь крестьянство составляло основу тогдашнего русского электората. Члены новой фракции не скупались на критику своих противников, готовясь дать им решительный бой на следующих выборах. Так, Павловский, выступая 26 марта 1933 г. на Русском крестьянском съезде в Резекне, недвусмысленно намекнул, что некоторые русские депутаты (подразумевая, видимо, в первую очередь М.А.Каллистратова и отчасти Л.В.Шполянского) по десять лет официально числятся крестьянскими представителями, но за эти годы не провели ни одного предложения в пользу крестьян³⁵.

В свою очередь, Каллистратов, несмотря на некоторый спад активности, явно не желал уступать свои позиции. Обладая богатым политическим опытом, он чутко реагировал на любые колебания политического барометра. Он не мог не видеть все нарастающей волны национализма и связанной с ней опасности. Поэтому его

беспокоило обсуждение в Сейме проекта изменений в Сатверсме (конституции), в том числе предполагаемое усиление президентской власти. Страна ждет разумной и справедливой власти, замечал Каллистратов, а не только власти сильной. Меньшинства, в том числе и русские, должны подумать о том, не придет ли за сильной властью власть несправедливая³⁶. Трудно сказать, как дальше сложилась бы карьера Каллистратова, но ясно одно – уходить с политической сцены он не собирался, готовился к следующим выборам. С этой целью в апреле 1933 г. он наконец-то создал свою партию – «Русскую трудовую крестьянскую партию». Ее основные программные положения сводились к защите интересов трудового народа, укреплению государственности, отстаиванию народоправства как единой формы государственного устройства в Латвии; к праву свободного пользования русским языком; повышению грамотности русского населения и к единению русских по национальному, а не конфессиональному принципу³⁷. Возможно, неудача с выбором Т.Е.Павловского подтолкнула М.А.Каллистратова к созданию партии, которая объединила бы его единомышленников, чтобы впредь не повторилась ситуация, сложившаяся в 4-м Сейме. Но трудно сказать, насколько жизнеспособной оказалась бы эта партия и в какой мере ей удалось бы реализовать поставленные задачи. В то же время наблюдается некоторое сближение М.А.Каллистратова с Л.В.Шполянским, уже трижды избиравшимся в Сейм при поддержке русского православного крестьянства Латгале.

Все чаще раздаются голоса о несостоятельности конфессионального разделения русских избирательных списков. Так, П.Мельников в газете С.И.Трофимова «Голос народа» по этому поводу замечал, что «практика не дает никаких указаний на необходимость раздробления русских избирательских голосов. Точно таким же образом эта практика не указывает на то, чтобы деление принесло хоть какую-нибудь пользу русскому населению»³⁸. Можно предположить, что если бы согласно Сатверсме осенью 1934 г. состоялись выборы в Сейм, то русские правоориентированные круги, скорее всего, объединились бы вокруг «Русского крестьянского объединения», в то время как более лево настроенные – вокруг Каллистратова и Шполянского. Но жизнь распорядилась иначе. Произшедший 15

мая 1934 г. государственный переворот прервал демократическое развитие Латвии, упразднил парламентский строй и его непременный атрибут – политические партии.

Установление авторитарного режима стало концом карьеры для многих латвийских политиков, в том числе и упомянутых в данной статье. Особенно болезненно переворот коснулся Каллистратова. Хотя теперь уже бывший депутат и поспешил приветствовать новую власть, это не спасло его от репрессий. Власти обвинили Каллистратова в том, что, будучи депутатом Сейма и Даугавпилсской городской думы, он проводил враждебную Латвийскому государству агитацию, подбивал крестьян к неуплате налогов, группировал вокруг себя прокоммунистически настроенные элементы³⁹. 8 июня 1934 г. Мелетий Каллистратов был арестован, а неделю спустя переправлен в лагерь, в Лиепаяу, где вместе с ним оказалось немало других известных деятелей. В заключении он пробыл более полугода, после чего вернулся к семье. Но обеспеченная, спокойная и размеренная жизнь не удовлетворяла его, привыкшего к активной политической деятельности.

С приходом к власти Карлиса Улманиса завершилась и карьера И.Ф.Юпатова – ему пришлось расстаться с должностью начальника Русского отдела в связи с ликвидацией таковой. В тень пришлось уйти и другим бывшим депутатам-старообрядцам. Лишь некоторым политикам, группировавшимся вокруг «Русского крестьянского объединения», удалось оказаться в числе немногих русских, попавших в число приближенных к новому режиму.

Но жителей Латвии, в том числе русских, ждали гораздо более тяжкие испытания. Ликвидировав независимость Латвии, сталинский режим один из первых своих ударов обрушил именно на русских, традиционным обвинением для которых было участие в боях на стороне белой армии и приверженность монархизму. Чаша сия не миновала и двух бывших депутатов-старообрядцев – М.А.Каллистратова и Г.С.Елисеева. Постановление об аресте Елисеева было принято 15 июля 1940 г.⁴⁰, а 9 октября 1940 г. был арестован и Каллистратов⁴¹. К счастью, сей участи удалось избежать И.Ф.Юпатову и С.Р.Кириллову. В эмиграции завершился жизненный путь Т.Е.Павловского.

Что же явилось поводом для ареста двух бывших русских

депутатов? В постановлении на арест Калистратова отмечалось, что он «является белогвардейцем, ландесверистом, участником расправ над коммунистами в гражданской войне, видным деятелем газеты «Крестьянская Россия», активным борцом против коммунистического движения в Латвии»⁴². Аналогичным было и основание для ареста Елисеева. Очевидно, новым властям не терпелось избавиться от людей, не разделявших коммунистических идей, но пользовавшихся влиянием и авторитетом в левонастроенных массах. И в конкретном случае власти воспользовались удобным предлогом – белогвардейским прошлым Калистратова и Елисеева. Ответ же об источнике такой информированности найти несложно: достаточно заглянуть в следственное дело Г.С.Елисеева, хранящееся в архивном фонде КГБ ЛССР Латвийского государственного архива. К сожалению, следственное дело на М.А.Калистратова не сохранилось. Возможно, оно было уничтожено при отступлении советских войск из Даугавпилса в конце июня 1941 г. Поэтому и сведения о последних месяцах жизни М.А.Калистратова весьма скудны. Тем не менее и этой скупой информации достаточно, чтобы уяснить некоторые обстоятельства «дела Калистратова».

Но обратимся к «следствию». Елисеев, будучи арестован еще 15 июля 1940 г., первый раз был допрошен лишь 28 августа, затем 30 августа. Практически оба эти допроса не дали желательных следствию результатов. Лишь 18 и 23 декабря были допрошены «свидетели» в лице бывших соратников Елисеева по отряду князя Ливена – Г.Ф.Галактионов и Д.К.Фролов. Как видим, фамилия одного из них как автора пасквиля «Не могу молчать» нам известна. Как и следовало ожидать, показания этих «свидетелей» были не в пользу Г.С.Елисеева и поначалу почти дословно повторяли обвинения, прозвучавшие еще осенью 1931 г. Других свидетелей по делу Елисеева не нашлось. 23 декабря 1940 г. состоялась единственная очная ставка между Г.С.Елисеевым и Г.Ф.Галактионовым, в ходе которой последний, в общем-то, категорично не утверждал, что Г.С.Елисеев лично причастен к расстрелам или избиениям пленных красноармейцев. Однако в ходе этой очной ставки Елисеев впервые признал свою вину⁴³. Что стоит за этим признанием, можно лишь догадываться. Добившись нужных показаний, следователи, вероятно, перегруженные

другими «делами», надолго «забывают» о Елисееве. Лишь 13 марта 1941 г. его вновь вызывают на допрос, на котором речь идет в основном о «контрреволюционной» «Трудовой крестьянской партии». Только 12 мая 1941 г. было принято обвинительное заключение, согласно которому Г.С.Елисеев обвинялся в том, что «добровольно вступил в белую контрреволюционную армию, которая вела борьбу против молодой Республики Советов, состоя на службе в качестве ротного, а впоследствии батальонного командира, сам лично производил расправу над пленными красноармейцами и мирным населением, сочувствующим советской власти, а также занимался грабежом мирного населения. Кроме этого, находясь в Латвии, возглавил руководство контрреволюционной Русской трудовой крестьянской партией и являлся активным членом общества распространения знаний среди старообрядцев, которое вело усиленную агитацию против существующего в Советском Союзе строя»⁴⁴. Несостоятельность этих обвинений, видимо, не смущала органы НКВД.

«Дело Елисеева» было рассмотрено на закрытом судебном заседании в Даугавпилсе 6 июня 1941 г. На суде Елисеев, признав неоспоримые факты своей службы в белой армии и участия в политической жизни Латвии, нашел в себе силы отвергнуть главное из обвинений – о якобы совершенных им военных преступлениях. Не признал он и своего участия в перевороте 15 мая 1934 г., как и того, что он-де поддерживал установившийся в результате переворота режим⁴⁵. Показания единственных «свидетелей» в лице Галактионова и Фролова, судя по протоколу, были довольно расплывчатыми и не содержали конкретных, компрометирующих Елисеева, фактов. Фролов даже вспомнил, что Елисеев сочувственно относился к испанским республиканцам и вообще всегда был человеком левых убеждений⁴⁶. Но видимое отсутствие состава преступления не помешало суду приговорить Елисеева к 10 годам лишения свободы с конфискацией лично принадлежащего ему имущества и последующим поражением в правах сроком на 5 лет⁴⁷. Между тем такое решение суда показалось чересчур мягким прокурору, подавшему в этой связи кассационный протест⁴⁸. В свою очередь, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда ЛССР поддержала прокурора, отменив 20 июня 1941 г. приговор Даугавпилсского суда и постановив

передать дело на новое рассмотрение⁴⁹. И лишь начавшаяся через два дня война спасла Елисеева от нового суда. Позднее, уже в 1943 г., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР все же решила не пересматривать вынесенный Г.С.Елисееву приговор⁵⁰. Отбыв назначенный ему срок наказания, Г.С.Елисеев в 1950 г. был отправлен в ссылку в Погучанский район Красноярского края, и только во времена хрущевской «оттепели» смог вернуться в Латвию.

Более трагичной оказалась судьба М.А.Каллистратова. «Следствие» по его делу также тянулось мучительно долго. Только 12 мая 1941 г. было составлено обвинительное заключение по его делу, которое является одним из немногих документов, проливающих хоть какой-то свет на то, как велось «следствие». Из указанного документа видно, что Каллистратов признал себя «виновным» в том, что добровольно вступил в белую армию, а впоследствии в течение 12 лет был депутатом Сейма и принимал участие в создании Русской трудовой крестьянской партии. Но «следствию» не удалось заставить его признать себя виновным в том, что, находясь на службе в белой армии, он участвовал в расправах над мирным населением и пленными красноармейцами. Отверг он и нелепое обвинение в том, что, будучи депутатом Сейма, занимался обманом трудового народа⁵¹. Иными словами, органам НКВД не удалось заставить Каллистратова оговорить себя. Такой вывод напрашивается на основании Обвинительного заключения. Из упомянутого документа также видно, кто же «изобличал» Каллистратова. Надо сказать, что круг лиц, привлеченных к этому делу, был шире, чем в случае с Елисеевым. В качестве свидетелей были привлечены находившиеся под арестом Г.С.Елисеев и Б.В.Евланов – бывший активист «Русского крестьянского объединения», и А.И.Формаков – бывший совладелец издательства и редактор газеты «Наш голос», литератор, член общества «Сокол» и «Старообрядческого христианского союза», организованного С.Р.Кирилловым. Кроме того, в качестве свидетелей проходили небезызвестный Фролов, а также М.Теперев, за приближение которого к себе Каллистратов в свое время был обвинен в прокоммунистических симпатиях. Помимо того, была проведена очная ставка с А.И.Формаковым. Но о содержании этих допросов можно строить лишь предположения. По всей вероятности, «следствие», учитывая масштабность фигуры Каллистратова и его

популярность, попыталось не ограничиваться лишь эпизодами из его военной молодости, а скомпрометировать его как политического деятеля. Но сомнительно, чтобы указанные лица могли действительно скомпрометировать Каллистратова. Однако непонятно, почему очная ставка была проведена с А.И.Формаковым, человеком в общем-то не очень близким к Каллистратову? Ответ на этот вопрос, пожалуй, кроется в деле самого Формакова, в котором имеется любопытный документ – его заявление, адресованное Особому совещанию при МГБ СССР от 18 марта 1951 г., в котором он, прося пересмотреть вынесенный ему приговор, отмечает, что еще в 1940 г., оказавшись в заключении, он был завербован начальником Даугавпилсской тюрьмы Юхно и оказал следствию помощь «в разоблачении прошлого некоторых закоренелых врагов народа». В числе тех, на кого он дал «неплохой материал», он упоминает и М.А.Каллистратова⁵². Но не спас А.И.Формакова «неплохой материал», как и бывших ливенцев – Фролова и Галактионова, точимых завистью к своим, оказавшимся более удачливыми, боевыми товарищам. Д.К.Фролов был арестован 7 июня 1941 г., т.е. на следующий день после дачи свидетельских показаний на суде над Г.С.Елисеевым. Основанием для его ареста послужили служба в белой армии, участие в работе русских обществ, а также антисоветские высказывания. Приговорен он был к 10 годам лагерей⁵³. Та же участь постигла и Галактионова. В 1951 г. он был приговорен к 25 годам лагерей за участие в поимке бежавших из плена советских военнослужащих⁵⁴.

Как видно опять же из Обвинительного заключения, «дело Каллистратова» предполагалось передать на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. Это означало бы, что его судьба решалась узким кругом лиц без его присутствия и свидетелей, не говоря уже об адвокате. Такая практика рассмотрения дел широко применялась в годы сталинского террора, особенно в тех случаях, когда органы НКВД по каким-либо причинам опасались вынесения дела даже на закрытое судебное заседание. Видимо, и в случае с Каллистратовым уверенности в том, что все пройдет по разработанному сценарию, не было.

В имеющихся в нашем распоряжении документах нет сведений о том, вынесло ли Особое совещание свой вердикт Каллистратову. Но

то, что Мелетий Архипович Каллистратов был расстрелян в первые дни войны, увы, сомнений не вызывает. Его труп был обнаружен во дворе тюрьмы и опознан родственниками. Так в возрасте 45 лет завершился жизненный путь одного из наиболее известных русских политических деятелей Латвии.

Подводя итоги, нельзя не заметить, что неоднократные заявления русских политических деятелей о том, что представительство русских в Сейме должно соответствовать их проценту в составе населения страны, так и остались нереализованными, главным образом из-за отсутствия единства в русских политических кругах. Не было единства и среди старообрядцев, что наглядно проявилось в работе старообрядческих депутатов. В то же время реальная практика работы русских депутатов подтверждала тот факт, что конфессиональные различия не являются определяющими, а конфессиональные списки как таковые в принципе себя изжили.

Трудно, однако, не согласиться с мнением Д.А.Левицкого, современника описываемых событий, что несмотря на отсутствие единства, «русские депутаты в общем выступали совместно, когда дело касалось непосредственных национально-культурных и материальных интересов русского населения. Защищая права русской школы, пользования русским языком, вероисповедных и просветительских организаций, борясь за земельные права русского крестьянства и за получение средств на содержание русских организаций, отражая шовинистические наступления на меньшинственные права, русские депутаты не раз добивались существенных результатов своей деятельности на общих собраниях Сейма и в его комиссиях»⁵⁵. Свою лепту в общее дело вносили и депутаты-старообрядцы.

Старообрядческое население, составлявшее около половины 200-тысячного русского населения Латвии, было представлено в Народном Совете, Учредительном собрании, во всех четырех Сеймах. Была ли эффективной работа депутатов-старообрядцев, приносила ли она пользу старообрядчеству и русскому населению в целом - вопрос непростой. Скептики скажут – что могли решить несколько голосов из ста. И все же думается, что работа депутатов-старообрядцев не была бесплодной. Во-первых, старообрядчество заявило о себе как

политическая сила, выдвинуло из своей среды политических деятелей общелатвийского масштаба. Во-вторых, в известной степени благодаря депутатам-старообрядцам в лучшую сторону изменилось отношение властей к старообрядчеству в целом. В-третьих, посредством активной политической деятельности выявлялись общие интересы русского населения, происходила ломка межконфессиональных перегородок. Хотя депутатов от старообрядчества было мало, их голос звучал с трибуны Сейма и игнорировать его было невозможно.

Приложения

1. Latvijas Republikas 1.Saeimas stenogrammas. 1.sesija, 155.lpp.; 2.sesija, 1073-1074.lpp., 584.lpp.
2. Там же, 5.sesija, 301.,302.lpp.; 8.sesija, 311.lpp.
3. Там же, 7.sesija, 217.lpp.
4. Гроссен Генрих. Жизнь в Риге. Извлечение из семейной хроники и воспоминаний Генриха Ивановича Гроссена (Нео-Сильвестра). - Даугава, 1994, № 1, с.163-164.
5. Latvijas Republikas 2.Saeimas stenogrammas. 1.sesija, 188.lpp.
6. Там же, 5.sesija, 162.,163.lpp.; 184.-187.lpp.
7. Там же, 8.sesija, 240.-245.lpp.
8. Сегодня, 1927, 30 нояб.
9. Там же.
10. Там же, 14 дек.
11. Там же.
12. Там же, 1928, 3 авг.
13. Сегодня в Латгалии, 1931, 11 июля.
14. Гроссен Генрих. Цит. Соч., с.164.
15. Петревиц А., Рудзис Я. С кем пойти? Работа социал-демократической партии в Сейме. Издание Латгальского областного комитета социал-демократической рабочей партии. - Двинск, 1928 июль, с.32.
16. Сегодня, 1933, 25 февр.
17. Сегодня, 1928, 1 дек.
18. Там же, 22 дек.
19. Там же.
20. Гроссен Генрих. Цит. Соч., с.165.
21. Сегодня, 1931, 4 июля.

22. Там же, 8 июля.
23. Кузнецов С. Русское меньшинство в политической жизни Латвии (1919-1934 гг.)/ Русские Прибалтики. Записки Русского культурного центра. - Вильнюс, 1997, с.174.
24. Латв. Гос. исторический архив (далее - ЛГИА), ф.7131, оп.1, д.36, л.99.
25. Сегодня в Латгалии, 1933, 5 апр.
26. Двинская жизнь, 1933, 4 апр.; Двинский голос, 1933, 4 апр.; Сегодня, 1933, 4 апр.; Сегодня в Латгалии, 1933, 5 апр.
27. Двинский голос, 1933, 11 апр.
28. ЛГИА, ф.3235, оп.2, д.5589, л.1а.
29. Сегодня, 1931, 3 окт.
30. ЛГИА, ф. 3235, оп. 2, д.5589, л.1в.
31. Там же, л.1с.
32. Latvijas Republikas 4.Saeimas stenogrammas. 6.sesija, 1276.lpp.
33. Там же.
34. Голос народа/ Вестник Русской крестьянской фракции Сейма, 1933, июль, № 1.
35. Двинский голос, 1933, 31 марта.
36. Сегодня, 1933, 8 нояб.
37. Там же, 25 апр.
38. Голос народа, 1934, 8 апр.
39. ЛГИА, ф. 3235, оп. 2, д.5589, л.19.
40. Латв. Гос. архив, ф.1936, оп.1, д.33598, л.2.
41. Там же, д.44973, л.1.
42. Там же.
43. Там же, д.33598, л.51.
44. Там же, л.56.
45. Там же, л.67,67 об.
46. Там же, л.68, 68 об.
47. Там же, л.73.
48. Там же, л.75.
49. Там же, л.77.
50. Там же, л.79.
51. Там же, д.44973, л.7.
52. Там же, оп.2, д.1545, т.2, л.121.
53. Там же, д.6516.
54. Там же, оп.1, д.570.
55. Левицкий Д.А. О положении русских в независимой Латвии. - Даугава, 1991, № 3-4, с.119-120.

Песни и сказки русского населения Латгалии*

Собиранием русского фольклора на территории Латгалии (Восточной Латвии) занимались как собиратели-любители, так и фольклористы-профессионалы. Основные результаты этих трудов представлены в публикациях И.Д.Фридриха, издавшего несколько книг¹. В них наряду с русским фольклором, собранным в разных районах Латвии, опубликованы ценные этнографические материалы, записанные этим известным собирателем в 20-30-е годы в северо-восточной части Латвии.

Географическое положение и сложные исторические судьбы определили этнографическое своеобразие Латгалии. В течение нескольких веков на этой относительно небольшой территории живут латыши, русские, белорусы, литовцы, поляки, эстонцы, цыгане и представители других национальностей. Расселены они как целостными массивами, так и отдельными «вкраплениями» в инородной среде. Национальная чересполосица сопровождалась крайней пестротой вероисповеданий. По данным официальной статистики, в конце XIX в. (1897 г.) здесь жили католики, лютеране, православные, единоверцы, старообрядцы разных толков, магометане, иудаисты и т.д. Нередко внутри одной национальности встречались представители различных вероисповеданий. Необходимо также отметить, что на духовную культуру изучаемого края влияла политика государств, в состав которых в разное время входили исследуемые районы. Все это создавало ту своеобразную «разрыхленную» почву, которая оказалась чрезвычайно благоприятной для национальных взаимодействий и «сотворчества» в духовной культуре разнородных этнических групп.

Русские являются здесь в основном пришлым населением². Исследователи отмечают множество крупных и мелких миграционных

потоков, с которыми русские появились в этом крае. Много русских людей переместилось на прибалтийские земли в конце XVII и в XVIII в. Эти эмиграционные процессы в значительной степени были вызваны правительственными преследованиями старообрядцев, бежавших из Псковской, Тверской и Новгородской губерний. Селились переселенцы по-разному: одни – обособленно, другие – среди коренного населения. Основная масса осела в нынешних Даугавпилсском, Резекненском и Лудзенском районах.

Переселение на земли Латгалии русского православного населения происходило с той или иной степенью интенсивности непрерывно и не имело единого направления³. Однако замечено, что ряд одновременных миграционных волн шел в основном из одного региона – Псковской губернии. Среди многочисленных групп русского населения, появившихся на территории Латгалии в разное время и по разным причинам, выделяется группа православных русских, духовная культура которых во многом близка духовной культуре местных белорусов, православных и католиков. Возможно, русские, составляющие эту группу, были белорусы по происхождению, самосознание которых изменилось в результате сложных этнических процессов. Место сосредоточения данной группы – юг Лудзенского и Краславского районов.

Приступая к работе в таком этнически пестром и сложном районе, мы ставили задачу исследовать, прежде всего, своеобразие фольклора русского населения, обусловленное перечисленными выше причинами. Этнические особенности Латгалии дают возможность рассмотреть вопрос о специфике местного фольклора в связи с чрезвычайно интересной проблемой взаимодействия национальных культур.

Собранный материал позволил определить наиболее характерные черты фольклора некоторых упомянутых групп. Эти черты заметнее всего проявились в характере бытования фольклорных жанров. Например, в материалах, собранных у русского старообрядческого населения, преобладали традиционные в русском народном репертуаре необрядовые лирические песни. Свадебных песен и песен, связанных с земледельческим календарем, у старообрядцев мы почти не встречали⁴. Значительное место у них занимали духовные стихи, сказки легендарного характера, рассказы на религиозные сюжеты. В отличие от репертуара старообрядческого населения у русских юга

Лудзенского и Краславского районов преобладали жанры фольклора (семейного и календарного).

* * *

Хороводные, игровые и плясовые песни преобладают в Даугавпилсском, Прейльском, Резекненском и Лудзенском районах у старообрядческого населения, песенный фольклор которого состоит из необрядовых лирических песен. Местное население делит их на «сидячие» и «ходячие» (или «хожалые»)⁵. «Ходячие», или «хожалые», песни включают различные виды хороводных и игровых песен, а также некоторые плясовые. Это единое название не мешало исполнительницам довольно четко разделять хороводные песни на ряд видов в зависимости от их содержания, формы исполнения и бытования. Сейчас каждый из этих видов, как правило, не имеет специального названия, но по описаниям, данным исполнительницами песен, можно наметить два основных вида⁶: 1) хороводные песни, исполняемые в хороводе, в котором участники образуют круг, взявшись за руки, и 2) хороводные песни, исполняемые участниками, которые сидят на лавках. Скорее всего, это разновидности одного типа, а различия в исполнении зависели во многом от условий, в которых проходила вечеринка, - в избе или на улице. В центре обоих хороводов ходили только главные действующие лица. Число последних, характер их движений обычно были связаны с содержанием песни. Иногда в центре хоровода ходила одна пара, которую потом сменяла другая. Так водили, например, хороводы при исполнении песен «Люблю я гусарика, люблю молодого» и «Что по саду, по саду цветы расцветают». Иногда выходили три девушки и два парня. Две девушки вставали против двух парней, а третья ходила между ними и руками как бы изображала («показывала») те события, о которых говорилось в песне. Так исполнялась песня «Вдоль по морю, морю синему...». При исполнении песни «Что за лесуку, да лесу темного...» в хороводе сначала ходили два молодца, а потом выбирали девушку, и все руками «показывали». Чаще всего в таких хороводах исполнялись игровые песни.

Построение других хороводов отличалось большей сложностью. Например, при исполнении песни «Ох ты, уточка моя луговая» участники хоровода сначала шли кругом, потом парни уходили в сторону, затем возвращались, то же повторяли девушки. Некоторые исполнители

выделяли среди «ходячих» песен еще так называемые «долевые», поясняя: «это когда гуляют». Возможно, это те песни, которые И.Д.Фридрих называет «прогулочными, или гулевыми»⁷.

Нам не удалось видеть хороводов. Сейчас их уже не исполняют. О них помнят в основном женщины в возрасте 60 – 70 лет. «Вымирание» хороводов началось давно⁸. Процессу этому способствовало выселение крестьян на хутора, начавшееся в царской России в годы столыпинской реформы (1906–1916) и закончившееся в основном к 30-м годам XX в. в независимой Латвии. В результате хуторского расселения молодежь стала реже собираться на гулянки. Немалую роль также сыграло появление гармони⁹, постепенно вытеснившей танцы «под язык». Одновременно с факторами, способствовавшими исчезновению хороводов, действовали и другие, несколько замедлявшие этот процесс. В беседах с информаторами из старообрядческих семей можно было неоднократно слышать о запретах властей (сохранявшихся еще и в 20-е годы) собираться на гулянки в домах¹⁰, громко петь и плясать. «Разрешали только тихонько петь и ходячие песни»¹¹. «Танцевать не разрешали, – так, потихоньку, чтобы не стукнуть». «Раньше на гармони играть не давали, грех считался, выгоняли...»¹².

Все же живучесть местных бытовых традиций способствовала сохранности хоровых песен. Мы записали около 50 песен. Как правило, тексты их хорошо сохранились и отличаются устойчивостью.

К 30-м годам большее распространение по сравнению с хороводами получили танцы. Наиболее популярными местными танцами были: «крутеньки» («кручилечки»), «часточки», «лансе» и особенно кадрили. Несколько позже появились «ойра», вальс, тустеп, «падыспань» и др.

Кадрили состояли из шести фигур. Их танцевали обычно две пары. Сейчас их почти не исполняют и стали забывать, поэтому нам не удалось записать полностью характер движений в фигурах. Песни, сопровождавшие танец, помнят в основном люди старшего возраста. (Молодежь 30-40-х годов исполняла эти танцы уже не под песни, а под гармонь или баян.) Обычно для первой фигуры кадрили пели «сени», но зачин при этом брали разный: «Рыбу жарили, мы ели, начинали мы кадрили...» или «Староверкой я была, староверничала. Всю сметану пролила – понеделничали...». Со второй фигурой исполняли «Под окном Маша сидела, да под косастеньким» или «Не стучит, не гремит, частый дождик идет»; с третьей – «Во лузях» или «Барыню»; с четвертой – «Во

лузях» и «У нас на горе калина». Пятую песню никто не мог вспомнить. В шестой фигуре обычно танцевали польку под песню: «Эту польку все танцуют - и монахи, и попы...».

В Прейльском районе мы встретились с танцем под названием «часточка». Этот танец во многом схож с кадрилию, но состоит из пяти фигур. Часточку танцевали от четырех до восьми пар, в зависимости от размеров помещения.

«Ланцы», или «ланцуя», танцевали четыре пары. Во время часточки и ланцев исполняли почти те же песни, что и для кадрилией¹³.

Широко распространен был также танец «крутенька»¹⁴ («кручилек»). Описания этого танца, сделанные нами, несколько расходятся с приведенным И.Д.Фридрихом: «Крутеньку танцевала одна пара, а все остальные стояли кругом и пели»¹⁵. Под крутеньку кавалер барышню крутит¹⁶. Этот танец, по словам некоторых информаторов, был элементом кадрили. Исполнялась крутенька не только под гармонь, а и «на песни». Чаще всего для нее пели «Заяц мой серый, не ходи по сениям» и другие песни с четко выраженным ритмом, например: «На улице ельница, во дворе метелица...», «Дунюшка», «Что не зелен дуб разгорается...». Во время танца песни обычно исполняли одну за другой почти без перерыва. Крутеньки под песню, особенно под «Зайнку», держались в репертуаре молодежи дольше всех местных танцев, почти до 50-х годов.

Как видно из приведенных примеров, местный репертуар хороводных, игровых и плясовых песен составляют традиционные песни русских крестьян. Сравнительный анализ текстов не дает оснований отнести местную традицию к традиции какого-то одного исходного региона, так как текстовые аналогии встречаются и в песнях, записанных в центральных районах России, и в песнях, записанных в западных районах. Ряд песен, например «Не ходи, соболю, по улице», «Во городе царевна», ближе к текстам из Псковской и Новгородской областей.

В отличие от «ходячих» песен, в основном состоящих из раннего слоя крестьянских лирических песен, «сидячие» песни в большинстве своем позднего происхождения. Это по преимуществу городские мещанские романсы, песни литературного происхождения. Их появлению и устойчивому бытованию во многом способствовало отходничество¹⁷.

Лирические песни из «сидячих» заменяли местным старообрядцам традиционные обрядовые свадебные песни. Наиболее популярными и, можно сказать, традиционными для свадьбы стали песни «Калина с малинушкой рано расцвела», «Подул осенний в поле ветер, завяли алые цветы» и некоторые песни из репертуара хороводных. Это явление связано с особенностями бытового уклада местных старообрядцев. Как установлено А.А.Завариной¹⁸, свадебный обряд, с элементами которого мы встречаемся еще и сейчас, возник лишь на рубеже XIX – XX столетий. До этого времени наиболее распространенной формой брака был «брак уходом», или, по местному выражению, «тихоматный брак». Обрядовое оформление «тихоматного брака» не получило сколько-нибудь примечательного развития¹⁹.

* * *

Несколько иную картину представляет фольклор русских, живущих на юге Лудзенского и Краславского районов (Истренская, Пасиенская, Шушковская, а также Лаудерская волости). В целом это сплав нескольких местных традиций. Наиболее существенной, а в некоторых случаях и определяющей из этих традиций является белорусская. Прослеживаются также элементы русской, украинской и польской традиций. Показательно, что репертуар и тексты песен местных белорусов почти полностью совпадают с репертуаром их русских соседей.

Большинство свадебных песен, собранных экспедицией Института этнологии Академии наук России, записано от В.В.Защеринской²⁰. Ее репертуар типичен для юга Лудзенского района и включает почти все песни, которые нам удалось записать здесь от других исполнительниц.

Большая часть текстов этих песен сходна с текстами, опубликованными в сборниках белорусского фольклора²¹. Последние были записаны на территории Витебской, Могилевской губерний, Борисовского уезда Минской губернии и на Смоленщине, т.е. в районах, где, по мнению Н.М.Никольского, распространен «столбовой обряд» – один из основных типов древнего белорусского свадебного обряда, сохранившегося до нашего времени. Как утверждает Никольский, этот обряд, имевший ранее распространение и в «Великорусии», «по своему происхождению восходит самое позднее к IX–XII вв.»²². Мнение авторитетного исследователя позволяет отнести наши тексты к единой

поэтической культуре.

Элементы сходства свадебных песен относятся в основном к сюжетам, отдельным мотивам, характеру поэтики и символики. Полной идентичности текстов нет, что нельзя отнести за счет индивидуальности исполнительницы. Ее варианты не отличаются от бытующих в этом районе.

Большой изменчивостью, по нашим наблюдениям, отличаются протяжные лирические песни, исполняемые до венца, а также величальные и корильные песни. Следует отметить, что именно в песнях этого вида чаще встречаются элементы других национальных традиций, в частности русской. Более устойчивы тексты, отражающие определенные узловые моменты свадебной игры или какое-то ритуальное действие. Наиболее часто изменяются зачины или концовки песен при сравнительной устойчивости основной части. Удельный вес и характер белорусского элемента в фольклорной традиции местных русских естественно наводит на мысль, что именно белорусская поэтическая традиция была изначально присуща этому населению. Из 80 сюжетов, записанных от Защеринской, считающей себя русской, только 15% можно отнести к собственно русской поэтической традиции, да и то с оговоркой. Большинство этих песен было широко распространено по всей России, и они могут иметь общеславянские корни²³. Ряд их бытует и на территории Белоруссии, причем некоторые записанные нами песни ближе к белорусским вариантам, чем к русским, например песня «Елка-сосенка зима-лето - зелена». Сходство этой песни с белорусскими вариантами может свидетельствовать о том, что она попала в местный репертуар опять-таки при посредстве белорусской культуры. В целом русский элемент в свадебных песнях из Латгалии проявляется больше, чем в сходных вариантах, записанных на территории Белоруссии. Интересно, что русский элемент прослеживается также в сходных вариантах песен, записанных у местных белорусов²⁴. Особенно заметно это влияние в языке и поэтических средствах песен²⁵.

Было бы неверно относить одни поэтические образы или эпитеты к чисто русской культуре, а другие - к белорусской, тем более что речь идет о близкородственных народах. Многие из упомянутых в песнях образов можно встретить как у одного, так и у другого народа. Правильнее говорить о том, что более характерно для современного этапа бытования песенного фольклора, так как художественные

средства могут быть общими и относиться к архаичным пластам свадебной поэтики (свадебные песни, записанные от Защеринской и других исполнительниц в данном районе, отличаются большей архаикой от вариантов из других районов)²⁶.

Календарные песни, записанные нами в основном также на юге Лудзенского и Краславского районов, представляют собой модификацию белорусских текстов. Особо следует отметить песни рождественского периода. Изучение обряда, связанного с празднованием «коляд», показало, что мы имеем дело с двумя различными национальными традициями, которые проявляются и в фольклоре. В северной части Лудзенского района рождественско-крещенские обряды сохранили формы единого цикла, характерного, как писал В.И.Чичеров, для русской традиции²⁷. Иная картина на юге района. Здесь мы встречаемся с характерными чертами, присущими белорусской традиции. В северной части района, а также в смежных районах Псковской области записаны колядки с припевом: «Виноградье красно-зеленое». В.И.Чичеров считал этот припев формой, распространенной на территории новгородского влияния²⁸. В южной части Лудзенского района и смежных районах Псковской области припев к аналогичным текстам в настоящее время существует в форме «коляда». Этот припев распространен по всей территории России и считается в отличие от чисто русского «виноградья» и «овсеня» общеславянским²⁹. Кроме того, в южной части Лудзенского района записаны так называемые дифференцированные колядки, относящиеся к отдельным членам семьи, например к хозяйке, а также тексты типа «Ишла свинья по леду...» и «рацей», исполнявшиеся на смеси польского и белорусского языков³⁰.

Различия фольклорной традиции на севере и юге не исключают, однако, наличия в фольклоре этих территорий и некоторых общих черт. Большинство колядок принадлежит, по терминологии Чичерова, к «обобщенному типу обряда». В этом случае колядование относилось «к семейной общине в целом (большой семье) и обращено к главе семьи (остальные ее члены упоминаются лишь по связи с ним)»³¹. Содержание колядок сводилось к величанию с пожеланием богатства и просьбой о подаении. По композиции эти песни трехчастные: 1) приход коляды и поиски ее колядовщиками, 2) величание хозяина и его дома, 3) пожелание благополучия, чаще просьба о подаении. В некоторых текстах просьба о подаении сочетается с угрозой. При сравнении

текстов колядок из северной и южной частей Лудзенского района легко заметить их сходство. В то же время палитра традиционной поэтики богаче в южном варианте, кроме того, в нем встречается мотив «хозяин едет суды судить» и мотив «трех окуней» – поэтический символ богатства, не обнаруженный в северном типе. Мы не имеем достаточно оснований считать северный вариант местной, но обедненной формой южного варианта: оба эти варианта достаточно устойчивы на своих территориях. Если даже северный вариант и является производной формой от южного, то, вероятно, видоизменение произошло давно, и в настоящее время оба варианта существуют как два самостоятельных типа с характерной для каждого зоной распространения³².

В пользу общности происхождения обоих вариантов говорит сходство поэтических образов и мотивов этих песен с поэтическими образами и мотивами Русского Севера. Например, почти точное повторение мотивов «трех окуней» и «хозяин едет суды судить» найдено среди свадебных песен, исполняемых на «Смотрины» в Варгузе и Олонце³³. Те же мотивы мы находим в величаниях «на помочах» и в ряде других текстов, записанных на Русском Севере³⁴. Варианты, записанные в северной части Лудзенского района, тоже имеют параллели с текстами песен Терского берега.

Итак, если в обрядах рождественских праздников на севере и юге Лудзенского района отчетливо прослеживается принадлежность к разным национальным традициям, то в песенной традиции такого четкого разделения нет. Более того, можно предположить, что некоторые песни рождественского периода едины по своему происхождению. Пока у нас нет достаточных оснований объяснять этот факт происхождением текстов от общих славянских корней, так как подобные тексты почти неизвестны в украинском и белорусском фольклоре. (Нам удалось обнаружить сходные песни и мотивы на Украине и в Белоруссии, но эти записи немногочисленны.)³⁵

В южной части Лудзенского района были записаны «волошебные» (исполняемые на пасхальной неделе) песни. Собственно «волошебными» можно назвать только два текста. Два других – это «великодные» песни, исполняемые в тот же период и относящиеся к «мальцу» и девушке³⁶. Кроме того, записаны «аллилюи», исполняемые на польском языке с «кантычек»³⁷. Это песни литературного происхождения. Наиболее распространенный текст начинается словами: «Дитятку сен

народзила...».

Волочebные песни - один из наиболее интересных жанров фольклора. Эти песни, как писал Н.М.Никольский, служат «своеобразным примером белорусской народной религии и словесного творчества»³⁸. В некоторых типах волочebных песен сохранились очень древние архаические черты, несущие в себе следы дохристианских верований. Почти все исследователи этого жанра считали волочebные песни принадлежностью исключительно белорусского фольклора. Правда, П.В.Шейн оговаривается, что в малороссийских колядках и щедривках есть ряд сходных элементов с волочebными песнями³⁹. С.П.Сахаров писал, что этот жанр встречается также и у сербов, однако он оставляет это замечание без соответствующих текстовых подтверждений⁴⁰. Географическое распространение волочebных песен, по П.В.Шейну, «обнимает собою губернии: Витебскую, Минскую, Могилевскую, Гродненскую, Виленскую, Смоленскую, Псковскую и те уезды Калужской, Орловской и Черниговской губерний, где еще звучит, хотя уже в ослабевших отголосках, белорусское наречие»⁴¹. Волочebные песни отличаются от других обрядовых песен своим содержанием. В них «наглядно отражаются, – писал П.В.Шейн, – наивные верования белорусских крестьян в то участие, которое высшие силы непосредственно, лично принимают в преуспейании их земледельческих трудов и домашнего, сельскохозяйственного благоустройства»⁴².

Что представляют собой записанные нами волочebные песни? Аналогичные тексты Н.М.Никольский относит к довольно позднему пласту в развитии этого жанра, к песням с явно выраженной христианской окраской. Записанный нами текст состоит из одной части – «дива»⁴³. Этнограф С.М.Шпилевский, хорошо знавший Витебскую и Могилевскую губернии, писал: «Сколько нам известно, кроме уездов Динабургского, Люцинского и Режицкого»⁴⁴, везде по Витебской губернии ведется пасхальное волочebничество...»⁴⁵. Наши записи, а также публикации С.П.Сахарова⁴⁶ показывают, что волочebные песни бытовали и в Лудзенском (Люцинском) уезде.

Что же касается хороводных и игровых песен, распространенных на юге Лудзенского и Краславского районов, то они почти тождественны подобным текстам, бытующим у русского старообрядческого населения, о котором говорилось выше.

* * *

Прозаические жанры⁴⁷ в репертуаре русского населения Латвии представлены слабее, чем песенные. Это не случайно: то же соотношение прозаических и песенных жанров мы видим и в других материалах современных экспедиций. Традиционная устная проза неуклонно и быстро уходит из народного репертуара, вытесняемая книгой, журналом, газетой, радио и телевидением.

Поскольку работа велась в основном в Латгалии (Лудзенский и Резекненский районы) и, кроме того, не стационарно, собранный материал не может характеризовать бытующую в Латвии русскую устную прозу в целом, однако все же дает возможность выявить некоторые характерные для нее тенденции.

В репертуаре русского населения Латгалии бытуют все виды устной прозы: сказки, предания, былички и анекдоты. Наиболее ярко русская национальная традиция выражена в сказках – самом стабильном прозаическом жанре, лучше других сохраняющем традицию.

Однако при анализе записанных в Латвии русских текстов следует учитывать интернационализм сказки как жанра. То обстоятельство, что сказка – жанр, не знающий географических и национальных границ, крайне усложняет выявление ее национальной специфики⁴⁸. Было бы рискованно по отношению к сказке пытаться четко установить даже наличие в репертуаре латгальских сказочников псковской или белорусской традиции. Дело в том, что совпадение тех или иных сюжетов можно в той же мере констатировать и с южнорусской сказкой, некоторых повествовательных приемов – с литовской и немецкой сказкой и т.д. Очевидно, следует ограничиться характеристикой репертуара русских сказочников Латвии и попытаться выявить какие-то конкретные детали, специфические для него.

Трудности изучения русской сказки Латвии усугубляются сравнительной незначительностью собранного материала: сказок мало как в наших записях, так и в архивных материалах. Заключение о специфике русского прозаического фольклора в Латвии на таком небольшом материале сделать трудно, однако некоторые особенности прозаического репертуара Латгалии учесть возможно.

Очевидно, не случайны преобладание в имеющихся материалах бытовых сказок и сравнительная малочисленность сказок о животных.

Преобладание среди бытовых сказок антибарских сюжетов сразу бросается в глаза. Среди волшебных сказок особенно много таких, которые, как сказки о мачехе и падчерице или о мальчике с пальчик, дают возможность насыщения волшебного сюжета бытовыми деталями. Однако это характерно не только для русских сказок Латвии, но и для современного русского репертуара в целом. Общие для современной сказочной традиции моменты очень ярко проявились в сравнительно небольшом материале, записанном в Латгалии. Такова, например, зависимость устной сказки от книги, своеобразная «вторичность» фольклорной традиции: в репертуаре сказочников много устных вариантов литературных сказок, особенно сказок Пушкина и Ершова; тексты сказок о животных, как правило, восходят не к устному источнику, а к учебной или детской книге: сказочники сплошь и рядом указывают на литературу как на источник их рассказа. Одна из сказочниц прямо заявила: «С книжки прочитаю и расскажу».

Так, например, стиль сказки «Мужик и лиса» заставляет думать, что текст этот – пересказ не слышанного, а прочитанного текста. Не исключено, что редкий для русской традиции сюжет сказки «Веретенце» начал свой вторичный фольклорный путь не без влияния сказки В.Ф.Одоевского, неоднократно переиздававшейся⁴⁹, или сказок братьев Grimm. Сказка «Про бабушку», несомненно, связана с популярной сказкой Л.Н.Толстого. «Сказка о прекрасной розе» и сказка «Чудесные предметы» пришли в фольклор из репертуара эстрады, возможно, массовика, организующего в перерывах между танцами занимательные «интеллектуальные» игры.

Все это закономерно: зависимость современной фольклорной традиции от книги неоднократно отмечалась собирателями и исследователями разных жанров (былины, сказки, песни, загадки и т.д.) в самых различных областях СССР.

Вторая общая с общерусской традицией особенность записанных нами сказок, красной нитью проходящая через них, – безудержная модернизация, не столько свидетельствующая о живой творческой жизни устной прозы, сколько об ее разложении. В сказках действует милиция, «адвукат», герой здоровается «по титулу», купец «по всем телефонам передал», жаба дает мачехиной дочке сундук точно такой же «марки».

Если такого типа осовременивание сказки и нарушает традиционный

стиль повествования и порой воспринимается как стилевой диссонанс, то склонность современных сказочников к психологизму, уснащению волшебной сказки реалистическими бытовыми деталями свидетельствует об относительной жизнеспособности устной сказки, ее гибкости и приспособляемости к современности. Этого нельзя сказать о попытках сказочников выйти за пределы традиционного сюжета, вернее о попытках символического истолкования традиционных его элементов. Таковы сказка «Про барина, который молодость догонял» и последняя часть сказки «Сын мужика освобождает людей от мучений», в которой традиционный сюжет «хитрая наука» беспомощно контаминирован с эпизодом освобождения миллионов людей из заключения в замке. Эпизод этот, являющийся продуктом личного творчества сказочника и, возможно, навеянный событиями, пережитыми рассказчиком во время оккупации Латвии фашистами, совершенно не вяжется со всей сказкой, будучи в ином с ней ключе.

Таковыми же были сказки, сочинением которых занимались известные русские сказочники-мастера в конце 30-х и в 40-х годах. Мертворожденные стилизации эти не вошли в устную традицию и скоро были забыты.

Об упадке сказочной традиции говорит и большое число в наших записях неполноценных, спутанных, обедненных, незавершенных текстов. Таковы, например, сказки «Дед, баба, внучек и пятеро овец» и «Волк и собака», которые свидетельствуют о забвении рассказчиками существенных эпизодов. Крайне схематично рассказан сюжет о Золушке, возможно, тоже восходящий к книжному источнику.

Вместе с тем наряду с такими приметам разложения жанра, к которым можно отнести и склонность сказочников к необубедительному контаминированию в тех случаях, когда оно недостаточно мотивировано всем ходом повествования, в сказках, записанных в Латгалии, наличествуют и черты, свидетельствующие о живом еще интересе сказочников к исполняемым ими сказкам: они сознательно и последовательно подчеркивают психологические моменты и постоянно используют бытовые детали, связывающие сказочное повествование с действительностью.

Среди наших информаторов оказался и подлинный мастер слова – восьмидесятилетний сказочник П.С.Якушонок, рассказчик коротких острых анекдотов. Латыш по национальности, П.С.Якушонок в равной

степени владеет русским и латышским языками. От него записано несколько десятков русских и латышских анекдотов и коротких остроумных бытовых сказок. Сам он не берется определить, какие из них русские, какие латышские, да и не помнит уже, от кого и где он их слышал. В зависимости от аудитории он с равным блеском рассказывает их как по-латышски, так и по-русски. Правда, порой рассказывая перед русской аудиторией, он сокрушается, что по-латышски то или другое место «выходит складнее» или «смешнее».

Пожалуй, только он один из встреченных нами сказочников пользуется широкой славой рассказчика, и, главное, сам сознает себя таковым и даже несколько хвастливо говорит о своем репертуаре и его популярности в разное время и в разной обстановке. Все остальные информаторы соглашались рассказывать после длительных уговоров, указывали на неполноценность своих сказок, ссылались на то, что давно не рассказывали их, что слышали их в детстве или читали в юности. Ни разу не столкнулись мы с тем, чтобы сказки рассказывались по собственному почину, а не по нашей инициативе. В этом отношении бытование быличек и преданий, которые осознаются как информация о действительно бывшем событии или объясняют происхождение озера, холма, название деревни, совершенно иное.

Особенностью бытования сказок в Латгалии является то, что они чаще всего рассказываются в смешанной по национальному составу аудитории и сами сказочники, а также их слушатели затрудняются определить, какая это сказка – русская, белорусская, литовская или латышская.

Характерно для местной традиции пристрастие сказочников к образу черта, популярного в латышском фольклоре. Так, например, в сказке «Вершки и корешки» вместо обычного для русской сказки медведя фигурирует, как и во многих латышских и немецких вариантах, черт. Явно из латышской сказки пришел в русскую и образ главного старого черта, которому вилами поднимают веки в сказке о том, как черти испугались трепальщиков льна. Не случаен и в варианте сказки о супротивной жене эпизод о том, как ее испугался черт, которому она «объела уши». Черт заменяет и обычного для русской традиции байника в сказке «Падчерица».

Бесспорными чертами местной традиции является то, что в традиционных русских сказках вместо попа фигурирует ксендз или

Детский фольклорный ансамбль "Ильинская пятница".

Руководитель – Сергей Оленкин. Рига, 2001 г.

[Фото из архива газеты "Образование и карьера"]

пастор, вместо барина – пан или барон, вместо барыни – мадам, вместо рублей – латы. Это мелкие, незначительные на первый взгляд детали. Однако это детали, свидетельствующие о взаимопроникновении разных национальных стилей, характерных для бытующего в Прибалтике сказочного репертуара. Если для сказочника тех областей России, где господствовало православие, не возникал вопрос о религиозной принадлежности монаха, то латгальский сказочник считает нужным сказать, что герой в распространенном анекдоте о том, как монах взвалил напраслину на черта, был «православным монахом».

Все эти мелкие штрихи в повторяемости своей дают ощущение особой местной атмосферы, создают локальное звучание сказки.

Локальная специфика еще более ощутимо сохранилась в быличках о нечистой силе, лешем, домовом и в преданиях об отдельных городах, деревнях, урочищах. Таковы, например, предания о горе Маканкалы, записанные от русских рассказчиков в Латгалии. Наличие пяти вариантов одного и того же предания свидетельствует об его активной жизни в устной традиции. Широко распространены в среде русского населения Латгалии рассказы о кладах, колдовстве, встречах с нечистой силой. Однако поскольку, как правило, в устах информаторов живет не рассказ как таковой, а лишь верование, информация, отнюдь не выполняющая эстетическую функцию, эти тексты в сборник не включены.

Фольклорная традиция Лудзенского и Краславского районов в равной мере базируется на белорусской культуре, питаясь и элементами латышского репертуара. В результате появился тот своеобразный сплав, который характерен для местной локальной традиции, возникшей в переходной этнической зоне.

Приложения

*Статья опубликована в сб. «Фольклор русского населения Прибалтики». - М., 1976, с.82-96.

1. Фридрих И.Д.. Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда, кн.1. - Рига, 1936; Он же. Русский фольклор в Латвии. - Рига, 1972. Собранные И.Д.Фридрихом сказки опубликованы отдельным сборником. Рукопись

частухек хранится в Пушкинском Доме в Петербурге.

2. Исключение составляет группа русского старожильческого населения, проживающая в полосе переходной этнической зоны. Об этом см.: Ганцкая О.А., Терентьева Л.Н. Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике. - «Советская этнография», 1965, № 5, с.7.

3. Ганцкая О.А., Терентьева Л.Н. Указ. соч.; Сементовский А.М. Этнографический обзор Витебской губернии. «Сб. в память Первого русского статистического съезда. 1870 г.» - СПб., 1872, с.310; «Памятная книжка Витебской губернии на 1898 г.» - Витебск, 1898, с.111.

4. Однотипную картину представляет репертуар старообрядцев, живущих на нижней Печоре. См.: «Песни Печоры».- М.-Л., с.11.

5. Деление лирических песен на «сидячие» и «ходячие» отмечено также в районе нижней Печоры, который испытал влияние московской культуры.

6. Возможно, на более раннем этапе бытования каждый из видов хороводных песен имел специальные названия. Нам приходилось встречаться с некоторыми из них: «долевые», «заюшка» и т.д. См. также: Фридрих И.Д. Русский фольклор в Латвии.- Рига, 1972, с.265.

7. Там же, с.263.

8. Уже в 20-30-е годы хороводы водили преимущественно пожилые женщины (Фридрих И.Д. Указ. соч., с.265). Правда, это можно объяснить не только процессом исчезновения, но и спецификой репертуара людей разных возрастов. Возможно, в отличие от молодежи, танцевавшей более подвижные танцы, женщины пожилого возраста по традиции водили хороводы.

9. Гармони в тех местах появились сравнительно недавно. Вот как вспоминает об этом П.Ф.Амбросова, 71 г., из дер. Амбели Даугавпилсского р-на: «Годов пятьдесят назад появились гармони. Бенинок Казя из города приезжал. За игру надо было что-нибудь купить. Потом пастух Мочульский купил трехрядочку, тогда весело стало. Вечеринка с гармонью была гораздо почетна» (Архив Института этнографии Академии наук России (далее - АИЭ), ф.1, д.112, № 22-31).

10. «Собираться в доме разрешал только один Агафон, он побогаче всех был; мы уж ему отработывали, молотили, или мясо снесем» (АИЭ, ф.1, д.112, № 32-46).

11. Там же.

12. Там же, № 77- 81.

13. «Я стояла стоять буду коло дома нового», «Сени», «Хорош мальчик уродился, всем девчонкам пригодился», «Где же ты был, мой черный баран?», «Сидит Маша под окном, под косастеньким...», «Барыня», «Летело две птички, ростом невелички...». Полное описание кадрилиных фигур см.: Фридрих И.Д.

Русский фольклор в Латвии, с.318, 323.

14. Описание см.: Фридрих И.Д. Указ. соч., с. 324.

15. «Как начнешь петь эти крутеньки, так весь вечер. Какую помнишь, так все вместе» (АИЭ, ф.1, д.112, № 158-167).

16. АИЭ, ф.1, д.112, № 19-21.

17. Отходничество в этих местах было широко распространено, так как хозяйства были в основном малоземельными. Мужчины славились как хорошие «мурники», т.е. строители; многие работали на постройке дорог. Уходили на работы как в Петроград, так и в Москву. Девушки нанимались на работы в огородные хозяйства под Ригой и Резекне.

18. Заварина А.А. Семья и семейный быт русского старожильского населения Латгалии во второй половине XIX и начале XX в. - Канд. дисс. АИЭ, ф. диссертаций, папка 148, д.148.

19. Подробнее об этом см.: Белоусов А. О судьбах свадебной обрядности у русских старожилов Латвии. - В кн.: Сб. трудов СНО филологического факультета; Русская филология.- Тарту, 1977, вып. V, с. 133-151.

20. Защеринская В.В., 1900 г.р., русская, дер. Старая Слобода Лудзенского р-на.

21. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, Т. 1-2. - СПб., 1893; Он же. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. - СПб., 1874; Романов Е. Белорусский сб., вып. 1-9. - Киев-Витебск-Вильна, 1888-1912; Сахару С.П. Народная творчасць Латгаліі і Ілукстенкіх беларусаў. I. - Riga, 1940.

22. Никольский Н.М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности.- Минск, 1956, с.143.

23. Это песни: «Не было дождика - понабрызгало. Не было гостиков - понаехало», «На море вутица купалася. Сама своему перейку дивовалася», «Ягода с ягодой при бору росли» и т.д.

24. Сахару С.П. Указ. соч.

25. См. об этом подробнее: Макашина Т.С. Локальные особенности фольклора переходной этнической зоны. - Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г.- М., 1972, с. 273-274.

26. Подробнее см.: Макашина Т.С. Указ. соч., с.275.

27. Чичеров В.И. Русские колядки и их типы. - «Сов.этнография», 1948, №2, с.108.

28. Там же, с. 108.

29. Там же, с. 128.

30. Там же, с. 129.
31. Там же, с. 112.
32. Тексты, близкие к песням северной части Лудзенского р-на, записаны в западных районах Псковской области (Котикова Н. Народные песни Псковской обл.- М., 1966, с.260, № 252), а также на стыке Латгалии и Псковщины (Фридрих И.Д. Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда, с.359, № 473, 474).
33. Балашов Д., Красовская Ю.Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря.- Л., с. 122, № 47.
34. Потехня А.А. Объяснение малорусских и средних народных песен, Т.2.- Варшава, 1887, с. 546-548, 710-715.
35. Шейн П.В. Белорусские народные песни..., с. 43-47, № 90, 91; Потехня А.А. Указ. соч., с. 712-713. К приведенному тексту автор дает пояснение: «Редкий случай занесения в Малороссию вр. Виноградья»; Кривошапкин И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. В тексте есть мотив «трех окуней», припев: «Та Усепь!».
36. Эти песни близки также к новогодним дифференцированным колядкам, основной темой которых, как указал В.И.Чичеров (указ. соч., с. 116-117), «служит единая тема брачного союза».
37. Сб. кант (церковных похвальных песен).
38. Никольский Н.М. Міталёгія абрадавацьць валачобных песень.- Мэнск, 1931, с. 14.
39. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, сост. П.В.Шейном. Т.1, ч. 1. - СПб., 1887, с.133.
40. Сахаруа С.П. Указ. соч., с. 13.
41. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, с. 138.
42. Там же, с. 133.
43. Подробнее см. там же.
44. Старые названия Даугавпилсского, Лудзенского и Резекненского районов.
45. Газета «Русский дневник» за 1859 г., № 101.
46. Сахаруа С.П. Указ. соч., с. 13.
47. Раздел о прозаических жанрах написан Э.В.Померанцевой.
48. На эти трудности справедливо указал на IV Конгрессе по изучению фольклорной прозы (Афины) чешский исследователь Ольдрих Сыроватка.
49. Одоевский В.Ф. Сказки и рассказы дедушки Ириней. - СПб., 1889.

Старообрядцы: три портрета*

Латгалия - юго-восточная часть Латвии, ныне Резекненский, Даугавпилсский, Краславский и Лудзенский районы республики. Начиная со второй половины XVII в. сюда переселялись русские старообрядцы из различных районов России, переселялись семьями и целыми крестьянскими общинами, пользуясь относительной веротерпимостью местных властей, заинтересованных в экономическом развитии разоренной многочисленными войнами территории. На протяжении XVIII–XX вв. русские старообрядческие общины в Латгалии укреплялись и множились. К 1930-м гг. число их превысило шесть десятков, тем самым был создан беспрецедентный феномен плотности русского старообрядческого населения в инонациональной среде.

С 1972 г. Древлехранилище Пушкинского Дома АН СССР по инициативе В.И.Мальшева развернуло регулярные археографические поездки в Латгалию с целью изучения рукописно-книжной традиции местного старожильского русского населения. В результате почти двадцати экспедиций в Древлехранилище сформирован фонд, насчитывающий свыше 460 рукописных книг XV–XX вв., собранных на территории Латгалии. Вместе с рукописями рижского коллекционера-старообрядца И.Н.Заволоко, также находящимися в Древлехранилище, а также Двинским и Гребенщиковским фондами Рукописного отдела Библиотеки РАН, Латгальское собрание Пушкинского Дома является вполне презентативным источником по истории и духовной культуре своеобразного старообрядческого анклава.

Содержащиеся в Латгальском собрании списки отражают в той или иной степени все жанры древнерусской рукописной традиции и весь литературный репертуар, начиная со Сказания о Мамаевом

побоище до произведений выговских авторов; вместе с тем они имеют целый ряд специфических особенностей. Характерной чертой Латгальского собрания является большое количество сугубо четых сборников и отдельных списков литературных памятников, сравнительно с иными территориальными фондами, где доминируют, как правило, богослужебные рукописи. Эта особенность объясняется наличием в латгальских старообрядческих общинах большого числа старопечатных изданий, покрывающих потребность в богослужебных книгах.

Другая особенность фонда – значительное число хранящихся в нем рукописей старообрядческих сочинений. Здесь представлены авторы из Выго-Лексинского общежития, федосеевские полемисты, авторы с Преображенского кладбища, из Рижской Гребенщиковской общины и др. Книжные связи Латгалии со старообрядческими центрами России были широкими и устойчивыми. В этот же ряд следует поставить и сочинения местных латгальских старообрядцев XIX–XX вв., творчество которых было ориентировано на духовные запросы их единоверцев. Это прежде всего сочинения учительные, проповеднические, апологетические, среди которых выделяются полемические послания, эсхатологические произведения, противоединоверческие и антисектантские сочинения, статьи уставного характера. Особняком стоит рукопись Дегуцкого летописца – едва ли не единственный памятник местной историографии, охватывающей события с 1650 по 1850 г.¹

В каждом доме русского старожила в Латгалии хранятся старообрядческие книги: печатные кириллические, рукописные четьи, крюковые певческие, передаваемые из поколения в поколение. Конфессиональная деятельность латгальских старообрядческих общин выдвигала из своей среды авторитетных наставников, часто становившихся к тому же начетчиками и переписчиками – распространителями книжной культуры. Они концентрировали в своих домашних библиотеках разнообразные сочинения для ведения полемики и проповеднической деятельности. Рукописные книги латгальских мастеров, расцвет творчества которых приходится в основном на вторую половину XIX в., отличаются устойчивые

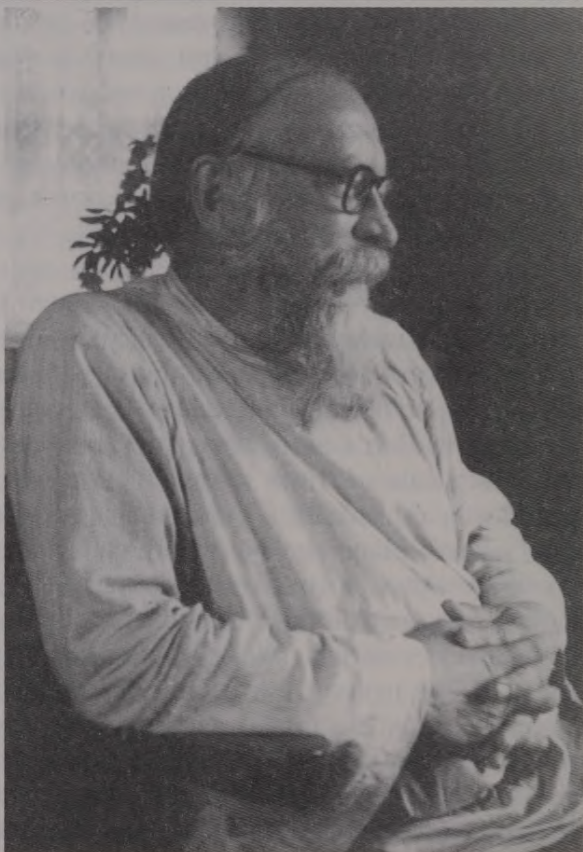
почерки, специфический книжный орнамент, в лучших образцах опирающийся на достижения поморской книгописной школы. В рукописях немало читательских и владельческих помет, записи роспевщиков, уставщиков, переписчиков и переплетчиков - русских крестьян-старообрядцев. Сотни рукописных книг, хранящихся в Латгальском фонде Пушкинского Дома, являются памятниками местной рукописной книжной традиции.

Стало очевидным, что переписка книг в латгальских старообрядческих общинах на протяжении более чем двух с половиной столетий была устойчивым видом деятельности и даже промыслом, наряду с иконописанием, бронзолитейным производством и т.д. Книгописание и распространение книг в общинах старообрядцев Латгалии отвечали духовным потребностям и литературным запросам местных жителей и делали рукописно-книжную традицию ярчайшей стороной духовной жизни крестьян-старообрядцев. Данному феномену еще предстоит найти заслуженное место в общем потоке отечественной культуры.

Сведения об археографических поездках в Латвию: описания сделанных там находок, имена людей, подаривших Пушкинскому Дому хранившиеся у них рукописи и другой фактический материал содержится в серии моих статей, напечатанных в Трудах Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Однако за сухими строками академического изложения теряются некоторые важные детали и живые впечатления о встречах с удивительными людьми.

Мне выпало большое счастье быть знакомым со многими прибалтийскими старообрядцами-книжниками старшего поколения. Почти все они уже переселились «в горния». Люди эти вызывали у меня чувство благоговения, и я благодарен судьбе за встречи с ними. О каждом из этих людей можно было бы написать отдельную книгу. Здесь место лишь кратким рассказам о встречах с теми из них, с кем был знаком многие годы.

Иван Никифорович Заволоко². Я впервые увидел его в 1969 г. в Древлехранилище Пушкинского Дома, где по настоянию Владимира Ивановича Малышева начинал тогда работать лаборантом. Напомню, что годом раньше, в 1968 году, Иван Никифорович подарил

Иван Никифорович
Заволоко
(1897 – 1984)

Пушкинскому Дому бесценный Пустозерский сборник автографов Аввакума и Епифания. Предупреждая меня о приезде дорогого гостя из Риги, Малышев волновался. Мы наводили в Хранилище порядок, когда за дверью послышались стук и поскрипывание костылей, и к нам вошел могучий седобородый старец с огромным лбом и строгими вопрошающими глазами. За плечами грузной фигуры висел рюкзак, в котором что-то погромыхивало. Впоследствии оказалось, что это

были эмалированные миска с кружкой и деревянная ложка - Иван Никифорович всегда трапезовал только из своей посуды. Владимир Иванович обнял гостя. Началась беседа, почти сразу перешедшая в сугубо научную, деловую. Из полупустого рюкзака Заволоко достал школьную тетрадку, в которой абсолютно нечитаемым почерком были записаны предназначенные для пушкинодомской встречи вопросы. Меня же тогда поразила нога старика, вернее – огромный растоптанный башмак без шнурков, как бы отлитый из чугуна, чудовищная форма которого облегалась, казалось, не ступню, а что-то напоминающее бугристый корень дуба. Позднее мне не раз доводилось видеть такую невероятную обувь. В ней ходили бывшие зеки, «клиенты» сталинского ГУЛАГа. Непереносимая стужа сибирского лесоповала, болотные хляби корежили ноги лагерников. Почти 20 лет, с 1940 по 1958 г., И.Н.Заволоко провел в лагерях. Там-то на лесоповале потерял Иван Никифорович ногу, пораненную и загноившуюся. Ее отпиливал ржавой пилой пьяный фельдшер, употребивший предназначенный для анестезии пациента спирт... А Иван Никифорович говаривал, посмеиваясь, что он потерял ногу, играя в футбол. Не любил дивный старец гулаговской темы.

В 1946 году В.И.Мальшев, тогда еще пехотный офицер, побывал в Риге, разыскивая местных собирателей рукописей. Указывали рижане прежде всего на Заволоко, а он был тогда в Няндоме, в страшном лагере смерти, врачевал соседей по бараку. Составленный им лечебник – травник (не по древнерусским ли рецептам составленный?) пришелся как нельзя кстати на лесоповале. Возможно, спас он таежными северными травками не одну жизнь. (Помню, меня поразила рецепт киселя... из хвои!). Травничек этот размером со спичечную коробочку (так удобнее прятать от «вертухаев») спустя почти 30 лет Заволоко передал в дар Пушкинскому Дому вместе со всей своей коллекцией – четырью сотнями древнерусских рукописей и документов. А тогда, в 1946 году, рискуя в полном смысле слова карьерой, если не головой, Мальшев послал Ивану Никифоровичу в Няндомский лагерь две продуктовые посылки. Такое в жизни зека не забывается. Началась нечастая переписка... Встретились они спустя годы. Возвращаясь в 1958 г.

уже из Красноярских лагерей, Заволоко, ободренный советами Мальшева, не заезжая домой, сразу оказался на Московском съезде славистов, участвовал в его заседаниях.

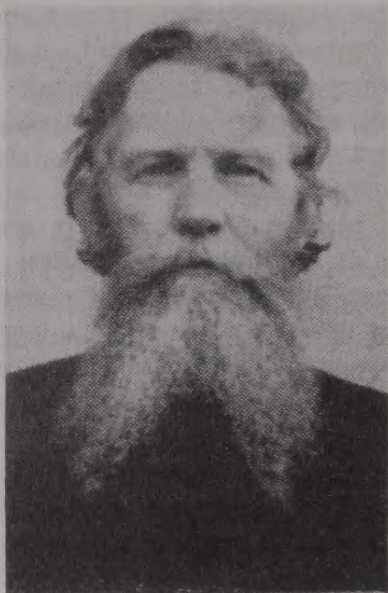
Много раз вызывал меня в Ригу Иван Никифорович телеграммами, чтобы я забирал по частям передаваемые им в Древлехранилище Пушкинского Дома рукописные книги. Порой мешки эти и от пола было нелегко оторвать. Но я тащил их, вез и был счастлив. Ночевал в маленьком домишке Заволоко в рижском предместье. Иван Никифорович стелил мне постель на диванчике, в комнате шипели и били старинные часы, в красном углу теплились лампы, мерцали иконы, в шкафах и на стеллажах покоились в переплетах рукописи XVI, XVII, XVIII веков. Спать долго не приходилось. Иван Никифорович несколько раз за ночь поднимался на молитву по келейному правилу, со стуком опускал персты на лоб, живот, плечи; потом, сокрушенно вздыхая, ложился снова. Иногда же включал приемник, и мы вдвоем слушали «Свободу», прорывающуюся сквозь злобное завывание глушилок...

Иван Никифорович похоронен на старообрядческом кладбище в Резекне, столице Латгальского края. На крутом холме, возвышающемся над городом, покоится прах человека, чья земная жизнь превратилась в духовный подвиг. Заволоко был первооткрывателем и латгальской старообрядческой книжности.

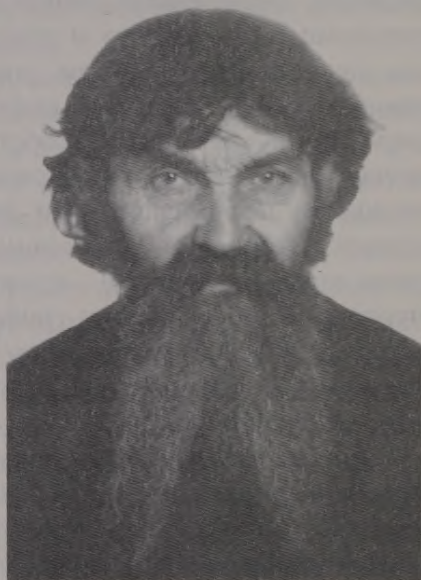
С Прокопием Титовичем Стрелковым, настоятелем Гривского старообрядческого храма в Даугавпилсе, я познакомился в 1971 году. Адрес Стрелкова и рекомендательное письмо к нему, как и ко многим другим латгальским старикам-книжникам, дал мне И.Н.Заволоко. Жил Стрелков в доме рядом с храмом. Когда я впервые приехал, хозяина дома не было. Зима. Сажу на крылечке в глубине двора. Жду. В небе огромные стаи ворон; не по-зимнему тепло, вкусно пахнет печным дымом. И вот распахиваются высокие железные ворота храмовой ограды. Верхом на грохочущем мотоцикле въезжает во двор высоченный старик в оранжевом шлеме и очках. Из-под шлема развеваются темные космы, курчавится длинная седоватая борода. Облик богатырский и, несмотря на нелепые дорожные аксессуары, органичный, цельный.

Прокопий Титович любил бытовую технику. В доме его, увешанном ценнейшими редкого письма иконами, уставленном стеллажами с рукописями и старопечатными фолиантами, можно было увидеть фотоаппараты, радиоприемники транзисторные и ламповые, электромоторы, кофемолки, инструменты. Стрелков записывал на магнитофон собственное богослужение в храме, включал мне пленки с записями отпевания, тут же обсуждал достоинства песнопений – он был редким знатоком знаменных роспевов. Поражали толстенные, им самим составленные и переписанные певческие крюковые книги, крупный ясный полуустав его руки, четкая графика крюков и орнамента. Рядом на столе наготове лежали набор перьев, тушь, нарезанные стопы мелованной бумаги, кожа или дерматин для переплетов, аккуратные самодельные застёжки.

Речь Прокопия Титовича – гладкая, книжная, с особым выговором и интонациями. Сейчас, когда по телевизору можно увидеть и услышать потомков русских эмигрантов, я улавливаю в их произношении те же интонации, что слышал от латгальских стариков. На устах Прокопия Титовича ласковая улыбка, глаза смотрят ласково, но такая в них хитреца, такое доброе лукавство! Синяя рубаха навывпуск с русским воротом, кожаный пояс, на котором побрякивают с полдюжины связок ключей. Прокопий Титович непременно усаживает за стол, сам говорит, не давая и словечка вставить, а ведь у меня «дело», надо рукописи посмотреть, может, чего и выпросить для Древлехранилища. Но льются бесконечные, нанизываемые друг на друга притчи и побасенки. На сковороде тем временем шкворчит жареный угорь, на столе пузатый, из какого-то президиума, графин с яблочным «квасом», слабенький градус которого не соответствует ошеломляющему впоследствии эффекту. В доме появляется дородная моложавая хозяйка, которую отец Прокопий взял после смерти жены, вызвав на себя огонь критики многочисленной паствы. За угощением и рассказами, прерываемыми отлучками Стрелкова в погреб за квасом да краткими визитами то одного, то другого прихожанина, проходит время. И вот я иду в гостиницу по бетонному мосту через

Прокопий Титович
Стрелков
(1904 – 1988)

Анисим Тимофеевич
Данилов
(1910 – 1989)

[фото из архива семьи Даниловых]

Двину. Светят вечерние звезды, и в сумке у меня 5-6 рукописных сборничков (один из них XVII века!), певческий Обиход «потянет» аж на шестнадцатый. А рядом с рукописями в сумке глиняная бутылочка рижского бальзама – подарок от батюшки Стрелкова...

После его внезапной кончины несколько сотен рукописных и старопечатных книг расплзлись в два дня по неведомым шустрым наследникам покойного, так что и концов не сыскать. Прекрасное в своей цельности собрание редкостей отца Прокопия уже никогда не станет ему вечным памятником на земле.

...Чтобы попасть на хутор Заболотье, надо пройти километров шесть-семь от деревни Тискады. Дорога ведет через мягкую, уютную, обжитую местность – поля, перелески, холмы. Впереди высокая темная купа деревьев, среди них – усадьба: из громадных

тесаных валунов амбар, старый дом с верандой, а за ним укрывается крошечная келья в ухоженном яблоневом саду. К усадьбе ведут столбы с проводами, но у двора провода обрываются - хозяин не пожелал пользоваться электричеством. Единственный обитатель некогда богатого хутора – **Анисим Тимофеевич Данилов**³, наставник Тискадской старообрядческой общины, небольшого роста, сутулый, печальный старик. Кудрявые темные волосы кольцами, как на портретах Андрея Денисова, и неожиданно – светлый милующий взор ясных глаз. В старом доме Анисим Тимофеевич не живет, а живет в келейке, которую сам срубил много лет назад. В ней низкий потолок - не разогнуться, на полках книги, рукописи, все уставлено иконами на досках и бронзовыми, местного латгальского литья, образками. Мебели в келье никакой – Анисим Тимофеевич спит на полу. Он с детства исключительно постник, и душа его почасту беседует с Богом. За незлобивость, доверчивость и кротость Анисим Тимофеевич почитается у прихожан святым. Более 50 лет он добре пасет Христово стадо, хотя и строго спрашивает с паствы, ставит на духовный правед и покаяние согрешающих.

В последний раз я виделся с Анисимом Тимофеевичем летом 1988 года, когда ездил с киносъёмочной группой режиссера Владимира Дьяконова снимать документальный фильм о старообрядчестве. Думаю, что в фильме образ отца Анисима получился едва ли не самым значимым. Старец легко и безропотно отвечал на наши досужие вопросы, но в древних книжных оборотах его речи вспыхивало негасимое уголье «Поморских ответов». Стрекотала камера, ассистенты большим зеркалом направляли на лицо батюшки лучи солнца – электричества ведь не было. После съёмок у меня сложилось неловкое впечатление, что отец Анисим не понимал, что с ним делают, ведь в кино он никогда не бывал, телевизора не видел. Провожая нас, он дал каждому по десятку крупных сочных антоновок. Мы уезжали с хутора в громяющем студийном автобусе, хрустя сахаристыми яблоками. В темной аллее высоченных лип и елей долго виднелась одинокая фигурка опирающегося на палку старика. Рукой он нам не махал – не сошлось перстосложение в осеняющем прощальном благословении.

...Через полгода Анисим Тимофеевич Данилов погиб страшной огнепальной смертью, сгорев в пристройке рядом с деревенским храмом.

Приложения

*Статья опубликована в сб. научных трудов «Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки». Новосибирск, 1992. - С.145-151.

1. Маркелов Г.В. Дегуцкий летописец. Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990. - С. 166-248.

2. Маркелов Г.В. Коллекция рукописей И.Н.Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома / Тр. Отдела Древних Рукописей. (Ленинград), 1979. Т.34.- С. 377-387; Он же. Из истории собрания И.Н.Заволоко / Тр. Отдела Древних Рукописей. (Ленинград), 1980. Т.35.- С. 439-445.

3. О нем см.: Старообрядческий церковный календарь на 1990 год. Рига, 1990. - С. 63.

Н.Т.Иванов

Из истории старообрядческих родов (опыт составления родословных)

В последнее время в обществе усиливается интерес к истории предков, особенно среди молодежи, которая желает знать правду о своем роде и истинных ценностях. Эту правду многие семьи в далеком и недалеком прошлом из-за расхождения с официальной идеологией вынуждены были скрывать.

В жизни старообрядцев это правда о древлеправославной вере, об обрядах, духовных и культурных ценностях большой этнографической группы населения Латвии. Это опыт сохранения храмов, икон, древних книг, традиций христианского образования и воспитания в инациональной среде, а также исторические примеры развития межнациональных и имущественных отношений, секретов хозяйствования в различных отраслях экономики.

Старообрядческие религиозные и бытовые традиции, уклад жизни в городах и деревнях Латвии во время второй мировой войны и в послевоенное время стали заметно разрушаться. Последние пятьдесят лет прошлого столетия были годами трудновосполнимых духовных потерь. Старообрядческое происхождение и родственные связи, передача из поколения в поколение нравственных начал, культурной традиции и обычаев не поощрялись. Навязывались политические и общественные приоритеты, выходящие за рамки семьи и родовых отношений.

Но память о прошлом вряд ли можно свести только к общественным, политическим процессам и событиям, к достижениям разного рода лидеров и правителей. В личной повседневной жизни человеку важны родственные связи, ощущение чего-то близкого, родного, кровного. Это придает ощущение защищенности и

уверенности: есть люди, которые всегда поймут, посочувствуют и поддержат. Жизнь без восприятия семейных отношений, родственных ценностей бесцветна.

Прошлым поверяется настоящее и воздвигается будущее. Чтобы достойно жить сегодня и идти в будущее, надо уважать прошлое. В обыденной жизни говорят: «Родителей не выбирают!» Путь от современника к предкам – интересный и поучительный. Это путь благодарности и ответственности, духовной работы. Если зарастают могилы и забываются дороги к родному дому, если нет понимания ценности генетического опыта поколений, жизненной роли благочестия, покаяния и прощения – прерываются нити духовные. Появляются манкурты, гонимые ветрами «перекати-поле», люди «без корней», «руля и ветрил». Вольно или невольно происходят шараханья: от христианских ценностей к безоглядному атеизму, потом к секте или к возникшей в совершенно другой среде религии. Возникают зависимости и похуже – от безудержного пьянства и наркотиков до проявления криминальных или лжереволюционных «талантов».

Наступил XXI век. Сменяются поколения. Веками сложившиеся духовные традиции и ценности испытываются новыми веяниями. На молодежь воздействуют «могущественные» пресса, телевидение, интернет, дискотеки, казино... Много ли там от истинного движения жизни? Все ли благопристойно и нравственно? Чем может помочь знание проверенных временем жизненных ценностей прошлого, основ христианского измерения жизни? Что в настоящее время значит для всех нас живая древлеправославная традиция и вера? Может ли согреть наши сердца память о выборе религиозно-нравственного закона нашими отцами, дедами и прадедами, которые любили нас и прожили свою жизнь с Богом?

Для сохранения и развития живой христианской традиции Старообрядческое общество Латвии и Фонд гуманитарных исследований и просвещения «Веди» (в числе других проектов и программ) одобрили программу поддержки составления и изучения генеалогических древ, родословных и семейной хроники староверских семей.

С выполнением этого исследования связаны многие ожидания.

Удастся ли узнать об особенностях формирования внутреннего мира человека, нравственных устоев в семье? Как воспроизводятся выработанные многими поколениями жизненные ценности предков? Что определяет историческую безграничность разветвления родов в прошлом и будущем? Как сохраняются идентичность и самосознание в инациональной среде? Как преобразуется жизнь семьи в изменяющемся мире?

Составление генеалогического древа, своей родословной, семейной хроники доступно каждой семье. В работу могут включиться дети и взрослые, близкие и дальние родственники. Это мотивирует осмысление непреходящих духовных ценностей и жизненного опыта, создает естественные условия передачи их из поколения в поколение. Определение своего места в цепи поколений помогает лучше узнать и понять самого себя. Чувство единения с родственниками придает новые силы и повышает устойчивость перед лицом невзгод.

Подготовка материалов родословной – большой и кропотливый труд. Это изучение семейных документов и реликвий, поиски в архивах и библиотеках, запись воспоминаний и свидетельств очевидцев, сбор фотографий, материалов периодики и переписки, изучение церковных документов, поминаний, надгробных памятников и многое другое.

Для описания истории семьи и построения генеалогического древа важно собрать достоверные материалы:

- * Личные данные прямых родственников - фамилия, имя, отчество, время и место рождения (смерти), степень родства, конфессиональная принадлежность, образование, профессия, гражданство и др.

- * Местожительство. Географические перемещения. Связи между родственниками в разных странах, городах, поселках.

- * Возникновение фамилии и ее изменение при разветвлении родового древа. Передача языка, религиозной традиции. Культурные взаимосвязи. Отношения с духовными центрами.

- * Сведения о детстве, о школьных годах - общение, воспитание,

обучение. Трудовые обязанности.

* Юность. Служба в армии. Молодежные интересы. Праздники. Увлечения.

* Хроника трудовой деятельности – профессиональное образование, место работы, условия труда, правила этики.

* Обстоятельства возникновения семьи. Свадьба. Присоединение новой ветви родственников. Последующие события. Особенности родственных отношений на разных этапах жизни семьи.

* Годовой жизненный цикл. Описание быта, традиций, обрядов, образа жизни. Вопросы ведения домашнего хозяйства.

* Планировка своего дома, хозяйственных построек. Характеристика окрестностей.

* Отношение к властям и происходящим событиям. Общественные обязанности. Описание отношений с соседями. Благотворительность.

* Отношение к собственности. Передача наследства.

Исследования родословной могут включать и другие характеристики. Павел Флоренский, например, в своих «Генеалогических исследованиях»¹ описывал некоторые антропологические характеристики, словесные портреты, превращения и «изводы» родовой фамилии, выделял характерные родовые черты или подробно останавливался на человеческих качествах отдельных родственников. Он приводил не только послужные списки, рассказы родственников, товарищей и знакомых, но и набросал заметки к биографиям своих родственников, использовал тексты из переписки членов семьи. В заключение были составлены так называемые «родословные росписи» отдельных ветвей Флоренских и родственных им родов, написано посвящение «Детям моим».

Существует несколько определений генеалогии. «Генеалогия – писал генеалог Л.М.Савелов, – есть история того или другого рода во всех проявлениях жизни его представителей, как общественной, так и семейной»². Им дано и такое определение генеалогии: «Генеалогия есть построенное на достоверных документах и других источниках

доказательство родства, существующего между лицами, имеющего общего родоначальника или потомка, независимо от общественного положения этих лиц».

Систематизация взаимосвязанных характеристик и описание особенностей развития семьи и разветвляющегося рода можно вести как в контексте истории своей этнографической группы, так и в связи с развитием интеграционных процессов и межнационального влияния на протяжении нескольких веков.

Пока удалось собрать материалы и описать лишь отдельные фрагменты нескольких родословных и таким образом прикоснуться к судьбам и жизненным ценностям старообрядческих родов в Риге и Латгале. Материалы родословных были впервые опубликованы в ежемесячнике «Поморский вестник».

Примечания

1. Флоренский П. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. - М., Моск. рабочий, 1992.

2. Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., 1908.

Рисунки родословных выполнены Ю.В.Ивановым; рис. к родословной Андреевых выполнен Н.А.Андреевым.

Андреевы

Почти общепринято, что старообрядцы Латвии – это потомки переселенцев, беженцев, спасавшихся от преследования реформаторов православной церкви в конце XVII века. Однако в некоторых старообрядческих семьях деревни Бикерниеки Даугавпилсского района из поколения в поколение передавалась иная точка зрения: предки древлеправославных христиан ниоткуда не переселялись, а жили в этой местности «испокон веков». Хранители этой версии отличались высоким по тем временам уровнем интеллектуального и нравственного развития, безусловной порядочностью и благочестием.

Что обосновывало версию о том, что предки староверов были аборигенами, а не переселенцами?

1. Древность славянских поселений на территории нынешней Латгале. Разговор об этом обычно начинался с вопроса: почему в латышском языке русские назывались *krievi*? Ответ, на основе семейных преданий, был следующим: так (вернее, похоже) называли себя те древние племена, которые прибыли в эти края вместе с балтами (большинство современных ученых считают, что это имело место примерно 6 тысяч лет до н.э.). Название славянских племен было «кривичи» или «криевиши» и могло означать, что когда-то их вождем был кривой (т.е. одноглазый или хромой). Кроме того, корень «крив» сохранился в названиях ряда окрестных деревень: «Кривины», «Кривинишки», «Криваны», «Кривошеево»¹.

2. Ответы на вопрос, почему новообрядческая реформа не дошла до некоторых деревень? Согласно семейным преданиям, кривичи перешли из язычества в православие в X–XI вв. Что же касается новообрядческой реформы, то она была проведена в Латгале лишь в начале XIX в., причем в селах, расположенных вдоль Даугавы, дорог на Москву и Петербург. До деревень, отдаленных от упомянутых магистралей на 7–8 км, реформаторы просто не добрались. Это объясняется тем, что в те времена полностью отсутствовали дороги сквозь дремучие леса, подчас настолько непроходимые, что соседние

поселения долгие годы даже не подозревали о существовании друг друга.

3. Предание об Андрее-воине. Согласно этому преданию, предки семьи Андреевых приняли эту фамилию в честь Андрея-воина, легендарного родоначальника, который «возвратился в дом свой родительский» после многолетних странствований и службы в войсках Ивана Грозного (участвовал, якобы, во взятии Казани... И это - задолго до начала новообрядческой реформы). Другие фамилии односельчан, согласно указанному преданию, произошли от имен 8 сыновей Андрея-воина: Алексея (Алексеевы), Родиона (Родионовы), Лариона (Лавреновы), Кузьмы (Кузьмины), Якова (Яковлевы), Кондрата (Кондратьевы), Савелия (Савельевы) и Макара-веселого (Макаровы и Веселовы).

4. Записи в «Поминании». В семье Андрея Петровича Андреева хранилось «Поминание» (веками «зачитанная» рукописная книга из толстой провощенной бумаги, с деревянной, переплетенной в кожу обложкой), в которое были вписаны имена «усопших родителей» начиная с Андрея-воина.

Далее приводим «родословное древо» Андреевых, составленное на основе семейных преданий и записей в упомянутом «Поминании».

Убежденными сторонниками и последовательными защитниками этой версии были представители рода Андреевых: Андрей Петрович, его старший брат Павел Петрович, их двоюродные братья Агафон Алексеевич, Яков Ермолаевич, Сафрон Ермолаевич, а также еще более дальний родственник Наум Сысоевич Алексеев. Все они были грамотными, по сравнению с соседями – наиболее образованными, начитанными. В молодости, до женитьбы все «ходили на клирос», знали наизусть многое из церковной службы, включая основы знаменного пения. Строго соблюдали заповеди и благочестивые традиции, но отнюдь не чурались повседневных забот светской жизни. Каждый из них, наряду с традиционными навыками сельскохозяйственных работ, владел строительными ремеслами (каменщика, плотника, столяра, маляра и др.).

Земли Латгале – малоурожайные, работа в личных хозяйствах с 10 – 15 га земли не всегда могла обеспечить даже прожиточный

минимум. Поэтому Павел Петрович, например, каждое лето «брал подряд» на строительство дома, сарая или добротного каменного хлева в Земгале или Курземе, собирал из деревенских умельцев строительную бригаду и именно таким образом обеспечивал как поддержку материального уровня односельчан, так и возможности развития собственной семьи, в которой было шесть дочерей.

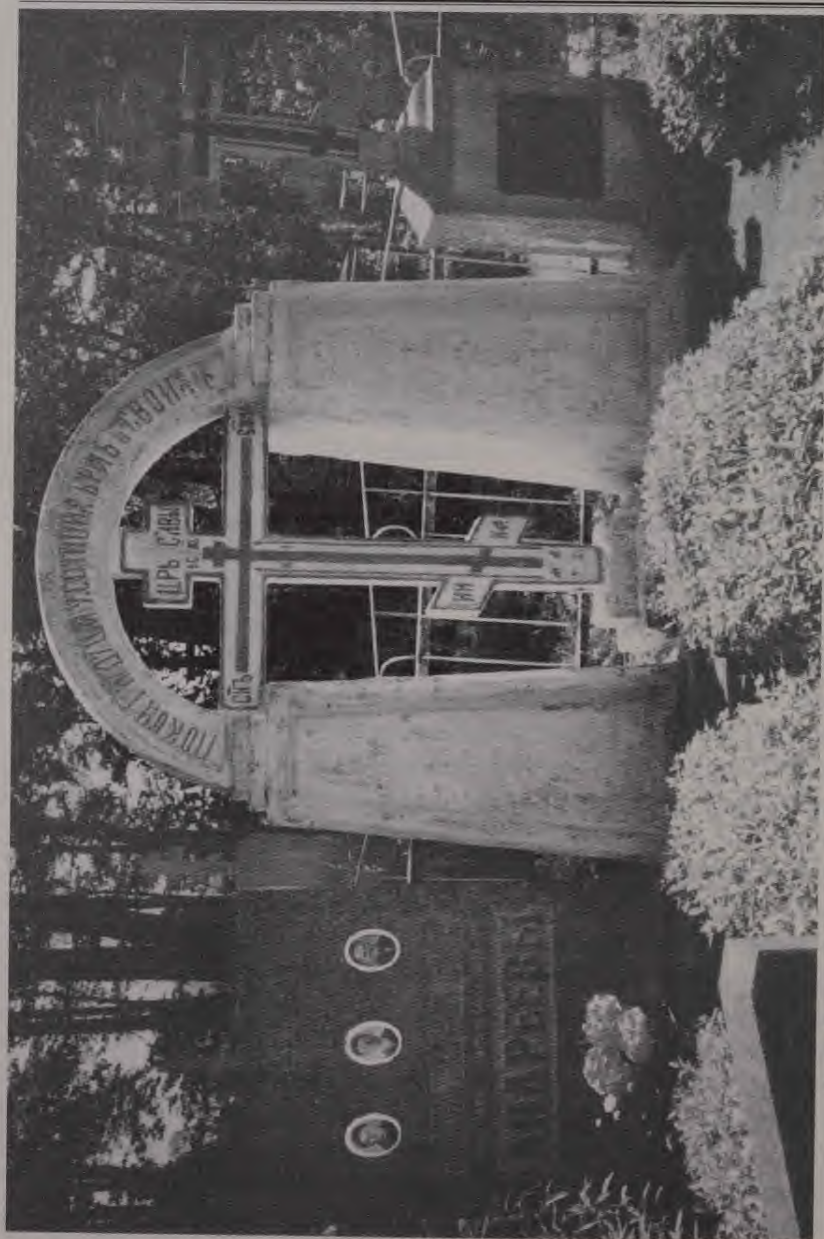
В зимние месяцы Павел Петрович, как и другие из упомянутых глав семей и их домочадцев, не пропускали ни одного богослужения в местной моленной, «творили» традиционные моления и молитвы в домашних условиях.

Пятеро из шести дочерей Павла Петровича были «клирошанками», а Прасковья Павловна и Анастасия Павловна по праву считались лучшими «кононархами» Бикерниекской моленной. Важно подчеркнуть, что Павел Петрович всем дочерям сумел дать гимназическое образование (в Даугавпилсе), а две – Прасковья Павловна и Ирина Павловна – работали в послевоенные годы учительницами в школе родного села, а затем – в Даугавпилсе.

Наум Сысоевич также обеспечил своей дочери гимназическое, а внукам Василию, Алексею, Анатолию и внучке Наталье – высшее образование.

Наибольшим авторитетом пользовался Андрей Петрович Андреев. Во-первых, он в совершенстве знал священную службу и систематически помогал «править» настоятелям местной моленной. Во-вторых, у него была крупная семейная библиотека, включавшая такие богослужебные книги, как «Часослов», «Псалтырь», «Евангелие», «Апостол», «Цветная триодь», «Четы минеи», «Ирмосы», «Октай», «Служба Святой Пасхи», «Служба погребения» и др. В семейной библиотеке имелись и такие философские издания, как «Нерушимое» Рериха, «Основы понимания новой эпохи» Клизовского, а также сочинения Блаватской, Крыжановской, научные и беллетристические книги по истории, о жизни и деятельности знаменитых людей, научно-фантастическая литература, публицистика, многочисленные как строго научные, так и популярные издания по агрономии, естествознанию, механике, техническим устройствам.

Уместно добавить, что Андрей Петрович не только знал

Семейное кладбище Андреевых в деревне Кривошеево, Даугавпилсский район.

Фото Н. Т. Иванова

содержание каждой книги, но и охотно делился своими суждениями по любому вопросу с многочисленными посетителями и читателями, которым книги предоставлялись безотказно, просто под честное слово и, конечно, бесплатно. Среди посетителей бывали не только односельчане, но и жители окрестных деревень, учителя местных школ, агрономы и инженеры из Даугавпилса и даже из Риги. В гостях у Андрея Петровича бывали известный просветитель древлеправославных И.Н.Заволоко, депутат Сейма Латвии по старообрядческому списку М.А.Калистратов.

Крестьяне обращались к Андрею Петровичу за советами в составлении прошений, завещаний. С помощью инженеров и агрономов Андрей Петрович спроектировал и реализовал полную мелиорацию своего 12-ти гектарного хутора, вместо традиционной «трехполки» ввел семипольный севооборот. Одним из первых стал в условиях Латгале выращивать сахарную свеклу и лен для сдачи-продажи. Вносил усовершенствования практически в каждое из традиционных сельхозорудий. Разработал, изготовил и внедрил в практику новые для своего времени орудия и методы обработки пашни. На своей усадьбе организовал первый молокосборный пункт с пастеризацией, центрифугированием, маслобойней. Собственными силами оборудовал кузницу, механическую и столярную мастерские. Используя случайно приобретаемые детали старых аварийных мотоциклов, велосипедов и др. сконструировал и построил трактор-автомобиль. По его замыслу была построена оригинальная водонапорная башня, созданы рыбоводческие пруды.

В отличие от многих односельчан, Андрей Петрович не ходил «в бурлаки», а зимой и летом трудился на земле, которую благодаря передовым по тем временам технологиям сумел сделать достаточно доходной. При этом удалось обеспечить получение детьми образования: старший сын Григорий Андреевич до призыва в армию работал учителем (в школе села Браменишки), дочь Клавдия Андреевна была Заслуженным учителем Латвийской Республики, одной из авторитетнейших учительниц Бикерниекской средней школы, младший же сын Николай стал Заслуженным врачом республики, профессором, доктором медицинских наук. Докторами

медицины стали также внуки Андрея Петровича - Татьяна Николаевна и Елена Николаевна.

О высокой грамотности, исключительной добросовестности и честности Андрея Петровича свидетельствует следующий факт: на протяжении многих лет ему доверялась функция председателя всевозможных ревизионных комиссий: старообрядческой общины (бесменно), местной школы, периодически — также волости, сельсовета, районного потребительского общества и Даугавпилсского райсовета.

Материал подготовлен *Н.А. Андреевым*.

Приложения

1. Подтверждением этой версии может служить также распространенная в этих местах легенда о том, что Краславка со всей ее округой была вотчиной дочери Полоцкого князя Рогнеды Гориславовны, впоследствии ставшей женой Киевского князя Владимира Святославовича. Эту легенду приводит в своем исследовании краевед Виктор Гекиш:

Gekišs V. Ieskats Krāslavas vēsturē. - Daugavas raksti. No Koškovciem līdz Daugavpilij. R., 1996., 69. - 70. lpp. (Прим. научного ред.).

Ивановы

Род Ивановых из Вышковской волости Даугавпилсского района на протяжении более двухсот лет составляют поколения многих семейных линий, стремящиеся осознать и поддерживать традиции, обычаи и культурные ценности своей этнической группы.

Общее число представителей рода (с несколькими десятками ветвей генеалогического древа) приближается к 300. В их числе люди многих профессий, ученых званий и степеней. В роду много крестьян, строителей, рабочих, есть инженеры, математики, историки, педагоги, социологи, политологи, психологи, философы, юристы, «компьютерщики». В учебных заведениях и научных учреждениях ими защищены докторские диссертации по философии, филологии, экономике и инженерным наукам, исследования на степень бакалавра и магистра. В роду Ивановых насчитывается более ста нужных людям сфер деятельности – от пахаря, врача и летчика до священнослужителя и академика. Родственники проживают почти в восьмидесяти городах и поселках десяти стран мира.

Сохранились документы о проживании Ивановых в Латгале в первой половине XIX века. В «Ревизской сказке Вышковской волости и общества», составленной 15 мая 1858 года, в графе «Прозвание (или фамилия), имя и отчество лиц мужского пола» под номером 125 записан Макар Иванов в возрасте 37 лет и его сын Василий в возрасте 12 лет, а в графе «Лица женского пола, к семействам принадлежащие» упоминаются «Макара Иванова жена – Анна Григорьева – 41 год, дочери: Варвара – 16 лет, Марфа – 10 лет, Наталия – 9 лет». Местом проживания семьи была деревня Гудзишки Вышковской волости.

В удостоверении, выданном Динабургским полицейским управлением 28 сентября 1879 года старообрядцу Василию Макарову, утверждается, что «по списку о старообрядцах за 1874 год в этом управлении под номером 664 значатся записанными Макар Иванов – 60 лет, Макара сын Василий – 35 лет, сыновья Василия: Роман – 4-х лет, Иван – 1 год, Макара работник Иван Моисеев – 26 лет, его (Макара) жена Анна – 55 лет, Василия жена Харитинья – 27

ЦЕНА 40 КОП. - 1879.

Удостоверение

№ 63014

Дано сие из Дипломатического Департамента Императорского
 Управления Высочайшею грамотою и соотвѣствующаго
 на оное по тамошнему крестовому Дипломатическому
 Указу Высочайшимъ Высочайшимъ Старообрядцамъ
 Василию Макарьеву вѣдому, что по списку
 в Старообрядцахъ за 1874 году всемъ Управле-
 нию значится вѣдущимъ под № 64^м Ма-
 карья Ивана вѣдуща Макарья сына Василия
 35 летъ, Василия сына: Василия 4 летъ,
 Ивана 1 года Макарья рѣбѣтница Иванъ Ма-
 карья 26 летъ сына сына 5 летъ, Василия
 сына Василия 27 летъ убо супруга 50
 похаживающа проживающа в деревнѣ Мака-
 рья въ что сие удостоверение вѣдому Макарьеву
 напредметъ представлений въ Дипломатическое Управ-
 ление тамошнихъ архивовъ при поступкѣ
 въ крестовый списокъ и по исполненіи казенной
 печати удостовѣреній. Сего числа 24 дня
 1879 года.

Исполнитель Управления *Щадикинъ*

Секретарь *Дуря*

Документ из семейного архива А.И.Иванова

лет, дочь Евдокия – 5 лет». В этом документе, предназначенном для представления в Динабургское уездное присутствие по крестьянским делам, подтверждается, что семья проживала в деревне Макарово.

В семье говорили, что причинами поселения староверов в Латгале были Никоновская реформа, притеснения и гонения на староверов в России. Высказывались и другие версии о проживании русских в Латвии. Соседние русские поселения – Бондаришки, Василево, Королевщина, Силкино, Янчишки, Бикерниеки, Козлишки, Браменишки, Харчишки, Шахманы, Питрины, Застенки, Кривошеево, Тартаки были также сплошь заселены староверами.

Продолжительный этап жизни Ивановых был связан с помещиком польского происхождения – паном Модем: вначале с отцом – Станиславом Александровичем, а позже с сыном – Геронимом Станиславовичем. Землевладельцу Молю принадлежали обширные владения в окрестности местечка Вышки и возле дороги Даугавпилс – Санкт-Петербург. Центр имения пана Моля размещался примерно в километре от местечка Вышки в сторону поселка Шпоги на берегу озера Лукна. Сохранились парк, большое белое здание, многие хозяйственные постройки усадьбы, в которых ныне размещается учебное заведение.

Кузьминские и вышковские староверы были «помещичьими, молевыми», жили на его земле. После 1862 года имели право на бессрочную аренду земли, а после 1910 года выкупили ее.

В сохранившемся документе от 29 января 1889 года упоминается о бессрочной аренде крестьянином Витебской губернии Динабургского уезда старообрядцем Василием Макаровым 23 десятин земли в «имении Вышки землевладельца Станислава Александровича Моля». Стоимость аренды – 40 руб. в год.

Постановлением Крестьянского уездного присутствия от 1896 года, подтвержденным в административном заседании Двинского уездного съезда, за старообрядцами, проживающими в деревне Кузьмино Вышковской волости, признаны права бессрочной аренды пяти с половиной участков земли площадью 123 десятины и 84 сажени и право пасти скот на 4-х десятинах и 960 сажнях. Примечательная подробность: от каждого участка разрешалось

пасти 7 коров, 3 лошадей, 8 овец, 4 свиней и 8 нетелей. Один из участков арендовали Ивановы.

В семье сохранились документы об участии Василия Егоровича в тяжбах между жителями деревни Кузьмино и помещиком после отмены крепостного права. Старообрядцы обращались в Двинское уездное присутствие по крестьянским делам с ходатайством о выкупе земли (вместо бессрочной аренды), о предоставлении пастбищ для скота, о заготовке балок и жердей для строительства, а также дров для отопления и лучин для освещения.

Заявление рассматривалось Земским начальником Двинского уезда и в административном заседании Двинского уездного съезда под председательством барона Ф.Ф. Шлипенбаха, в составе членов – земских начальников: Е.М.Киновича, С.Ф.Ульянина и Л.Г.Пьянскова.

В «Ведомости Вышковской волости о выкупе земли из имения «Вышки» от помещика Геронима Моля», составленной в 1910 году, сообщается об условиях выкупа старообрядцем Василием Егоровым Ивановым участка арендуемой земли в деревне Кузьмино. Количество выкупаемой «одним двором удобной земли за повинность» – 21 десятина 2110 сажен. Разрешенная ссуда составляла 847 руб. 67 коп. со сроком погашения в 49 лет. Зачисление выкупных платежей в 105 руб. 72 коп. было растянуто с 1910 до 1959 года. Часть выкупных платежей на основании Высочайшего указа от 21 февраля 1913 года и в соответствии с разъяснением Департамента окладных сборов от 2 сентября 1913 года за номером 11143 не подлежали взысканию. Старообрядцы деревни Кузьмино – указывалось в тексте документа - дополнительно к выкупаемой земле получали право «на пастбищный сервитут на пространстве четырех десятин 1920 сажен».

По завещанию отца Василия Егоровича дом и все хозяйство перешли младшему сыну Ионе Васильевичу. Наследник женился на староверке Наталии Игнатьевне.

Иванов Иона Васильевич был хорошим хозяином – работящим, деловитым, бережливым. При расселении деревни Кузьмино на хутора он остался на месте и много сил вложил в развитие доходного хозяйства. Животноводство и хлебопашество были

обеспечены сооружениями и техникой. Выкопали большие пруды, построили «возовню», просторную клеть, погреб с надстройкой, выгоны для свиней, пилушню (место для заготовки и хранения дров), каменный хлев для скота, рей для сушки хлеба и льняной соломки, льночесальню, сарай для сена и обмолота зерновых.

Дом Иона Васильевича находился в центре деревни, был просторным – на два конца, с крыльцом и шиферной крышей.

Хозяин был общительным, улыбчивым, внимательным собеседником. Образно рассказывал о виденном и слышанном языком ярким и красочным. Охотно брал на себя внешние сношения своего хозяйства.

Наталья Игнатьевна (1875–1964) родилась в семье староверак-кузнеца Игнатия Прохорова из деревни Козлишки, что примерно в 15 км от деревни Кузьмино в сторону Извалды. Профессия кузнеца в то время была почетной, к ней относились с уважением.

Как удалось выяснить представителям младшего поколения Ивановых летом 1999 года во время поездки по Латгале, отец кузнеца – Прохор был глубоко религиозным старовером, помнил нашествие французов, прожил, по рассказам, около 125 лет. На древнем старообрядческом кладбище в Козлишках хорошо сохранились памятник Ивану Прохорову (тоже кузнецу по профессии), памятники другим родственникам. Рядом с домом Прохоровых в Козлишках находилась небольшая моленная, вместо которой позже была построена более просторная старообрядческая моленная в деревне Слостовка у дороги Вышки-Амбели-Извалда.

С помощью родственников Прохоровых – Игнатия Максимова (1938) и Прасковьи Поповой (1960) нашли место, где располагались кузница, рей для сушки зерновых и льна, а по дороге на кладбище за пригорком – знаменитый пруд.

Из уст в уста передается воспоминание о том, что отец Натальи Игнатьевны – деревенский кузнец Игнатий полюбил полячку Анну («кульганицу») и прошел в своей жизни строгие испытания: собственноручно выкопал большой пруд, сопровождая работу молитвой и постом. С этой «скорбью» он справился успешно и остался достойным старовером. Будущая жена перекрестилась

Семья Ивановых.

Слева направо в верхнем ряду: Матрена, Пелагея, Фома, Анна; в нижнем ряду: Севастиан, Иона Васильевич, Иван, Наталия Игнатьевна, Евдокия.

Деревня Кузьмино, 1925. [фото из семейного архива И.И.Иванова]

в древлеправославную веру. В семье выросли дочери Агафия и Наталия.

Старообрядческие семьи в Латгале были многодетными. Одиннадцать детей родились у Ионы Васильевича и Наталии Игнатъевны. Двое из них – Ефросиния и Иван – умерли в детстве, а четыре сына и пять дочерей долго жили в большом родительском доме.

Наталия Игнатъевна в большой «кузьминской» семье Ивановых была доброй, справедливой, но требовательной женщиной. Дети и внуки любили и уважали ее. Она была грамотной, имела хороший слух и голос, читала и пела на клиросе Бондаришской и Королевщинской моленной. Умела мастерски рассказывать детям сказки. Собирала с внуками в Вешнице и Вишкаревом болоте грибы – подберезовики, подосиновики, сыроежки, грузди. Учила различать полезные свойства трав, названия и особенности деревьев, певчих птиц. По вечерам пела духовные стихи и русские народные песни.

На плечи Наталии Игнатъевны ложились все работы по дому и распределение обязанностей между детьми, каждый из которых имел свое поручение. Дети выполняли эти поручения с чувством ответственности. Нюша, например, готовила завтрак для всей семьи, Дуня доила коров, Фома кормил скот и домашнюю птицу. Севастиан уезжал пахать землю, а Ваня уходил пасти скот. Так воспитывалось трудолюбие, формировались нужные в жизни трудовые навыки.

Заслуга Наталии Игнатъевны в том, что ее дети, а позже полтора десятка внуков с раннего детства слышали слово Божие, заповеди Господни, ощущали великое таинство и гармонию жизни, постигали сокровенные слова молитв. Наталия Игнатъевна как талантливый и душевный человек навсегда оставила в юных душах глубокий след веры, надежды, любви.

Незабываемой осталась семейная традиция, когда взрослые вместе с детьми и внуками садились за большой стол, а Наталия Игнатъевна нараспев читала «житие святых».

Упорный труд с Божьей помощью приносил свои плоды. У Ионы Васильевича и Наталии Игнатъевны была богатая усадьба, большой фруктовый сад вокруг дома, почти тридцать гектаров земли, свой

Степанида Ивановна и Тимофей Ионович Ивановы. Горно-Вышки, 1927 г.

[фото из семейного архива Ф.Т.Иванова]

лес. Семья вела разностороннее хозяйство и поставляла продукцию на продажу, прежде всего лен и клевер.

Поддерживалась традиция домашнего вышивания, прядения и ткачества. В великий пост в доме устанавливался ручной ткацкий станок – «ставы». Льняное полотно изготавливали из выращенного в хозяйстве по довольно сложной (в семь переделов) технологии. Полотно после отбеливания на солнце использовалось на полотенца, скатерти, постельное и нижнее белье. В бане коптили свиные окорока.

Пройдя хорошую школу хозяйствования у родителей, семья старшего сына Тимофея (1898–1992) в ходе первой земельной реформы Латвийской Республики организовала небольшое «фермерское хозяйство» в Горно-Вышках. На основе кредита перед Второй мировой войной были приобретены разнообразные машины, включая трактор «Фордзон» и сложную молотилку «Иманта». Чтобы вернуть кредиты, строить и развиваться, вся семья, как говорят, работала и молилась, молилась и работала.

Домашние заботы легли на плечи хозяйки дома – Степаниды Ивановны Ивановой (1906–1975). Она была энергичной и умелой хозяйкой, заботливой матерью. Владела секретами многих крестьянских профессий в животноводстве, полеводстве и садоводстве. В староверской семье с детства прошла хорошую школу подготовки к жизни. Была обучена церковной грамоте. Закончила с отличием начальную школу. Имела хорошую память. Круг семейных забот был обширным: надо было вовремя вспахать, посеять, прополоть, скосить, убрать и обмолотить хлеб, обхаживать скот. Наконец главная забота – воспитать и выучить детей, вырастить их здоровыми.

Подрастая и осваивая работу на тракторе и других машинах, в посильный труд включались и дети: Евгений (1925–1987), Димитрий (1927), Николай (1937), Фёдор (1938).

Евгений Тимофеевич – старший сын Тимофея Ионовича, окончив Вышковскую основную школу, раньше других братьев стал помогать родителям в домашнем хозяйстве. Он несколько лет учился в Вышковской сельскохозяйственной школе. В 1944 году

был призван в армию. В Курземском сражении получил тяжелое ранение. После воинской службы окончил школу шоферов и большую часть трудовой жизни проработал на машине скорой помощи. В его семье выросли дочь Валентина (1953), ставшая врачом, и сын Владимир (1956), получивший в Риге инженерное образование. В их семьях, в свою очередь, воспитывают и помогают получить современное образование, в том числе за рубежом, новому поколению Ивановых.

Николай Тимофеевич более сорока лет проработал в сфере образования и науки. Защитил докторскую диссертацию, получил должность профессора, звание академика. Вместе со своими детьми Андреем – специалистом по общественным отношениям, и Аленой – философом по образованию, много делает для развития духовных традиций на началах христианской нравственности.

Фёдор Тимофеевич, получив высшее образование, почти сорок лет работал в своем районе. Его семья унаследовала родительскую усадьбу в Горно-Вышках и вместе с семьей сына Юрия, биолога по специальности, продолжает хозяйственные и духовные традиции своих прародителей.

Вторым сыном в семье Ионы Васильевича и Наталии Игнатьевны был Севастиан (1909–1951). Для него отец выделил участок земли с лесом. Там возвели сруб жилого дома, построили сарай и баню. Однако жить в этом доме Севастиану не пришлось. Он женился на единственной дочери старовера Трифона Семенова из деревни Бикерниеки – Фетинии и поселился в доме тестя, т.е., как говорили раньше, ушел в «примаки».

Сруб дома в начале 50-х годов был перенесен из Кузьмино в Горные Вышки и в нем многие годы размещалось правление местного колхоза. В 90-е годы во время второй земельной реформы перевезенный дом и десяток гектаров земли получил по наследству внук Ионы Васильевича – Александр.

Третий сын – Фома (1912–1996) с раннего детства занимался «внутренним хозяйством» – курами, гусями, поросятами. Был домашним зоотехником и ветеринаром. В конце 30-х годов женился на Марфе Ермолаевне Фагиной из деревни Ащики. Марфа

Ермолаевна (1921–1982) происходила из большой и сплоченной староверской семьи, в которой рано умерли родители. Марфа вместе с сестрами жила в семье старшей сестры Екатерины и ее мужа Ефима Антоновича. Марфа Ермолаевна была обучена церковной грамоте и с малых лет читала и пела на клиросе: сначала в Ащицкой моленной, а после замужества – в Бондаришской и Королевщинской. Детей Фома Ионович и Марфа Ермолаевна не имели, и всю любовь и заботу перенесли на многочисленных племянников и племянниц, прежде всего на детей Ивана Ионовича и Устиньи Натареевны.

Как двум первым сыновьям – Тимофею и Севастиану, так и Фоме, Иона Васильевич помог построить дом неподалеку от родительской усадьбы. Но жить в своем доме Фома и Марфа стали лишь в самом конце 40-х годов. В трагичные послевоенные годы не сразу наладилась их жизнь. Только к началу 60-х отремонтировали свой дом, возвели хозяйственные постройки.

Фома Ионович разводил пчел, держал свиноматок, овец, кур, гусей, нередко в Вышках на рынке продавал поросят. Даже в колхозные годы, работая в общественном полеводстве, на своем приусадебном участке он с Марфой Ермолаевной выращивал картофель, лук, чеснок, морковь, капусту, немного ржи или ячменя. В парниках созревали ранние огурцы и помидоры. В саду росли яблони, сливы, груши, крыжовник, красная и черная смородина, клубника, малина, а при въезде в усадьбу был посажен орешник, который неплохо плодоносил. Фома Ионович умел готовить квас и варить пиво из ячменного солода, благо хмель рос на собственном огороде.

Марфа Ермолаевна хорошо знала рецепты русской кухни, умела хорошо готовить и принимать гостей. В их доме любили бывать как родственники, так и чужие люди – каждый чувствовал себя желанным гостем.

Фома Ионович и Марфа Ермолаевна, как и другие дети Ионы Васильевича и Наталии Игнатьевны, любили и хорошо исполняли русские народные песни, в том числе плясовые и так называемые «ходячие» песни.

В 30-е годы Фома Ионович служил в латвийской армии и поэтому лучше других членов семьи владел латышским языком. Военская служба проходила в Лиепеае.

Начавшаяся Вторая мировая война и последовавшие за ней события, трагически повлияв на судьбы многих семей, коснулись и жизни староверов деревни Кузьмино. В годы лихолетья Севастиан и Фома уклонились от участия в военных действиях как на одной, так и на другой стороне. Это не могло не возыметь трагических последствий. Севастиан тяжело заболел и умер. Фома провел несколько лет в лагерях г. Астрахани и Кемеровской области.

Иван Ионович (1920–2002) – четвертый сын и младший в семье ребенок. С отроческих лет он имел много племянников и племянниц, его ровесников. Как у всех в семье, у Ивана с детства были свои обязанности. Особенно часто вспоминал, как ему приходилось в Вешнице пасти скот – коров, овец, свиней. Конечно, трудно было шести-семилетнему непоседе целый день проводить с животными, но поблажек не давали: в семье все трудились. Когда подрос, стал пахать, сеять, косить, трепать лен. Это была уже тяжелая мужская работа. Как многие его сверстники-староверы, Иван окончил лишь несколько классов начальной школы, но читал и пел по-церковному. Этому всех своих детей научила мама – Наталия Игнатьевна.

В 1940 году Иван женился на староверке из соседней деревни Янчишки Устинье Натареевне (1920). Она была единственной дочерью Тихановых – Натарея Кирилловича и Евдокии Павловны (девичья фамилия – Иванова).

Иван, в отличие от Фомы, имел большую склонность к технике и рационализаторству. В 40-е годы в хозяйстве отца были сенокосилка шведского производства, пароконная жатка, конные грабли для подборки сена, конный привод и молотилка, льномялка и др. Обязанности по уходу и ремонту этой техники лежали, как правило, на младшем сыне – Иване. В начале 50-х годов он окончил школу механизаторов в Аглоне и с тех пор до выхода на пенсию (1980) работал в хозяйстве Вишкского техникума на тракторах, обслуживал линию сушки зерна на элеваторе. Изобрел для своего хозяйства различные приспособления: маслобойку, соковыжималку,

Устиния Натареевна и Иван Ионович Ивановы, 1940 г.

[фото из семейного архива И.И.Иванова]

коптильню и т.п.

В старообрядческих семьях было принято, что старшим сыновьям отец помогал обзавестись собственным хозяйством и как бы «отделял» их от родительского дома. Родительская усадьба доставалась младшему сыну.

Иван Ионович и Устинья Натареевна остались жить в родительском доме, продолжая традиции большой семьи Ионы Васильевича и Наталии Игнатьевны. Они считали своей обязанностью содержать престарелых родителей, а когда придет время, то и проводить их в последний путь. Этот свой долг Иван Ионович и Устинья Натареевна выполнили не только по отношению к Ионе Васильевичу и Наталии Игнатьевне, но и к Натарею Кирилловичу и Евдокии Павловне. Все они похоронены за семейной оградой старообрядческого кладбища в деревне Макарово.

На Макаровском кладбище, в полутора километрах от дома, находятся захоронения всех умерших представителей пяти поколений рода Ивановых. Здесь и по сей день хоронят староверов из Даугавпилса и Вышек, Горно-Вышек и Королевщины, других окружающих деревень и хуторов.

В семье Ивана Ионовича и Устиньи Натареевны выросли три сына: Илларион (1943), Василий (1946) и Александр (1958), дочь Александра (1951). Все они получили высшее образование. Василий Иванович защитил диссертацию по философии.

Илларион Иванович окончил аспирантуру Латвийского университета на кафедре философии и социологии. После службы в армии был научным сотрудником в группе социологических исследований юридического факультета. С начала 90-х годов начал просветительскую и исследовательскую работу по программам Центрального Совета Древлеправославной Церкви Латвии и Центра гуманитарных исследований и просвещения «Веди». Шесть лет был председателем Совета Рижской Гребенщиковской общины.

Успешно ведет предпринимательскую деятельность Александр Иванович. Он – профессиональный инженер, использует в своей работе нововведения, кооперацию с международными научными организациями и фирмами. Его предпринимательское общество

создает рабочие места во многих районах Латвии.

Александра Ивановна – душевный и интеллигентный человек. Получив образование филолога, педагога, осталась работать в родном городе. Стала хорошим организатором.

Старшая дочь Наталии Игнатьевны и Иона Васильевича – Григорьева (Иванова) Мария Ионовна (1897 – 1989) вышла замуж за старовера Григорьева Антона Федоровича (1893 – 1964). Они жили в деревне Королевщина, имели свое крестьянское хозяйство. Мария посвятила жизнь обеспечению достатка и согласия в семье, заботе о своем муже и воспитанию дочери Марии (1924).

Мария Антоновна вышла замуж в Данишевку за Гаврилова Кузьму Ивановича (1919), который, окончив Вишкскую среднюю школу огородничества и садоводства, успешно вел крестьянское хозяйство. Работал механизатором, комбайнером в колхозе. В семье у Гавриловых родились дочери: Вера (1943), Надежда (1946), Любовь (1950) и Ирина (1955).

Вторая дочь Наталии Игнатьевны и Ионы Васильевича – Матрена Ионовна (1903–1997) была веселой, жизнерадостной певуней, неординарным и предприимчивым человеком. Она вышла замуж за Иванова Маркияна из Щетиновки. Жили в Даугавпилсе, построили свой дом на улице Валмиерас, имели свою мясную лавку. К сожалению, дом во время войны сгорел. В семье родилось трое детей: дочери Александра и Фаина, сын Димитрий.

Матрена Ионовна прожила 93 года и похоронена на кладбище в деревне Силкино в нескольких километрах от деревни Кузьмино.

Третья дочь Наталии Игнатьевны и Иона Васильевича – Пелагея Ионовна (1895–1954) вышла замуж в деревню Бондаришки за Зеленкова Ивана Лазаревича. Он был сыном отца Лазаря – наставника Бондаришского старообрядческого храма. Молодая семья поселилась в деревне Василево, неподалеку от Бондаришской моленной. Возвели просторный дом, каменный хлев для скота, другие хозпостройки. Родственники, приезжая на праздничную службу, вместе с детьми нередко заезжали к Зеленковым. Хозяева приветливо встречали гостей. Пелагея Ионовна, подстать Ивану Лазаревичу, была веселым и добрым человеком. По-христиански

помогала родным и близким. Стоически встретила военные и послевоенные трудности. С молитвой противостояла неизлечимой болезни.

У Пелагеи Ионовны и Ивана Лазаревича родилось двое детей: Степан и Марфа. Степан в Кривинах ведет своё крестьянское хозяйство. До пенсии много лет проработал шофёром междугородного автобуса. Марфа Ивановна вышла замуж за Васильева Антипа из деревни Виселово. Живет в Даугавпилсе, является причетницей Храма Рождества Пресвятой Богородицы и Святителя Николы Первой Даугавпилсской старообрядческой общины.

Четвертая дочь Наталии Игнатъевны и Ионы Васильевича – Анна Ионовна (1916–1991) вышла замуж в деревню Щетиновка за Семенова Михаила Лазаревича – доброго, веселого и общительного человека. Как ветеринарный фельдшер он безотказно помогал окрестным крестьянам. Сестра Михаила Лазаревича была замужем за Ермолаевым Тимофеем Ивановичем – двоюродным братом Степаниды Ивановны Ивановой (Яковлевой).

У Анны Ионовны и Михаила Лазаревича родились дочери – Мария и Нина, а также сын Павел. Павел Михайлович (1936–1995) женился на Яковлевой Клавдии Васильевне (1939–1996) – троюродной сестре со стороны матери своих горно-вышковских двоюродных братьев. На примере семьи Анны Ионовны можно проследить, как переплетались ветви генеалогического древа старообрядцев Латгале.

Пятая дочь Наталии Игнатъевны и Ионы Васильевича - Евдокия Ионовна вышла замуж в Макарово за Ивана Егоровича Трофимова. Вскоре после бракосочетания Евдокия Ионовна заболела и, не получив своевременной врачебной помощи, умерла.

Трудолюбивыми и обеспеченными были семьи Ивановых. Отношение к зажиточности в роду не считалось греховным, но и на бедность не смотрели как на доказательство негодности Богу. Занимались благотворительностью, проявляли милосердие.

Жизненный уклад верующей семьи определялся обрядами и духовной традицией веры поморцев-старообрядцев. В соответствии

с годовым старообрядческим календарем праздники чередовались с буднями, время мясоеда и масленицы – с воздержанием и постами. В связи с этим в семье выработалась экономная традиция готовки здоровой постной и «скоромной» пищи: более десятка рецептов первых, вторых и третьих блюд, печений, солений, передаваемых из поколения в поколение разнообразных секретов русской кухни.

Семья из поколения в поколение передавала древлеправославные обряды, книги и древние иконы. Ценились благочестие и духовность, неукоснительно соблюдались старообрядческие традиции и обычаи. Детей воспитывали в трудолюбии и набожности, приучали их к послушанию и здоровому образу жизни.

Жизненный уклад и забота о своей духовности сказываются на долгожительстве староверов. Более 100 лет прожили: Прохор, Иван Ермолаев, Мария Ионовна. Более 90 лет – Иван Прохорович, Наталия Игнатьевна, Мария Ионовна, Тимофей Ионович, Матрена Ионовна и Егор Еремеевич Савельев. Более 80 лет прожили Василий Егорович и Фома Ионович Ивановы.

Материально поддерживали Бондаришскую моленную: дарили иконы, делали имущественные пожертвования, денежные взносы. В конце 40-х – начале 50-х годов в доме Ионы Васильевича (а он был самым просторным в деревне Кузьмино) наставник Бондаришской общины принимал на исповедь староверов из деревни Кузьмино и ее окрестностей.

Проведение ежегодных молебнов было традицией в доме Ивановых с незапамятных времен. Причем молебны проводились не только в родовом доме в Кузьмино, но и в Горно-Вышках; в семье старшего сына Тимофея Ионовича регулярно проводился молебен на праздник Святителя Николы. Для взрослых и детей этот день был большим праздником, на который съезжалось со всех сторон много родственников.

Неоднократно в семьях Ивановых бывал наставник Рижской Гребенщиковской общины – Иван Иулиянович Ваконья. Он некоторое время служил в Бондаришской моленной, а в 1950 году переехал в Ригу. Иван Иулиянович состоял в переписке с членами семьи, наставлял их советами и утешениями, много рассказывал

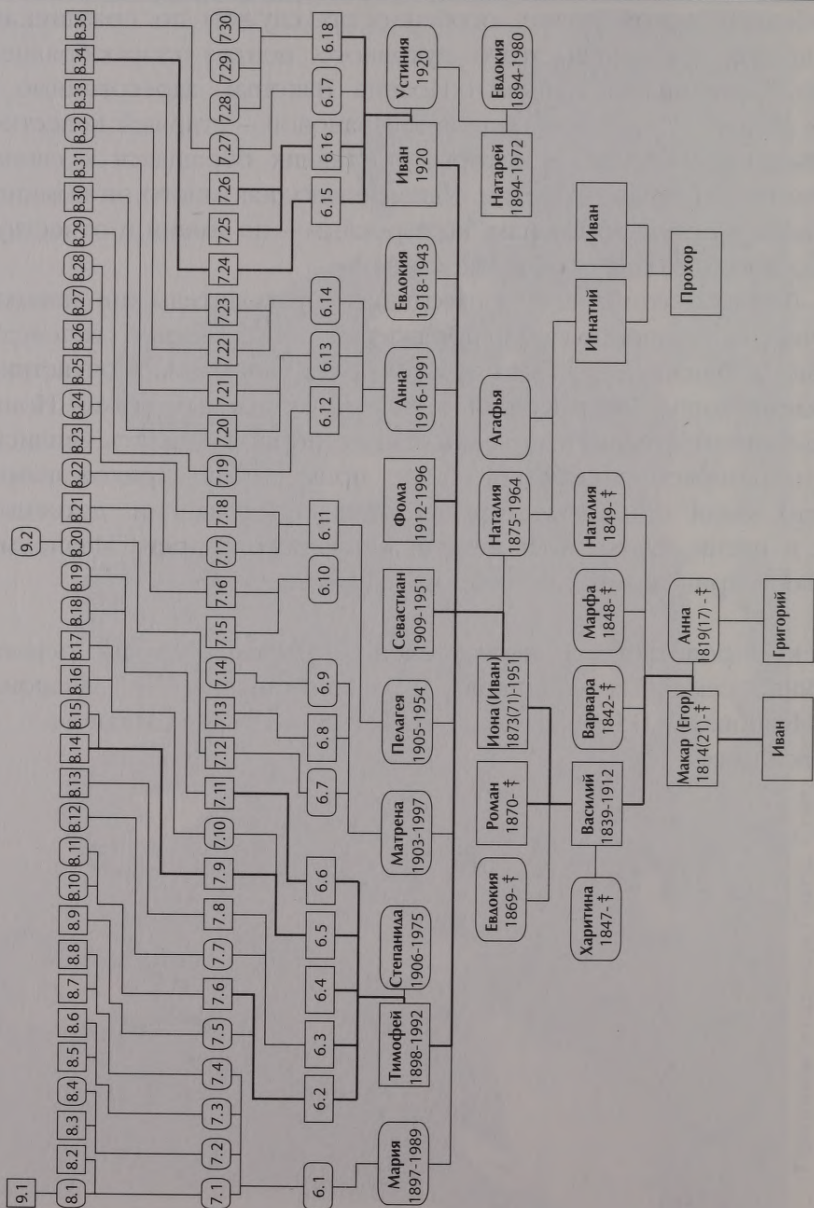

Похороны младенца Павла. Слева направо: Тимофей Ионович и Степанида Ивановна Ивановы, феодося Ивановна Яковлева, Наталия Игнатьевна Иванова и дети — Евгений и Дмитрий. Горно-Вышки Даугавпилсского района, 1933 г. [фото из семейного архива Ф. Т. Иванова]

о Гребенщиковском храме, особенностях службы по праздникам и о других традициях этого духовного центра старообрядцев Латвии. Сохранились письма о.Иоанна Ваконьи, адресованные в 1950 – 1951 гг. Степаниде Ивановне Ивановой – старшей невестке в «кузьминской» семье, в которых наставник обращался к своим бывшим прихожанам, их детям. Удивительно, как много он помнил: обращался к детям по именам, ко взрослым – по имени и отчеству. Для каждого находил особенные слова.

В большой семье воспроизводились прародительские навыки благочестия, разнообразные проявления христианской заповеди о любви к ближнему, забота друг о друге, внимание, сочувствие и взаимопомощь. Как в Кузьмино, так и в созданных детьми Ионы Васильевича и Наталии Игнатьевны семьях упорно трудились, учились, вели образцовое хозяйство, были примерными прихожанами. Хорошо знали старинные старообрядческие традиции, духовные стихи и песни. Семьи всех ветвей родословного древа Ивановых были гостеприимными и по-доброму открытыми людям.

Текст родословной подготовлен *Д.И.Яковлевы* на основе изучения семейных архивов и воспоминаний Н.Т.Иванова, Ил.И.Иванова, В.И.Иванова, А.И.Иванова, Ф.Т.Иванова и А.И.Васильевой.

Родословное древо Ивановых

8.30 Димитрий... 1990
 8.31 Николай... 1996
 8.32 Ольга... 1991
 8.33 Владислав... 1996
 8.34 Даниил... 1998
 8.35 Роман... 1998
 9.1 Димитрий... 1996
 9.2 Софья... 1996
 8.9А Юрий1975-
 1996

7.30 Елена... 1986

8.1 Татьяна... 1964
 8.2 Андрей... 1977
 8.3 Александр... 1970
 8.4 Наталия... 1976
 8.5 Сергей... 1970
 8.6 Олег... 1975
 8.7 Вячеслав... 1979
 8.8 Алексей... 1981
 8.9 Олег... 1974
 8.10 Зане... 1979
 8.11 Дагне... 1982
 8.12 Анна... 1982
 8.13 Кирилл... 2000
 8.14 Андрей... 1979
 8.15 Дарья... 1988
 8.16 Давид... 1988
 8.17 Артур... 1990
 8.18 Иоланта... 1986
 8.19 Анжела... 1991
 8.20 Лариса... 1974
 8.21 Евгений... 1985
 8.22 Елизавета... 1987
 8.23 Денис... 1985
 8.24 Елена... 1988
 8.25 Александр... 1989
 8.26 Михаил... 1992
 8.27 Дария... 1994
 8.28 Анастасия... 2001
 8.29 Марина... 1983

7.1 Вера... 1943
 7.2 Надежда... 1946
 7.3 Любовь... 1950
 7.4 Ирина... 1955
 7.5 Валентина... 1953
 7.6 Владимир... 1956
 7.7 Ольга... 1972
 7.8 Игорь... 1975
 7.9 Андрей... 1958
 7.10 Алена... 1963
 7.11 Юрий... 1968
 7.12 Александр... 1951
 7.13 Александр... 1964
 7.14 Анжела... 1969
 7.15 Димитрий... 1951-
 1981
 7.16 Григорий... 1957
 7.17 Ольга... 1959
 7.18 Василий... 1961
 7.19 Елена... 1961
 7.20 Олег... 1968
 7.21 Александр... 1973
 7.22 Евгений... 1969
 7.23 Владимир... 1962
 7.24 Владимир... 1974
 7.25 Юрий... 1972
 7.26 Иона... 1995
 7.27 Наталия... 1976
 7.28 Марина... 1978-
 1978
 7.29 Светлана... 1984

6.1 Мария... 1924
 6.2 Евгений... 1925-
 1987
 6.3 Дмитрий... 1927
 6.4 Павел... 1933-
 1933
 6.5 Николай... 1937
 6.6 Федор... 1938
 6.7 Александра... 1931
 6.8 Димитрий... 1934-
 1986
 6.9 Фаина... 1946
 6.10 Марфа... 1930
 6.11 Степан... 1934
 6.12 Павел... 1936-
 1995
 6.13 Мария... 1943
 6.14 Нина... 1948
 6.15 Иппарий... 1943
 6.16 Василий... 1946
 6.17 Александра... 1951
 6.18 Александр... 1958

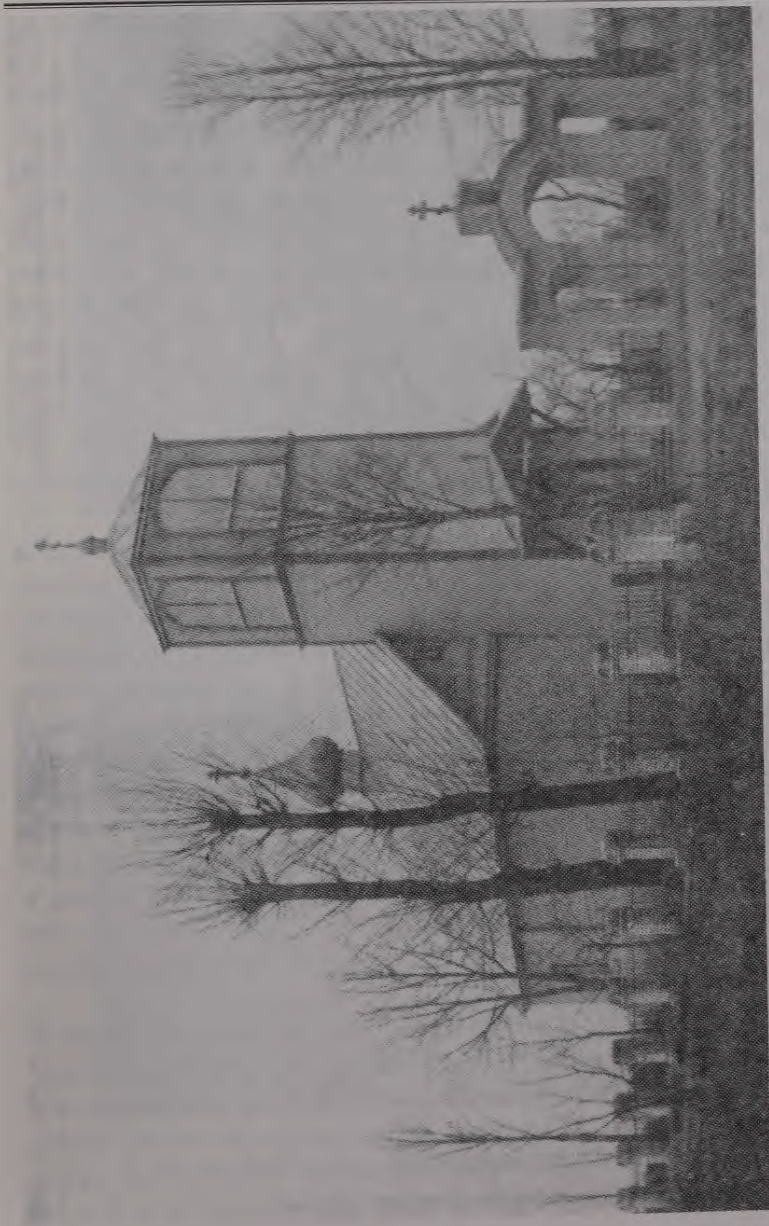

Певчие Бондаришской старообрядческой
общины. Даугавпилсский р-н.

[Фото из старообрядческого церковного
календаря на 1955 г.]

Храм Бондаришской старообрядческой
общины, 2000 г.
[Фото Н.Т.Иванова]

Храм Застенковской старообрядческой общины. Даугавпилсский район. Сгорел в 60-е годы XX в.
[Фото из старообрядческого церковного календаря на 1955 г.]

Исаченко

В 1933 году среди почтенных членов причта Рижской Гребенщиковской общины появился юный певчий, которого сразу заметили и полюбили прихожане. Это был 13-летний Евдоким Исаченко, музыкально одаренный молодой человек с великолепным голосом. Многие знатоки предрекали ему великую будущность. Недаром Гребенщиковская община пригласила паренька переехать из Даугавпилса в Ригу, чтобы он смог развивать здесь Богом данный талант на духовную пользу и радость людям. Однако Евдоким не успел в полную силу проявить свой талант: в 1944 году его призвали в армию. Война полыхала в полную силу, и Евдоким погиб под бомбежкой, не доехав до фронта.

В каком же краю, в какой семье появилось на свет и выросло это молодое дарование?

Род Исаченко был известен как в Даугавпилсе, так и в Риге, а история этой семьи весьма типична для большинства староверческих семей Прибалтики. Отец – Марк Степанович Исаченко был родом из Гривы (станция Земгале), а мать – Любовь Михайловна (урожденная Сапожникова) – из Литвы, где у ее отца был небольшой хутор. Марк Степанович в детстве рос круглым сиротой, воспитывала его Аксения Степановна – старшая сестра. Любовь Михайловна также росла без матери. Земли было мало, одним земледелием большую семью было не прокормить. Выручала рыбная ловля в окрестных озерах. В семье господствовали патриархальные порядки и дух старообрядчества. Дети воспитывались в труде и молитвах, в строгом соблюдении древлеправославных традиций и обычаев. Эта духовность и патриархальность передались их детям, а в дальнейшем – семьям последних.

Марк Степанович с семьей проживал в Даугавпилсе вплоть до 1935 года. Не по собственной воле и не от хорошей жизни семье пришлось покинуть родные края: ведь здесь родились и подрастали семеро детей: 3 сына и 4 дочери. К тому же у отца была вполне уважаемая специальность каменщика-штукатура. Но в городе царил безработица. На семейном совете решили переехать в Ригу. К тому

Марк Степанович и Любовь Михайловна Исаченко

Певчие Рижского Гребенщиковского храма на кладбище в 1935 году.

В центре на переднем плане Евдоким Исаченко.

[фото из семейного архива Е.М.Исаченко]

же, старший сын Евдоким уже пел в хоре Гребенщиковского храма. Увы, и в Риге дела пошли не лучшим образом. Сменив ряд занятий, Марк Степанович вернулся к своей изначальной профессии. Трудно приходилось, но выжили. Помогли также доходы от огородов.

Между тем подрастали дети. После переезда в Ригу они стали учиться в 5-й основной старообрядческой школе, известной как Гребенщиковская. Школа была отличная: наряду с общими знаниями она давала основы вероучения, приобщала ребят к занятиям в кружках по интересам. Особенно хорошо было поставлено хоровое пение. Желаящие посещали Кружок ревнителей старины. Те, кто постарше, участвовали в мероприятиях кружка. Родители отмечали это как преимущество школы: воспитание дома и в школе по целенаправленности совпадали. Более того, не было разногласий и в среде проживания. На «Московском форштадте» старообрядцы жили сравнительно компактно. Так, на улице Вилянупо соседству с Исаченко проживало еще 7 – 8 старообрядческих семей: дети вместе ходили в школу, в моленную, по праздникам гуляли и играли. В доме Исаченко часто бывали в гостях члены причта Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, тем более что Марк Степанович был членом так называемой «двадцатки» Гребенщиковской общины. Кстати, в бытность свою в Даугавпилсе он являлся членом «двадцатки» Гайковской старообрядческой общины.

Душою семьи была мать – Любовь Михайловна. От своего рода Сапожниковых она унаследовала большую любовь к пению вообще, а к духовному – в особенности. Именно благодаря ей все дети обратились к пению: кто на клиросе, кто в школьном хоре, кто в хоре Кружка ревнителей старины. Именно эту семью И.Н.Заволоко называл семьей поющих. Особое уважение Заволоко питал к Любови Михайловне за ее глубокие познания в духовном пении. Не раз он сам записывал на пленку духовные стихи в ее исполнении. Неоднократно направлял к ней приезжавших из Санкт-Петербурга ученых Пушкинского Дома Российской академии наук. До сих пор в музыкальных фондах Пушкинского Дома хранятся записи духовных песнопений Любови Михайловны и двух ее дочерей – Татьяны и Елены.

У могилы И.Н.Заволоко в Резекне, 2000 г. Слева направо: Г.М.Исаченко, наставник Резекненской общины о. Василий Быстров, Е.М.Исаченко (третья справа).

[фото из семейного архива Е.М.Исаченко]

В семье Исаченко при жизни отца Марка Степановича все члены семьи правили субботнюю вечернюю службу у себя дома, а после его смерти собирались всей семьей у матери на Рождество и Пасху славить праздник и разговляться. Сейчас хранительницей этой традиции является Елена Марковна.

Елена Марковна вспоминает, как она вместе с другими одноклассниками ходила на спевки в Кружок ревнителей старины. В силу возраста они не считались полноправными хористками, поэтому, когда летом 1939 года хор отправлялся в Печору (Эстония) на Второй слет русских хоров Прибалтики, им, кандидаткам в хористы, пришлось остаться дома.

Хор выступал не только на мероприятиях Гребенщиковской и других старообрядческих общин Латвии, но побывал и за пределами республики: выезжал в Россию, выступал в Санкт-Петербурге. Запоминающимся было выступление хора на празднике по восстановлению церкви Рождества Христова на Махалице (в Новгороде). Этот храм – памятник архитектуры XIV–XVII веков – был передан вновь созданной старообрядческой общине. Уже сам факт образования новой общины в Новгороде примечателен. Последнее выступление хора состоялось в Даугавпилсе на праздновании 100-летия храма Старофорштадтской общины.

За последнее время широко разрослось «древо» рода Исаченко. Многие из представителей младшего поколения уже носят другие фамилии, от отцов (Викторовы, Савельевы, Воробьевы, Кузьмины и др.). Но все они дорожат памятью о славных родителях и прародителях, берегут старообрядческие традиции и обычаи, насколько это возможно в современных условиях, пытаются их сохранить. Большинство молодых мужчин занимаются строительством: немало домов в Риге построено или отреставрировано их руками. Как специалист по реставрационным работам получил известность сын Татьяны Марковны Владимир. Кстати, он прекрасно поет. Про него говорят, что еще ребенком он запел раньше, чем научился говорить. Но пение для него – лишь увлечение для дома; он профессионал-реставратор. Сделал музыку своей профессией внук Елены Марковны – Дмитрий: он работает

Хор имени И.Н.Заволоко Рижской Гребенцовской общины.
Руководитель — Е.М.Исаченко (4-ая слева), Рига, 1998 г.

на радио музыкальным редактором. Любит заниматься в свободное время строительством и ремонтом.

Наиболее известны в Гребенщиковском храме Елена Марковна и ее брат Георгий Маркович. Они посещают храм во все церковные праздники, помнят и хранят певческие традиции хора имени И.Н.Заволоко, являются главными свидетелями многих событий прошедшего XX века, церковной истории крупнейшей Гребенщиковской старообрядческой общины.

Материал подготовлен *А.Т.Емельяновым* (на основании изучения документов семьи Исаченко, воспоминаний Елены Марковны и Георгия Марковича Исаченко).

Красноперовы

«Если глянуть на Московский форштадт лет 150 тому назад, то оказалось бы, что чуть ли не половина деревянных домов здесь построена Красноперовыми. Наши предки были плотниками и столярами, а до того занимались еще и поставками леса, что особенно было важно после большого пожара в Риге в 1812 году», – говорит моя собеседница Анна Мефодьевна Красноперова.

Хотя род Красноперовых прослеживается с конца XVII века, большую известность он получил в предвоенные 30 – 40-е годы. Причем известность пришла не столько благодаря профессии «патриарха» семьи – Мефодия Ивановича, великолепного столяра. На Тульской улице, 15 (ныне это Ликснас, 24) у Красноперовых были небольшой дом и мастерская. Через эту мастерскую прошли все четыре сына – Сергей, Михаил, Алексей и Иван, а также младшая дочь Анна. Но задержался в ней и перенял эстафету отца только Алексей. Остальные пошли своей дорогой. Но одно у всех было общее: оно-то и сделало Красноперовых известными даже за пределами Латвии – музыка. Все Красноперовы были чрезвычайно музыкальны, а некоторые из них преуспели в музыке как первоклассные профессионалы.

И здесь справедливо на первое место поставить старшего брата Сергея. Кстати, крещен он был в Гребенщиковской моленной и наречен был Стефаном. Так он и по паспорту числился. Но в жизни, в творческом мире он больше известен как Сергей. Именно Сергей был в семье тем «локомотивом» и генератором идей, который вдохновлял остальных, причем не только родных братьев и сестрицу, но и их жен, многочисленную родню и друзей. Началом всему послужила любовь к песне и русским народным инструментам, царившая в доме Красноперовых. Правда, у отца Мефодия в доме был лишь один инструмент – граммофон с большой трубой и множеством пластинок к нему (Шаляпин, Собинов, Лещенко и др.). Весьма музыкальна была мать – Сузанна Ивановна. Будучи простой работницей на табачной фабрике Майкапара, она прекрасно играла на гитаре и домре.

Семья Красноперовых в 30-е годы.

Сидят (слева направо): Сергей, Мефодий Иванович, мать Сузанна Ивановна;
стоят: Михаил, Иван, Валентина (жена Сергея), Татьяна (жена Михаила); впереди — дочь Анна.
[Фото из семейного архива Я.С.Красноперова]

Сергей Красноперов родился в Риге 14 декабря 1900 года. Окончив в 1914 году реальное училище, он работал на мыловаренной фабрике, а с началом Первой мировой войны с этой же фабрикой эвакуировался в Москву. Там окончил гимназию, а вернувшись в Ригу, сразу стал интересоваться только музыкой. Окончил частную музыкальную студию Соломона Розовского и в 1920 году создал инструментальный оркестр, который успешно выступал в кинотеатрах Риги перед сеансами. Оркестр приобрел популярность, и родительские комитеты многих школ выразили желание, чтобы и в их школах были созданы инструментальные ансамбли. Вскоре во всех русских основных школах оркестры были созданы. Их руководителями стали многие оркестранты Красноперова. Сам он, кроме того, преподавал хоровое пение в ряде школ. В 1928 году им был создан большой струнный оркестр при Латышском культурном обществе (впоследствии ставший оркестром при Русском просветительском обществе). Оркестр быстро завоевал популярность благодаря мастерскому исполнению, чрезвычайно богатому и разностороннему репертуару. Его нередко приглашали на радио, а концерты даже и за пределами Латвии проходили с неизменным аншлагом. Здесь, пожалуй, уместно привести воспоминания того времени: после одного из концертов в Таллине в концертном зале «Эстония» (1937 г.) седой директор театра Олак Паул, обнимая Сергея Красноперова, взволнованно говорил: «Спасибо, большое спасибо, я бы так и умер, не узнав, что на балалайках можно так исполнить «Неоконченную симфонию» Шуберта. Это прекрасно, это восхитительно!»

В 1935 году Сергей Красноперов окончил консерваторию по классу композиции и теории музыки. В том же году он организовал хор русской песни. Примечательно, что большую часть репертуара хора и оркестра создавал он сам, причем большинство оркестрантов являлись любителями, без музыкального образования. Многие даже нот не знали. Для них Красноперов писал так называемые цифровые ноты. Кульминация творческой и концертной деятельности Красноперова приходится на 1939 – 1940 годы, когда состоялась целая серия концертов хора и оркестра. Своего рода апофеозом

можно считать выступление на сцене Национальной оперы 1 мая 1941 года на смотре художественной самодеятельности. В течение 15 минут зал аплодировал, не отпуская исполнителей и их руководителя. Жюри признало этот коллектив лучшим, достойным быть посланным на Всесоюзный смотр в Москву.

Однако этим планам помешала начавшаяся война. За время войны коллектив практически распался. В годы немецкой оккупации на короткое время Красноперову удалось собрать оркестр из оставшихся в Риге участников. Кстати, один из концертов был авторским – Симфоническая фантазия, написанная в 1943 году на пушкинскую «Сказку о золотой рыбке». Эта музыкальная пьеса по замыслу была весьма патриотична (мол, останетесь вы, господа германцы, как та старуха из сказки, – у разбитого корыта). Однако немцы, сидевшие в первом ряду и аплодировавшие, не поняли этой сути. И слава Богу!

В связи с трудностями военного времени оркестр вскоре перестал существовать. Самому Сергею один из друзей, Екаб Мединь, помог устроиться на Радио смотрителем нотной библиотеки. Когда немцы покидали Ригу и намеревались увезти ценное оборудование Радио, Красноперов вместе с другими работниками Радио сумели спасти его, положив в ящики и контейнеры не оборудование, а аккуратно сложенные кирпичи. За это и за помощь в восстановлении Латвийского радио сразу после ухода немцев Сергея Красноперова наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Случай редкий.

В 1946 году Красноперов работает в Латвийской филармонии, создает первый латышский ансамбль песни и танца «Сакта», а затем и первый в Латвии оркестр латышских народных инструментов. В это время он занимается усовершенствованием латышских народных инструментов, в частности кокле (латышский вариант гуслей) – из семиструнной он переделал ее в 32-струнную. Для этого был сконструирован новый большой корпус с переключателями, что давало исполнителю возможность пользоваться всеми тональностями, как при игре на арфе или рояле. Нововведение имело огромный успех. К тому же модернизированная кокле сохранила свои

Хор русской народной песни и оркестр народных инструментов под общим руководством С.М.Красноперова 21 января 1940 г. в концертном зале Латвийской консерватории. В центре рядом с дирижером солистка А.В.Деревягина.
[Фото из семейного архива Я.С.Красноперова]

Rīgas Vecitābnieku izglītības un palīdzības biedrība

Svētdien, 1940. gada 21. janvārī pulksten 8 vakarā
Latvijas Konservatorijas zālē

„krievu tautas dziesmu kora“
Iais KONCERTS

Piedalās:

Rīgas Krievu Izglītības biedrības tautas instrumentu
orķestris un soliste A. V. Derevjaigina.

Diriģents: S. M. Krasnopjorova.

Рижское Старообрядческое просветительное и вспомогательное 0-80

Въ воскресенье 21 января 1940 г. въ 8 час. веч.
въ залѣ Латвійской Консерваторіи

Іый КОНЦЕРТЬ
„хора русской народной пѣсни“

при участіи
оркестра народныхъ инструментовъ Рижскаго
Русскаго Просвѣдительнаго общества
и солистки А. В. Деревягиной.

Дирижеръ: С. М. Краснопjоровъ.

Афиша одного из концертов хора и оркестра под руководством С. М. Краснопjорова.

ПРОГРАММА.

I.

1. Былина. Стихъ о Голубиной книгѣ. Н. А. Римскаго-Корсакова
2. Протяжная. Зина моя, зинушка. И. В. Некрасова
3. Сладкая. Шумули, шумули. И. В. Некрасова
4. Шуточная. Ужь и я ли молода, да тонко-прядицей была. И. В. Некрасова
5. Хороводная. Какъ подь бѣлою подь березою. И. В. Некрасова
6. Малорусская. Днѣпръ. С. М. Краснопjорова
7. Малорусская. Ой у поли могила. С. М. Краснопjорова
8. Вещная. Пойграйте дѣвушки. И. В. Некрасова
9. Протяжная. На зарѣ было на утренней. С. М. Краснопjорова
10. Плясовая. Ужь и я ли молода одинокая была. И. В. Некрасова

исп. хоръ

Перерывъ

II.

1. Что отъ терема да до терема. Фантазія. С. М. Краснопjорова
2. Красный сарафанъ. М. Варламова
3. Ужь ты зинушка зима, да ты холодная. С. М. Краснопjорова
4. Матушка голубушка. М. Варламова
5. Тройка почтовая. С. М. Краснопjорова

исп. оркестръ

1. Ноченька. * * *
2. Соловей. * * *
исп. А. В. Деревягина съ оркестромъ
Алибѣва * * *
1. Эхъ, да ты калинушка. * * *
2. Ой, матушка не могу. * * *
исп. хоръ и оркестръ * * *
1. Калинка. * * *
2. Во полѣ береза стогла. * * *
исп. А. В. Деревягина съ хоромъ и оркестромъ * * *

прозрачно-нежное звучание и тембр. Одновременно Красноперов преподает в Латвийской консерватории, организует в ней кафедру народного инструмента, а с 1948 года вплоть до своей смерти в 1961 году служит руководителем кафедры.

Сергей Красноперов был не только великолепным дирижером и исполнителем, но и композитором. В его оркестровой музыке и музыке для хора ярко прослеживается народность, как русская, так и латышская. Наиболее известные работы: оратория для детей «Цветник» (1939), симфоническая сюита в десяти частях «В тридевятом царстве» (1944), фантазия на тему «Вей, ветерок!» для латышского инструментального оркестра (1951), концертная программа для кокле, сюита «День пастуха». Поистине, велик и многообразен талант и кипучая энергия Сергея! Она увлекала всех окружающих и, в первую очередь, многочисленную родню.

Верными помощниками Сергея были его братья Михаил и Иван. Михаил не стал музыкантом-профессионалом, хотя все задатки для этого у него были. Он играл на нескольких инструментах, участвовал во всех без исключения оркестрах брата. Но своей профессией избрал телефонную связь: проработал всю жизнь на Рижской телефонной станции, достиг большого мастерства, выдвигался на руководящие должности, но по своей скромности всегда отказывался.

Иван Красноперов – младший из братьев – пошел по стопам Сергея. В 1935 году окончил консерваторию по классу гобоя, достиг высокого мастерства, играл в оркестре Национальной оперы, а затем в симфоническом оркестре Радио. После войны стал преподавать в Музыкальной школе им. Эмиля Дарзиня. Вырастил целую плеяду латвийских гобоистов. За большой вклад в подготовку концертных программ и за исполнительское творчество Ивану Красноперову в 1956 году было присвоено почетное звание Засуженного артиста республики. Умер в 1989 году.

Судьба Алексея сложилась трагично: в 1943 году во время облавы его насильно мобилизовали в легион. Воевать ему, слава Богу, не пришлось. Его часть из Курляндии вскоре отправили в Германию, а там в конце войны он попал в плен к американцам, которые передали

его советским властям. Последние не стали разбираться, осудили и отправили на Алдан. После освобождения он задержался в Сибири, где у него появилась новая семья. В результате автокатастрофы он скончался, так и не успев вернуться на родину.

Увлечение русской инструментальной музыкой характерно и для следующего поколения Красноперовых. Правда, профессионалом не стал никто, но почти у всех дома на стене висят одна или несколько балалаек.

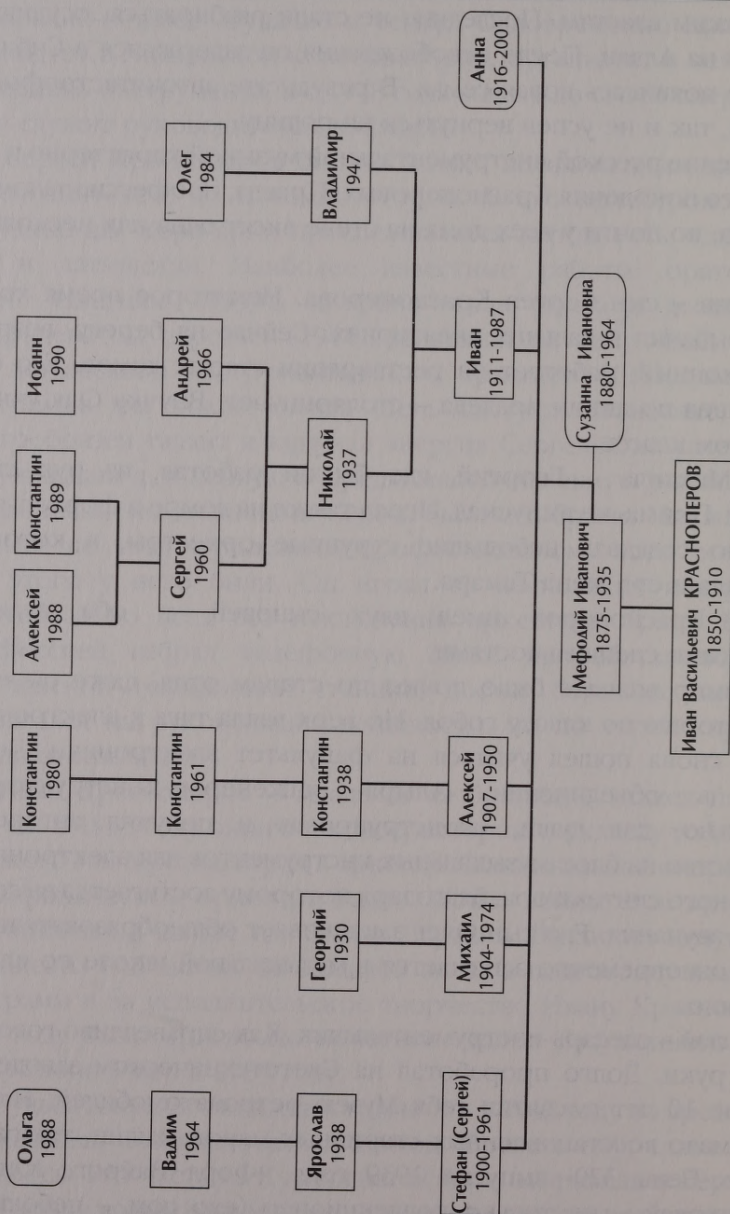
Ярослав – сын Сергея Красноперова. Некоторое время ходил в море, рыбачил в дальних акваториях. Сейчас на берегу, возраст предпенсионный, работает на реставрации старых домов. Его сын Вадим пошел по линии прадеда – столярничает. Внучка Оля учится в четвертом классе.

Сын Михаила – Георгий, где бы ни работал, из рук свою балалайку «Прима» не выпускал. Играл также на домре и фортепьяно. Неизменно создавал небольшие струнные оркестры, в которых участвовала и его жена Тамара.

Иван Красноперов имел двух сыновей, и оба владели техническими специальностями.

Владимир вначале было пошел по стопам отца, даже окончил Консерваторию по классу гобоя. Но верх взяла тяга к электронной технике: снова пошел учиться на факультет электроники. Долго работал в объединении «Альфа» инженером-конструктором. Параллельно, для души, сконструировал и получил авторское свидетельство на блок музыкальных инструментов для электронного музыкального синтезатора, благодаря которому достигается высокое качество звучания. Его сын Олег заканчивает общеобразовательную школу и одновременно занимается в музыкальной школе по классу фортепьяно.

Николай – слесарь-инструментальщик. Как справедливо говорят, золотые руки. Долго проработал на Светотехническом заводе, но последние 10 лет посвятил себя Музею ретроавтомобилей. На его счету немало восстановленных старинных марок машин, таких как «Мерседес-Бенц 320» выпуска 1939 года, «Форд Вайрогс Юниор» и др. Николай – не только коллекционер (его дом – небольшой

Родословное древо Краснопервых

музей), он любит и знает историю (в том числе и всю хронику рода Красноперовых). Эта любовь к истории семьи и родного края передалась его сыну – Андрею.

Андрей пять лет тому назад создал историческую секцию при Клубе латвийских офицеров. Ему помогает сын. Секция объединяет около 30 таких же энтузиастов, желающих ближе узнать родной край. В отличие от других клубов, изучающих далекое прошлое времен рыцарей или эпоху Наполеона, секция, которой руководит Андрей, занимается периодом от Первой до Второй мировой войны. Их интересует все: историческая литература о сражениях той поры, образцы военной техники, униформа, предметы военного быта, награды и прочее. Конечно, игровое моделирование и выезды на природу – дело заманчивое, но трудное. Рассчитывать на одни трофеи не приходится. Многие создаются самими участниками секции. И тут помогают члены семьи, родственники: жены находят старые выкройки, шьют платья сестер милосердия, дамские наряды времен начала XX века. Все держится на энтузиазме, так как полагаться на спонсоров или самоуправления не приходится. Хотя именно самоуправления нередко приглашают членов секции при «полном параде» участвовать в мероприятиях. Интерес к секции растет и в школах: учителя истории охотно хотели бы видеть у себя в школе «живые экспонаты» эпохи.

Главные помощники Андрея – его семья, включая сына Иоанна. Участие в работе секции не мешает маленькому Ване хорошо учиться в школе и, кроме того, посещать воскресную школу Гребенщиковской общины.

Но вернемся к нашей первой собеседнице – Анне Мефодьевне. Рассказ о перипетиях ее жизни высветил бы многие страницы из жизни Красноперовых. Конечно, она была активнейшим участником и помощником всех начинаний братьев, особенно старшего. Бог наделил ее многими талантами и увлечениями: играла на нескольких инструментах, хорошо рисовала и любила путешествовать. Сперва избрала своей профессией педагогику: окончила училище в Цесисе. Ее направили в тогдашнюю глухомань – Сабиле, вроде бы сплошь латышский регион. Но там оказался русский оазис – Нейваккенская

старообрядческая община, и почти все школьники были русскими. Во время войны она там вела младшие классы и исполняла обязанности директора школы. По возвращении в Ригу после войны Анна Мефодьевна поступила на архитектурный факультет Латвийского университета. По окончании долго и успешно работала в Архитектурном управлении, много и охотно ездила по городам и селам Латвии. Все свое свободное время – отпуска, выходные и праздники она посвящала путешествиям. Благодаря своей выразительной речи, богатому языку, большим познаниям в мировой истории, в частности, истории искусства Латвии и России, стала прекрасным гидом. Когда она рассказывала, экскурсантов нельзя было «оторвать» от нее.

Текст родословной подготовлен *А.Т.Емельяновым* на основании документов семьи Красноперовых, воспоминаний Анны Мефодьевны, Ярослава Стефановича, Николая Ивановича Красноперовых, воспоминаний старейшего участника ансамбля Николая Стумбриса, а также юбилейных статей композитора Дмитрия Кулькова и музыковеда Арвида Даркевица.

Кудрячовы

В центре Ивановского кладбища на Большой Горной (Лиела Кална) среди могил других известных деятелей старообрядчества находятся могилы за семейной оградой Кудрячовых. Семья эта была хорошо известна жителям Риги, особенно старообрядцам, в предвоенные и даже в предреволюционные годы.

Семья имеет большие заслуги перед Гребенчиковской общиной. Увы, не все члены этой семьи покоятся за семейной оградой Ивановского кладбища. Судьба многих ее членов весьма трагична.

Семья Кудрячовых поселилась в Риге в середине XIX века. Раньше она жила в Олонецкой губернии в староверческом селении Андреево-Наволоко. Глава семьи – Григорий Кудрячов – был небогат. В Ригу приехал после смерти жены по приглашению своего шурина

Семья Кудрячовых в августе 1907 г. Слева направо: Иван Григорьевич, Василий Григорьевич, Ефим Григорьевич, Тимофей Григорьевич. Крайний справа – друг семьи Никита Афанасьевич Рошонок.

Андрея Юшкова. Последний был человеком весьма состоятельным, но бездетным, поэтому он охотно взял на себя материальные заботы о четверых сыновьях семьи Кудрячовых – Василии, Ефиме, Иване и Тимофее. Вскоре отец умер, и главой семьи стал старший брат Василий. Именно ему – способному, энергичному и честному племяннику дядя Андрей Андреевич Юшков перед своей смертью передал все свое состояние (дома, магазины, земельные участки). И надо сказать, что Василий Григорьевич полностью оправдал надежды своего благодетеля: он не разбазарил полученное состояние, а наоборот, приумножил его. Среди домовладельцев и купечества Риги он по праву заслужил уважение. Кстати, в то время в Риге было немало зажиточных старообрядцев, которые своей деятельностью внесли заметный вклад в развитие города. Их заслуги неоднократно отмечались властями города. Так, городской голова Риги Джордж Армитстед (1902–1913 гг.), при котором были осуществлены большие строительные работы – 1-я городская больница, трамвайные линии, крупные общественные здания, музеи, школы, высоко ценил рижских предпринимателей из числа старообрядцев. Особую благодарность он неоднократно выражал двум наиболее известным в то время предпринимателям – Василию Григорьевичу Кудрячову и Ананию Ерофеевичу Трифонову, в частности, за постройку и облицовку гранитом набережной по обе стороны Даугавы. Как главные подрядчики они эту работу выполнили качественно и в срок.

Не случайно в дни посещения Риги царем Николаем II их обоих включили в состав делегации рижского купечества. Более того, именно им поручили поднести царю поднос с хлебом и солью. Фотоснимок этой церемонии можно увидеть на одном из стендов Музея истории Риги. Такой же снимок есть и в комнате заседаний Совета Гребенщиковской общины.

Предпринимательская деятельность Василия Кудрячова была многосторонней: это и подряды на строительство крупных объектов, и торговля в собственных магазинах, это и строительство жилых домов, и управление ими. Ведь начало XX века, вплоть до 1914 года было периодом промышленного подъема и строительства в Риге, и такие деятельные личности, как В.Кудрячов и А.Трифонов,

А.Е.Трифонов
(1851–1937)
Председатель Совета Рижской
Гребенщиковской общины
в 1905–1924 гг.

оказались востребованными и могли себя проявить.

А.Е.Трифонов за заслуги в развитии города был удостоен городской Думой звания почетного гражданина Риги.

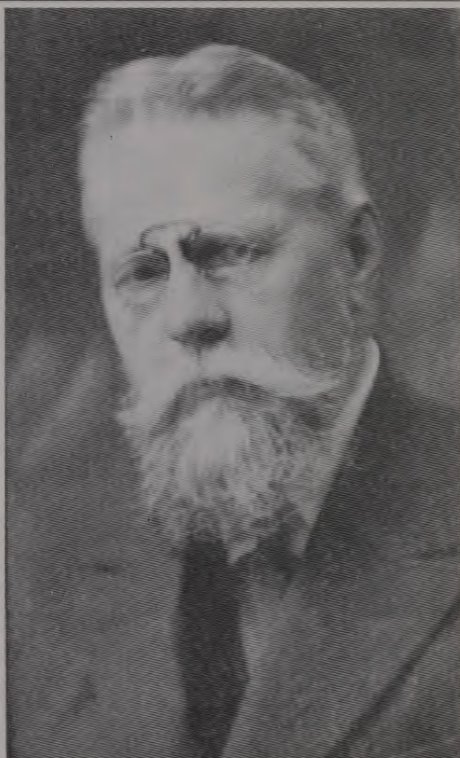
Семья Кудрячовых была глубоко верующей, религиозной. Унаследованные еще с олонецких времен обряды и духовные традиции поморцев-старообрядцев Василий Григорьевич стремился соблюдать в более сложных условиях большого города. Он и его братья активно включились в жизнь Гребенщиковской общины. Кудрячовы много и бескорыстно жертвовали общине на благотворительные нужды – для богадельни, малоимущим детям, для школы. В течение многих лет Василий Григорьевич был членом Совета общины, а в 1924 году на собрании членов общины избирается председателем Совета общины. На этом посту он проявил себя как весьма способный, деятельный и ответственный руководитель. Община сразу почувствовала умелое руководство хозяйством, масштабность мероприятий, внимательный подход к нуждам прихожан, а также (что

немаловажно) личную духовную и материальную щедрость председателя Совета. Так, 21 марта 1926 года Василий Григорьевич пожертвовал Гребенщиковскому обществу для воспитания бедных детей в г. Риге свою недвижимость по ул. Маскавас, 91 для открытия детского приюта. Это позволило существенно помочь беднейшему старообрядческому населению.

Следуя примеру председателя Совета, многие состоятельные прихожане также вносили свой вклад в общее дело укрепления хозяйственного положения общины и всего латвийского староверия.

Василий Григорьевич неоднократно переизбирался председателем Совета. Он пробыл на этом посту без перерыва 16 лет, т.е. до лета 1940 года, когда при Советской власти его арестовали. Умер он, согласно официальной выписке из архива, 12 сентября 1941 года в Усольяге Пермской области. Младший брат Тимофей, будучи призванным в армию в Первую мировую войну, умер в 1916 году от тифа. Второй брат Ефим Григорьевич умер в 1936 году. Брат Иван Григорьевич скончался в Риге в 1969 году. Грустно то, что все они ушли из жизни, не оставив потомства, которое могло бы распорядиться наследством.

Но в Гребенщиковской общине помнят имя Кудрячовых,

В.Г.Кудрячов
(1869–1941)

Председатель Совета Рижской
Гребенщиковской общины
в 1924–1940 гг.

их вклад в дело поддержания старообрядческой веры и устоев древлеправославия, и портрет Василия Григорьевича занимает почетное место в галерее видных деятелей Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины.

Текст родословной подготовлен *А.Т.Емельяновым* на основе изучения архивных материалов и воспоминаний семьи Рошонок, рассказов Г.П.Перепелкина.

Яковлевы

Жизнь староверской семьи Яковлевых из латгальской деревни Бикерниеки удалось проследить на протяжении двух веков.

Бикерниеки располагались в восточной части Даугавпилсского района на юго-западной окраине Латгальской возвышенности, в 25 км от Даугавпилса. Ближайшая железнодорожная станция Науене находится в шести километрах.

Деревня тянется вдоль берегов реки Ликснянка. Она находится как бы в чаше между Бутенишской и Александриной горами, с одной стороны, и возвышающимся полотном дороги Янчишки – Бикерниеки – Кривошеево – с другой. Можно предположить, что название деревни связано с рельефом местности – природным прообразом чаши. Латвийское слово «biķeris» означает кубок в виде чаши для вина. Есть такое выражение: «iztukšot rūgto biķeri» – испить горькую чашу. Более широко известны Бикерниеки как местность в Видземском предместье Риги.

Бикерниеких жителей и крестьян-старообрядцев из прилежащих латгальских деревень – Янчишки, Браманишки, Виселово, Кривошеево, Рейнишки, Бутенишки называли поселянами. Очевидцы рассказывали, что в XIX веке Бикерниеки жили общиной. Каждый год по числу «еदокoв» семье нарежали землю. Иногда даже в соседних деревнях – Бикерниеках и Кривошееве, у поселян наблюдались некоторые различия в исполнении старых обрядов. Старшее поколение вспоминало грустную песню о тяжелой доле поселян:

«Поселяне ночью мало спят,
Друг за другом в поле торопятся...»

В деревне имелись три десятка домов с хозяйственными постройками, моленная, лавка, волостное здание, почта, просторный деревянный мост через реку.

В Бикерниеках была начальная, затем основная шестилетняя и основная семилетняя школа, которая до середины XX века располагалась в просторном деревянном доме Ивана Родионова и в доме Тимофея Семенова.

Семья Яковлевых из дер. Бикерниеки Даугавпилсского уезда, 1916 г.
Слева направо: Феодосия Ивановна, Иван Семенович, Степанида Ивановна.
[Фото из семейного архива Д.И.Яковлева]

В деревне Бикерниеки в начале века жили две семьи Яковлевых – Ивана Семеновича и Александра Семеновича.

Иван Семенович (Семионович) (1875–1963) после женитьбы на Феодосии Ивановне Ермолаевой (1879–1946) остался жить в родовом доме в центре деревни Бикерниеки вблизи роши на берегу речки Ликсняянки.

Феодосия Ивановна пришла в Бикерниеки из Браменишек из большой старообрядческой семьи Ермолаевых. Ее отец Иван Федотьевич – уважаемый в общине крестьянин, прожил в древлеправославной вере и труде 103 года. В семье Ермолаевых выросли три сына и четыре дочери, которые в следующих поколениях при создании своих семей вместе с Яковлевыми и другими новыми родственниками сформировали на протяжении XX века большое родовое объединение общающихся между собой и поддерживающих друг друга старообрядцев.

На своей земле (13,1 га) семья Ивана Семеновича Яковлева выращивала зерновые – рожь, озимую и яровую пшеницу, ячмень, овес. Сеяли также горох, вику, клевер и тимофеевку, просо, гречиху и лен. Много земли занимали картофель и огородные культуры. На лугах возле речки Ликсняянки и за Бутенишской горой косили ароматное сено для двух коров, лошади и 4 – 6 овец.

Выращенного и соответствующим образом переработанного в продукты урожая хватало на семью из 3 – 4 человек и для питания приходивших на толоку во время уборки и обмолота урожая родственников и соседей, на налоги и поставки государству. Денежные доходы Иван Семенович получал за счет аренды небольшой двухкомнатной квартиры во втором конце дома, которую он сдавал учителям Бикерниековской школы, и от продажи некоторого количества льна, ржи, молока и молочных продуктов.

Дом был характерной для староверов постройки – на два конца, с сенями и светлым крыльцом. Удобно располагались хозяйственные постройки, чтобы в холод и ненастье проще было ухаживать за скотом. Муку мололи на мельнице Самовича в Подгурье. Льняное масло ездили выжимать в Рейнишки к Никитину. Молоко носили в Бикерниековскую молочную к Андрею Андрееву и Якову Афанасьеву.

Принт Рижского Гребенщиковского храма в 1933 г. Первый справа во втором ряду сверху – Агафон Александрович Яковлев из дер. Бикерники.

[Фото из семейного альбома Н.Т.Иванова]

Для обмолота зерновых в хозяйстве имелась простая молотилка с лошадиным приводом, а позже – немецкая молотилка с мотором.

Поддерживалась традиция домашнего прядения, ткачества и вышивания льняного полотна, которое после отбеливания использовалось на полотенца, скатерти, постельное и нижнее белье. В доме стоял ручной ткацкий станок («ставы»).

Хозяин мастерил простую мебель, ульи для пчел, телеги и тарантасы, шил сбрую, вил веревки. В трудные военные годы мастерил обувь на деревянной подошве.

Иван Семенович был большой труженик. Кроме высокой квалификации в сложных крестьянских профессиях (земледелие, животноводство, огородничество, садоводство и лесное хозяйство), владел ремеслом камнетеса. В молодости уходил с деревенской артелью «в бурлаки» – на сезонные летние заработки в Санкт-Петербург, Польшу и в другие места строить дома, мосты, дороги. Где бы он ни был, – не терпел праздности и безделья. Часто повторял свой жизненный принцип – в праздник грешно работать, а в будни – большой грех бездельничать.

Такой порядок относился и к детям. Чтобы для них работа казалась интересной и посильной, специально подготавливался инвентарь – маленькие коса, грабли, вилы, лопата, ведро. С раннего возраста учил внуков запрягать и распрягать лошадь, ездить верхом, доить коров.

Иван Семенович был глубоко религиозным старообрядцем. Каждое воскресенье и по праздникам ходил в моленную, читал и пел на клиросе. В канун Пасхи и Рождества всегда шел на всенощную. К этому с детства приучал свою дочь Степаниду, а позже и внуков, которые жили у него. Сам и все члены семьи соблюдали посты, не ели скоромного еженедельно в среду и пятницу.

Иван Семенович постоянно и неукоснительно соблюдал Заповеди Господни в словах и делах своих. Не курил, не злословил, не пил, не зарился на чужое. Каждое большое и малое дело начинал и завершал молитвой и крестным знаменем. Этого требовал и от всех членов семьи. Общая молитва перед иконами творилась утром и вечером. Был грамотным, хорошо знал церковную службу, поэтому его

избрали головщиком на клиросе. В последние годы жизни исполнял обязанности наставника в Бикерниекской старообрядческой общине. В доме соблюдались древлеправославные традиции и обряды, таинство крещения и исповеди, проводились богослужения (молебны) в честь Святого Николы («Никольщина»), на которые ежегодно съезжалось много родственников.

Дочь Ивана Семеновича – Степанида Ивановна (1906–1975) окончила народное училище, дома обучалась церковно-славянской грамоте, читала и пела на клиросе во время богослужений. Вышла замуж в восемнадцать лет за Иванова Тимофея Ионовича (1898–1993) – старшего сына в большой старообрядческой семье из деревни Кузьмино в 10 км от Бикерниеки.

В 1940 году, когда Феодосия Ивановна заболела и была ограничена в передвижении, Иван Семенович усыновил (адаптировал) с согласия родителей своего внука Димитрия (1927) как наследника и помощника на старости лет. Другие внуки также поочередно жили или гостили у своего дедушки, с детства окунаясь в неповторимый мир этой благочестивой семьи, испытывая воздействие поморского староверческого духа. Искоренить это влияние было не под силу временам атеистического лихолетья.

Яковлев Димитрий Иванович (1927) окончил Даугавпилский педагогический институт и проработал на педагогической работе в Рейнишской, Бикерниекской, Капиньской, Сутрской и других школах Латгале более 45 лет, в том числе директором школы более 30 лет. Свыше 2000 его учеников, живущих в трудных условиях сельской местности Латгальского края, получили необходимые в жизни знания, умения и навыки во многом под влиянием духовности, которая была заложена в нем с детства в старообрядческой семье. Димитрий Яковлев – член Старообрядческого общества Латвии.

Родовую ветвь фамилии Яковлевых продолжают Ольга Димитриевна (1972) и Игорь Димитриевич (1975) Яковлевы, которые после окончания Даугавпилского педагогического университета живут и работают в Даугавпилсе.

Брат Ивана Семеновича – Яковлев Александр Семенович (Симеонович) (1876–1945) был женат на Пелагее Ивановне

(1885–1976). В этой семье было четыре сына и три дочери.

Старший сын Александра Семеновича – Иван Александрович (1905–1989) был женат на Яковлевой (Лавреновой) Ксении Васильевне (1904–1979), родной сестре Евдокии Васильевны (Лавреновой) Андреевой (1904–1989), матери Андреева Николая Андреевича – известного рижского профессора медицины. У Ивана Александровича родился сын Дима, который унаследовал дом отца, и дочь Ефросиния.

Второй сын Александра Семеновича – Яковлев Василий Александрович (1913–1983) был женат на Яковлевой Пелагее Елиферьевне (1914–1981). У них родились дочь Яковлева (Семенова) Клавдия Васильевна (1939–1996) и два сына – Григорий и Филипп (близнецы).

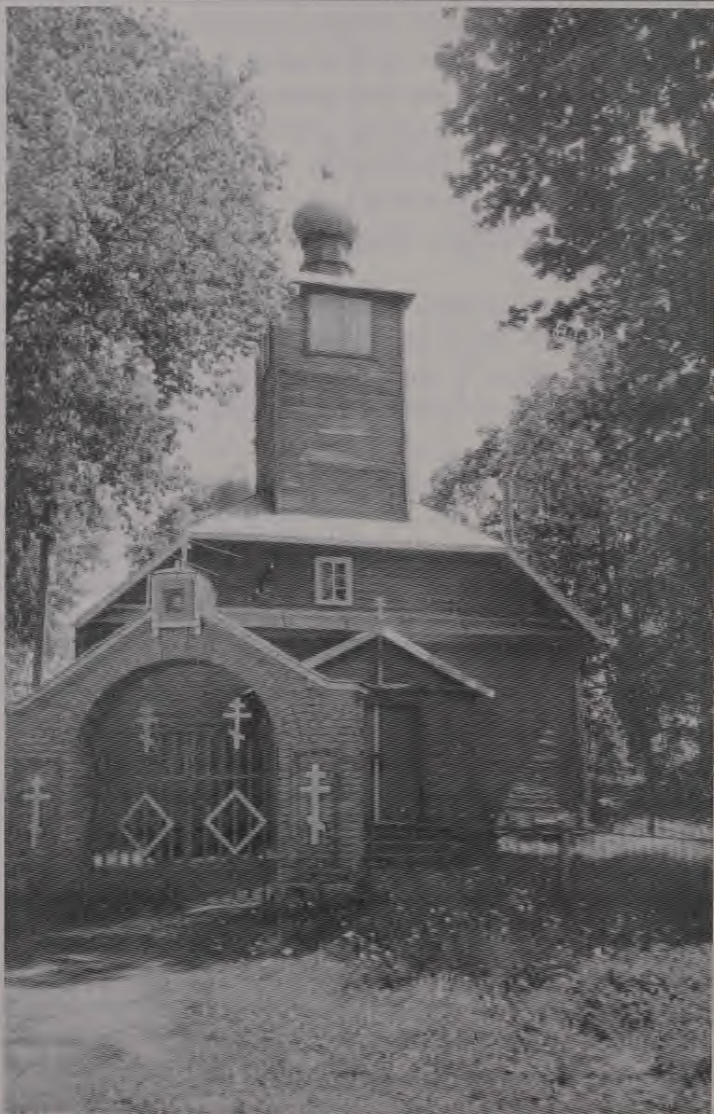
Третий сын Александра Семеновича Яковлев Агафон Александрович (1916–1979) до призыва в армию Латвийской Республики (где служил пограничником) пел в составе причта в храме Рижской Гребенщиковской общины. Присылал в Латгале своим родственникам письма и фотографии, много рассказывал о богослужениях, истории и духовных традициях, книжнице храма. У всех Яковлевых и в других старообрядческих семьях Латгале сложилось уважительное отношение к Рижскому Гребенщиковскому храму как духовному центру старообрядцев Латвии.

Четвертой по возрасту была дочь Александра Семеновича – Степанида Александровна Кузьмина (Яковлева) (1918). Она тоже читала и пела на клиросе в моленной, а когда после войны семья жила в Риге, была прихожанкой Гребенщиковского храма.

В семьях других детей Яковлева Александра Семеновича также почитается древлеправославная вера.

Иван Семенович, Александр Семенович, их родители и сыновья Иван, Василий, Агафон, Феопент и другие члены семей похоронены на кладбище у моленной в Кривошеево.

Общая древлеправославная вера, умение вести хозяйство, трудолюбие, уважительное отношение к ближнему и взаимопомощь, культурные традиции, скромный, здоровый образ жизни – все это позволило многим поколениям староверов противостоять

Храм Кривошеевской старообрядческой общины.
Даугавпилсской район. Май 1999 г.

[Фото Н.Т.Иванова]

превратностям судьбы, вынести лишения войн, революций и коллективизации, преодолеть природные бедствия, сохранять и развивать вековые ценности своей этнографической группы.

Многие потомки бикерниекских и браменишских староверов с Божьей помощью стали хорошими специалистами – инженерами, конструкторами, строителями, учителями, медиками, предпринимателями, менеджерами, офицерами, учеными. Среди них есть генерал – Иван Феокистович Кондратьев, два полковника – Григорий Трофимович Кузьмин и Геннадий Прокофьевич Веселов, два профессора – Николай Андреевич Андреев и Николай Тимофеевич Иванов, чемпион мира, олимпийский призер по биатлону – Олег Сергеевич Малюхин, финансист Олимпий Демидович Ермолаев, баскетболистка в команде ТТТ, партнер Ульяны Семеновой, Людмила Олимпиаевна Ермолаева.

Если на пороге XXI века оглянуться назад, выслушать воспоминания и просмотреть документы о жизни Ермолаевых, Яковлевых и других, можно найти много свидетельств тому, что в этих семьях, как и во многих других старообрядческих семьях, соблюдались и во многом соблюдаются ныне христианские заповеди, обряды и таинства, сохраняются иконы, древние книги, воспроизводятся в поколениях трудолюбие, умение рационально вести хозяйство, тяга к образованию, уважение древлеправославных устоев и традиций.

Текст родословной подготовлен *Н.Т.Ивановым* на основе документов семейного архива и воспоминаний Д.И.Яковлева, Ю.Я.Ермолаевой, И.И.Малюхиной, Н.А.Андреева.

Феномен культуры русских Латвии

Притязание на обзор феномена русской культуры Латвии в целом явилось бы дерзостью шпенглеровского масштаба, ибо тема эта неохватна. Отто Шпенглер мудро заметил, что культуры родственны растениям: они всю жизнь привязаны к почве, из которой проросли. Здесь, в Балтии, не та почва, над которой колышется раскидистое дерево русской культуры, но один из корней этого дерева имеется и здесь, в этой почве. А уж крона этого дерева шелестит над нами.

Трудно осязаемо продемонстрировать такое бесплотное явление как культура, поскольку, по слову М.К. Мамардашвили, «реальная культура находится вовсе не в музеях и не сводится к их посещению, а состоит в чувстве бытия или небытия». В том, как мы осознаем это. Г.П.Федотов, выразился так: «Культура как организующая форма сознания распадается на множество бессвязных элементов, из которых ни один сам по себе, ни сумма не является культурой».

Не претендуя на то, чтобы ввести читателя в мир русской культуры даже в ее региональном объеме, ограничимся собственными, сугубо субъективными размышлениями по этому поводу.

Разумеется, никакой отдельной, самостоятельной, самодостаточной русской культуры в Латвии не могло быть и нет. На наш взгляд – подчеркиваем это – магистральная культура любого края зависит от того, кто пахарь на этой земле. Русского пахаря здесь не было, ведь Латгале входила в состав русских губерний. Немцы были всего лишь землевладельцами, а истинным хозяином, пахарем, был латыш, связанный с землей множеством корней, поверий, обычаев, мифов, почти органической слиянностью. Поэтому латышская культура имела свой вековой субстрат, тогда как у русских такового здесь не было. Квазисубстратом была питательная сила Российской державы, которая внедряла притязания на край, часто поэтизированные и, как правило, основанные на праве силы. Но, верно замечено Анной Ахматовой: «... Сила – право. / Только ваши

дети/ За меня вас будут проклинять».

Однако большая политика вне пределов нашей статьи.

Итак, корень большого дерева, питаемого и другими корнями, уходящими порой весьма далеко – скажем, в Париж или в Израиль. Но все эти корни – к одному стволу.

Это отнюдь не означает, будто в Латвии русская культура имеет тот же облик, что и в глубине России. Если во глубине России для россиянина было характерно, говоря словами Б.Пастернака, боренье с самим собой, то здесь он вступал в боренье со всем окружением – иной народ и даже народы, иная природа – море, «куда так влекло россиян», иная конфессионная аура, иной язык – вернее, языки. Русский дух, нрав, природа постоянно сталкивались с чем-то, что высекало мысль. Но и вступая в противоборство, принимая или не приемля чуждое, россиянин здесь невольно усваивал это «немое», в зависимости от степени доброй воли углубляя свои знания и представления, постепенно усваивая принцип плюрализма, дух независимости и убеждаясь в том, что «в доме Отца моего обителей много» (от Иоанна, 14, 2).

Представляется несомненным, что существовал и продолжает существовать так называемый «остзейский комплекс россиянина», для которого характерно тяготение к Западу, пусть и в первом приближении, и одновременно отталкивание от него из-за излишней регламентированности, кодификации, «орднунга». Сочетание российско-имперского величия наряду с ощущением неполноценности.

Русский историк В.О.Ключевский писал, что на востоке россияне захватили области и народности гораздо ниже русской культуры, а на западе – гораздо выше. До уровня последних мы не можем подняться, а тех до своего уровня не желаем поднимать. Там и здесь неровня нам и потому – враги. Особенно болезненно эту раздвоенность переживает интеллигенция: разделять все притязания Державы невозможно, но и отвергать их – значит отказываться от фонда культуры: ведь столько литературы пропитано этим духом державности, подаваемой в высоком смысле. Тут и Пушкин, наша альфа и омега: «Нас много... от хладных финских скал... Отсель

грозить мы можем шведу... Окно в Европу...»

Многое здесь вызывалось сшибкой ментальностей. Особенно на этом противоборстве настаивал германский мир. А.А.Потебня передает это так: на знаменах германского мира написано «Gott mit uns», поскольку они, мол, и есть цивилизация. И, следовательно, покоряйтесь. Но и российско-державный мир тоже полагал: «С нами Бог», поэтому разумеете это языцы и тоже покоряйтесь. Имел место такой психологический прессинг: кто кого перекукует. На бытовом уровне это показал в своем рассказе «Колыванский муж» Н.С.Лесков.

Приток русских в Латвию – результат многовековой экспансии. Первоначально – экономической. Даугава выносила из Центральной России товары, сырье, на торговле которыми Рига и стала городом-негоциантом. Без этой реки ей была бы уготована роль небольшого поселения. Вместе с товарами река приносила и русский люд, обслуживающий этот процесс, это были плотогоны, струговщики, приказчики, плотники, перевозчики. Кто-то возвращался, кто-то курсировал туда и обратно, а некоторые оседали. Затем «осел» военно-административный аппарат. И наряду с этим шло явное и скрытное бегство от Державы. Ведь и старообрядцы поселились здесь, чтобы иметь возможность сохранить свою веру. Бегство после 1917 года все от той же Державы, сменившей трехцветный флаг на красный; поток беженцев 1943/44 г. (с откатом линии фронта); после Второй мировой войны бегство сюда от нужды и произвола. И наконец – тяга к Западу в первом приближении. М. Жванецкий: «Это мой Запад». Потому что здесь есть орган и взбитые сливки.

С течением времени поток истории стал наносить по велению Державы людскую массу, численность которой была непропорциональна демографической структуре края, поскольку миграция определялась не здравым смыслом, а идеологическим императивом и интересами ведомств и образований (армия, флот, аппарат контроля за «окном в Европу»). При любых подвижках и перемещениях все-таки вызревала формация «балтийских русских». Но если здешний русский усваивал местный дух, овладевал языками, ощущал дыхание Запада, становился в какой-то мере «кентавром»,

то почему же нет в наглядности конечного продукта этого «вест-остлихер дивана» (Гёте)?

Да потому что процесс не был цельным. Держава являет собою гигантский пульсар. И в зависимости от «исторической пульсации» наблюдался приток или отток русских. То и дело случались пресечения. Орденское вытеснение русских, но и связи с Ганзой. Северная война – русские снова выброшены. Торжество империи с 1725 до 1917 года. Вновь отхлынул поток в результате войны, революции и поражения Империи. Возвращение беженцев и появление эмигрантов. После 1940 года насильственный увоз на Восток и бегство на Запад после 1944 года. С 1945 года свежая волна русских, которым здешняя история ни о чем не говорила. В силу этой прерывистости, дискретности соотношение «балтийских русских» и «державных русских» непропорционально. Последних гораздо больше и именно из-за них определенные латышские круги выступают против всего русского.

Латышский народ перенял край со всеми активами и пассивами, и с русским, и с немецким началами и с их последствиями. И в настоящее время в зависимости от конъюнктуры на передний план выдвигается то или другое. Достаточно примеров. Если 30 лет воспевались только боевые подвиги Латышской дивизии в составе Советской Армии, то ныне возвеличивается латышский легион СС, сражавшийся в составе германской армии. И если раньше кланялись русскому народу за то, что он ослаблял гнет немецких баронов, то ныне воспевается курляндский герцог Якоб со всей атмосферой и аксессуарами того века. Причем акценты расставляются так, что вроде он и немец, а с другой стороны – почти что латыш. Долгое время акцентировалась темная сторона немецкого духовенства и оставалась в тени та роль, которую играли немецкие пасторы в деле образования, грамотности, фольклористики – ведь это они составили первые сборники народных песен, перевели на латышский язык Библию и служили делу краеведения. Слава Богу, что ныне историческая справедливость в этом плане восстанавливается. Однако сознательно приглушается и уходит в тень все, что относится к области латвийской русской культуры, дабы без нее

русский народ представал скопищем варваров. А ведь когда заявляют: «Нам не нужна ваша культура», то это означает, что говорящему не важна любая культура как таковая вообще. Русская культура давно проникла в толщу латышского общества, растворилась там, тогда как ее носители словно бы объявляются канувшими в небытие.

Однако развитие латвийского Театра оперы и балета в первые годы независимости немыслимо без балетмейстеров А.А.Федоровой, Х.А.Бирзниеце-Тангиевой, режиссера Мариинского театра И.А.Мельникова. Это были не почетные гастролеры, как, скажем, Ф.Шаляпин или Л.Собинов, а прочно осевшие здесь деятели культуры высочайшего класса. А Михаил Чехов, а Ю.Юровский, работавшие с латышскими актерами?! Трудно переоценить и роль профессора К.Ф.Жакова, колоссальное влияние академика Н.Рериха, с удивительной готовностью воспринятого латышами. А вклад русских правоведов в создание новых кодексов латвийского государства на основе русского права? Здесь уместно вспомнить имена В.И.Буковского, П.Н.Якоби, П.М.Минца.

Влияние интеллектуальной русской культуры сказалось на творчестве лучших представителей латышского национального гения - Кр.Баронса, Я.Эндзелина, Р.Ю.Виппера, Я.Витолса, Я.Райниса - воспитанников российских высших учебных заведений. Эти люди, впитывая лучшие традиции российской науки и культуры, не русифицировались, а приносили из другой культуры то, что шло на пользу своей.

Национально одержимые радикалы ныне шарахаются от всего русского, опасаясь, что любое напоминание об усвоении латышами каких-либо элементов русской культуры подорвет престиж идеальной самобытности и неповторимости латышского народа. В этой связи небезынтересно вспомнить суждение академика Д.С.Лихачева о том, что чем несамостоятельнее культура, тем она самостоятельнее, ибо свидетельствует о ее взрослой смелости и широте: она закидывает невод куда хочет и берет то, что ей нужно – чем невод шире, тем богаче улов. И тем разнообразнее ее строительный материал для собственных нужд.

Как бы то ни было, несмотря на все «пульсации» и

«обрывы», русское культурное – подчеркиваю, культурное, а не административно-политическое или геополитическое – освоение края шло. Здесь жил и работал Е.Чешихин, который оставил 4 тома материалов по истории Остзейского края, перевел основные летописи и хроники, основал газету «Рижский вестник», за которой вереницей последовали в будущем «Рижские ведомости», «Сегодня», «Слово» и др. То, что эта пресса считалась «провинциальной», ныне расценивается как благо для историка: она зачерпывала самую гущу местной жизни, «бытовую материю» с ее ценами, именами, слухами, скандалами, проблемами. А что касается «провинциальности», то местный край не аналогичен русской «провинции», где было контрастное распределение духовности и культурного материала: Петербург – и деревня. («В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!») Вспомним, что Гёте говорил Эккерману: «Величие Германии в равномерно распределенной народной культуре, по княжеским резиденциям. И если бы там были только две столицы – Берлин и Вена, хотел бы я посмотреть, что было бы с немецкой культурой».

А в Латвии русская культура не столько провинциальна, сколько маргинальна: маргиналии на полях большого русского текста.

Весьма значительную роль играло здесь русское учительство. Ю.Ф.Новоселов, Ф.А.Эрн, А.С.Остроухов, И.Д.Фридрих, Б.Н.Шалфеев, С.П.Сахаров содействовали строительству Русского театра, печатали книги, краеведческие очерки, редактировали газеты, собирали русский фольклор. Осваивая край «для себя», эти люди освещали то, что неизбежно уходит, не замечаемое свыкшимися с окружением автохтонами. Момент удивления при познании запечатлевал хронотоп.

Интересная в этом плане предстает фигура Андрея Задонского. Сын курляндской немки и украинского помещика, проведя молодость на Украине, он после 1920 года вернулся на родину матери в город Гольдинген. Сотрудничал в газете «Сегодня», оставил ряд очерков об уходящей немецкой Курляндии, представив своеобразные «моментальные фотографии» – быт, типажи, пейзаж, атмосфера. Пример того, как культурное явление может служить сразу нескольким национальным культурам.

Прав М.К.Мамардашвили: «Реальная культура и духовность человеческая не могут быть ограничены тем этническим материалом, в котором они выполняются».

Разумеется, русская культура в Латвии – не палимпсест, выскоблить его невозможно. 70 лет советской власти не смогли это сделать. Хотя кое-кто склонен полагать, что можно замазывать эту фреску, записывать эту икону, покрывая новым слоем письма. Что-то от Дж.Оруэлла бывает в каждую эпоху резкой смены режимов. Чтобы разобраться в действительности, приходится, подобно реставратору, снимать слой за слоем позднейшие наслоения и исправления подлинного в истории. Это легко показать на примере топонимики.

От Площади латышских стрелков (некогда Ратс-плац) отходит улица Грециниеку. (Грешников). Откуда такое название? Первоначально то была Зунднер-штрассе, ибо несколько домов здесь принадлежали негоцианту с таким именем - Зунднер. Ушла его пора, имя перестало быть на слуху, и название постепенно трансформировалось в Зюндер-штрассе. И уже начала складываться легенда, будто по ней вели на ратушную площадь провинившихся - на казнь. Латыши и русские, естественно, калькировали: Грешная и Грециниеку. В советское время переименовали улицу в «Иманта Судмалиса». А ныне опять вернули название Грециниеку. (Нечто вроде деревянных мостовых, настилаемых одна на другую, с чем встречаются археологи.)

Или улица Аудею. Первоначально это была Бевер-штрассе, т.е. Бобриная. Когда же бобры за городской стеной вывелись, произошла переогласовка – Вебер-штрассе, т.е. Ткацкая. Вот так уходит в глубинный слой немецкая история. И так же «замазывалась» русская топонимика, а с нею и история. Весь Московский форштадт был некогда чисто русским анклавом, где все названия были исключительно русскими.

Красная горка – это местность на стыке Малой Горной и Московской, и примечателен календарный момент: здесь гуляли свадьбы. Ныне существует лишь крохотная улочка с латышским названием Саркана (т.е. Красная). А почему Красная – никто

уже не объяснит. Замазано. Какой-нибудь ретивый районный администратор может решить, что это реликт советской поры и вновь переименовать.

Ушли в небытие Фоминская, Ильинская, Романовская, Вознесенская. Поймите правильно: мы не за то, чтобы производить реставрацию в политическом смысле и к чему-то принуждать городскую администрацию. Речь идет лишь о том, что когда имеешь дело с культурой, особенно в историческом плане, то приходится заниматься тем, чем занимается реставратор предметов искусства: работать с помощью лингвистического скальпеля, этнопсихологического реактива. Русское подчас вокруг нас или под нами, а мы просто забыли или даже не знаем многого.

Известен фразеологизм «Вот тут-то вам и запятая». В настоящее время многое приходится делать как бы «после запятой», поставленной большевиками 50 лет назад. В этот период почти не было культурного завихрения вокруг старообрядческой общины. Не было печатного слова с его историко-культурным планом. Выходили одни календари. А сам факт бытования, скажем, Гребенщиковской общины умалчивался. Ушли носители устной информации, хранители традиций, остались лишь сама структура и обрядность. Приходится обращаться к тому, что было «до запятой». Необходимо войти в мир отцов и дедов, узнать, что ранее было сказано о рижских старообрядцах. Поскольку они составляли часть русского анклава, то уместно сделать обзор – что же говорилось вообще о рижских русских. Только по данным печати можно себе представить, как мыслили отцы и деды. Потому что изменения произошли очень разительные. Еще в 1929 году Н.Г.Бережанский писал: «Война и революция уже вырвали множество звеньев народной культуры. Политические, экономические и бытовые условия жизни русского населения и его языка резко изменились и меняются. Умирают старые и рождаются новые обычаи. Сохранить старое и отмирающее, отметить текущее и нарождающееся – такова экстренная работа русской интеллигенции». Этим и занимались русские деятели культуры. И лишь перебирая все, что составляет библиографию напечатанного, мы смогли получить те сведения,

о запечатлении которых не озаботилась старообрядческая библиография. Так, читая статью «Рижская Гребенщиковская община», которая подписана Спектатором (Федор Семенович Павлов) удалось узнать, что в Риге проживали примыкающие к поморскому согласию, у которых было свое помещение на Двинской улице и несколько десятков белокриничников. С удивлением узнали мы, что в числе их стоит семейство Кузнецовых, ранее относимое нами к православным. Это обстоятельство решительно меняет картину Московского форштадта. Так вот вокруг кого оформлялась кузнецовская библиотека, кузнецовское культурно-просветительское общество! Стало очевидно, что следует глубоко разобраться в истории местного купечества, а для этого выяснить, куда «ушли» все эти фамилии: Булавкины, Кузнецовы, Ломоносовы, Тузовы, Меньшиковы, Знаменские: ведь должны же обнаружиться хоть какие-то представители этих фамилий.

Недавно автору этих строк довелось прочесть очерк Леонида Зурова. Был такой писатель, который жил подле Бунина и умер в Париже. В 20-х годах он пребывал в Риге. Итак, очерк «Что мне рассказывал 100-летний дед». Оказывается, «дедом» был Г.Л.Лаврентьев, который проживал в богадельне при Гребенщиковском молитвенном доме. Родился он в 1826 году. Рассказ иллюстрирует всю его жизнь на фоне жизни Риги. «Рига пясточка была. Здесь нигде камня устлано не было, все пяски да пяски до самой Николаевской улицы (Николаевская – это нынешняя улица Волдемара), и все луга да луга. Где стрелковый сад – там огород, а за моленной – пески горой. Здесь жило все купечество...» В подобном рассказе все – и топография, и топонимика, и психология, и видение мира.

Чтобы войти в мир отцов и дедов, нельзя обойтись без очерков Б.Н.Шалфеева: великолепный был знаток Риги и русского общества! Одни названия говорят сами за себя: «Чайная на форштадте», «Русская Троица» в Риге», «История и обряды Вербного воскресения», «Как возникла Садовниковская богадельня», «Прошлое старообрядцев в Риге», «Лик Московского форштадта».

Не менее примечательны статьи Веры Судаковой – «Рижская торговля, существующая с начала прошлого века» (это о Камариных),

«Ветераны Кузнецовского завода», а также В.И.Синайского «Икона и ее научное значение», «К календарному смыслу древних русских обрядов». Статья М.А.Калистратова – видного старообрядческого деятеля, расстрелянного в 1941 году в Двинской тюрьме, посвящена теме «Старообрядчество и русская культура», а статья упомянутого Ф.С.Павлова – теме «Православие и старообрядчество».

Весьма значительны имена – И.Х.Лебедев, А.И.Формаков, С.И.Шутов, И.М.Желтов. Труды упомянутых авторов следовало бы собрать воедино. Но пока такие усилия не предпринимаются в стенах общины.

Юрист-старообрядец С.А.Белогрудов, отсидев в свое время в лагерях, вернулся в Латвию и кропотливо копировал материалы старых газет, начиная с «Рижского вестника». Было этих материалов несколько толстых папок. После смерти его вдова передала их И.Н.Заволоко, который, в свою очередь, две из них – со статьями и заметками общего характера – передал автору настоящей статьи, а те, что касались старообрядчества, оставил себе. О судьбе последних после смерти Заволоко ничего неизвестно. Пока не поздно – искать надо, собирать все по листочку. Поныне не ясна и судьба собрания Шалфеевых. Борис Николаевич умер в 1935 году, отец Николай в 1941-ом. Вдова Бориса Николаевича здравствовала до 60-х годов, а затем уехала в Америку...

Сохранились ли материалы после Ф.С.Павлова? Ведь он же жил в Риге, на Московской. Неужели даже устной традиции нет? А где материалы после профессора И.Ф.Юпатов? Да что материалы! Который уже год исследователи не могут дознаться у старообрядцев, когда Юпатов умер. Удивительное безразличие. Как будто профессоров из старообрядцев хоть пруд пруди. Один был – и того забыли.

Нужно сознавать, что добрая репутация Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины во многом была обеспечена деятельностью Ивана Никифоровича Заволоко, великого знатока книги, рукописи, иконы, песенного стиха. Следует продолжать его дело - неустанно собирать и изучать.

Представители русских культурных обществ и организаций в день 80-летия Б.Ф.Илфантьева
[Фото из газеты «Образование и карьера»]

Б.Ф.Инфантьев

Русские писатели о рижских и латгальских староверах

Первые русские писатели-классики, посетившие территорию Латвии в конце XVIII – начале XIX века – Державин, Радищев, Фонвизин, Карамзин, Греч, Булгарин, Жуковский, Кюхельбекер – общались в Остзейском крае преимущественно с привилегированными немецкими кругами. Коренное латышское население привлекало их внимание как что-то новое, необычное, своеобразное. О наличии же в крае русских жителей, в том числе и старообрядцев или раскольников, как их именовали в официальных документах, ни в письмах этих писателей, ни в их воспоминаниях и художественных произведениях ничего отыскать нам не удалось.

Чсть введения остзейского староверия в русскую литературу принадлежит будущему декабристу Александру Бестужеву-Марлинскому. В 1821 году его полк стоял в 35 верстах от Режицы в имении Зеленполь Андрупенской волости Краславского района. Бестужев был поражен тяжелым положением крестьян-латышей и русских старообрядцев (по его терминологии «раскольников-филипонов»): «Жаль видеть господских крестьян, латышей и частию русских, – писал он 2 июля родным, – ни на одном нет лица человеческого – бледны, худы, измучены. Многие в целую неделю получают от господ полгарца ячменю на человека. Можете представить их положение». В то же время Бестужев замечает: «Впрочем, надобно сказать, русские живут стократно лучше других, и в здешних местах при озерах даже богато, даже роскошно. Презрение к пьянству тому виной»¹. Обратим внимание на слова «при озерах»: крестьяне-старообрядцы славились как заправские рыболовы.

Свои наблюдения 20-х годов XIX века писатель ретроспективно проецирует в повести «Наезды» за 1613 год, заменяя соответственно

понятие «раскольники-филипоны» на «беглые русские». Подъезжая к Люцинскому замку, главный герой повести, князь Серебряный, замечает: «В иных наши русские избы с узорными полотнами по кровле и высокими деревянными трубами в прорезе». Такими Бестужев видел эти избы в 1821 году. В 1613-м вряд ли можно было говорить о трубах.

Спутник князя в повести поясняет: «Здесь есть и беглые русские, которыми в особенности заселены пограничья». Обличие крестьян (в повести не уточняется их национальность), их тяжелое экономическое положение также напоминает строки из бестужевского письма: «На истощенном лице (крестьянина. – *Б.И.*) написана была жалкая простота. Белый изношенный балахон прикрывал тело». Но в дальнейшем изложение приобретает необычное звучание, отличающееся от того, о чем говорил Бестужев в письме. Спутник князя сравнивает положение крестьян России и в Польских Инфлянтах: мужичок в России «не продается наряду с баранами и, дождавшись Юрьева дня – поклон, да и вон от злого боярина». Здесь Бестужев обнаруживает непонимание исторических реалий. Да и слова княжьего спутника не могут не вызвать недоумения: «А здесь холопа и человеком не считают; его же грабят, да его же и в грязь топчут»². Остается непонятным, почему же в 1613 году русские крестьяне бежали от хорошей жизни к плохой.

Эстафету Бестужева-Марлинского, его интерес к Ливонии, к Остзейскому краю перенял Иван Лажечников – Витебский вице-губернатор, в 1853 году неоднократно по долгу службы посещавший Двинск – Динабург.

К теме старообрядцев писатель возвращается в своих романах неоднократно. Но верную реалистическую их характеристику он дает лишь в романе «Внучка панцирного боярина» из времен польского восстания в тех же Польских Инфлянтах или позднее – в Витебской губернии.

Прежде всего, следует отметить нравственно-бытовую характеристику латгальских старообрядцев: «Народ трезвый, фанатически преданный своей вере». В сноске автор эту фразу комментирует

следующим образом: «Я сам слышал в 1853 году от одного из Платеров, что из всех крестьян самые трезвые, трудолюбивые, исправные». Примечательно также определение политической функции латгальских старообрядцев: «раскольники – стража русского духа в здешнем краю, она охраняет его от полонизма»³.

Старообрядцы времен польских восстаний доказали правомерность этого замечания Ивана Лажечникова.

В бестужевских традициях рассказывает Лажечников и об экономическом положении, на этот раз, правда, только разорившихся помещиков: «Крестьяне ели хлеб из мякины пополам с корою дерев и мхом», и далее: «большая часть холопов, старики, женщины, дети – это бродящие по земле тени. Глядя на них, сердце замирало». Этим тяжелым экономическим положением писатель объясняет и то удивительное обстоятельство, что в польский повстанческий «жонд» поступали и старообрядческие юноши. «Некоторые отчаянные парни из-за хлеба и вина и напуганные панами, что всех холостых русских заберут в казаки, очертя голову поступали в жонд»⁴.

Вторая половина XIX века, первые десятилетия XX ознаменовались усилением удельного веса в русской литературе темы «Остзейские старообрядцы». Теперь наряду с латгальскими староверами внимание известных русских писателей и журналистов привлекают и рижские их собратья по вере.

Новую эпоху в ознакомлении русской читающей публики с верованиями, обрядностью, повседневным жизненным бытом русских людей, в XVII веке переселившихся в Польские Инфлянты и восточную часть герцогства Курляндского, начал Николай Лесков. В 1863 году он по поручению Министерства просвещения отправлен был в Ригу для изучения практики старообрядческой школы, слава которой давно дошла до Петербурга и возбуждала в столичных старообрядцах большой интерес, даже зависть. Веским командировочным удостоверением служил кусок синей бумаги, в которую то ли заворачивали сахарные головы, то ли вырванную из конторской книги, на котором мелом было начертано: «Сему верь. – С.Т.». Этот документ раскрыл перед Лесковым сердца рижских старообрядцев и двери их домов. Он стал постоянным

жителем гостеприимного дома купца Тузова по Московской улице, 45 (дом снесен, но сохранилась фотография). Здесь постоянными гостями были старообрядческие старцы, которые много рассказали писателю и о догматах, и об обрядах, и о повседневном быте, и о невзгодах рижских людей «древлего благочестия». Здесь же по их инициативе Лесковым был организован диспут староверских старцев с лютеранским «старчиком» о вере и путях спасения души.

Начиная с того же 1863 года в столичных и рижских газетах («Биржевые ведомости» и «Рижский вестник»), журналах («Библиотека для чтения», «Исторический вестник»), а также отдельными изданиями (некоторые с грифом «секретно») появляются статьи и очерки самого различного содержания – от официальных донесений правительству («О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школе». Спб., 1863) и зарисовок сиюминутных впечатлений и наблюдений («С людьми древлего благочестия», 1863; «Иродова работа», 1882) до глубоких исторических исследований («Русские деятели в Остзейском крае», 1883) и богословских трактатов («Благословенный брак», 1885).

Представленные Лесковым соображения о необходимости разрешить рижским старообрядцам организовать свою конфессиональную школу не нашли поддержки в Петербурге. Однако рижские власти сделали из рекомендаций писателя иные выводы. Гребенщикова школа в 1873 году начала нормально функционировать. По этому поводу И.Н.Заволоко писал: «Старообрядчество благоговейно чтит память о Лескове, который оказал неоценимую услугу рижскому старообрядчеству»⁵. Что касается литературного достоинства публицистических произведений писателя, то высокого художественного мастерства достигают XXV–XXVI главы его пространного исследования «Русские деятели в Остзейском крае».

Мастерски, на уровне лучших своих художественных произведений повествует Лесков о двух рижских старцах, которые, купив сообща изданную в Петербурге книгу «Кожанчика» (так любовно называли издателя Кожанчикова рижские староверы) «История выговской старообрядческой пустыни...», как

свидетельствует писатель, «напитались благоуханием «благоповедных повестей» несказанно. Души их порою так переполнялись фимиамом выговских чудес, что оба старца приходили ко мне выпустить излишки своих восторгов, то есть «выславиться». Пили у меня мой чай «из своего стекла», и рассказывали, и вдохновлялись, вскакивали, и опять садились и книгу передо мною клали, по старому фасону «желтым воском измечену», и тыкали в нее пальцами, и прочитывали вслух, «како, где и кокими стезями богоявися Господь верным своим».

Наблюдения Лескова над жизнью рижских старообрядцев приводят его к широким философским обобщениям: «...когда такое вдохновение действует в русском раскольнике, он, в своем роде, – заглядение для художника и поучение для исторического писателя»^б.

Совсем в других – трагических – тонах выдержана статья Лескова «Иродова работа» – о насильственном миропомазании староверских детей – приобщении к православию и сдаче в кантонисты.

Одним из богословских вопросов, которым особенно интересовался Лесков, были различия между федосеевским и поморским согласиём, особенно в отношениях тех и других к браку и семейной жизни. По мнению Лескова, различия эти у рижских старообрядцев были недостаточно четко разграничены и осознаны.

Эта богословская проблема заинтересовала и Петра Боборыкина. Во время своих посещений Риги и Рижского взморья в 80–90-х годах писатель пристально изучал эти проблемы, общаясь с рижскими старообрядцами. На страницах романа «Обмирщение» (1904 г.) он познакомил читателей с попечителем Гребенщиковской школы и богадельни, влиятельным рижским фабрикантом (в романе названным Артусовым), с педагогами этой школы Кораблевым, Первоторовым, Ляновым, рижским литератором Дубровским, которые на первых страницах романа обсуждают вышеназванную богословскую проблему, чтобы не было расхождения в информации, которую они сообщат приезжему из Петербурга известному русскому романисту (имеется в виду Боборыкин).

В III главе романа читателя привлекают детальные зарисовки

рижской Гребенщиковской общины, в первую очередь самого молитвенного дома и его посетителей: «Огромный иконостас – весь в темных иконах, в золоченых и серебряных ризах – шел вплоть до потолка, приставленный плотно в дальней стене этой величавой и богатой хоромины, разделенной внизу низковатой перегородкой на две неравных половины. Вдоль иконостаса поднимался помост, где стояли тяжелые подсвечники с пудовыми свечами и несколько аналоев. Справа и слева – около клиросов – по креслу для наставников».

Далее рассказывается о духовенстве: «Службу вел старший наставник, худощавый старичок в темном кафтане – вроде подрясника. В кафтанах были и все певчие – большой хор из рослых, плечистых мужчин с несколькими подростками в кафтанчиках».

Среди подобных описаний встречаем и весьма необычные детали: «...мальчики помельче – и внизу, и на хорах – неслышно скользили по рядам молящихся и быстро спускали на пол «подручники», – когда надо класть поклоны, и убирали их тотчас после того. У некоторых молящихся, в русской одежде, кожаные «лестовки» были в левой руке, и когда не полагается креститься или класть поклоны – они стояли истово, руки крест накрест на груди, так чтобы справа выпадала лестовка, которую держала сложенная обычным приемом левая рука»⁷.

Особенно подробно описывается женский состав молящихся: «Тут были женщины всякого звания и возраста – от простых мещанок, солдаток, торговок до именитых купчих первой гильдии, воспитанных по-немецки, даже говорящих с резким иностранным акцентом. Щеголихи стояли больше впереди. Их платья и мантили пестрели всякими цветами, иные с длинными тренами и в дорогих мантильях; но все в платках на голове. Этот головной убор требуется для присутствия на службе, как признак «древлего благочестия». Платки всякие – и бумажные, и шерстяные, и шелковые всяких цветов. Но следовало бы им, по старому обычаю, быть белыми или черными. Некоторые богатые богомолки и покрываются белыми шелковыми или крепоновыми платками; которые помоднее – носят небольших размеров, почти платочки».

Далее писатель приводит целый ряд черт, неопровержимо свидетельствующих об «обмирщении» рижских старообрядцев. Это – появление на мужской половине и на хорах «немецкого» платья. И сведения о том, что рижские барышни «почитывают светские книжки», «любят общество», «водят знакомство с разным народом», «ходят в театр, танцуют». Гребенщикова учительница Любовь Денисовна «знает очень хорошо по-немецки, может читать французские романы и даже поет романсы»⁸.

Страницы романа наглядно знакомят нас с религиозной практикой и бытом рижских староверов начала века.

Жизнь латгальских старообрядцев конца XIX – начала XX века находим в художественных зарисовках режисского уроженца Юрия Тынянова. Его воспоминания относятся к 90-м годам прошлого века: «В староверском скиту тек по желтым пескам ручей, звонили в било (колокола были запрещены). Там ходили высокие русские люди XVII века, похожие на суриковских стрельцов. Старики носили длинные кафтаны, широкополые шляпы».

Писатель вспоминает «этих высоких людей» на ярмарках «и их жен в фиолетовых, синих, красных, желтых, бархатных шубках. Снег горел от шуб. Все женщины казались толстыми, головы не по телам малыми».

«Люди уходили из скита в город – печниками, малярами, плотниками. Случалось, печники возвращались миллионщиками. Звали всех этих высоких людей по-птичьи: Синица, Соловей, Воробей». Писатель вспоминает сад печника, неподалеку от режисского дома отца писателя, в котором грубо кричали павлины.

«Староверы были великие лошадики, – рассказывает далее Тынянов.- Как заводились деньги – выезжал человек на бешеной лошади, чинно держа в вытянутых руках короткие поводья. Пена была у конских губ, лошади медленно ступали короткими ногами и казались стальными. Их наряжали, как женщин, – шелковые синие легкие сетки, мягкие розовые шенкеля. Каждый день рассказывали: «Синицу жеребец понес. Воробья на сто верст разнес».

Особый очерк Тынянов посвятил староверским свадьбам. «Мчались лошади – одна за другою. Проносились так, что слышно

было только конское дыхание. Женщины в шелковых платках молчали. А потом наступал и развод и новая свадьба. У староверов были легкие разводы. Опять мчались лошади, но у женщин иногда платки сбивались, разматывались. Мне казалось, что были и женские слезы...»

Художественный уровень этих зарисовок достигает уровня лучших произведений Тынянова – мастера художественного слова.

К рассматриваемому периоду – началу XX века относятся и воспоминания о латгальских староверах уроженца Прейльского района Александра Терентьевича Кононова, детство которого прошло в имении «Затишье» и в поместье графов Шадурских (неподалеку от Ребенишек), а отроческие годы – в Двинске. В первой части своей автобиографической трилогии «Повесть о верном сердце» он нарисовал правдивые картины староверского быта Латгалии конца XIX века.

Бабушка главного героя трилогии Григория Шумова была «рабская» и постоянно выговаривала любимому своему «дурню-блязню» за то, что тот брал в руки ее кружку. Теперь она «опоганенная» и ее придется нести в моленную святить. А моленная за сорок верст. Постоянно угощала бабушка своего «неслуха» главным лакомством староверов – толокном с брусничным вареньем, вареном на меду. «Сахару она не признавала – грех: сахар на заводе сквозь кости пропускают». Сильно обеспокоена бабушка дружбой своего внука с латышским пареньком Янисом Редалем. «Ты, родимый, – предупреждает она Гришу, – в избу к ним не ходи: латыши борода скоблят, табак курят – грех великий...»¹⁰.

В той же главе рассказывается, что «по будням бабушка выходила молиться со стареньким ситцевым подручником. У него вид был затрапезный, кое-где даже дырочки были протерты, и из них торчала вата». По праздникам же бабка брала другой, сшитый пышно, как невестино одеяло, из разноцветных шелковых кусочков: синих, красных, зеленых – откуда только набрала! – удивляется Гриша. – «По уголкам этого парадного подручника были нашиты треугольнички черного бархата; бархатная была у него и ручка»¹¹.

Грише очень нравилось класть поклоны на этот подручник. Он

даже придумал такую игру: кланяясь в землю, он каждый раз касался лбом определенного цвета. Бабушка, однако, скоро разгадала этот замысел и «щелкнула за это внука по затылку».

Во второй части романа – картины быта двинских староверов. Приводим одну из таких картин: «Русские староверы гуляли только раз в году, на масляной. Молодцы в чуйках, в поддевках шагают тогда по Рижской улице навстречу девицам, оглядывая их с ног до головы и отпуская шуточки. Девыцы плывут сплошным косяком. Это – ежегодная ярмарка невест»¹².

Автор касается и поныне мало затронутой темы о сосуществовании в латгальских деревнях староверов и латышей-католиков. Такой деревней в трилогии предстает Аудри. О совместной жизни Грише рассказывают русские пареньки: «Соседями живем – половина деревни – латыши, половина – русские»¹³. Правда, русские и латышские концы деревни не однородны: «в русском конце деревни плетни стояли голые: староверы пива не варили», поэтому хмеля не выращивали¹⁴.

В 20–30-е годы XX века старообрядцы в Латвии привлекали повышенное внимание русского зарубежья. Здесь был как бы своеобразный заповедник русской национальной культуры, не опороченной большевистским маразмом. Поэтому один из ведущих парижских журналистов монархического толка – Андрей Седых – в 1929 году приезжает в Латвию и при содействии правительства и местных латгальских властей, а также местного старообрядческого руководства знакомится с историей латвийских старообрядцев, с их экономической и социальной жизнью, памятниками культуры и искусства, обрядами и обычаями. Результатом этой поездки стал цикл статей в парижских газетах и журналах и книга «Там, где была Россия».

Русская Рига, по мысли Андрея Седых, немыслима без Гребенщиковской общины. Но предоставим слово самому писателю: «Раз заговорили о старообрядцах, то следует рассказать и о посещении Гребенщиковской общины, помещающейся на Московском форштадте. У ворот встретил нас староста и эконом – почтенные старики: длинные седые бороды, сюртуки, картузы...

Входим в молельню. Вся стена в старинных иконах. Потемневшие лики святых строго глядят из тяжелых серебряных риз. Старообрядцы гордятся своими иконами:

– Подобных во всей России теперь не найти. Рублевской школы. И мастеров таких нет – давно секрет потеряли... Вот, изволите обратить внимание. Успение Божией матери – наш храмовой праздник. А это Никола Беженец. В пятнадцатом году, во время эвакуации увезли его в Москву, да впопыхах не успели вынуть из киота. Так и отправили. А вернулся он через десять лет, по договору от большевиков обратно получили, и даже стекло не разбилось... И с той поры называем его Никола Беженец. Минея месячная – тончайшее письмо. Если в августе родились – вашего святого разыщем... Старинная икона «Всяко дыхание да хвалит Господа». Живописец изобразил тигров, лошадей, змей, птиц поднебесных – одним словом, всякое дыхание... Соловецких Святых заметьте: преподобные Зосима и Савватий – пчеловодам покровители. Народную поговорку знаете: на Святого Пуда вынимай пчел из-под спуда? Так вот, пятнадцатого апреля это выходит. Тут, значит, пчеловодам и следует помолиться преподобным... А это Неопалимая Купина – от пожаров охраняет. Есть еще от пожаров и молнии заступник – преподобный Никита. Ему молиться следует тридцать первого января...

Потом эконоом повел в свою комнату, книги показывать. Книги были печатаны при патриархе Иосифе, в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Были здесь старинные рукописи в кожаных переплетах, Евангелие в окладе серебряном – все дары старообрядческого купечества, пришедшего сюда в древние времена, еще в 17 столетии. Старообрядцы бежали в Ригу, бывшую тогда шведской, спасая свое «древнее благочестие» от московских царей. Когда Петр Великий взял Ригу, нашел он в городе великое множество богатых купцов-староверов. Царь немилостиво отнесся к ним, повелел стричь бороды, а многих прогнал за Двину...

Мы поднялись на колокольню. Староста ударил в колокол, отлитый в России из меди и серебра... Все кругом загудело, и долго еще густой звук несся над Двиной и Московским форштадтом...

– Колокола наши, московские... Вернули их нам большевики после заключения мира с Латвией... Слава Богу, а то пришлось бы новые заказывать; в Германии теперь их делают. Да звук совсем иной, не умеют они делать, из чугуна лют. Во дворе колокол стоит немецкий. Уже готов, дал трещину... Нет, против наших русских колоколов немцам не выдержать!..

– Не угодно ли пройти в келью наставников? Попов у нас нет, мы беспоповцы, а начетчики и наставники живут тут же, при молельне.

Заходили в светлые, просторные кельи. Здесь было солнечно, пахло ладаном, спеющей антоновкой. Перед иконами светились лампы. В первой келье навстречу нам поднялся старичок, снял очки, перевязанные веревочкой, низко поклонился и сказал:

– Спаси вас Бог, благодетели наши, не забыли!.. А я тут поминальничек переписывал... Спаси Бог...

И в других кельях начетчики низко кланялись, запахивали свои драные ряски; бороды их были белы как лунь, волосы на лбу придерживал тонкий ремешок, подслеповатые глаза всматривались в лица пришельцев, сухие пальцы творили двуперстное крестное знамение.

– Вот они живут у нас по-монашески, постничают. Много ли надо старичку благочестивой жизни?.. Есть у него келья, есть еда – он и доволен. Живут у нас шестеро старичков. День и ночь поочередно Псалтырь читают, покойников поминают... Только вот в праздники не читают, а так постоянно – друг дружку сменяют. Не угодно ли посмотреть?

В малой молельне было темно, сыро, в углу у аналая горела тонкая свеча. Древний старик стоял в пустой молельне и громким монотонным голосом читал Псалтырь... Он читал и останавливался, прозрачными пальцами перевертывал страницу, снова принимался за чтение и ни разу не посмотрел на пришельцев – ему было это безразлично, он чувствовал себя одиноким, далеким от всего мирского.

– Да восстанет Бог и расточатся враги Его, и де бегут от лица Его ненавидящие Его... Как рассеивается дым, Ты рассей их;

как тает воск от огня, так нечестивые погибнут от лица Божия... А праведники да возвеселятся, да возрадуются перед Богом и восторжествуют в радости...

Мы вышли на просторный двор. Была тишина, светило яркое солнце, голуби важно разгуливали у ворот. На скамьях сидели старушки в черных платках, старики из старообрядческого приюта; они грели свои кости на солнце и о чем-то сосредоточенно думали...

Ударил колокол, было пять часов. Звонили к вечерне. Старички встрепенулись, перекрестились и один за другим потянулись к молельне...»¹⁵.

Одна из глав книги названа «У старообрядцев Латгалии». Их Андрей Седых посетил в сопровождении депутата Сейма Каллистратова и председателя Центрального старообрядческого комитета Колосова. В беседах с ними и со многими людьми, встреченными журналистом на своих дорогах, он расспрашивал об урожае и недоимках, о постоянных контактах с уважаемым ими депутатом.

В латгальских деревнях и хуторах Андрей Седых нашел допетровскую Русь. Черные стародавние покосившиеся избы, скрипящие в ненастье ветряки, непроезжие, расхристанные дороги. В одной из деревень, Борисовке, парижский литератор попал на последние проводы крестьянки. Моленную заполнили крутоплечие бородачи. На них были «длинные, до земли, кафтаны». Слева, за перегородкой, стояли женщины в темных платках. И старческие, и молодые, и детские лица объединяло общее выражение – «торжественное, сосредоточенное, умиленное». Звучали нигде не слышанные, скорбные песнопения, «бабы подпевали тоненькими голосами». «Наступил момент прощания. Из толпы по двое стали выходить мужики. Становились по бокам гроба, низко кланялись всему миру. И все молящиеся кланялись им в ответ. Потом прощавшиеся крестились, падали ниц, били покойнице земной поклон, трижды касаясь лбом холодных плит молельной. А встав, кланялись друг другу и уступали место».

Вместе с борисовцами автор книги провел несколько часов за поминальным столом. Шли последние дни успенского поста, и

старикам подавали жареных ершей, соленые грибы, свежий мед, брусничное варенье. Молодые, отступая от устава старой веры, предпочтение отдавали баранине. Из рук в руки передавали кружки с крепким пивом – «крестьянской кумушкой»¹⁶.

Иван Шмелев путешествовал по Латгале в 1936 году в сопровождении латышского поэта Эдварта Вирзы. Русский писатель, как в свое время Юрий Тынянов, удивлялся страсти русского человека «к хорошему коневодству», который «поставит ребром последнюю копейку, чтобы вырастить и выходить рысака». Приятно поразили Шмелева и живописная дорога в Режицу, и цветущие яблочные сады, встречавшиеся повсеместно, и приволье, легкий латгальский воздух, ширина и раздолье полей, и бесчисленное количество сверкающих озер.

Но самое неизгладимое впечатление оставило посещение Гребенщиковской старообрядческой моленной, беседа с наставником Мурниковым: «Обаятельный человек этот Мурников! И умница. Просвещенный».

«И эти пояснения, – свидетельствует о посещении Гребенщиковской моленной Петр Пильский, – моленная, древние иконы разбудили в Шмелеве спящие бессознательные воспоминания о древнем, о былом. Сказалась старина, заложенная в его душе»¹⁷.

Не прошел мимо темы рижских старообрядцев и Георгий Иванов, неоднократно посещавший Ригу и в 1934 году опубликовавший в парижских «Последних новостях» очерк о Московском форштадте. В очерке речь идет о семейном быте рижских старообрядцев, их особняках, внутреннем оборудовании помещений, мебели, литографиях на стенах, обычном распорядке дня: «Золотой купол храма тихо светится на форштадтском небе. Звонят к вечерне. Ползут по тихим улицам старички и старушки, важно шествуют с дородными супругами владельцы железных складов и мучных лобазов. Есть и молодежь в этой толпе, но мало... Сквозь распахнутые двери церкви видна все та же не меняющаяся ни с годами, ни с политическими потрясениями картина: фигуры молящихся, огоньки свечек, ризы икон...»¹⁸

Приложения

1. Голубов С. Бестужев-Марлинский. М., 1960 - С.53.
2. Бестужев-Марлинский А. Наезды. - В кн.: Бестужев А. (Марлинский). Ночь на корабле. Повести и рассказы. М., 1988 - С.101-102.
3. Лажечников И. Внучка панцирного боярина. - Полн. собр. соч. СПб. - М., 1899, -С.311.
4. Там же. - С.356-357.
5. Заволоко И. Старообрядчество в Латвии (Исторический очерк рижского старообрядческого общества). - В кн.: Русские в Латвии. Рига, 1939. - С.79.
6. Лесков Н. Русские деятели в Остзейском крае. / Исторический вестник, 1883, № 12. - С. 511-512 (гл. XXV).
7. Боборыкин П. Обмирщение. М., 1904. - С.41.
8. Там же. - С.45.
9. Тынянов Ю.Н. Автобиография. - В кн.: Советские писатели. Автобиографии в 2-х томах. Т.2. М., 1959. - С.480.
10. Кононов А. Повесть о верном сердце. М., 1981. - С.16-17.
11. Там же. - С.29-30.
12. Там же. - С.175.
13. Там же. - С.284.
14. Там же. - С.286.
15. Андрей Седых. Там, где была Россия. - «Даугава», 1990, № 8. - С.51-52.
16. Там же. - С.58.
17. Трубников П. Что видел И.С.Шмелев в Латвии и в Эстонии. - «Сегодня», 1936, №261.
18. Иванов Г. Московский форштадт. - «Даугава», 1987, № 8. - С.116.

Латвийские староверы в творчестве латышских прозаиков*

Основные принципы старообрядчества, хотя нередко с православных позиций, были известны латышским читателям уже с 80-х годов XIX века, когда Фрицис Бривземниекс, знакомя латышпейлутеран с русской православной культурой, опубликовал повесть о жизни и деятельности патриарха Никона. Однако этим сведения о сравнительно многочисленном русском населении Риги и Восточной Курляндии ограничивались. Что касается староверов Латгале, которая входила в состав Витебской губернии и не рассматривалась как составная часть латвийских земель, то о них лифляндские и курляндские латышские писатели имели весьма поверхностные представления. Не следует забывать также, что староверы в те годы не пользовались особым расположением православной иерархии и Российского государства и в силу этого не могли привлекать особого внимания и интереса латышских писателей, которые в те годы старались искать поддержки своим национальным устремлениям у славянофилов и панславистов, относившихся к староверам весьма недоброжелательно. Даже новотеченец Райнис, уроженец той части Латвии, где про староверов не могли не знать, в своем творчестве и публицистике ни разу о них не упоминает.

Положение меняется в годы независимой Латвии (20–30 годы XX века), когда Латгале включают в состав Латвии и староверы получают все гражданские права этой республики. Теперь в сферу внимания латышских писателей, особенно тех, которые родились, жили и работали, так или иначе соприкасаясь с этим регионом, входит эта как бы частично до того времени забытая, и в то же время овеванная какой-то романтической дымкой, загадочная страна, ее своеобразный жизненный уклад, язык, религия, живые еще

древние традиции, своеобразный фольклор, во многом неизвестный или забытый в Видземе и Курземе. Внимание латышских прозаиков привлекает и весьма многочисленное русское население Латгале, также существенно отличающееся от того русского населения Видземе и Курземе, которое было либо наследием царского режима (чиновники, отставные офицеры царской армии, духовенство, учителя-обрусители, врачи, адвокаты), либо представляло весьма солидную армию эмигрантов из советской России. По понятным причинам этот контингент русских в латышских литераторах особого интереса не вызывал. В Латгале было также немало русских той же категории. Но интерес латышских писателей вызвало старожильческое русское население Латгалии – староверы, переселившиеся в Латгале и Верхнюю Курляндию в XVII веке.

1. Адольф Эрс - бытописатель латгальских староверов

Близость и понимание, почти родственные чувства связывают латгальских староверов и живущих с ними по соседству латышей-католиков в прозе Адольфа Эрса (1885–1945). Уроженец Латгале, свои отроческие годы будущий писатель провел в Цесисе, посещая там школу и учительские курсы. Как участник революции 1905 года вынужден был покинуть Латвию. В Петербурге посещает музыкальную школу, а средства на пропитание добывает в качестве ресторанного и циркового музыканта. Испробовал работу домашнего учителя, электротехника, коммивояжера. 1911–1914 годы проводит в разных местах Латгале. С 1914 года – редактор газеты «Лидумс» в Риге, затем в Валке. В 1919–1920 годах – участник боев за независимость Латвии, затем – литературный сотрудник разных центральных латышских газет. Автор 37 книг, преимущественно прозаических. Третья часть его произведений посвящена Латгале, которую писатель полюбил всем сердцем.

В рассказах и романах Адольфа Эрса староверские и латгальские девушки вместе гадают о замужестве, помогают друг другу в любовных делах, в нелегкой семейной жизни. Не исключены даже браки молодых людей разных вероисповеданий, по крайней мере,

в мечтах. Последнее обстоятельство тем более примечательно, что католическая церковь – а она в Латгале пользовалась абсолютным авторитетом – неодобрительно смотрела на такие союзы, и латгальские католики для совершения бракосочетаний с иноверцами должны были уезжать в иные страны, например, в Италию или Францию, где церковные правила были более либеральными.

«Староверские» произведения Адольфа Эrsa изобилуют точно схваченными приметами быта русских людей Латгале, их обычаями и поверьями. Познакомимся подробнее с двумя его рассказами, наиболее ярко отражающими русско-латгальское дружеское взаимопонимание.

Сюжет рассказа «Возвращение Антония в жизнь» повествует о необычных событиях, сопровождавших женитьбу Игната, владельца двадцати десятин земли (зажиточный для Латгале хозяин!) «в староверской деревне на шестой версте от местечка». На кирмашах он славился «рукой, быстрой на угощенье», поэтому пользовался уважением у барышень, которые его считали богачом и завидным женихом. Отец Игната «еще мужик в силе», в свое время отъезжал на заработки в Москву и Питер и собрал, как говорили досужие люди, «не мало грошей на своей банковской книжке». Теперь он был наставником в моленной, которая находилась рядом с его двором. Отец в ведение хозяйства более не встревал, доверяя это сыну, который, кстати, решил в том году обзавестись женой. «Женщины были причиной тому, читаем дальше в рассказе, что Игната которое воскресенье можно было встретить и у моленной, и у трактира, где собирались люди. Барышни-католички считали Игната завидным женихом и сожалели только о том, что он был русским и старовером; в силу традиции своей веры женихом для них он быть не мог». Частенько пропадал Игнат в переулке, где жила Таисия и рядом – подружка Геля, богобоязненная католичка, равнодушная к молодому и красивому ксендзу Донату.

За староверкой Таисией предполагалось хорошее приданое, и Игнат надеялся одновременно добыть хорошую жену и улучшить свое и без того неплохое материальное положение. И Таисии Игнат нравился. Но судьба, как говорит автор рассказа, любит

подшучивать над людьми. Случилось так, что однажды в гостях у Таисии Игнат увидел ее подругу Гелю. На молодого парня новая его знакомая произвела неотразимое впечатление. «Что такое, - рассуждал он, - медлительная, дородненькая Таисия по сравнению с веселой, скорой на подъем Галей? Чего стоит приданое Таисии против красоты Гели?» И в его сердце зажглась искорка, «которая стала бушующем пламенем и превратила в пепел его практическую рассудительность».

Таисия в отчаянии. Ей вполне сочувствует Геля. У подружки возникает план, как заставить Игната образумиться. Геля вроде согласится стать его женой, то есть сесть в его сани, но при первом удобном случае поменяется местом суженой с Таисией, которая таким образом станет законной женой Игната.

И вот в придорожных деревнях уже знают, что Игнат повезет жену. «Что делать в таких случаях? – рассказывает дальше писатель. – В каждой деревне были устроены заставы, возле которых Игнат должен был платить выкуп, чтобы пробраться дальше, и он охотно платил как деньгами, так и питьем, которое предусмотрительно вез с собой из местечка».

Свадебный поезд Игната издали сопровождают другие сани, в которых едет Таисия с игнатовым дружкой и ждет, не дождется, когда сможет пересест в сани своего суженого. И вот, наконец, такой случай действительно представился. Поезду пришлось проезжать через деревню, в которой были устроены супретки («supretkas»). В одной ярко освещенной избе играли на гармошке и раздавались песни. Игнат знал, что там собрались праздновать заговены («aizgavenis») и предложил Геле зайти в избу. Геля охотно согласилась – ей это как раз было на руку. Пока Геля с Игнатом развлекались на супретках, Таисия пересела в сани Игната и объяснила толпившимся женщинам, что Геля только в шутку сидела в игнатовых санях. Она, Таисия, настоящая невеста. Свидетельство тому и сверток молодухи, с которым обыкновенно староверские невесты садились в сани увозивших их женихов. Женщины несколько опешили и не знали, верить ли. Им, конечно, больше бы нравилось, чтобы Игнат взял в жены староверку, хотя с разрешения родителей

можно было брать в жены и католичку.

Игнат так опьянел «от пива и счастья», что сначала не заметил перемены в своих саях. Но когда понял, что произошло, страшно рассердился. Таисия стала его успокаивать: «Милый, что ты расстраиваешься?.. Ведь это я была та, за которой ты приехал. Ведь по мне ты вздыхал, у меня проводил долгие вечера. Я единственная твоя суженая». И произошло чудо. «От теплых рук Таисии в сердце охмелевшего Игната проникло что-то вроде теплоты. Злоба понемногу отступила: ведь Геля ему ничего не обещала, всегда была холодной и гордой, в то время как Таисия была добренькой». Но самое главное: «Наступает великий пост и с завтрашнего дня привозить жену нельзя будет. Если не женюсь – скажут: потерял пьяный голову. Деревенские девушки привяжут на спину кость...Куда тогда денешься, где добудешь жену...»

Рассказ этот примечателен не только занятным, необычным, возможным только у староверов, сюжетом, но и точными приметам староверского бытового уклада и психологии.

Такое же тесное сосуществование светит и в другом рассказе А.Эрса «Туфля святой Софии». Здесь латгальская девушка-католичка выступает в роли повествователя о совместных гаданиях про женихов с подружкой староверкой Феней.

Основное содержание повествования – гадание обеих девушек о замужестве. Происходило оно в день католического праздника «трех королей» (у староверов – «крещенье» празднуется через две недели после католического праздника. – *Б.И.*). Итак, Феня-староверка и ее католическая подружка вместе гадают именно в этот день. Но гадают так, как гадают католики в день «трех королей», а староверы в «крещенский вечерок». После гадания Гришка неожиданно зачистил ходить к рассказчице, за что Феня на нее некоторое время была сердита, хотя подружка не давала на то никаких оснований: она сама была влюблена в ангела, который явился ей в ту ночь гадания и которому она обещала быть верна до конца жизни.

В завершение рассказа читателю сообщается, что события завершились благополучно: Феню увез Гришка, они живут согласно, хотя Гришка пьет еще больше.

Рассказ этот интересен описанием во всех подробностях увоза староверскими парнями жен. Некоторое недоумение вызывает время гаданий. Может быть, эти гадания - отголосок той древности, когда еще не было ни католиков, ни староверов?

В романе Адольфа Эрса «Крест на обочине» (1938 г.) – другие типичные стороны латгальского староверского быта, которые проявляются в их тесном общении с соседями-латгальцами. Вот учитель Лапениекс пишет вместо неграмотных крестьян своей же или соседней деревни письма. Разумеется, в том числе и староверам. В них – вся несложная деревенская жизнь.

«Учитель знал, говорит автор романа, что надо дальше писать – о поклонах, и на листе бумаги появлялось: «Поклон тебе от матери, поклон от тетки Матрены, поклон от тетки Пашки, поклон от Сафоновны, низкий поклон от тетки Аграфены, поклон от соседа Амелянова, поклон от соседа Иванова, поклон от Лопатникова».

Письма в таком же духе написал учитель еще несколькими. Послал также два сетования матерей двум дочкам в Петербург, советы двух отцов сыновьям, которые ушли в Курземе каменщиками.

Роман этот, однако, примечателен не только стилистикой писем. В нем запечатлена еще одна характерная для Латгале сцена – сцена драки. То были драки, причин которых, как говорит писатель, «никто не мог понять», но которые происходили между староверами и латгальцами.

«Все началось с того, что кто-то крикнул «Уж эти новые учителя...» и оттолкнул «русачка» («krievelis»). Не зная, о чем спор, но, увидев на одной стороне учителя Антона с «русачками», на другой Лапениека с латгальцами, все присутствующие примкнули то ли к одному, то ли к другому лагерю. Русские на улице присоединились к своим, и настоящая битва только теперь началась с криками, воплями, скрежетом зубов, как будто все черти из ада высыпали наружу. Забыты соседское согласие и добрые отношения. Озлобленные пивом головы совсем разгорячились, а кулаки размахались. Они бросались во все стороны, били и отбивались, как пылающие жернова... Никто не смотрел, куда кулак попадал, куда нога ударяла. Все части человеческого тела были в работе:

ноги лягали, как будто под пятками были горящие угли, локти и кулаки искали самого сильного противника; куда не попадали руки или ноги, там стучались лбами. Шапки летали по воздуху, рукава трещали, разрываясь от плеч до ладоней».

Картина боя в романе расширяется, набирает силу, становится все драматичнее, все острее.

«Девушки, каркая как вороны, убежали с поля битвы. Но женщины, видя, что мужчинам приходится туго, закрывали глаза и тоже кидались в кучу, как в бушующую пучину, и, не думая о своих головах и глазах, пытались оторвать от мужей набросившихся на них врагов, хватаясь то за фалды пиджаков, то за ноги, с криком, как будто настал их последний час. Коровы в хлевах, почуя беду, замычали, собаки залаяли».

В ход пошло оружие.

«Конца битвы не предвиделось. Чтобы нанести решающий удар, кто-то из русских вырвал из палисадника шест и орудовал им по спинам, словно по мешкам с мукой или запыленным шубам. На мгновение вояки остановились, озираясь и стараясь понять, что происходит, но, увидев у русского в руках шест, и другие стали хватать что попало, кто – полено, кто – шест из изгороди, кто – стиральную скалку, кто – скамейку, и устремлялся в бой, не отличая больше друзей от врагов».

Исход боя.

«Вдруг кто-то крикнул: «Это же наш. Прекратите!» Все посмотрели, кто же это – «наш». Никто уже не помнил, кто на чьей стороне сражается, кто – наш, кто – ваш, и остановились, чтобы одуматься. Так побоище и закончилось. Размышления пробудили утраченный разум. Битва закончилась без победителей и побежденных. Никто уже не понимал, за что дрались. Но вот – полюбуйтесь: у одного разбито ухо, у другого – губа, у третьего – синяк над глазом. А что под одеждой, того не видать. Никто больше не понимал, что произошло и кто драку затеял».

В романе «Помещики» (1931 год) перед читателями тот же вездесущий в прозе Адольфа Эрса Гришка. На этот раз он у соседа на супретках так растягивает гармошку, что «сердце вынимает, так

медленно и жалобно, что в груди пробуждается как бы любовь, которой нет, но о которой мечтаешь. И тогда хочется плакать. Свой вальс Гришка называет «Осенние листья». Смешно: вальс и осенние листья. Но хочется слушать без конца. Гришка, голову наклонив, смотрит в потолок, как будто оттуда посыплются осенние листья, и играет. Но когда он наклоняется вперед, словно желая гармошку съесть и глазами и ноздрями, и начинает играть польку, ноги ни за что не могут устоять на месте. Надо танцевать, хочешь ты этого или не хочешь. Тогда парни и девушки хватаются за руки и кружатся шибко, шибко. Пол гремит и дрожит как под сотней молотильных цепов, воздух накаляется, как в овине. Люди кружатся, пока спины не взмокнут, как у загнанных лошадей, а ноги не одеревенеют. И так до одиннадцати».

Так обстояло дело на заговенах перед великим постом. Возвращается «Гришка с гармошкой» на страницы романа весной, после Пасхи.

«Гармошка опять растягивается, вздыхает и смеется. Но это не осенние вздохи листьев, а весенний сон, который в вальсе выражает Гришка. Фране нравятся Гришкины черные усы и бравая выправка. И что в нем за прыть, когда он на гармошке отхватывает галоп так, что слышно далеко за деревней! Как парни с девушками кружатся! Иная пара до осени поженится. Франя тоже вышла бы замуж, если бы Гришка взял. Он в солдатах уже побывал, никаких преград нет».

Пресловутый «Гришка с гармошкой», брань, сквернословие и драки, как присущие староверским парням постоянные спутники, промелькнули и в других рассказах, повестях, романах Адольфа Эрса. Вот Гришка крадет часы у закритьяна (кюстера, или псаломщика. – *Б.И.*) в рассказе «Закритьян и черт». Корчма «У Калистрата» в рассказе «Салиман в раю», кирмаши в Букмуйже (рассказ «Вдоль озер») славятся тем, что там «парни не дерутся и не сквернословят» как в Кавнатах.

Новеллы, рассказы, названные романы Адольфа Эрса – лишь прелюдии, эскизы к большому «староверскому» полотну в дилогии «Голоса земли», написанной зрелым мастером в 1939–1940 годах. Это – повествование о большой страсти Григория Агурьянова из

деревни Арбиданы к Валерии Ганской – дочери ополячившегося литовского помещика Дайновского.

Не вдаваясь в подробное изложение всех перипетий сложной и запутанной сюжетной линии романа, любовных отношений героини (в том числе и с Григорием Агурьяновым), анализа идейных проблем этого романа и художественного мастерства зрелого автора, остановимся лишь на тех его страницах, которые с полным правом можно назвать «этнографической энциклопедией староверов Латгалии».

Гришка появляется уже на 68-й странице первой части дилогии (в романе всего 450 страниц) и не сходит с ее страниц до завершения всего повествования. Его «явление» весьма необычно: во время прогулки Валерии Ганской, недавно приехавшей из Режицы и осматривающей главное богатство своего имения – кондовый лес, к ее ногам падает убитый ружейным выстрелом коршун. А за ним появляется и сам чудесный охотник, которому волею автора суждено стать главным героем повествования: «Бородач с непокрытой лохматой головой, в лаптях на босу ногу». И тут же сопровождающая девушку таинственная знахарка-целительница Каценьмате (на самом деле - родная мать девушки, бывшая хозяйка имения Амилла Дайновская) дает Гришке такую характеристику: «Он пулей тебе кольцо с пальца сшибет [...]. Он большой задира и дебошир. В озерах выстреливает всех уток, а господа его не могут поймать. Он не боится ни Бога, ни черта. Ни он работник, ни бездельник. Катается по кирмашам, дерется. Таковы все Агурьяновы». Из рассказа старой женщины читатель узнает, что старый Агурьян получил землю, когда Земельный банк купил имение Дайновских, разделил на фольварки и на льготных условиях продал русским крестьянам.

Вслед за знахаркой А.Эрс дает характеристику того же Гришки устами его отца Агурьяна Агурьянова (из разговора с женой Прасковьей):

«Не говори, мать, что из Гришки выйдет арестант и каторжник. Нечего печалиться. Только воров и мошенников сажают в тюрьму, а не таких людей. Такой человек годится царю-батюшке, его императорскому величеству и государю. [...] Посмотри только,

как Гришка запрягает лошадь. Лошадь чувствует, что ее укрощает сильная рука. Когда наш сын идет по полю, земля дрожит, колосья ему кланяются. Я им горжусь. Погоди только, пусть он поедет в Петербург на отхожий промысел. Он там женится на дочери купца первой гильдии. В юности и я таким был. Никому дороги не уступал, любому нос разбивал, кто мне кулак показывал. Десять жандармов со мной не могли справиться. Из-за тебя сколько крови пролито в драках с соседними парнями. Таков и Гришка».

Агурьян успокаивает жену: Гришка господского добра не трогает, а дичь – такая мелочь, что за нее в ответе никто не бывает. Главный аргумент старика – его собственный жизненный опыт. «Разве я не был таким же отчаянным, – говорит он жене, – только теперь я вступил на путь спасения души, поста и молитвы. Раньше от меня дрожал весь уезд».

Похождения второго сына Агурьяновых – Василия – тоже выдержаны в типичных для латгальского староверского быта тонах. Он только что приехал с кавнатского кирмаша, куда отправился уже спозаранку. «Посмотрев на приехавшего сына, мать остолбенела: вся голова его была в белых повязках». И мать встречает сына такой тирадой:

«У ты, мясник проклятый, сатана, разбойник готовый, наконец-то приехал! На кого ты похож? Сколько дырок у тебя в голове? Затылок как решето, костюм порезан. Сколько мозгов своих потерял? Сено на лугу гниет, навоз пора вывозить, а он, жареная гадина, прожорливый змей, едет в Кавнаты напиться и подраться. Как только живым оставили? Каких кур ты у жидов резал, поганая душа? С каким атаманом сцепился?»

На это Василий отвечает так же в совершенно староверском духе.

«Матушка, не говори отцу, он меня опять стегать будет. А этот атаман пусть подождет. Я ему отомщу. На Новый год на Режицком кирмаше нос выверну на затылок. Он меня будет помнить. На этот раз у меня не было дружка, обманул, не приехал, а в следующий раз...»

Самое святое для старого Агурьянова место в избе – его

«горница» (так называет вслед за хозяином эту комнату писатель). Это лучшая комната в доме, куда хозяин не пускает даже жену и сыновей.

Там была его церковь, молитвенный дом. Одна стена вся была увешана иконами, перед которыми днем и ночью теплились лампадки. Иконы обвешаны вышитыми самоткаными льняными рушниками, тонкая ткань которых блестит как лед. Под иконами - покрытый столик вроде алтаря, перед ним ковер и подушечка для коленопреклонения. Здесь седой Агурьян, погладив бороду, стал на колени и начал бить челом «лесенки» (так в латышском тексте романа. - *Б.И.*): в руках держал деревянное мерило с числами, на котором пальцем передвигал при каждом крестном знамени и битье челом по одному числу. При каждом крестном знамени он от всего сердца молился:

«Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешника». Эту молитву он повторял так долго, пока самому становилось себя жалко, и слезы катились по щекам. Он молился только о себе и своих грехах. Горница принадлежала только отцу, который в конце жизни от мира словно отрекся. Сыновья, еще подверженные мирским порокам и грехам, все собирающиеся жениться и в жизни многого достичь, не смели входить. Если бы ненароком кто-нибудь сюда вошел, отцу пришлось бы помещение освящать заново особыми молитвами, мыть ручку дверей и воду выливать за окно. Мать тоже не смела сюда входить, ибо женщина – начало всех грехов».

В контактах с помещиками-латгальцами Агурьяновы пытаются купить принадлежащий мызе лес, при этом Гришка может выступить и в ином облиции. Автор подчеркивает его «мягкий взгляд», не забывая напомнить природу дикого «охотника джунглей». «Теперь лохматый дикарь выглядел иначе: хорошо одетый, почти по городской моде, в черном костюме, лакированных сапогах и вышитой рубахе». При случае отпускает галантные комплименты и умело выполняет «задание» отца – покорить сердце хозяйки вожделенного леса.

Но не будем вдаваться в подробности, а остановимся на деталях староберского быта, мастерски схваченного писателем. Детально, во всех подробностях, представлен внешний вид дома Агурьяновых.

«Он был построен как крепость, чтобы не могли проникнуть волки и недобрые люди: все постройки – хлев, клеть, конюшня, сарай и жилая изба в четвероугольнике – угол к углу. В пространный двор можно было попасть только либо сквозь крышу, либо через окрашенные в зеленый цвет ворота со славянскими резными украшениями. Такие же украшения виднелись на зеленых окнах».

Вслед за описанием внешнего вида агурьяновского дома писатель через восприятие Валерии и ее родственников, приехавших в гости к Агурьяновым, знакомит читателя с внутренним убранством староверского жилища.

«Валерии понравились добела выдраенный пол, чистота и блеск всего помещения. На полах – домотканые дорожки. В спальне стояли две кровати, покрытые белыми одеялами и с горами подушек почти до потолка; здесь же за пологом – кровать матери. Отец как человек, ныне по старости отдавшийся служению Богу, спит отдельно в комнате рядом с горницей. Сам отец показал гостям горницу, приоткрыв дверь, но туда не пустил; любимым и уважаемым гостям, поясняет писатель, горницу показывать следует, ибо это означает, что гость оказывает почтение также и Богу, но войти туда иноверцам запрещено. Иконы, свечи, алтарик, зажженные возле икон лампадки и чистота в комнатке делали помещение уютным. [...] Валерия подумала: «Здесь не могут жить злые люди».

И старый Агурьян, и Григорий одеты были в вышитые рубахи на выпуск и блестящие сапоги. Волосы смазаны маслом и гладко приглажены. На хозяйке был белый передник, обшитый кружевами.

В столовой накрывали стол, и читатель узнает, чем староверы потчевали желанных гостей на рубеже столетий и в начале XX века.

«На первое подали готовленную в печи кашу с коричневой коркой. Затем на столе оказалась гречневая каша, три жарких – свинина, телятина, утка, а также кусочек вареной баранины, картошка, печеная в шелухе и ссыпанная в решето, печеная морковь, ячменные лепешки с морковью – «крапаник», а также холодный крапаник из риса и пойманной Гришей рыбы, квашенные

и маринованные огурцы, квашеная капуста в сметане, простокваша и мед в сотах. Отец наливал из кувшина березовый сок и медовый напиток».

Прием гостей совпадает с увеселением молодых людей во дворе агурьяновской усадьбы. Пока гости ели, во дворе раздались звуки гармошки, стали собираться соседские парни и девушки. «У нас будут три гармошки», — похваляется Григорий. Угощение еще продолжалось, а на дворе, сыграваясь с двумя обычными, зарычала четырехрядка: ррр-рраи-рараа.

Как же проходила староверская «вечеринка»?

«Девушки и парни, еще пахнувшие баней и свежим хлебом, сидели на земле вдоль стен и посреди двора кучками и отдельно или по парам, держась друг за дружку руками: иные парни, растянувшись в траве на животе, с былинкой во рту, смотрели по сторонам и болтали с девушками обо всем, что только приходило в голову. Девушки сияли своими яркими ситцевыми платками, пестрыми лентами в косах, белыми передниками и чистыми босыми ногами».

Не забыл автор перечислить и охарактеризовать танцы на этой вечеринке. Началось с «коробочки», во время которой Гриша поражал всех своей ловкостью, хваткой, выкидывая такие коленца, что всех приводил в восторг. Плясали «русскую», и девушки срывали со своих голов платки. Гришка в этот танец с Валерией пустился «как лебедь в озеро». В перерыве между танцами пели песни.

Как же относится «рабской» старовер к чрезмерным увлечениям своего сына иноверкой? Его поучения небезынтересны для характеристики староверской ментальности. «Она не русская, — говорит старик сыну, — не нашей веры. Люби, но не забывай Бога... Я в свое время безумно влюблялся в красивых полячек, жидовок, латышек, даже цыганок — всякие меня хотели приколдовать. Но я стоял как дуб, ни с места, хотя душа кипела и из глаз сочились слезы. Но я слушался отца. Я не поддался малодушию, а женился на настоящей русской и своей веры, не так как сердце хотело, а как было нужно. Мне не пришлось стыдиться ни перед царем, ни перед Богом».

В контексте нашего исследования важны те страницы романа, где излагает свои идеалы совместной супружеской жизни с любимой Валерией Гришка. Он увезет Валерию, украдет ее во время режницкого кирмаша и привезет домой. В подобном случае родители противиться не смогут. Крестьянствовать Гришке не по душе. Лучше он на своем рысаке — о нем он в своих мечтах никогда не забывает! — будет возить в Ригу яблоки из помещичьих садов, которые возьмет в аренду. Или по примеру режницких предпринимателей Василькова и Крутова станет в Петербурге таким же строителем-предпринимателем.

«Мы сможем богато жить, гнедого будем держать в конюшне, кататься по Невскому. Впереди на козлах сидит кучер в синем тулупе с серебряным поясом, ярко-красными рукавами и широкой бородой... Встречные люди дивятся нашему быстрому рысаку, завидуют твоей красоте».

Странными кажутся Гришке желания Валерии поступить в консерваторию. Разве пению надо учиться, — недоумевает он. Ясно, что большая любовь не может ничем реальным и положительным завершиться. Но Гришка как персонаж романа продолжает действовать и во второй части романа, правда, теперь как второстепенное лицо.

Контактами семейств Агурьяновых и Валерии староверская тема диалогии не исчерпывается, но в дальнейшем приобретает описательный характер (в отличие от повествовательного на предыдущих страницах). Пространно описание пресловутого новогоднего режницкого кирмаша. Приводим его лишь с небольшими сокращениями.

«Улицы полны народу: съезжались крестьяне из далеких окрестностей, даже староверы Илукстского уезда на прекрасных лошадях и в богатых кожухах, а также пиебалгские ткачи и мастера телег и сетей из Видземе. Двинское шоссе неузнаваемо. По нему через весь город выстраиваются в ряд обтянутые полотном будки, возы, телеги, лотки. В будках торгуют всякой всячиной. Сгрудившиеся возле них люди покупают связки баранок, булочки с сиропом, семечки, коричневые стручки, булки и другие лакомства.

Под другой крышей виднеются шапки, сапоги, готовые передники. Под открытым небом расположились мастера санных, тележных, дуговых, колесных и бондарных дел, кузнецы с топорами. Цыгане объезжают лошадей, предлагая их в обмен или для покупки. Не перечислить всех богатств, которые здесь можно было приобрести за деньги для привольности и красоты жизни.

В центре внимания писателя, разумеется, знаменитый «кирмаш невест», славившийся по всему латгальскому старOVERерью.

«На большом мосту стояли девушки, разряженные как помещицы, румяные и разных статей – сказочно прекрасные и кривые, косые. Староверки ждали женихов. На это указывали связанные из ротонд и платков свертки с запрятанными в них невестиными рубашками и рушниками – по старинному обычаю. Невесты стояли в ожидании тех, кто будет их красть. Некоторые о краже уже заранее договорились, но для некоторых счастье приходит неведомо. Для старOVERеров это настоящий кирмаш невест. Молодые парни катаются в крытых санях на быстрых разукрашенных лентами рысаках с бубенцами на оглобле. Когда возле девушки останавливается конь и парень приветствует ее словами: «Поедем кататься!» – избранница садится в сани и уезжает в дом парня, куда-нибудь в деревню; там отец с матерью ждут их с хлебом-солью и благословением; через неделю будет свадьба, которую называют хлебинами».

Но не только ярмаркой невест славен режицкий новогодний кирмаш. Здесь же, на режицком озере организуются лошадиные скачки. «Конь – честь и гордость латгальца, – говорит писатель, – он его пестует с особой тщательностью и уже с третьего года готовит к скачкам». Столь же тщательно, как умыкание невест, описывает А.Эрс и лошадиные скачки, на которых победителем, разумеется, оказывается Григорий.

Семейство Агурьяновых и другие старOVERеры действуют и во второй части дилогии, хотя на первый план здесь выходят православные помещики. Из «латгальских страниц» в этой части отметим только опубликованную А.Эрсом на страницах своей книги необычную старOVERерскую песню Лиго: с русским текстом и латышским рефреном:

Ходит Янис по полю, лиго, лиго,
Зовет девок на Купалу, лиго,
Девки, бабы – на Купалу, лиго, лиго,
Кто поедет на Купалу, лиго,
Тот береза кудрявая, лиго.
Кто не едет на Купалу, лиго,
Тот колода дубовая, лиго.

Песня эта напечатана в латышском тексте романа по-русски латышскими буквами (латиницей).

Даже по одним лишь произведениям Адольфа Эрса – к тому же нам удалось ознакомиться лишь с наиболее известными его произведениями (творчество писателя не систематизировано) – можно составить определенное представление о том, каков был образ латгальского старовера в восприятии латышского писателя, а вместе с ним и других латышей-интеллектуалов. Конечно, при этом необходимо учитывать специфику творчества писателя, склонность к легкой иронии в изображении малопонятных особенностей некоторых явлений жизни другого народа. То, что сделал латышский писатель – ценный вклад в ознакомление латышей с разными сторонами жизни староверов Латгале. Представляется, что все относительно подробно приведенные описания и характеристики помогут исследователям в изучении этнопсихологических особенностей людей, населявших Латгале.

2. Староверские эскизы в прозе

Яниса Яунсудрабиня, Дзинтарса Содума, Антона Аустриня

Латгальские, рижские, илукстненские староверы попадают в сферу внимания и таких писателей, которым приходилось с ними общаться не в местах их постоянного жительства, а главным образом на так называемых отхожих промыслах, куда латгальских и илукстненских староверов вынуждали отправляться небольшие их земельные участки, на которых трудно было прокормить многочисленное семейство. Яркие, пусть и немногочисленные,

образы таких староверов создал латышский классик Янис Яунсудрабиньш, уроженец Неретской волости (Восточная Земгале), многие годы проведенный в этой местности, граничащей с Илукстским уездом – местом жительства староверов. Родился этот популярный ныне писатель в 1877 году, первоначальное образование получил в Панемуйжской (на территории Литвы) русской школе. Рано начал писать и заниматься живописью. Оставив хорошо оплачиваемое место управляющего имением, он поступил в школу живописи в Риге, зарабатывая хлеб свой насущный фотографией. После 1905 года работал в редакциях латышских журналов. Признание зрителей получают постановки первых его пьес. С 1911 года одна за другой выходят его книги, зачисленные в золотой фонд латышской литературы – «Белая книга» – воспоминания детства; трилогия «Айя»; роман «Новохозяин и черт»; цикл рассказов «Жители Верхней Земгале» (о латышско-белорусских контактах на территории этой местности и Латгале); многие другие, заслужившие высокую оценку и критики, и читателей.

В романе «Новохозяин и черт» писатель создает запоминающиеся портреты латгальских плотников-староверов, строящих где-то в Земгале дом новохозяину Красту, бывшему офицеру – освободителю Латвии, получившему хутор. В строительных работах участвует староверская семья Филимоновых, из какой-то латгальской деревни, расположенной на Даугаве (они сведущи и в рыбацком деле, умеют мастерить лодки) – дед, его сын Гриша и внук Ваня. Вот что читатель романа узнает об этой семейной бригаде и ее рабочей сноровке.

«Строительство шло полным ходом. Возле распиленных и круглых бревен копошились четверо: Андран, два бородача и один совсем молодой русский парень, словно сошедший с картины Васнецова: у юноши подбородок только-только начинал покрываться пухом [...] У старика была столь длинная борода, что полностью закрывала волосатую грудь и еще часть плотничьего фартука. Эта борода, как и длинные волосы, упрямо сопротивлялась седине. Лишь отдельные пряди белели. Старик был высок ростом, поджарый; постоянная работа топором и стамеской несколько его ссутила. Ну и возраст его был весьма солидный – уже семьдесят седьмой год. Сын был

небольшого роста и коренастый. Стриженные «под горшок» черные волосы, негустые усы и весьма жиденькая бороденка напоминали русского интеллигента недавнего прошлого. Вне работы его можно было принять и за какого-нибудь продавца овощей, каких часто можно видеть в Даугавпилсе или даже в Риге, в Латгальском форштадте. Он мог сойти также за продавца мороженого. Одет он был как настоящий русский. Красная рубаха навыпуск. Поверх рубахи – жилет. В кармане жилета – серебряные часы на длинной серебряной цепочке, какую вешают на шею. Чтобы цепочка не мешала работе, она посередине была продета в пуговичную петлю жилета. Так можно было тесать или пилить без затруднений. Молодой был похож на дедушку. У них были одинаковые носы и лбы. Особенно лбы. Они плавным овалом отделялись от волос, в то время как у представителей среднего поколения лоб был угловатым. Юноша был высокого роста, широкогрудый, с большими ладонями. Когда Ваня чему-нибудь удивлялся, широко раскрыв свои голубые глаза, он выглядел совсем ребенком. Может быть именно поэтому оба старших называли его детским именем. И скоро весь хутор принял это имя. «Ванька» звучало как в устах мужчин, так и женщин. Всем он был нужен. И всем Ванька охотно помогал, потому что был самым молодым, самым ловким и, может быть, самым сильным. Ведь бревно он поднимал как жердь».

В описании трех плотников-староверов особенно примечательны их сноровка и мастерство в работе.

«В работе все же самым удачливым был дедушка. Хотя и казалось, что движения его медлительны, все же из того, за что взялся старик, сразу что-то получалось. Опуская свой топор медленно вдоль бревна, он иногда разговаривал с сыновьями, совсем не глядя на руки. И все, к чему топор хоть раз прикасался, вторично поправлять, чтобы сгладить протес, не приходилось. Его удар был словно строгальный. Только маленькие косые царпины свидетельствовали, что орудием обработки бревен был всего-навсего топор. Поэтому старому бородачу приходилось брать на себя теску бревен для старомодной стены нижнего этажа. Пока остальные чертили, пилили, рубили и кололи граненые бревна для верхнего этажа, он спокойно стругал

топором свои толстые бревна, после каждого бревна на мгновение присаживаясь и мудрыми глазами осматривая работу других».

В романе приводится и бытовая характеристика староверов-плотников. «Никто из нанятых строителей не курил. Они были староверы. Их религия запрещала им употреблять также водку». Латышские хозяева знали: староверы «в личной чистоте доходят до того даже, что в их глазах все нечисто, что принадлежит человеку другой веры или чего коснулась чужая рука. Так и у этой троицы были свои кружки, свои ложки и ножи, к которым никто не смел прикасаться. Ими ведал Ваня. Он был кашевар. В закопченном, но всегда чисто вымытом котелке они варили свою кашу, принося воду для нее из источника в большом кувшине, где воду меняли каждый час. Если требовалось молоко, Ваня сам шел к Петрухе и доил в тот же кувшин. Так строго они все время держались своей веры...»

В «Рижском альманахе» (за 1992 год) опубликован в переводе И.Цыгальской другой отрывок из этого же произведения, в котором названные выше персонажи предстают в менее приглядном свете: Филимоновы, которые умеют хорошо работать, не прочь и хорошо «отдохнуть». Небезынтересно, что и в «экстремальной ситуации», возникшей из-за поспрашивания староверских законов, запрещающих оскверняться «чертовым зельем, всем, что пьянит, кроме банного пара», латышский писатель отдает должное физической выносливости старика: он доказывает свои способности даже после изрядной выпивки балансировать, удерживать равновесие на самых высоких стропилах строящегося здания. Не менее примечательна в этом фрагменте трогательная заботливость Вани, его отчаянные попытки унять разбушевавшегося родителя. Запоминаются итоговые размышления Яниса Яунсудрабина: «...таких работников с огнем не сыщешь. Кто лучше старого Филимонова умеет тесать бревна? Никто! Это все знают от Бондаришек до Даугавпилса, а в другой конец – до Краславы. Кто сумеет глаже углы стыковать, чем Гриша? А стропила? Все как одно, хоть колесо по ним пусти! Так работать могут только Филимоновы!»

Тему мастерства латвийских староверов, на этот раз рижских, продолжил, – уже во второй половине XX века – наш современник,

поэт и переводчик Дзинтар Содумс, автор воспоминаний о своем детстве, отрочестве и юности в 30–40-е годы в Латвии – соответственно демократической, авторитарной, советской, гитлеровской.

Со староверами-мастерами судьба свела писателя в Риге в дни гитлеровской оккупации. Об этом он рассказывает в книге воспоминаний «Воспитанный для своего государства».

В Латгальском (Московском) форштадте трудится, изготавливая для гитлеровской армии какие-то плотнические поделки, Семен. Автор воспоминаний определен ему в помощники. В мастерской он пребывает в постоянном общении с мастером, его подручным, женой и сыном.

Из староверских черт Содумс в своем сверхлаконичном повествовании отмечает немногое, но эти приметы подобраны так тщательно и убедительно, что не остается сомнения: перед нами — настоящий старовер, верующий и живущий согласно древнему благочестию, сохраняющий все особенности и традиции староверского быта даже в такие необычные времена, как годы гитлеровской оккупации.

Приведем фрагменты, подтверждающие наши соображения.

Соответственно особенностям своего повествования Содумс набросал весьма своеобразный портрет мастера Семена. Нельзя сказать, чтобы внешность начальника была привлекательной (как это имело место в романах Эрса и Яунсудрабиня): «мужчина небольшого роста с осповатым лицом и пухлым носом» (о бороде – ни слова!). Одежда также не возбуждает эстетических чувств: «...пиджак с блестящей засаленной поверхностью, на голове засаленная кожаная фуражка». Но вот автор слегка касается производственной деятельности старовера: «Семен бережет свою пилу, у которой блестящие, хорошо отточенные зубы. После работы он каждый раз тщательно заворачивает пилу в просаленную тряпку». Ест он изжаренную дома картошку, закусывая купленной в магазине серой булкой. Подстать мастеру жена в длинных шерстяных чулках и мальчик в полудлинных штанах да нескольких свитерах, с шарфом вокруг шеи, на голове – ушанка. Жена Семена – «сдержанна» и

«внимательна». «Она командует Семеном и мальчиком». Семен и его жена – не единственные представители староверчества в семеновской мастерской. К этой группе людей принадлежит и плутоватый Тимофеев. О нем сказано только, что он заворачивает и кладет в карман выданные для работы гвозди (т.е. крадет у немцев, что автор, разумеется, не ставит ему в вину). Тимофеев – большой шутник, хотя шутки его столь же примитивны, как и его мораль: он понарошку «отпиливает» ногу у семеновского сына, «подбрасывает гвоздь в воздух и с налета одним махом забивает его в стол». Сноровки, таким образом, и ему не занимать! Весьма лаконично рассказывает Содумс о том, чем, собственно, занимается и тот и другой плотник, подчеркивая примитивность их занятий, в которых будущий переводчик «Улиса» в силу сложившихся обстоятельств должен был принимать участие. На последующих страницах автобиографической повести более ни слова не говорится о староверах-плотниках, но примечателен уже сам факт включения писателем в сферу повествования о «большой политике», войне и гитлеровской оккупации работы группы рижских староверов. В отличие от манеры исследованных нами выше авторов у Содумса староверы ничем не отличаются от прочих людей, в том числе латышей, поэтому для писателя они не представляют ни этнографического, ни религиозного интереса.

Такое же отношение к староверам, на сей раз снова к латгалским, видим в немногочисленных зарисовках также хорошо известного в Латвии прозаика, стихотворца, переводчика (перевел на латышский язык «Воскресение» Льва Толстого) Антона Аустриня (1884–1934). Детство он провел в Вецпиебалге (Средняя Видземе) – старинном культурном центре Латвии. Учился в учительских семинариях в Риге и Петербурге. Печататься начал, будучи еще на школьной скамье. В дни революции 1905 года в Риге был ранен. В 1906 году как участник революционных событий арестован. Сидел в разных тюрьмах Латвии. В том же году по ходатайству Пиебалгской попадьи освобожден из тюрьмы, но продолжал оставаться на нелегальном положении. Скитался по России (Новгород, Петербург, Москва). Эти скитания и поездка за границу отражены в автобиографической трилогии.

С 1909 по 1912 год живет в Латгале, природу и людей которой отобразил в многочисленных рассказах и романах.

К теме староверов Аустринь обращается несколько раз. Правда, эта тема не получила столь детального развития, как у Эрса или Яунсудрабиня, но тем не менее из произведений этого прозаика можно извлечь несколько новых штрихов к портрету латвийского старовера.

Чувством симпатии и уважения проникнут очерк Аустриня «Не замеченные». В нем рассказано (это, разумеется, не основной стержень повествования) о гостеприимстве, радушии крестьян-староверов, их стремлении помочь попавшим в беду инославным путешественникам по Латгалии.

Не дождавшись ночного автобуса, усталые путники решили заночевать в ближайшей деревне. Пришлось искать место для ночлега.

«Раскрылось окно избы, и в него выглянула седая голова. На наш вопрос, не проходил ли кто-нибудь мимо, ответили: проходил. Деревенские решили, что конокрад и хотели ловить; конокрадство в окрестных деревнях участилось. Старичок вышел из избы, набросил пальтишко и готов был принять нас на ночлег, но сеновал в прошлом году сгорел. Придется ночевать в хлеву. Повел нас посмотреть, но там не хватило для всех места. Пошли к следующему хозяину. Он тоже погорел. Но ночлег предоставил охотно, заметив только: у соседей было бы лучше. Но если откажут, он согласен принять. Но там ответили, что скотина не ест сена, если на нем ночевали мужчины. Старичок посмеялся: старые девы, боятся мужчин. У одной уже случился ребенок. Хозяин повел в сеновал над хлевом, где хранился клевер. Скотины мало – коровушка и две лошади, а самих – шесть душ».

Симпатии местных жителей-староверов к путешественникам-латышам еще сильнее проявились на следующее утро.

«Утром встали. Попросили запрячь лошадь – кто-то сел на телегу, остальные пошли пешком на станцию Спруксты. Во всех избах с удивлением смотрят, выйдя на порог, откуда взялось так много чужаков. На маленьком полустанке собралась пестрая

толпа ожидающих поезда. Среди них немало любопытных. Седого старика обступили соседи, расспрашивают, что это за господа такие, которых он привез. Старик рассказал, сколько дали за ночлег, сколько за телегу. «Вроде приличные люди!» – у соседей появляется зависть – старик заработал столько лат! Бабы, дети, мужики и парни бедно одеты. Маленький полустанок среди бесконечных полей и лугов напоминал скорее скворечник».

Совсем другие акценты читатель находит в рассказе Аустриня «Ночь в Страуенах», сюжет которого связан с действиями, которые во все времена приписывались латгальцам вообще и староверам в частности – драками и сквернословием. Место действия событий не обозначено. Отмечено единственно, что дело происходит ночью и в нем принимают участие «шоферы и рабочие из Латгале».

«Перед самым восходом солнца на подворье Страуенов раздалась такая гам и крик, словно кого-то душили. Подрались русские рабочие – крики и сальные русские слова сыпались как из рога изобилия. Чья-то рука с ножом оказалась занесенной высоко, кто-то дико вопил: «Бей или режь, мне все одно». Кто-то другой увещевал разбушевавшихся: «Не будь дураком! Успокойся!.. Завтра самому будет стыдно... Потом скажешь спасибо за совет...» Но свара и выкрики не прекращались, словно желая опрокинуть весь дом. Мы предполагали, что кого-то из женщин обвиняли в прелюбодеянии. И за это ее безжалостно ругали и стыдили. «Успокойся, Ваня, что ты куролесишь!» – кто-то в свою очередь успокаивал других».

3. Старовер в латвийской армии (Автобиографическая проза Яниса Плаудиса и Улдиса Германиса)

Еще один аспект восприятия латышским писателем (и вслед за ним читателем) образа старовера: старовер на военной службе в латвийской армии. Вот как об этом сравнительно пространно рассказывает Янис Плаудис в романе «Рота пулеметчиков».

Сам писатель – поэт и прозаик, переводчик Пушкина и

Маяковского, принадлежит к поколению 30–50-х годов XX века, с интересом и уважением относившегося и к русской, и к советской культуре.

На первых страницах автобиографической повести Я.Плаудиса призванный на военную службу писатель знакомится со своими товарищами-новобранцами. Одного из них его одноклассника призывного возраста называют «дедушкой Петровым». Причина тому – его длинная борода и неправильный латышский язык, образчик которого – фраза «Kas šito ir par polk» (правильно «Kas šis ir par pulku» «Что это за полк»). В дальнейшем оказывается, что загадочный бородач – рижский старовер. Реплики, отпускаемые новобранцами по поводу его бороды, не особенно для него лестны:

« - Вот так борода (в тексте романа эти и многие другие реплики напечатаны по-русски латышскими буквами)...

— Смотри, какая обезьяна!

— Смотри, смотри, царский служивый!

— Эй, сбрей бороду!

— Похож на клоуна, лилипут этакий! Тебе только в цирк идти!

По-латышски Петров не понимал, поэтому только улыбался.

Но кое-кто из призывников знал его прежде – Петров жил где-то здесь неподалеку. Посыпались реплики:

— Это поп, очень сильный.

— Дедушка Петров!

— Здравствуй, дедушка Петров!»

Как понять обозначение Петрова попом? На последующих страницах романа оказывается, что его штатская профессия – певчий в старообрядческой моленной. Староверческие певчие в моленных ходили в рясах. Отсюда у знавших Петрова парней и могла зародиться мысль, что он – священного сана.

Наряду с бородачом – особенность эта в его облики представляет особый интерес как для его сослуживцев, так и латышского писателя – в романе выведены и другие русские – Стравинский и Береговой. При первом их упоминании на страницах романа сообщается только о национальности. И только впоследствии оказывается, что и они бородачи, следовательно, староверы, поскольку ни латыши, ни

православные русские молодые люди бород в те годы не носили.

Кроме бороды, особенностью всех троих являются постоянные реплики: «по-латышски не понимаю», которые служат их всегдашним ответом на любой вопрос начальства, обращенный к ним по-латышски. Эти реплики в тексте романа всегда печатаются по-русски латышскими буквами.

Но вернемся к Петрову. В романе есть эпизод встречи бородача с генералом.

«Генерал увидел бороду Петрова. Подходит.

- Как вас зовут?

- Господин генерал («General kunks»), новобранец Петров. По-латышски говорить мало понимай («pa latviski runāt maz saprot»).

Сцена эта завершается весьма мирно: генерал приказывает, чтобы русских обучили латышскому языку. Более интересен, однако, другой диалог – между Петровым и новобранцем Зивтинем во время совместной уборки инструкторской комнаты.

« – Здешний? – обращается Зивтиньш к Петрову по-русски.

— Да.

— Почему бороду не бреешь?

— Вера такая.

— Чем занимался до призыва?

— Пел. А ты?

— В театре играл.

— Знаете что: интересное знакомство. – Петров начинает обращаться к собеседнику на «вы». – Хотите, позднее поговорим, да?»

К сожалению, продолжение этой интересно начатой беседы в романе так и не последовало. В дальнейшем повествовании Янис Плаудис отмечает, что ни Петров, ни другие русские долгое время не участвовали в жизни роты, оставаясь чужаками: «из-за своих удивительных особенностей они стояли на своих отдельных позициях».

Сколь трудно латышским инструкторам приходилось на занятиях из-за незнания тремя русскими новобранцами латышского языка, Я.Плаудис показывает в следующей сценке. На вопрос о том, что вылетает из ствола орудия, новобранец Стравинский отвечает:

«Сержант кункс, по-латышски не понимаю». Со всех сторон ему подсказывают: «Gaiss, gaiss» (воздух). Один из новобранцев, Эргельниекс, подсказывает даже по-русски: «Вылетает воздух». Стравинский повторяет то, что ему подсказали. Его ответ вызывает бурную реакцию инструктора, который даже переходит на русский язык: «Воздух, который не пахнет?» После целого потока крепких слов инструктор, тоже по-русски, называет правильный ответ: «Пуля, понимаешь, да?»

Если встреча бородача Петрова с генералом завершилась сравнительно спокойно, то этого нельзя сказать о другом эпизоде, аналогичном конфликту между бородачом Стравинским и старшим лейтенантом, человеком, по словам писателя, весьма несимпатичным.

На какой-то вопрос лейтенанта Стравинский отвечает обычным: «По-латышски не понимаю».

« – Почему они не говорят по-латышски?» – возмущенно обращается лейтенант к инструктору.

– Еще не научились, господин старший лейтенант.

– Молчать! Стыд и срам! Чтобы они через неделю мне говорили по-латышски! Понимаете? Коли нет, сержант Деса, я вас накажу».

Стравинскому остается только печально напевать:

«По улицам ходила // Большая крокодила,

И вся // Она // Зеленая была».

Этот текст напечатан в романе по-русски кириллицей.

Все же к Рождеству русские, в том числе и Петров, научились по-латышски и празднуют вместе с латышами.

«Они уже хорошо понимают по-латышски и пытаются даже говорить. Новобранцы-латыши завидуют староверам, которые в каждый свой праздник – а такие у них чуть не каждую неделю - получают отпускное свидетельство. «А тебе жаль? – защищает староверов и евреев другой новобранец. – Пусть празднуют свой праздник хоть каждый день!»

А вот и само описание Рождественских праздников. Немного подвыпив, Стравинский становится очень разговорчивым. «На его бородачом лице рельефно выделяется нос». Петров, также подвыпив,

начинает петь: «Господу Богу помолимся...» Хотя песня ничего старообрядческого в себе не содержит, для русских Латвии она вполне уместна. О том, как ее воспринимали латыши-новобранцы, Плаудис рассказывает: «Эту песню Петров уже несколько раз пел, она нравилась всем – особенно припев о разбойниках. Ее подхватывали все». Религиозность Петрова раскрывается и в другом эпизоде этого праздника. Новобранец Цвейшпеннер произносит длинную речь.

«Хотя Петров ничего и не понял, но как верующий человек, привыкший после слова [аминь] петь, не может и на этот раз удержаться. Он поглаживает свою бороду и, подняв рюмку водки против света, опять начинает свое «так Господу Богу помолимся...» И все снова подтягивают вслед за ним. Песня звучит все мощнее. Она поднимается над пирамидами, растекается по всей роте и врывается в соседнюю роту...».

Когда некоторых новобранцев, и в том числе русских, отсылали в хозяйственную команду, Береговой и Стравинский страшно не хотели попасть туда. «Стравинский даже начал так энергично учиться латышскому языку, что мог уже очень хорошо разговаривать. Даже народную песню начал петь. Заводил, как настоящий литовский нищий у костела:

Saļit tacī tacidami,
Aš paļiki pavēnī...».

Для сопоставления приводим эти строки в латышском каноническом оригинале:

Saulit tecēj tecēdama,
Es paliku pavēnī.

Эту же тему «Старовер на военной службе в латвийской армии» затрагивает Улдис Германис в своей автобиографической книге «Синие стекла, зеленые льды».

Писатель родился в 1915 году в России, вернулся с родителями в Латвию в 1919 году. Учился в Риге, с 1933 по 1941 год на филологическом факультете Латвийского университета. Работал в различных научных и культурно-просветительских учреждениях,

в 1944 году был мобилизован в латышский легион; с 1945 года живет в Швеции. Активно участвовал в борьбе за восстановление независимой Латвии.

В упомянутой выше книге воспоминаний Германис приводит некий эпизод из своих воспоминаний юношеских лет, когда он в независимой Латвии отбывал в качестве капрала месяцы обязательной воинской повинности.

«...Я покраснел, – пишет Германис, вспоминая об одном происшествии в батарее. – Мне стало стыдно, когда армейский инструктор гаркнул на двух латгальских парней, чтоб они перестали выть по-русски. Это происходило в свободное от занятий время, когда большая часть парней батареи ушли в отпуск. Михайлов и Николаев были в своей комнате, сидели на койке, растягивали гармошку и печально пели «о дорогой Мурке». Я увидел, как на лицах обоих парней первоначальные удивление и растерянность сменила злоба. Я был того же служебного чина, что и крикнувший. Оставшись с ним наедине, я указал ему на бестактность. Он не понял, почему я волнуюсь. На военной службе все должны говорить по-латышски. На службе! Но это было свободное время. Они никому не мешали. И как бы мы чувствовали себя на их месте? Не захотелось бы нам такому тирану-ругателю дать по морде? Капрал нахмурился, что-то пробурчал и вышел из комнаты. Мол, что с таким рижским господинчиком-студентиком спорить. Он был пылким латышом – сельским народным учителем, для которого все было ясно, как строить «вечную» Латвию... Я же не мог успокоиться и вошел к обруганным. «Ну, Михайлов, давай про дорогую Мурку! Мне тоже нравится, хорошая песня». Парни медлили. Михайлов перебирал гармошку. «Эх, не принимай близко к сердцу, – сказал я, – у того капрала плохое настроение. Может, в любви не везет. Не любит, чтобы пели про девушек». Оба русских парня расцвели в улыбке, мы смеялись все трое, и опять зазвучала песня о чудесной Мурке: «Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая...».

После этого эпизода Михайлов и Николаев на занятиях, которыми руководил автор воспоминаний, «усердствовали как настоящие передовики». Они всегда стремились помочь Германису,

всегда охотно отзывались, если появлялась необходимость что-либо сделать. Латгалец Гриетенс, с которым Германис частенько обсуждал проблемы «посещения девиц», однажды сказал: «Господин капрал, если бы вы знали, как Михайлов и Николаев вас расхваливают! Вот, говорят, настоящий человек! Хотя и высокие школы посещал, а такой простой и сердечный» [...] «Втихомолку я радовался, – признается автор книги, – что оба русских парня не оказались ни обиженными, ни затаившими злобу». Уважение этих парней Германис сохранил на протяжении всей военной службы.

Автор далек от мысли, что ему удалось разыскать все, что о латвийских старове́рах можно прочесть в произведениях латышских литераторов. Однако и приведенные фрагменты недвусмысленно свидетельствуют о том, что для латышских прозаиков латгальские и рижские староверы представляли известный интерес, особенно мастерство и сноровка ремесленников, любовь к лошадям, порядочность, верность традициям предков. Во всех этих нарисованных латышскими авторами картинах, эскизах, набросках сквозит теплое, дружеское, иногда слегка ироническое отношение и к тому, что старове́ра роднит с латышом, и к тому, что отличает. Конечно, художественные произведения не всегда корректно рассматривать в качестве исторических свидетельств, однако как материал для этнопсихологических исследований и разысканий, на наш взгляд, эти художественные зарисовки могут представлять определенный интерес.

Приложения

* Опубликовано в кн.: Acta Baltico-Slavica 24 SOW. Warszawa, 1999.

Авторизованные переводы фрагментов из названных в тексте произведений латышских писателей осуществлены исследователем (в последовательности их цитации) по:

Erss Ā. Antonija atdzivošanās; Svētās Sofijas kurpe. - Latgales stāsti. R., 1926.

Erss.Ā. Krusts ceļmalā. R., 1938.

Erss.Ā. Muižnieki. R., 1931.

Erss Ā. Zakristjans un velns; Salimans paradīzē; Gar ezeru. - Latgales stāsti. R., 1926.

Erss Ā. Zemes bālsis, I - II. R., 1939/40.

Jaunsudrabiņš J. Baltā grāmata. R., 1914., 1921.

Jaunsudrabiņš J. Jaunsaimnieks un velns. R., 1933.

Sodums Dz. Savai valstij audzināts. R., 1993.

Austrīņš A. Neievērotie; Nakts Straujēnos. - Daugavas brauciens. R., 1931.

Plaudis J. Ložmetēju rota. R., 1934.

Germanis U. Zili stikli, zaļi ledi. R., Grāmatu draugs, 1968.

Проблемы старообрядчества в латышской историографии

В работах латышских историков вопросу старообрядчества в Латвии уделено мало внимания. В 40-е годы о русских в Латгале писали И.Заволоко, Я.Новоселова, но их концепции специалистами оцениваются как не оснащенные научным подходом. Статистические данные и отдельные исторические сведения о роли староверия на территории Латвии XVII века приводила в своих трудах А.Заварина¹. Вопросам старообрядчества посвящены отдельные главы в работах Ф.Кэмпа и М.Скуениекса. Наиболее развернутые исследования истории и проблем старообрядчества в Латвии предприняты в многочисленных публикациях А.Подмазова, где дается последовательный и детальный анализ появления и развития данного христианского вероучения на территории Латвии².

Одной из первых книг на латышском языке, в которой упомянуты староверы, является «Латвия. Земля и жители» М.Скуениекса³. Здесь можно найти информацию о том, что староверы, избегая религиозных преследований в России, нелегально переселялись в Латгале, Видземе и Курземе, где могли свободно исповедовать свою веру. Одному из таких поселений староверов Курземский герцог Якоб в 1670 г. дал права города и наименовал его Екапилс. В 1703 г. здесь был построен один из первых староверческих храмов.

А.Заварина пишет, что старообрядцы составляли основную группу русских крестьян-беженцев в Латгале 18 века. В работе М.Скуениекса подчеркнута, что русские старообрядцы на вопрос о национальности отвечали, что они старообрядцы, т.е. принадлежность к конфессии отождествляли с понятием национальности. Аналогичным образом идентифицировали себя латгалцы, называя себя по национальности католиками⁴.

Старообрядцы не только истово придерживались на латвийской

земле своей веры, но и эмоционально со временем проникались чувством принадлежности к этой земле. Об этом свидетельствуют, в частности, статистические данные периода накануне Первой мировой войны, когда многие уезжали в Россию с приближением линии фронта, а староверы оставались в Латгале.

В исследовании Скуениекса о жителях Латвии приводится статистика по вероисповеданиям: о староверах сказано, что в Латвии к 1925 г. их было 89 238 (4,84 %). Основная их часть проживала только в пяти уездах и в Риге (здесь они составляли лишь 1%)⁵.

По национальности староверы распределялись следующим образом:

- русские 85 120 (95%)
- белорусы 2723 (3%)
- латыши 1222 (1%)
- остальные народности 174 (1%)⁶.

Динамика численности староверов в Латвии прослеживается в работе А.Шилде «История Латвии 1914–1940 гг.»⁷. К 1935 г. количество староверов в Латгале приближалось к числу православных – 90 702 (по всей Латвии 174 389); староверов – 78 582 (по всей Латвии 107 195). Автор подчеркивает, что число последних продолжает увеличиваться ввиду высокой рождаемости.

На периферии, как и в Риге, действовали староверческие храмы, но детальных исследований о староверах Латвии на латышском языке нет. В латышской историографии можно найти высказывания о том, что староверы ведут обособленный образ жизни, избегая открытого общения с окружающим обществом, придерживаясь своих культовых обычаев. Вероятно, это обстоятельство наложило отпечаток на возможность изучения истории староверов латышскими историками, что, в свою очередь, привело к тому, что в Латвии мало знают об особенностях этой христианской конфессии.

Историк А.Шилде в кратком обзоре о староверах упомянул мимоходом о том, что староверы в основном имели невысокий уровень образования, и это пытались использовать советские агенты для вербовки их на нелегальную работу в независимой Латвии. Но, как отмечает Шилде, политическое руководство староверов

и вслед за ним общины староверов были лояльны к Латвийскому государству.

Об участии в политической жизни первой независимой республики свидетельствует состав депутатов в верховном законодательном собрании – Сейме. А.Шилде пишет, что Центральный комитет староверов принимал участие в выборах, и в Третьем Сейме объединенную фракцию староверов представляли М.Каллистратов и Г.Елисев⁸. В том же Сейме имела фракция объединенных русских организаций православных и староверов, которую представляли И.Корнильев и Я.Поммерс. В четвертом Сейме последняя из упомянутых фракций была представлена в таком же составе, а фракция трудового народа русских староверов – М.Каллистратовым и Т.Павловским.

В конце 1980-х годов Г.Стродс, анализируя этнический состав жителей Латгале, проводит и небольшой экскурс в «таинственную историю» староверов. Автор рассматривает период с 1772 по 1959 годы, показывает динамику демографических изменений в среде староверов и дает мотивацию этого процесса. Автор подчеркивает, что в XVII веке Латгале была мало населена, и это обстоятельство способствовало поселению староверов, которые здесь избегали не только религиозных преследований, но и на несколько лет были избавлены от крепостных пошлин. Так как в России староверы преследовались не только в XVIII, но еще и в XIX веке, их нелегальное переселение в Восточную Латвию сильно изменило демографическую ситуацию республики. Так, в 1772 г. вторая по величине группа сельских жителей – 8022 человека (неполных 5%) являлись переселенцами, по-видимому староверами⁹. Согласно Строду, истинное количество староверов на территории Латвии отличалось от официальных данных, поскольку помещикам было выгодно поселять беглых староверов, а их истинную численность скрывать, чтобы не платить государственных налогов. Староверы славились своим трудолюбием, и с ними охотно заключали договоры местные помещики. Староверы работали строителями, рабочими по ремонту дорог. Примечательно указание Строда на то, что староверы Латгале и Курземе были духовно связаны со староверами

Черниговской губернии России.

Динамика поселения староверов соотносится с историческими изменениями. Так, число переселенцев повысилось после присоединения Латвии к Российской империи. А после отмены здесь крепостного права многие староверы, получив паспорта (начиная с 1848 г.), переселились в южные губернии России¹⁰.

В истории латгальских староверов имеются и необъясненные пока явления. Так, Г.Стродс, описывая события после польского восстания 1863 г., отмечает, что активное участие в его подавлении принимали староверы Латгале. Против польских повстанцев подстрекало православное духовенство, которое на службе российской державы использовало традиционные религиозные распри – антагонизм между православием и католицизмом. Вопрос о том, что же побудило староверов оказаться в данном случае в одном лагере с православием, остается пока без ответа и в какой-то мере указывает на сложность интерпретации многих исторических и политических процессов в истории Латвии.

Религиозная и общественная обособленность староверов препятствовала восприятию и пониманию их как одной из составляющих истории Латвии. Староверы, веками соседствуя с латышами, сохранили своеобразную духовную культуру и уже три века составляют своеобразный ландшафт духовной, социальной и экономической жизни Латвии.

Обзор латышской историографии по вопросам старообрядчества представляется уместным закончить емкой мыслью академика Я.Страдыня (статья посвящена культурной среде народов Латвии): «Многие русские староверы – особенно из Валдайских и Тверских округов, в XVII веке, спасаясь от религиозных гонений, нашли в Латвии вторую родину. Они сотни лет сохраняли уникальную церковную культуру, фольклор, обычаи, древние книги. В частности, почти 200 лет тому назад русские возле Риги широко распространили выращивание капусты»¹¹.

В заключение нужно отметить, что латышский рядовой читатель до недавнего времени мог на латышском языке почерпнуть ничтожно мало сведений о старообрядчестве в Латвии, и только

монография А.Подмазова внесла ощутимый вклад в ознакомление латышей со староверами.

Примечания

1. Zavarina A. Latgolas krīvu idzeivotāji pēc 1772. goda tautys skateišonys datim.- Acta Latgalica. 8. Rēzekne, 1994, 99.lpp.
2. Podmazovs A. Vecticība Latvijā. R., LU FSI, 2001.
3. Skujenieks M. Latvija. Zeme un iedzīvotāji. R., 1927., 197. lpp.
4. Ibid., 264.lpp.
5. Ibid, 326. lpp.
6. Ibid, 326. lpp.
7. Šilde A. Latvijas vēsture 1914. - 1940. Stokholma, 1976., 469. lpp.
8. Ibid., 715. lpp.
9. Strods H. Latgales iedzīvotāju etniskais sastāvs 1771.- 1959.g. R., LU, 1989., 13.lpp.
10. Ibid, 28.lpp.
11. Stradiņš J. Trešā atmoda. Rīga - Latvijas tautu kultūrvidē. - Trešā atmoda. R., 1992, 206.lpp.

Библиография латвийского староверия

Составитель Б.Ф.Инфантьев

1. Абызов Ю.И. Библиография И.Н.Заволоко. / Памяти И.Н.Заволоко. Рига, 1999, с.153-161.
2. Андрей Седых. Там, где была Россия. Париж, 1930.
3. Асинов Г. Раскольничьи дела 17 столетия. СПб., 1863. Т.2.
4. Балевиц З. Старообрядчество в Латвии без прикрас. 1920 - 1940. Сб. документов. Рига, 1961.
5. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России. Ч.3. М., 1897, с.46.
6. Барсков Я.Л. Памятник первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
7. Беглые крестьяне из более отдаленных от Латгалии губерний/ Гос. ист. архив Латвии (далее – ГИА), ф.713, оп.3, д.183, 225 и др.
8. Без-Корнилович М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. СПб., 1855.
9. Белоусов А.Б. О судьбах свадебной обрядности у русских старожилов Латгалии. – В кн.: Сб. трудов СНО филолог. факта. Тарту, 1977. Вып.5, с.133 - 151.
10. Беляев И. Судьбы православия в Прибалтийском крае.
11. Бестужев-Марлинский А. Наезды.
12. Боборыкин П. Обмирщение. М., 1904.
13. Бороздин А.К. Очерки русского религиозного разногласия. СПб., 1905.
14. Брежго Б.Р. Очерки по истории крестьянских движений в Латгалии. 1517 – 1907. Рига, 1956, с.11.
15. Бровков А. Описание сочинений русских раскольников. СПб., 1861.
16. Булгаков Макарий, епископ винницкий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855, с.368 - 370.

17. Васильев Е. Житие Феодосия Васильева, основателя федосеевского согласия, написанное сыном его Евстратием в 7250 г. – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском ун-те, 1869. Кн.2, отд.V, с.77.
18. Васильев Е. Обзорение хозяйства государственных крестьян Витебской губернии. – Журнал Министерства гос. Имуществ, 1844, № 2, ч.10, с.131.
19. Васильев И.И. Псковская губерния. Историко-географические очерки как пособие народным учителям по предмету родиноведения с картою губернии. Псков, 1896, с.88.
20. Вескинский А. Раскол в Западно-Русском крае. - Вестник Западной России, 1864, т.III, кн.II.
21. Виноград российский. М., 1906.
22. Витебская губерния. [Сост. В.М.Долгоруков.] Витебск, 1890, вып.1, с.286 – 287.
23. Витебская губерния. Историко-географический и статистический обзор. История, природа, население, просвещение. Витебск, 1890, вып.1, с.306.
24. Власов М. Почему у староверов нет видимого причастия? Рига, 1991.
25. Возвратившиеся в Латгалию из Пруссии староверы. ГИА Латвии, ф.96, оп.1, т.2, д.3683, 3685, 3687, 3688, 3693, 3697, 3698, 3860, 3879, 3886, 3887, 3890, 3892, 3894 - 3897.
26. Волков В. Сведения о начале распространения и разделения раскола в Витебской губернии. Витебск, 1866, с.51.
27. Волович А.И. История староверия в Прибалтийском крае. – Родная старина, 1927, 6 нояб. (пробный номер).
28. Высоких Владимир, зав. Второй малиновской русской основной школой. Народные обычаи в Латгалии в важнейшие моменты жизни русских людей. 1927. [Рукопись в архиве И.Фридриха в Пушкинском Доме в СПб.]
29. Ганцкая О.А., Лебедева П.И., Чижикова Л.Н. Материальная культура русского населения Западных областей во второй половине XIX - начале XX в. – В кн.: Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР.

- Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия, 1960, т.VII, с.5 - 71.
30. Гребенщиковская община в 1852 году. – Секретный архив рижского полицмейстера. – ГИА Латвии, № 958.
31. Гузик А., Жилко А. Старообрядческие храмы Даугавпилса. - Даугавпилс, «САБ», 1999.
32. Дегуцкая хроника, запись 1660. - В кн.: Заволоко И.Н. История Церкви Христовой, с.154.
33. Дезертиры в Латгалии. ГИА Латвии, ф.96, оп.1, т.1, д.180, 249, 283, 327, 335, 343, 461, 1070, 1187, 1999; оп.1, т.2, д.2690, 3458.
34. Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов.
35. Деяния Первого Всероссийского Собора христиан-поморцев. М., 1909. Ч.III, с.5-6.
36. Довгялло Д.И. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1903, вып.31. (Латгалия: с.18 - 49, 62 - 79, 104 - 151, 158 - 175, 186 - 207, 214 - 268, 302 - 317, 324 - 331, 346 - 367, 376 - 379).
37. Дозволение селиться в Курляндии: Бактош-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1897. Ч.3, с.53 - 54.
38. Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. - Л., 1990, с. 166 - 248.
39. Дрибинцев Гр. О священстве / Ответ старообрядческому наставнику М.А.Власову. Рига, 1933.
40. Дрибинцев Г.Д. Якубинская Св. Покровская единоверческая церковь ко дню 50-летия ее существования. 1879 - 1929. - Вера и жизнь. Рига, 1930, № 6, с.82.
41. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912.
42. Ершова О.П. Значение деятельности Ивана Никифоровича Заволоко по созданию старообрядческой культурной среды / Памяти Заволоко И.Н. Рига, 1999, с.114-121.
43. Живописная Россия. СПб., 1882. Т.3, ч.2, с.457. [В б-ке Мисиня в Риге].
44. Жилко А.Н. 225-летие Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины. - Старообрядческий церковный

- календарь на 1985 год, с.3.
45. Жилко А.Н. Духовные стихи в старообрядческой среде Латвии. - Церковный календарь на 1999 год. Даугавпилс, 1998, с.68 - 70.
 46. Житие Феодосия Васильева, основателя феодосиевского согласия, написанное его сыном Евстратом в 7250 году. / Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. Кн.2, отд.V. – М., 1869.
 47. Жукович П. Сословный состав населения Западной России. - Журн. Мин-ва народного просвещения, 1915. Ч.55, кн.2, с.288 - 289. [Латгале именуется Лифляндией.]
 48. Журавлев А.И. Полн. историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разногосиях. Ч.1. - СПб., 1855, с.23.
 49. Заварина А.А. Из истории формирования русского населения в Латвии во второй половине XVIII – начале XIX в. – Изв. АН ЛатвССР, 1977, № 2, с.70 - 84.
 50. Заварина А.А. К вопросу о взаимоотношении культур русского и латышского населения Латгалии. – В кн.: Тез. докладов на научной сессии, посвященной итогам экспозиций археологов, этнографов и фольклористов в 1964 г. Рига, 1965.
 51. Заварина А.А. Русское наследие Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века. Историко-этнографический очерк. Рига, 1986.
 52. Заволоко И.Н. История церкви Христовой. Рига, 1937.
 53. Заволоко И.Н. О старообрядцах Риги. Рига, 1933.
 54. Заволоко И.Н. Учебник по закону Божьему для старообрядцев. Рига, 1933.
 55. Записки А.Шутова. – Рижский вестник, 1907, № 1; Дело о единоверии в Риге. – Архив Национальной б-ки в Риге.
 56. Зеньковский С. Русское старообрядчество. 1970.
 57. Иванов Г. Московский форштадт. – Даугава, 1987, № 8.
 58. Инфантьев Б.Ф. И.Н.Заволоко – фольклорист. – Памяти Заволоко И.Н. Рига, 1999, с. 122 - 131.

59. Инфантьев Б.Ф. Латвийские староверы в творчестве латышских прозаиков. – В кн.: Acta Baltico – Slavica.
60. История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т.1, с.329.
61. Иустинов П.Д. К истории федосеевского толка. – Богословский вестник, 1911, сент., с.139 - 140.
62. Иустинов П.Д. Федосеевщина при жизни ее основателя. – Христианские чтения, 1906, февр., с.271.
63. К верным сынам староверия. – Старая вера, Рига, 1933, № 2, с.9.
64. Какая жизнь, такие и догматы. Нравственное состояние старообрядцев-беспоповцев от половины 17 века до наших дней. Рига, 1928.
65. Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917, с.27.
66. Кириллов И. Правила старой веры. М., 1916.
67. Китова З. Из истории старообрядческой общины в городе Екабпилс. – Старообрядческий церковный календарь на 1993 год, с.45 -51.
68. Козлова Н.В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII века (из истории социально-экономической жизни страны). М., 1983, с.57.
69. Количество староверов в Латгальских уездах в 70-е годы XVIII века. - Центр. Гос. арх. СССР, ф.10; Гос. архив внутреннего управления, д.381, л.112 об.
70. Круглов В. Из скитаний по Латгалии. – Слово, 1928, № 794.
71. Куприянов Ф.Т. 75-летие храма первой Даугавпилсской старообрядческой общины. – Старообрядческий церковный календарь на 1985 год, с.59.
72. Куприянов Ф.Т. Первый всероссийский съезд по народному образованию старообрядцев-поморцев. – Старообрядческий церковный календарь на 1987 год, с.49 - 51.
73. Кутузов Б. Церковная реформа XVII века, ее истинные причины и цели. I - II. Рига, 1992.
74. Лажечников И. Внучка панцирного боярина. - Полн. собр. соч. СПб, 1899.

75. Лесков Н.О. О раскольниках гор. Риги преимущественно в отношении к школам. М., 1866.
76. Лесков Н. Русские деятели в Остзейском крае. - Исторический вестник, 1883, №№ 11-12, с.511-514.
77. Лесков Н. Русские картины в Остзейском крае. [Рукопись в ГИА Эстонии, ф.291, № 291, 1436.]
78. Ливанов Ф.В. Раскольники и островники, Т.3. СПб., 1872.
79. Лихачев Д.С. Старообрядческая литература. - В кн.: История русской литературы. М. - Л., 1948, Т. II, ч.2.
80. М.С. К 100-летию Старофорштадтской общины г. Даугавпилса. - Старообрядческий церковный календарь на 1991 год, с.42.
81. Макарий. История Русской церкви. Т. XX. М., 1910.
82. Макашина Т.С. Песни и стихи русского населения Латгалии. - Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976, с.82-96.
83. Макашина Т.С. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М., 1979.
84. Маркелов Г.В. Дегуцкий летописец / Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Л., 1990, с.166-288.
85. Маркелов Г.В. Из истории собрания И.Н.Заволоко / Тр. Отдела древних рукописей. Л., 1980. Т. 35, с.439 - 445.
86. Маркелов Г.В. Изограф из Причудья. - Памяти Заволоко И.Н. Рига, 1999, с.98-113.
87. Маркелов Г.В. Коллекция рукописей И.Н.Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома. / Тр. Отдела древних рукописей. Л., 1979. Т. 39, с.377 - 387.
88. Маркелов Г.В. Старообрядцы в Латгалии. Три портрета. - В кн.: Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. - Новосибирск, 1992, с.145-151.
89. Миролюбов И. И.Н.Заволоко и церковная жизнь старообрядчества Прибалтики. - В кн.: Памяти Заволоко И.Н.. Рига, 1999, с.15.
90. Михайлов Д.Д. Староверы, или старообрядцы. - Родная старина, 1928, № 2, с.8.

91. Михайлов С. 210 лет Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины. - Старообрядческий церковный календарь на 1970 год, с.168.
92. Н-ов [Калейс-Кузнецов Ю.]. Старообрядческий вопрос в Северо-Западном крае. - Биржевые ведомости, 1871, № 23, с.2.
93. Наказы дворян депутатам в Комиссию по составлению екатерининского «Уложения 60-х гг. XVIII в.» - Сб. Императорского Русского исторического общества. СПб., 1875, Т.14. (Латгалия - на с. 256, 261, 266, 295, 324, 354, 365, 391, 401, 414, 420, 425, 438.)
94. Немченко В.Н., Сеница А.И., Мурникова Т.Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. [Под ред. М.Ф.Семеново́й.] Рига, 1963.
95. Никонов В.В. Резекне. Очерки истории с древнейших времен до апреля 1917 года. Рига, 2000.
96. Нильский И.К. К истории раскола в Остзейском крае. СПб., 1886.
97. Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе. СПб., 1869. Вып.1, с.190.
98. Новгородов М.А. Говор русского старожильческого населения Дагдского р-на ЛатвССР. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1958.
99. Новгородов М.А. Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского р-на ЛатвССР. – Учен. зап. Даугавпилсского гос. пед. ин-та. Вып. 1, 1958.
100. О деятелях Гребенщиковской общины Зубанине и Боринове (1835 г.). - ГИА Эстонии, ф.8, д.291, № 1371.
101. О Гребенщиковской богадельне в 1813 г. - Старообрядческий церковный календарь на 1968 год, с.66.
102. О Гребенщиковской богадельне в 1833 г. - Рижский вестник, 1869, № 1371.
103. О Гребенщиковской моленной в 1844 году. - ГИА Эстонии, ф.291 / 8, № 1371.

104. О казачьих донских полках в Латгалии и Илукстском уезде в 30 - 60-е годы XIX века. – ГИА Латвии, ф.2, оп.1, д.1528; оп.7, д.237; Центр. Гос. Исторический архив Белоруссии, ф.1430, оп.1, т.15, д.32338.
105. О латвийских староверах в 18 веке. – Рижский вестник, 1869, 8 марта, № 2а.
106. О насельниках Гребенщиковской богадельни в 1820 году. – ГИА Эстонии, ф.291, оп.8, №173.
107. О рижских староверах в 1843 г. – ГИА Латвии, ф.412.
108. О рижских староверах в 1828 г. Из архивных дел Канцелярии рижского генерал-губернатора. – Старообрядческий церковный календарь на 1968 год, с.20.
109. О рижских староверах в 1828 г. Архив Псковской Консistorии. – Старообрядческий церковный календарь на 1968 год, с.38.
110. О рижских староверах в 1831 году. - ГИА Латвии, д. № 969.
111. О рижских староверах в 1838 году. Дело Лифляндского духовного правления. - Прибалтийский сб. Е.В.Чешихина, Т.IV, с.557.
112. О рижских староверах в 1852 году. - Рижское секретное совещание. Документ о бракосочетаниях в Гребенщиковской моленной. - Старообрядческий церковный календарь на 1972 год, с.21, 34, 40.
113. О рижских староверах в 1850 году. - ГА Латвии. Материалы канцелярии Рижского генерал-губернатора, д. № 5544.
114. О рижских старообрядцах. - Рижский вестник, 1871, № 165, с.1.
115. О рижском бунте староверов. [Лесков Н. Иродова работа.] - Ист. вестник, 1882, т.7.
116. О таинстве причащения. - Старообрядцы. Рига, 1910.
117. О яacobштадских староверах в 1818 году. – Старообрядческий церковный календарь на 1968 год, с.45.
118. О яacobштадских староверах в 1839 году. – ГИА Эстонии, ф.291/8, № 1371; Секретный архив Курляндской губернии.
119. Обзор Лифляндской губернии за 1905 год. Рига, 1907, с.74.
120. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Синода.

- Центр. Гос. ист. архив СССР, ф.726. СПб., 1868. Т.1, д.386, с.434 - 438.
121. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1868. Т.1, с.661 - 662.
122. Орановский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Ген. штаба Курляндской губернии. СПб., 1862, с.454.
123. Пазухина Н.В. И.Н.Заволоко: вехи жизненного пути. – Памяти Заволоко И.Н. Рига, 1999, с.28-97.
124. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 г. СПб., 1864, с.202 - 203.
125. Пашенин М. О старообрядческой общине в Риге. – Старообрядческий церковный календарь на 1991 год, с.34 - 40.
126. Пашенин М. Старообрядчество и просвещение в Латвии. - *Reliģija. Vēsture. Dzīve. Rīga*, 1993., 174. - 184. lpp.
127. I Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Лифляндская губерния. СПб., 1905. т.21; Курляндская губерния. СПб., 1905, т.19; Витебская губерния. СПб., 1903. т.5, тетр.3.
128. Подмазов А. О некоторых особенностях религиозного сознания верующих старообрядцев. Рига, 1967.
129. Подмазов А. Старообрядчество в Балтийском регионе. Первое столетие истории. – *Reliģija. Vēsture. Dzīve. Rīga*, 1993., 152. - 173. lpp.
130. Подмазов А.А. Старообрядчество в Латвии. Рига, 1970.
131. Подмазов А.А. Церковь без священства. Рига, 1973.
132. Поздеева Н.В. Иван Никифорович Заволоко и комплексные исследования культуры русского старообрядчества. - В кн.: Памяти Заволоко И.Н. Рига, 1999, с.1-27.
133. Полн. собр. постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. IV. СПб., 1876, с.204.
134. Поморский вестник, 1999–2000 гг., №№ 1-7.
135. Пшеничников П.Г. Русские в Прибалтийском крае. [Исторический очерк.] Рига, 1910.
136. Родная старина. Рига, 1927 - 1932 гг., №№ 1-13.

137. Романов Е.Р. Общий очерк Витебской губернии. - В кн.: Памятная книжка Витебской губернии на 1898 г. Витебск, 1898, с.40 - 120.
138. Русские беглые люди в Курляндии в 1783 г. - В кн.: Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1878. Т.2, с.543.
139. Русские в Латвии. - Рижский вестник, 1894, № 44, 704; 1895, № 58; 1896, № 54 - 55; 1871, № 42; 1878, № 52, 213; 1882, № 346; 1885, № 10, 207; 1886, № 40, 159; 1888, № 135, 144.
140. Рябинин И. К вопросу о побегах русских крестьян в пределы Речи Посполитой. - Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. 1911, кн.3, с.17.
141. Сапунов А.П. Витебская сторона. Витебск, 1883.
142. Сапунов А. Исторические отношения Руси Белой и Великой. - В кн.: Памятная книжка Витебской губернии на 1898 г. [Прил., с.3.]
143. Сапунов А.П. Описание Инфлянтских уездов Витебской губернии. - В кн.: Памятная книжка Витебской губернии на 1887 г. Витебск, 1887, с.54.
144. Сапунов А.П. Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906, с.98 - 148, 213 - 253, 329 - 367.
145. Сб. для истории старообрядчества, издаваемый Н.Поповым. М., 1864. Т.1, с.89, 93, 106.
146. Сведения о раскольниках Витебской губернии. - Вестник Западной России, 1865/66. Т.1, кн.1, с.37.
147. Селиванов Ф.М. Стихи духовные. М., 1991.
148. Семейная жизнь в русском расколе. СПб., 1869. II, с.125-126.
149. Сементовский А.И. Этнографический обзор Витебской губернии. СПб., 1872.
150. Семенова М.Ф. Образцы текстов некоторых русских говоров Латвийской ССР. - Учен. зап. Латв. гос. ун-та, 1960, т. XXXVI.
151. Сенатов В.Г. Философия истории старообрядчества. I - II. М., 1908.
152. Сергеев А. Известие о новоженых. - Чтения Отдела НДР, 1868. Кн.3, с.132 - 134.

153. Синайский П. Исторический очерк Рижского кафедрального собора. Рига, 1910.
154. Сеница А.И. Лексика говора русского старожильского населения Преильского р-на ЛатвССР. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук, М., 1964.
155. Сеницин М. Страничка из истории Режицкой кладбищенской староверской общины. - Родная старина. Рига, 1927, № 7, с.13.
156. Смирнов П.С. Из истории раскола. СПб., 1908.
157. Собеседование с им. Старообрядцами в Риге. Рига, 1894.
158. Старовер / Информационный вестник. 100-летие И.Н.Заволоко. Рига, 1997.
159. Староверы в военных поселениях в Динабурге. ГИА Латвии, ф.1, оп.9, д.104, л.125.
160. Староверы в Динабурге. ГИА, ф.712, оп.2, д.38, л.1 - 3.
161. Староверы в Латгалии в 1854 г. ГИА Белоруссии, ф.1297., оп.1, т.12, д.24986, л.81; ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.72, л.1 об.
162. Староверы в Латгалии. ГИА Латвии, ф.777, оп.2, д.7, л.1.
163. Староверы в Риге и Слоке. ГИА Латвии, ф.1, оп.10, д.1415, л.13, 14, 19, 20.
164. Староверы в 1897 г. ГИА СССР, ф.1263, оп.1, д.4722, л.639.
165. Староверы - пахотные крестьяне. ГИА Латвии, ф.712, оп.1, д.324, л.1 - 14.
166. Старообрядческий мир. Двинск, 1924, № 1, с.3.
167. Старообрядчество Латвии вчера, сегодня, завтра. - Бодровские чтения. Доклады I научно-практической конференции «Старообрядчество в Латвии». 25 сент. 1996 г. в дер. Круки Резекненского р-на. Резекне, 1999.
168. Статьи 1813 года. - Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1869. II кн., с.166-168.
169. Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч.II, с.28 - 29.
170. Трубников П. (Петр Пильский) Что видел И.С.Шмелев в Латгалии и в Эстонии. - Сегодня, 1936, № 261.
171. Тр. Всероссийского съезда по народному образованию христиан старообрядцев-поморцев, бывшего в Двинске 3 - 5 июля 1911.

172. Тр. Первого всероссийского съезда по народному образованию старообрядцев-поморцев. Двинск, 1911.
173. Тынянов Ю.Н. Резекне, 900-е годы. – Знамя труда, 1979, 20 октября.
174. Тынянов Ю.Н. Писатель и ученый. Воспоминания, размышления, встречи. М., 1966, с.9.
175. Увещевание. М., 1840.
176. Успенские М., В. и А.И. Очерк церковных древностей города Риги. М., 1900.
177. Уход без семьи, перевоз семьи. - Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.14, с.266, 381.
178. Хронограф литовский двухсотлетний, сиречь летописец степенный древлеправославного христианства (Фотокопия в отделе рукописей библиотеки АН СССР в Ленинграде).
179. Фейгмане Т.Д. «Следственное дело» НКВД на И.Н.Заволоко. - В кн.: Памяти Заволоко И.Н. Рига, 1999, с.132-152.
180. Фольклорные и этнографические материалы, записанные в Латгалии. - В кн.: Макашина Т.С. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М., 1979, с.61 - 153.
181. Фридрих И.Д. Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор. Рига, 1972.
182. Фридрих И.Д. Русский фольклор в Латвии. Сказки. Рига, 1980.
183. Фридрих И.Д. Частушки. Рукопись в Пушкинском Доме (СПб).
184. Чешихин Е. Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. I - IV. Рига, 1876 - 1882.
185. Чистович И. Очерки истории Западно-русской Церкви. I - II.
186. Шерст Т.И. 100-летие храма Гайковской старообрядческой общины г. Даугавпилса. - Старообрядческий церковный календарь на 1987 год, с.56.
187. Шилов Ф. Записки старого книгоноши. М., 1959. [О библиотеке М.Е.Синицине.]
188. Эмиграция староверов из Латгалии. - ГИА Латвии, ф.713, оп.3, д.101, 269 и др.
189. Юрьев Б. В вере ли мы? / О духовно-нравственном состоянии

- латвийского староверия. Рига, 1999.
190. Brežgo V. Daugavpils nūvods (starostwo)/ - Sējējs, 2.sēj. Rēzekne, 1948., - 40.lpp.
191. Brežgo V. Latgolas inventari un generalmēreišonas zem'ū aproksti. 1695-1784. Daugavpils, 1943.
192. Eckkardt Julius. Zur Geschichte der russischen Altgläubigen in Riga. - In: Burgerthum und Bureaukratie, 1870.
193. Erss A. Zemes balsis. I - II. R., 1939. / 1940.
194. Jaunsudrabiņš J. Jaunsaimnieks un velns. R., 1933.
195. Kemps F. Latgales likteņi. R., 1938.
196. Latviešu konversācijas vārdnīca, 1 - 21. R., 1927 - 1940, IX. sēj., 18239 след.
197. Lietgalietis Krasnais V. Latvju Adzeles zemes un tās sešu apgabalu liktenis. - Grām.: Krasnais V. Ziemeļlatgales atmoda. R., 1935, 29. - 31.lpp.
198. Mantenffel G. Polnisch Livland. R., 1969, S.24.
199. Novoselovs J. Citas tautības Latvijā. - Grām.: Latvijas zeme, daba un tauta. R., 1937.
200. Pāvuliņa K. Krustpils. - Grām.: Latvju raksti. 2.sēj., R., 21.lpp.
201. Plaudis J. Ložmetēju rota. R., 1940.
202. Podmazovs A. Vecticība Latvijā. R., 2001.
203. Skujenieks M. Latvieši svešumā un citas tautas Latvijā. Vēsturiski statistisks apcerējums par emigrāciju un imigrāciju Latvijā. R., 1930, 40.lpp.
204. Skujenieks M. Latvija. Zeme, daba un iedzīvotāji. R., 1927.
205. Stradiņš J. Trešā atmoda. R., 1992.
206. Strods H. Latgales iedzīvotāju etniskais sastāvs. 1771.- 1959. R., 1989.
207. Šilde A. Latvijas vēsture 1914.- 1940. Stokholma, 1976.
208. Zavarina A. Latgolas krīvu īdzeivotōji pec 1772. goda tautys skait-eišonys datim. - Acta Latgalica, 8. Rēzekne, 1994.

Некоторые статистические данные о количестве староверов и православных в Латвии (1897 – 1935 гг.)

Таблица 1

Состав населения Латвии по вероисповеданию
(по данным переписей населения в 1897 – 1935 гг.), %¹

Вероисповедание	Год переписи				
	1897	1920	1925	1930	1935
Лютеране-евангелисты	59,1	57,3	57,2	55,7	55,2
Другие протестанты	0,5	0,6	0,8	0,9	1,0
Католики	20,2	23,5	22,6	23,7	24,5
Православные	8,6	8,7	9,1	8,9	8,9
Староверы ²	4,1	4,6	4,8	5,1	5,5
Иудеи	7,4	5,0	5,2	4,9	4,8
Другие	0,1	0,3	0,3	0,8	0,2

1. Составлено по: Rutkis J. Latvijas ģeogrāfija. Stockholm, 1960, – 461. lpp.
2. Я.Руткис, основываясь на данных переписей населения, отмечает, что количество староверов в Латвии непрерывно возрастало, достигая, соответственно, в 1920 г. – 73 310 чел., в 1925 г. – 89 239 чел., в 1930 г. – 96 802 чел., в 1935 – 107 195 чел. (Указ. соч., с.466).

Распределение староверов и православных по регионам и уездам Латвии
(по данным переписей населения 1930 и 1935 годов), чел.

	1930 г. ¹		1935 г. ²	
	Староверы	Православные	Староверы	Православные
Рига	10 656	32 802	11 525 ³	33 728 ³
Видземе в целом	2 239	34 712	2 808 ³	34 321 ³
Рижский уезд	919	9 274	1 195	9 006
Цесский уезд	294	3 497	334	3 570
Валмиерский уезд	115	5 035	150	4 804
Валкский уезд	202	3 852	206	4 261
Мадонский уезд	709	13 054	923	12 680
Курземе в целом	968	6 386	1 358 ³	6 994 ³
Лиелайский уезд	302	2 768	368	3 079
Айзпутский уезд	25	246	59	320
Кулдигский уезд	119	787	188	947
Вентспилсский уезд	55	1 371	141	1 348
Талсинский уезд	467	1 214	602	1 300

	1930 г.		1935 г.	
	Староверы	Православные	Староверы	Православные
Земгале в целом	11 322	7 604	12 922 ³	8 644 ³
Тукумский уезд	155	790	201	935
Елгавский уезд	730	2 185	1 069	2 660
Бауский уезд	95	387	153	470
Екабпилсский уезд	1 278	1 099	1 613	1 390
Илукстский уезд	9 064	3 143	9 886	3 189
Латгале в целом	71 617	88 121	78 582 ³	90 702 ³
Даугавпилсский уезд	31 678	10 392	34 791	10 205
Резекненский уезд	36 054	5 735	39 453	5 815
Лудзенский уезд	3 639	21 512	3 992	21 976
Яунлатгальский уезд	246	50 482	346	52 706
Латвия в целом	96 802	169 625	107 195	174 389

Составлено по:

1. Latvijas statistiskā gada grāmata 1930.g. R., 1931., 8.–9. lpp.
2. Mādrups A. Apmērku un pagastu apraksts. R., 1937.
3. Latvijas statistiskā gada grāmata 1935.g. R., 1936., 8.–9. lpp.

Национальный состав православных и староверов в 1935 г.
(по данным переписи населения), чел.¹

Национальность	Православные	Староверы
Латыши	57 600	2 786
Русские	103 438	99 810
Евреи	26	2
Немцы	587	12
Поляки	764	149
Белорусы	8 520	4 037
Литовцы	151	69
Эстонцы	1 139	2
Другие	2 164	328
Всего	174 389	107 195

1. Составлено по: Rutkis J. Latvijas ģeogrāfija. Stokholma, 1960., 462. lpp.

Таблица 4

Численность старообрядцев по волостям Даугавпилсского, Резекненского, Лудзенского и Илукетского уездов
(данные переписи населения 1935 года)¹

Название волости	Название старообрядческой общины	Кол-во старообрядцев, в т.ч. в %
Аулейская	Ковалевская	2137 (29,13 %)
Бикерницкая	Пантелишская, Кривошеевская, Бикерницкая, Королевщинская	4318 (88,07 %)
Дагдская	Сотниковская	1074 (15,12 %)
Извалтская	Слостовская, Шкельтовская	2209 (30,13 %)
Ясмуйжская		511 (7,71 %)
Калупская	Балтмуйжская, Ащицкая	837 (13,96 %)
Капинская	Фольварская, Масловская	3467 (27,79 %)
Ликсненская	Криванская	1400 (13,01 %)
Ливанская	Петермуйжская, Свято-Покровская	1420 (18,22 %)

Название волости	Название старообрядческой общины	Кол-во старообрядцев, в т.ч. в %
Науенская		1842 (29,85 %)
Прельская	Мосвинская, Тишинская	2376 (24,98 %)
Рудзатская	Малукальская	378 (11,28 %)
Унгермуйжская	Липсольская	719 (22,57 %)
Варковская		1268 (16,86 %)
Выпеская	Эзермуйжская	722 (30,52 %)
Вышковская	Данишевская, Бондаришская, Лубанецкая, Новотокаревская	3116 (30,46 %)
Резекненский уезд		
Андруленская	Липушская, Рудушская, Артемовская	2568 (25,62 %)
Аташенская	Эндзельская	592 (17,92 %)
Букмуйжская		718 (10,08 %)
Каунатская		1854 (18,49 %)
Макашанская		1720 (22,51 %)
Малтская (Малтовская)	Боровская, Вайновская	2936 (29,62 %)
Озолмуйжская		3116 (58,82 %)

Название волости	Название старообрядческой общины	Кол-во старообрядцев, в т.ч. в %
Резненская	Исмерская, Реченская	3833 (37,32 %)
Ружинская	Тискадская, Парамоновская, Борисовская, Штыканская	5060 (70,98 %)
Сактыгальская	Гурилишская, Пудревская, Ульяновская	3393 (45,08 %)
Силаянская	Костыговская, Крупенишская, Шпаковская	4809 (49,53 %)
Вараклянская		862 (11,37 %)
Видсмуйжская	Ломовская, Макаровская, Нотренская, Вилцанская	2296 (26,35 %)
Виленская	Плюсковская, Римшенская	2963 (34,86 %)
	Лудзенский уезд	
Рунданская	Ближневская, Боровская	1359 (31,89 %)

Название волости	Название старообрядческой общины	Кол-во старообрядцев, в т.ч. в %
Звирздинская	Илукстский уезд	617 (10,20 %)
Деменская		810 (22,98 %)
Курцумская	Медумская	575 (22,37 %)
Лассенская		320 (10,35 %)
Лауцесская	Володинская	1446 (36,13 %)
Раудасская		115 (11,11 %)
Салиенская	Островская	636 (16,57 %)
Скрудалинская	Войтишская	1061 (31,81 %)

Примечание

1. Matdņups A. Arņņķu un paģastu arņņķsts. R., 1937. В табл. приведены данные о численности старообрядцев в тех волостях, где их доля составляла более 10% проживавших.

Доля старообрядцев среди сельского населения Латвии в 1935 году.

Список старообрядческих общин Латвии

(Фамилии наставников и председателей советов, количество членов общины)

№ п.п.	Название общины ¹	Год основания	СЦК ² на 1927 г.		СЦК ³ на 1928 г.		СЦК ⁴ на 1930 г.	СЦК ⁵ на 1939 г.	СЦК ⁶ на 1998 г.
			Фамилия И.О.	4	Фамилия И.О.	5			
1.	Арканская Pīdāas pagasts	1859	Наст. Н.Ф. Гудков Предс. О.Ф. Колосов	4	Наст. Н.Ф. Гудков Предс. А.В. Колосов	5	Наст. Н.Ф. Гудков	992	Не значится
2.	Артемовская Andreju pag.	1909 ⁷	Наст. П.К. Афанасьев Предс. Я.Ф. Шалаев	4	Наст. П.К. Афанасьев Предс. Я.Ф. Шалаев	5	Наст. Н.М. Миронов	828	Не значится
3.	Ашинская Dubnas pag.	1859	Наст. И.Суходынцеv Предс. А.Терентьев	4	Наст. И.Суходынцеv Предс. А.Терентьев	5	Наст. И.Суходынцеv	332	И.о. наст. Иван Прокофьев Предс. Малфей Наумов Не значится
4.	Балтуйская Kalupes pag.	1906	Наст. К.Д. Цветков Предс. С.К. Ваньков	4	Наст. А.С. Николаев Предс. С.К. Ваньков	5	Наст. А. Николаев	596	Не значится
5.	Бикерникая Viķemīši pag.	1889 ⁷	Наст. И.Родионов Предс. И.Яковлев	4	Наст. И.Родионов Предс. И.Яковлев	5	Наст. И.Родионов	194	Не значится
6.	Ближневская Rundāni pag.	XVIII в. ⁷	Наст. И.Михеевич Предс. П.Лосев	4	Наст. И.Михеевич Предс. П.Лосев	5	—	800	Предс. Спиридон Жуков
7.	Бондаришская Maļinovas pag.	С давних времен	Наст. К.Н. Вылев Предс. Ф.М.Максимов	4	Наст. К.Н. Вылев Предс. Ф.М.Максимов	5	—	558	Не значится
8.	Борисовская Sīlmalas pag.	1875 ⁷	Наст. А.В. Сираков Предс. И.Е. Колесников	4	Наст. А.В. Шарак Предс. И.Е. Колесников	5	Наст. А.Шарак	1536	И.о. наст. П.Соколов Предс. Илья Суриков
9.	Боровская Rundāni pag.	1911	Наст. С.К. Федоренко Предс. И.Л. Юдин	4	Наст. С.К. Федоренко Предс. Д.Г. Кориев	5	Наст. С.Федоренко	1275	Не значится
10.	Вайновская Ģetmāri pag.	1907 ⁷	Наст. А.Н.Горшаков Предс. В.А. Добрецев	4	Наст. А.Н.Горшаков Предс. И.П.Зенов	5	Наст. А.Г.Оршаков	1800	Предс. Епистимия Горина

1	2	3	4	5	6	7	8	9
11.	Войтицкая Skrudalietas pag.	1740 (1729) ¹	Наст. Ф.А.Васильев Предс. А.Г.Танаев	Наст. Ф.А.Васильев Предс. А.Г.Танаев	395 семей	Наст. Ф.Васильев	1951	И.о.наст. Архип Парфенов Предс. Родион Шулперт
12.	Вилянская Slavnieku pag.	1928 ⁷	—	—	—	Наст. Е.Федоров	308	
13.	Вилькельская Skrudalietas pag.	1900 ⁷	Наст. Ф.Потапов Предс. В.Цыбуревкин	Наст. Ф.Потапов Предс. В.Цыбуревкин	—	Наст. Ф.Потапов	1479	И.о. наст. Викула Михайлов Предс. Иван Потапуев
14.	Вилянская	1922 ⁷	Наст. С.Титов Предс. И.Гук	Наст. С.Титов Предс. И.Гук	—	Наст. М.Богданов	180	Предс. Анна Шатилова
15.	Володичская Laucseses pag.	1660 (1629) ¹	Наст. И.Колосов Предс. А.Прошенко	Наст. Ф.Е.Коробков Предс. А.И.Прошенко	937	Наст. Ф.Коротков	1223	И.о. наст. Никита Рыжаков
16.	Гурицкая Sakstadaļa pag.	Славных времен 1993	Наст. И.М.Ермолаев Предс. К.М.Облаков	Наст. И.М.Ермолаев Предс. К.М.Облаков	2407	Наст. И.Ермолаев	2533	Предс. Феофия Борисова Предс. Мария Фролова
17.	Дагденская		—	—	—	—	—	И.о. наст. Василий Шалаев
18.	Данилевская Višķu pag.	1728 ⁷	Наст. И.Е.Филимонов Предс. И.Е.Филимонов	Наст. И.Е.Филимонов Предс. И.Е.Филимонов	—	Наст. И.Филимонов	1186	Предс. Трофим Богданов Наст. о.Сергий Андреев Предс. Мария Андреева
19.	Даугавпилская Гайковская	1884 (1880)	Наст. В.Т.Красников Предс. И.П.Григорьев	Наст. В.Т.Красников Предс. И.П.Григорьев	1005	Наст. В.Красников	792	Наст. о.Климент Тришкин Предс. Абрамий Михайлов
20.	Даугавпилская Грицкая	1872	Наст. З.П.Кузнецов Предс. Ф.С.Барун	Наст. З.П.Кузнецов Предс. Ф.С.Барун	1473	Наст. З.Кузнецов	920	Наст. о.Никанор Зубков Предс. Софроний Бобылев
21.	Даугавпилская 1-я Новостроенская	1907	Наст. А.И.Екимов Предс. И.В.Дорофеев	Наст. А.И.Екимов Предс. И.В.Дорофеев	1259	Наст. А.Екимов	920	Наст. о.Александр Жилко Предс. он же
22.	Даугавпилская 2-я Новостроенская	1908 ⁷	Наст. Г.Филагов Предс. П.Стрельцов	Наст. Г.Филагов Предс. П.Стрельцов	950	Наст. Г.Филагов	640	Не значится

1	2	3	4	5	6	7	8	9
23.	Даугавпилская Старофорштадтская		II Старофорштадтская, ул.Ликсенская, 40 Наст. И.Алексеев Предс. Л.Кузнецов	Наст. И.Алексеев Предс. Л.Кузнецов	1207	Наст. Т.Добрецов	502	Наст. о.Тимофей Курашинов Предс. Павел Астафьев
24.	Даугавпилская 1-я поморско-брачного согласия	—	Двинская на Старом форштадте, ул.Ликсенская, 38 Наст. И.Алексеев Предс. Ф.Марков	—	—	—	61 ул. Веп- тиби- ниеску, II	Не значится
25.	Даугавпилская Малоткинско-Юдовская	1909	Наст. К.Красовский Предс. Т.Климченков	Наст. К.Красовский Предс. Т.Климченков	700	Вакансия	468	Наст. о.Козьма Никифоров Предс. Валентина Синица
26.	Даугавпилская Нидеркунская	1907	Наст. В.К.Чернецов Предс. Я.С.Нецветный	Наст. В.К.Чернецов Предс. Я.С.Нецветный	280 семей	Наст. В.Чернецов	2000	Наст. о.Василий Васильев Предс. Алфия Стародублева
27.	Екабпилская	1906	Наст. Н.Е.Егоров Предс. И.А.Китов	Наст. Н.Е.Егоров Предс. Е.А.Китов	590	Наст. Н.Егоров	3000	Наст. о.Харлампий Данилов
28.	Елгавская	1797 ⁷	Наст. Ф.В.Сомонов Предс. Т.Н.Ропнонок	Наст. Ф.В.Сомонов Предс. Т.Н.Ропнонок	—	—	368	Наст. о.Трифон Кустиков о.Тихон Осипов Предс. Афанасий Махонин
29.	Ендзельская Mežāres pag.	1912 ⁷	Наст. Г.Я.Виттов Предс. И.Д.Денисов	Наст. Г.Я.Виттов Предс. И.Д.Денисов	200 семей	Наст. П.Муравьев	1476	Предс. Федор Сеньков
30.	Застенковская Naučienas pag.	С давних времен	Наст. М.А.Власов Предс. Ф.И.Иванов	Наст. М.А.Власов Предс. С.В.Строганов	1164	Наст. М.Власов	1500	Не значится

1	2	3	4	5	6	7	8	9
31.	Илукетская	1845	Наст. В.П. Григорьев Предс. А.П. Ковалевский	Наст. В.П. Григорьев Предс. А.П. Ковалевский	270	Наст. П.Евдокимов	220	Предс. Фаина Котова
32.	Исмерская Lidlavas pag.	1861	Наст. А. Букагин	Предс. И.М. Суворов	2368	Наст. А. Букагин	2441	Наст. о. Иульян Зимов Предс. Николай Бизунов Предс. Иван Богданов
33.	Калницемская	2000 (загегист- рирована)	—	—	—	—	—	—
34.	Кампилская Ozolaines pag.	1792	Наст. И.Д. Бороздин Предс. В.В. Васильев	Наст. И.Д. Бороздин Предс. В.В. Васильев	2924	Наст. И. Бороздин	3025	Предс. Яков Никитин
35.	Ковалевская Grāvēci pag.	1726	Наст. Т. Добрецов Предс. И.Прокофьев	Наст. Я.И. Белогрудов Предс. С.Т. Белогрудов	4800	Наст. Я. Белогрудов	2500	И.о.наст. Ефим Осипов Предс. Максим Никитин
36.	Королевщин- ская, Višķu pag.	1917	Наст. Н. Романов	Наст. Н.Б. Романов	494	Наст. Н. Романов	512	Предс. Марфа Трофимова
37.	Костыговская Silajāni pag.	1879 ⁷	Предс. М.Т. Смирнов	Предс. В.Т. Гаврилов Предс. М.Т. Смирнов	—	Наст. И.Харитонов	1150	Наст. о.Максим Волков Предс. он же
38.	Краславская	1850	Наст. Е.Ф. Бобров Предс. Ф.М. Шлапоченко	Наст. Е.Ф. Бобров Предс. Ф.М. Шлапоченко	423	Наст. Е. Бобров	554	И.о.наст. Елиферий Емельянов Предс. Петр Смирнов
39.	Криванская Vašoles pag.	1908 ⁷	Наст. Л.Цыркин	Наст. Л.Н.Цыркин	474	Наст. Л.Цыркин	470	Предс. Петр Богданов
40.	Кривоневская Viķmetieki pag.	С давних времен	Предс. М.Таврилов Предс. С.Лукиянов	Предс. А.В. Арламов Наст. М.Таврилов Предс. И.И.Авдеев	532	Наст. М.Гаврилов	2890	И.о.наст. Яков Иванов Предс. Павел Лукьянов
41.	Кристелльская Vīļāni pag.	В начале XVIII в.	Наст. Л.Пильшиков Предс. Ф.Калинин	Наст. Л.С.Пильшиков Предс. Г.П.Маслобов	937	Наст. Л.Пильшиков	1000	Предс. Павел Лебелев
42.	Крупенильская Sīļāņi pag.	1897	Наст. П.А.Афанасьев Предс. В.Большаков	Наст. П.А.Афанасьев Предс. И.П.Соколов	411	Наст. П.Афанасьев	494	Не значится
43.	Куржская Rīdas pag.	—	Не значится	Не значится	—	Не значится	119	Не значится
44.	Ливанская	1903	Наст. К.К. Кузьмин Предс. К.К.Карпов	Наст. и предс. К.К.Карпов	113	Наст. К. Карпов	127	Наст. о.Федор Бехчанов Предс. Любовь Ермеяева
45.	Липнайская	1906	Наст. Н.Петров Предс. В.Волков	Наст. Н.К.Петров Предс. В.И.Волков	161	Наст. Н.Петров	180	Наст. о.Михаил Александров Предс. Антонина Ершова

1	2	3	4	5	6	7	8	9
46.	Лидзенская Nizgas pag.	С давних времен	Наст. С.С.Сеньков Предс. Г.Ф.Русанов	Наст. С.С.Сеньков Предс. И.Е.Строгонов	654	Наст. С.Сеньков	750	Не значится
47.	Липсольская Liputmiņas pag.	1921	Наст. И.В.Васильев Предс. Т.А.Бобров	Наст. И.В.Васильев Предс. Т.А.Бобров	271	Наст. И.Васильев	496	Не значится
48.	Липульская Mākonkalna pag.	1809 ⁷	Наст. Г.К.Григорьев Предс. М.Н.Богданов	Наст. Г.К.Григорьев Предс. М.Н.Богданов	—	Наст. Г.Григорьев	1500	Предс. Иван Сорокин
49.	Ломовская Saiēni pag.	1675	Наст. Е.М.Игнатьев Предс. В.Р.Чулков	Предс. А.А.Соколов	1716	Наст. Е.Бригуленко	1700	Предс. Петр Курашов
50.	Лубанецкая Višķi pag.	1925	Наст. Л.И.Зеленков Предс. В.Н.Корелов	Наст. А.И.Авдеев Предс. В.Н.Корелов	50	Наст. К.Красовский	382	Наст. о Сергей Андреев Предс. Федор Васильев
51.	Лудзенская	1900	Наст. Т.С.Корзинов Предс. К.Никифоров	Наст. Т.С.Корзинов Предс.	489	Наст. Т.Корзинов	684	Предс. Дмитрий Фомин
52.	Макаровская Saiēni pag.	1904	Наст. Е.Бригуленко Предс. А.Щербаков	Наст. Е.П.Бригуленко	874	—	921	Предс. Степан Щербаков
53.	Малтская- Боровская Maltas pag.		Не значится	Не значится	—	Не значится	339	Предс. Яков Цветков
54.	Малукальская Rudziāti pag.	1905 ⁷	Наст. Д.К.Логоинов Предс. С.С.Пауков	Наст. Д.К.Логоинов Предс. С.С.Пауков	—	Наст. К.Цветков	573	Не значится
55.	Масловская Andrupenes pag.	С давних времен	Наст. С.Зуев Предс. Р.Тимофеев	Наст. С.Д.Зуев Предс. Р.А.Тимофеев	1217	Наст. К.Бередишников	1337	Предс. Климентий Шлякин-Шляков
56.	Мелумская Medumu pag.		Не значится	Не значится	—	Не значится	426	Предс. Дмитрий Шлякин-Шляков
57.	Москвинская Preiļu pag.	1729 ⁷	Предс. Р.Егоров	Наст. И.Н.Валев Предс. Р.Л.Егоров	2422	Наст. И.Валев	2337	Предс. Дмитрий Степанов
58.	Нейвакская (Вирбенская) Virbu pag.	1913	Наст. и предс. Е.Дембовский	Наст. и предс. Е.Дембовский	300	Наст. Е.Дембовский	232	Предс. Ефросиния Салдавола
59.	Нотренская Viļāni pag.	1830	Наст. Ф.В.Ершов Предс. Ф.Ф.Смирнов	Наст. Ф.В.Ершов Предс. С.А.Смирнов	849	Наст. Ф.Ершов	927	Предс. Леонид Соловьев
60.	Островская Sālienais pag.		Не значится	Не значится	—	Не значится	294	Не значится

1	2	3	4	5	6	7	8	9
61.	Пангилишкая Віфетіеку раг.	1907	Наст. М.И.Жуков Предс. Н.В.Григорьев	Наст. М.И.Жуков Предс. Н.В.Григорьев	2350	Наст. М.Жуков	2500	Предс. Маргана Яковлева
62.	Парамоновская Рушани раг.	1884	Наст. А.Бродов Предс. А.Буклагин	Наст. М.Е.Суворов Предс. А.И.Буклагин	224	Наст. М.Суворов	276	Не значится
63.	Петермурайская Lvaši раг.	1913 ⁷	Наст. В.Арламов Предс. Н.Семенов	Наст. В.Е.Арламов Предс. В.Е.Ломакин	588	Наст. В.Арламов	691	Не значится
64.	Плюсковская Rikavas раг.	1922	Наст. П.Г.Бекасов Предс. К.З.Зинювев	Наст. З.К.Белов Предс. И.Никитин	713	Наст. З.Белов	743	Предс. Евдокия Кирсанова
65.	Прейльская	1906	Наст. П.Г.Бекасов Предс. К.Т.Максимов	Наст. П.Г.Бекасов Предс. П.С.Федоров	827	Наст. С.Иришин	690	Наст. о.Иоанн Кудряшов Предс. Василий Храпунов
66.	Пудревская Auditi раг.	1719 ⁷	Предс. Л.У.Вишняков	Наст. А.С.Быстров Предс. Л.У.Вишняков	3045	Наст. О.Быстров	3416	Предс. Феоктист Ковальков
67.	Резекленская кладбищенская		Наст. А.С.Синельников Предс. М.Д.Синицын	Наст. А.С.Синельников Предс. М.Д.Синицын	—	Наст. А.Синельников	2025	Наст. о.Василий Быстров Предс. Иван Козлов
68.	Резекленская Преображенская		Наст. П.Муравьев	Наст. П.Муравьев	—	Наст. К.Вылв	1000	Не значится
69.	Реченская Sotaja раг.	1830	Наст. Г.Орлов Предс. В.Васильев	Наст. Г.Л.Орлов Предс. Г.С.Большаков	2466	Наст. Г.Орлов	3649	Предс. Лука Кудрявцев
70.	Рижская Гребницков-ская	1760	Наст. Ф.Кузьмин Предс. В.Кудрячев	Наст. Ф.К.Кузьмин, М.П.Митрофанов Предс. В.Г.Кудрячев	9200	Наст. Ф.Кузьмин	5447	Наст. о.Иоанн Миролюбов, о.Трифон Кустиков, о.Михаил Александров Предс. Илларион Иванов
71.	П Рижская старообряд. община (помершы)		Календарь на 1923 год. наст. Д.Е.Петринин	Не значится	—	Не значится	—	Не значится
72.	Римшенская Vīdani раг.	1904	Наст. Л.А.Шутов Предс. С.Ф.Терехов	Наст. П.С.Козырев Предс. С.Ф.Терехов	366	Наст. П.Козырев	332	Не значится
73.	Рубенишская Mājnovas раг.	1889 ⁷	Наст. П.Егоров Предс. Ф.Сергеев	Наст. П.С.Степанов Предс. С.П.Маркелов	705	Наст. П.Степанов	742	Не значится
74.	Рудушская Andzeļu раг.	1813 ⁷	Наст. Я.Ф.Иванов Предс. А.Н.Бубко	Наст. Я.Ф.Иванов Предс. А.Н.Бубко	1564	Наст. Я.Иванов	1907	Предс. Григорий Челнов

1	2	3	4	5	6	7	8	9
75.	Свято-Покровская (Кведлер-Ведумская) Līvānu pag.	1925	Наст. Ф.Беллев Предс. Е.Т.Калинов	Наст. Ф.С.Белиев Предс. М.Т.Калинов	123		168	Не значится
76.	Свято-Введенская (Ново-деревенская) Līkšas pag.	1926	Наст. Е.Афанасьев Предс. Ф.Михеев	Наст. Е.А.Афанасьев Предс. Ф.П.Михеев	362	Наст. Е.Афанасьев	380	Не значится
77.	Скандинавская Riebiņu pag.	С давних времен	Наст. П.З.Захаров Предс. Т.Ф.Кузнецов	Наст. П.З.Захаров Предс. Д.К.Артемьев	1634	Наст. П.Захаров	1659	Предс. Дмитрий Фирсов
78.	Слоотская Sķelņovas pag.	1889	Наст. П.Курченко Предс. Л.Иванов	Наст. П.Т.Курченко Предс. А.Ф.Яковлев	1200	Наст. П.Курченко	1307	Наст. о.Михаил Полгин Предс. Семен Прокофьев
79.	Сотниковская Dagdas pag.	1906	Наст. Н.Бороздин Предс. С.Никифоров	Наст. Н.Д.Бороздин Предс. С.Я.Никифоров	1087	Наст. Н.Бороздин	643	Не значится
80.	Стародворская Adonas pag.	1840	Наст. И.К.Макряков Предс. Макряков	Наст. И.К.Макряков Предс. С.Н.Дударев	681	Наст. М.Митрофанов	705	Предс. Ульяна Макрякова
81.	Субатская	1906	Наст. М.Дмитриев Предс. К.Колдов	Наст. М.И.Дмитриев Предс. М.В.Страшнов	619	Наст. М.Дмитриев	735	Предс. Павел Скачков
82.	Тискалская Sīmalas pag.	1908	Наст. И.С.Хоритоненков Предс. А.Ф.Голубов	Наст. И.С.Харибоненко Предс. П.К.Веселов	2513	Наст. Г.Виттов	3175	Наст. о.Василий Быстров Предс. Илья Быстров
83.	Тишинская Rreīļu pag.	С давних времен	Наст. Н.Г.Акишин Предс. Е.Г.Тимофеев	Наст. Н.Г.Акишин Предс. П.Ф.Трифонов	642	Наст. Н.Акишин	630	
84.	Трестинская Kalnešu pag.	1725	Наст. А.Николаев Предс. Ф.Румянцев	В.и.о.наст. С.А.Пименов	420	Наст. И.Васильев	200	Предс. Сергей Пиманов
85.	Ульяновская Saksīgalā pag.	1875	Наст. М.Самсонов Предс. П.Алексеев	Предс. Р.И.Соколов Наст. М.А.Самсонов	600	Наст. М.Самсонов	667	Предс. Маркиян Самсонов
86.	Фольварковская Kastūlnas pag.	С давних времен	Наст. Д.К.Логинов Предс. Назаров	Наст. Д.К.Логинов Предс. С.С.Морашев	2654	Наст. Д.Логинов	1175	Предс. Александр Лисов
87.	Шинцевская Rezeknes raj.		Не значится	Не значится	—	Не значится	76	Не значится

1	2	3	4	5	6	7	8	9
88.	Шпаковская Špakovi pag.	1841	Наст. Е. Выев Предс. В. Виноградов	Наст. К. П. Смирнов Предс. В. С. Виноградов	543	Наст. К. Смирнов	490	Не значится
89.	Шгъланская Šhtalnas pag.	С давних времен	Наст. К. П. Смирнов Предс. И. В. Чулков	Наст. Е. П. Павлов Предс. А. А. Поляков	1288	Наст. Е. Павлов	1619	И. о. наст. Андриан Веревкин Предс. Дмитрий Юдин
90.	Эглайнская	1921	Наст. Ф. А. Иванов Предс. И. С. Трофимов	Наст. Ф. А. Иванов Предс. Т. К. Прокопов	293	Наст. Ф. Иванов	186	Предс. Праксовья Исаева
91.	Яунпагастская Jūnpagasts pag.		Не значится	Не значится	—	Не значится	355	Не значится

Примечания

1. Названия и местоположение общин, не перерегистрированных в 90-е годы XX века, даны по состоянию до 1940 года. См.: LVVA f. 1370, apr. 1, № 1367.
2. Старообрядческий календарь на 1927 год. Под ред. наставника А. Екимова. Двинск, 1926.
3. Старообрядческий календарь на 1928 год. Под ред. наст. А. Екимова. Двинск, 1927.
4. Старообрядческий календарь на 1930 год. Под ред. А. Екимова. Двинск, 1929.
5. Старообрядческий календарь на 1939 год. Изд. Совета Рижской Гребенщицкой старообрядческой общины. Рига, 1939, с. 66 – 67.
6. Старообрядческий Поморский церковный календарь на 1998 год. Изд. – Рижская Гребенщицкая старообрядческая община. Рига, 1997, с. 87–89.
7. Latvijas Valsts vēstures arhīvs, f. 1370, apr. 1, № 1367.

Список старообрядческих организаций Латвии

1. Центральный комитет по делам старообрядцев Латвии. Создан в ноябре 1920 г. в составе: Ф.Павлов (председатель), М.Каллистратов (товарищ председателя), Г.Елисеев (секретарь), С.Воробьев (казначей), И.Колосов, Ф.Барун, Л.Филимонов, П.Бохонов, Н.Быстров, Большаков, Е.Юдин, И.Китов, Денисов, Л.Волович, К.Еремеев.

22 марта 1922 г. состоялся первый съезд наставников и начетчиков, на котором была создана Духовная комиссия.

2. Совет старообрядческих соборов и съездов в Латвии. Создан в мае 1929 г. Председатель - С.Р.Кириллов. В Совете зарегистрировалось 33 общины.

3. Центральный Совет Древлеправославной Поморской Церкви Латвии. Создан в феврале 1989 г. на съезде представителей 37 староверческих общин Латвии. В состав ЦС были избраны: о.Иоанн Миролюбов (председатель), о.Василий Быстров (председатель Духовной комиссии), А.Ф.Каратаев (зам. Председателя ЦС), о.Максим Поддубников, о.Харлампий Данилов, о.Козма Никифоров, С.П.Васильев, Т.В.Кустиков, Т.И.Шерст. Отец Георгий Подгурский был избран почетным членом ЦС, а старейший наставник Латвии о. Аггей Волков - почетным председателем ЦС ДПЦ Латвии. В сентябре 2001 года в храме Даугавпилсской Гайковской старообрядческой общины состоялся чрезвычайный Собор Древлеправославной Поморской Церкви Латвии. В его работе участвовали гости и делегаты из 51 общины. Собор избрал новый состав ЦС и Духовной комиссии.

4. Общество Гребенщиковская старообрядческая богадельня в г. Рига учреждено в середине XVIII века.

5. Общество Гребенщиковское училище в г.Рига основано в 1864 г. В 1927 г. И.Н.Заволоко при обществе был основан Кружок ревнителей русской старины.

6. Гребенщиковское общество для воспитания бедных детей в

г. Рига основано в 1899 г.

7. Староверческое певческое общество в Латвии существовало с 1932 г. Руководил им П.Ф.Фадеев.

8. Старообрядческое общество в Латвии основано в 1908 г. под названием «Взаимно-вспомогательное, благотворительное и просветительское общество старообрядцев в г. Риге». Первым председателем общества был Е.Т.Поспелов.

Наибольшую активность Общество проявляло в 20-е годы. Во многом это было связано с личностью его председателя Ф.С.Павлова. После событий мая 1934 г. сфера деятельности СОЛ значительно сократилась. Оно получило новое название «Рижское старообрядческое культурно-просветительское и благотворительное общество». В 1940 г. старообрядческое общество было ликвидировано.

В 1994 г. по инициативе представителей старообрядческой интеллигенции Риги и Даугавпилса Старообрядческое общество Латвии было восстановлено. Его целью, как и в начале XX века, было объединение староверов на основе взаимопомощи, благотворительности и религиозной нравственности. Председателем СОЛ избран И.И.Иванов.

9. Южнолатвийский старообрядческий культурно-просветительский фонд «Беловодье» учрежден в 2000 г. Среди учредителей фонда – преподаватель Даугавпилсского педагогического университета Сергей Кузнецов, кавалер Ордена Трех Звезд Авраамий Михайлов, владелец крестьянского хозяйства из Краславского района Георгий Горбунов, Александра Васильева из Даугавпилса, Валерий Плотников из Екабпилса и др. Председателем общественной организации избран Валерий Плотников.

Цель фонда – на принципах духовности, благотворительности и взаимопомощи объединять старообрядцев поморского согласия Латвии для содействия возрождению и популяризации религиозных и культурных ценностей и традиций старообрядчества как религиозной конфессии и исторически сложившейся этнической группы.

10. Латгальское старообрядческое общество – общественная

организация учреждена в 1999 г. Председателем правления избран И.Ф.Ларионов, секретарем - М.С.Егорова.

11. Общество «Двинское старообрядческое братство» основано в 1907 г. Деятельность общества была прервана Первой мировой войной и возобновлена в декабре 1924 г. «Братство» имело свою моленную.

12. Общество «Режицкая старообрядческая богадельня им. И.П.Синицина».

13. Общество по распространению знаний среди старообрядцев в Латвии. Учреждено летом 1927 г. В правление входили М.Каллистратов, Г.Елисеев; секретарь общества А.Исаченко.

Кооперативные кредитные и сельскохозяйственные старообрядческие общества

1. Двинское Старообрядческое ссудо-сберегательное товарищество. Двинск, ул. Старообрядческая, 11. Руководитель – член правления Г.П.Романов.

2. Горно - Калкунское Старообрядческое ссудо-сберегательное товарищество. Двинск, ул. Старообрядческая, 11. Руководитель – член правления Л.Г.Колесников.

3. Рижское Старообрядческое ссудо-сберегательное товарищество. Рига, ул. Б.Московская, 80, кв. 2. Председатель – С.Р.Кириллов.

4. Либавское Старообрядческое ссудо-сберегательное товарищество. Ливава, ул. Северная, 7. Председатель – И.Ф. Андабурский.

5. Люцинское Старообрядческое ссудо-сберегательное товарищество. Люцин, ул.Двинская, 6. Председатель – А.К.Лотко.

6. Режицкое Старообрядческое ссудо-сберегательное товарищество. Режица, ул. Янопольская, 72. Председатель – М.Я.Заволокин.

7. Гривское Старообрядческое ссудо-сберегательное товарищество. г.Грива.

8. Двинское кооперативное товарищество сельскохозяйственных заготовок «Лаукстрадниекс»; Адамово, Науенской

волости Двинского уезда. Руководитель – член правления И.К.Хутелионк. Двинск, ул. Шоссейная, 91.

9. Горно-Калкунское товарищество сельскохозяйственных заготовок «Лауксаймниекс»; усадьба Балабишки Лауцесской волости Илукстского уезда. Председатель – Ф.Д.Фильков.

10. Ащицкий сельскохозяйственный кооператив «Соха»; дер. Ащики Калупской волости Двинского уезда. Председатель - В.С.Никитин.

11. Крацевский сельскохозяйственный кооператив «Лауксаймниекс»; дер. Тучи Солуионской волости Режицкого уезда. Руководитель - секретарь правления В.П.Смирнов.

12. Гривский сельскохозяйственный кооператив «Сакнькопис». г. Грива.

13. Малюткинский сельскохозяйственный кооператив «Страдниекс»; г.Грива, Малютки, д. Барановского, ул. Центральная. Руководитель – член правления Г.Ф.Колосов.

14. Кривошеевское старообрядческое ссудо-сберегательное товарищество; дер. Кривошеево Малиновской волости Двинского уезда, д. М.Гаврилова.

Приложения

Список, в последовательности перечисления, составлен по следующим источникам.

1. Старообрядческий календарь на 1928 год. Под ред. наст. А.Екимова. Рига, 1927, с.63.

2. Вестник Совета Старообрядческих соборов и съездов в Латвии, № 3. 25 IX 1932 г. Двинск, с.64.

3. Бюллетень Центрального Совета Древлеправославной Поморской Церкви Латвии, № 1. февр. 1989. Рига.

4. Старообрядческий мир. Под ред. С.Р.Кириллова. Изд. Центрального Комитета по делам староверов Латвии. 31 XII 1924 г. Двинск.

5. Старообрядческий адрес-календарь на 1911-1912 гг. Изд. Взаимно-

Список старообрядческих организаций Латвии

вспомогательного, благотворительного и просветительского общества старообрядцев в г. Риге. Рига, 1911, с.96-101.

6. Иванов Ил.И. 90-летию Старообрядческого общества Латвии. - Старообрядческий поморский церковный календарь на 1999 год. Издатель - Рижская Гребенщиковская старообрядческая община. Рига, 1998, с.105.

7. <http://www.belovodije.com./fond.html>

8. Вестник Совета Старообрядческих соборов и съездов в Латвии, № 1, 12 IX 1931 г. Двинск, с. 20.

9. Старообрядческий календарь на 1928 год. Под ред. наставника А.Екимова. Рига, 1927, с.81.

10. Перезвоны. Ежемесячная газета Латгальского старообрядческого общества. 1999, август, №1.

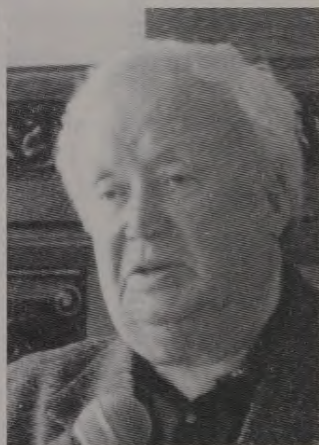
Данные о зарегистрированных в Латвии религиозных организациях (1980 – 1999 гг.)¹

Основные конфессии	Динамика количества общин по годам														Количество верующих
	1980 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.			
Лютеране	206	252	269	282	292	295	297	303	304	300	302	302	400 000		
Католики	178	187	186	190	195	198	198	203	231	241	243	243	500 000		
Православные	88	89	89	90	102	107	108	112	112	110	112	112	190 000		
Староверы	68	65	52	55	56	56	55	55	62	65	65	65	70 000		
Иудеи	4	4	4	5	5	6	6	6	5	6	7	7	6 000		
Балтисты	62	61	66	71	73	78	79	81	79	82	85	85	6 000		
Адвентисты седьмого дня	23	28	27	33	35	43	43	44	44	44	44	44	4 000		

1. Составлено по: Latvijas vēstnesis, 2000.g. 11. feb. Данные предоставлены Департаментом по религиозным делам Министерства юстиции Латвийской Республики.

ОБ АВТОРАХ

Абызов Юрий Иванович (1921). Родился в г. Алапаевске на Урале. Писатель, переводчик, библиограф, краевед. Его имя фигурирует в 4-томнике «Русское печатное слово в Латвии (1917—1944) [изд. Стенфордского ун-та, США], в 5-томнике «Русская печать в Риге. Из истории газеты *Сегодня* 1930-х годов», в книге «Писатели русского зарубежья» [изд. В Москве]. Является автором и соредктором 6-томного «Балтийского архива» и двухтомника «От Лифляндии к Латвии». Был дружен с Давидом Самойловым, книга которого «В кругу себя» обязана своим выходом Ю.Абызову — долголетнему собирателю экспромтов и пародий знаменитого поэта. Плодотворно в течение многих лет сотрудничает в издании «Русские в Латвии».

В юбилейном для Ю.И.Абызова 2001 году при активном участии юбиляра увидел свет двухтомник «Газета *Сегодня* 1919—1940».

Бессменный председатель Латвийского общества русской культуры.

Волович Анисим Иванович (1866-1946). Преподаватель Закона Божия в Рижском Гребенщиковском училище. Был участником I Всероссийского съезда старообрядцев-поморцев по народному образованию (г. Двинск, 3 – 5 июля 1911 года). Оказал весомое влияние на его работу, выступив с докладом при обсуждении темы «Старообрядчество и просвещение».

Являлся сотрудником старообрядческого поморского ежемесячного журнала «Щит веры» (Саратов, 1912-1914) и Всестарообрядческого двухнедельного иллюстрированного журнала «Старая Русь» (в первом номере журнала за 1912 г. опубликованы его «Вероучительные беседы»). В библиотеке Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины находится исторический очерк Воловича «50-летие Гребенщиковского училища в Риге. Исторический очерк состояния

училищ с 1873 по 1923 год». Был известным собирателем книг и рукописей (его собранием пользовался И.Н.Заволоко). Значительную часть книжницы Рижской Гребенщиковской общины составляют книги, собранные А.И.Воловичем.

Похоронен в Риге на Ивановском кладбище.

Инфантьев Борис Федорович (1921).

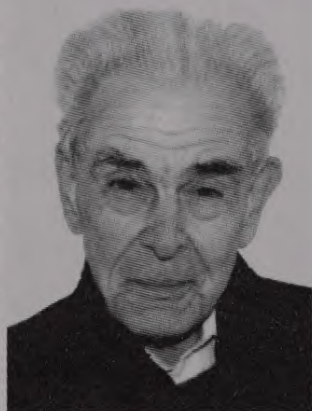
Родился в Режице (Резекне) в семье землемера. После окончания Славянского отделения филологического фак-та ЛатвГУ работал научным сотрудником Института фольклора Академии наук Латвии. Читал в университете курсы русского и белорусского фольклора, древней русской литературы.

С 1956 по 1993 год был научным сотрудником исследовательского Ин-та педагогики Министерства просвещения Латвии. Читал лекции в университете и в Институте усовершенствования учителей. Результаты исследований этого периода обобщены в цикле монографий, а также в статьях по истории и теории преподавания русского языка и литературы в Прибалтике (начиная с XIII века). Автор книг «Латвия в судьбе и творчестве русских писателей», «Обращенные к Латвии строки».

Доктор наук. Награжден Орденом Трех Звезд четвертой степени и Пушкинской Медалью Российской Словесной академии.

Председатель Рижского общества славянских историков, почетный член культурно-просветительского общества «Улей», научный руководитель теоретического семинара «История и культура русских в Латвии».

В 2001 году отметил 80-летие.

Фейгмане Татьяна Дмитриевна, доктор истории. Работает над проблемами истории русского населения Латвии, автор статей и монографий, участник различных международных конференций и семинаров.

Является одним из авторов и составителей книги о Рижской городской русской гимназии (1919–1935), ведет спецкурс «Русские в Латвии в 20–30-е годы». В 2000 г. опубликована монография «Русские в довоенной Латвии». Активно трудится

в архивах г. Риги, в настоящее время готовит сборник архивных документов «Старообрядцы Риги». Более 10 лет участвует в работе теоретического семинара «История и культура русских в Латвии».

В 2002 году отметила юбилей.

Яковлев Дмитрий Иванович (1927). Русский филолог, педагог. Учился в Даугавпилсской русской гимназии, окончил Даугавпилсское педагогическое училище, Даугавпилсский учительский, а затем педагогический ин-т.

После войны четырнадцать лет работал педагогом в Бикерниекской, Вышковской школах Даугавпилсского р-на и Айзкалнской школе Прейльского р-на. Тридцать лет был директором латгальских школ в Рейнишках, поселках Капины и Сутры. Имеет звание «Отличник народного образования Латвийской Республики».

Свыше двух тысяч детей были учениками Д.И.Яковлева. Они не только получили необходимые знания, умения и навыки, но и сформировали отношение к сложным явлениям жизни под влиянием духовности, которая была заложена в их учителе с детства в древлеправославной старообрядческой семье. Д.И.Яковлев – член Латв. старообрядческого общества.

В 2002 году отметил юбилей.

Андреев Николай Андреевич (1930), hab. доктор медицины, профессор, член Латв. старообрядческого общества. Награжден Орденом Трех Звезд (г. Рига).

Бейтнере Дагмара, ассистент Ин-та философии и социологии Латв. университета (г.Рига).

Жилко (о.Алексий) Алексей Николаевич (1945), духовный наставник и председатель Совета Даугавпилской Первой Новостроенской старообрядческой общины (г.Даугавпилс).

Заварина Антонина Александровна, доктор истории, старший научный сотрудник (г.Рига).

Зимова Зиновия Никаноровна, преподаватель истории и истории культуры Екабпилсской средней школы № 2, член Южно-латвийского старообрядческого культурно-просветительского фонда «Беловодье»

(г.Екабпилс).

Емельянов Александр Тимофеевич (1928), член Союза журналистов Латвии, член Латвийского старообрядческого общества, соредактор ежемесячника «Поморский вестник» (г.Рига).

Иванов Илларион Иванович (1943), председатель Правления Латв. старообрядческого общества и Фонда гуманитарных исследований и просвещения «ВЕДИ», руководитель теоретического семинара «История и культура русских в Латвии», председатель Редакционно-издательского совета ежемесячника «Поморский вестник», председатель Совета Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины (1995–2001) (г.Рига).

Иванов Николай Тимофеевич (1937), доктор инженерных наук, академик, заместитель председателя Правления Латв. старообрядческого общества, член редакционно-издательского Совета ежемесячника «Поморский вестник» (г.Рига).

Макашина Татьяна Сергеевна, старший научный сотрудник Ин-та этнологии и антропологии Российской Академии наук, кандидат исторических наук (г.Москва).

Маркелов Глеб Валентинович (1948), научный сотрудник Ин-та русской литературы (Пушкинский Дом) (г. Санкт-Петербург).

Миролюбов (о.Иоанн) Иван Иванович (1956), доктор теологии (г. Рига).

Никонов Владимир Владимирович (1955), член Латгальского старообрядческого общества, председатель Совета Резекненской кладбищенской старообрядческой общины (г. Резекне).

Подмазов Арнольд Андреевич (1936), ведущий исследователь Ин-та философии и социологии Латв. университета, доктор философии, участник теоретического семинара «История и культура русских в Латвии» (г. Рига).

Успенские:

Александр Иванович (1873–1938), историк, директор Московского археологического ин-та.

Михаил Иванович (1866–1942), историк русской культуры, краевед, служил педагогом, инспектором народных училищ в Риге, окружным инспектором Петроградского учебного округа, профессором Московского археологического ин-та.

AUTORI

(sīkāk sk. krievu oriģinālā)

- Abizovs Jurijs** (1921.), Latvijas Rakstnieku savienības biedrs, Latvijas Krievu kultūras biedrības priekšsēdētājs (Rīga).
- Volovičs Aņisims** (1866. – 1946.), ticības mācības pasniedzējs Rīgas Grebenščikova draudzes skolā.
- Infatjevs Boriss** (1921.), dr.habil.paed., dr.phil., Baltijas Krievu institūta profesors, fonda «VEDI» teorētiskā semināra «Latvijas krievu vēsture un kultūra» zinātniskais vadītājs.
- Feigmane Tatjana**, dr.hist. (Rīga).
- Jakovļevs Dmitrijs** (1927.), Latvijas Vecticībnieku biedrības loceklis (Preiļi).
- Andrejevs Nikolajs** (1930.), dr.habil.med., profesors, Latvijas Vecticībnieku biedrības loceklis, apb. ar Trīs Zvaigžņu Ordeni (Rīga).
- Beitnere Dagmāra**, Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūta asistente (Rīga).
- Žilko Aleksejs** (1945.), Daugavpils Pirmās Novostrojenskas vecticībnieku draudzes priekšsēdētājs un garīgais tēvs (Daugavpils).
- Zavarina Antoņina**, dr.hist. (Rīga).
- Zimova Zinovija**, vēstures un kultūras vēstures skolotāja Jēkabpils 2. vidusskolā, Dienvidlatvijas Vecticībnieku kultūras un izglītības fonda «Belovodje» locekle (Jēkabpils).
- Jemeljanovs Aleksandrs** (1928.), Latvijas Žurnālistu savienības biedrs, Latvijas Vecticībnieku biedrības loceklis (Rīga).
- Ivanovs Illarions** (1943.), Latvijas Vecticībnieku biedrības valdes un Humanitāro pētījumu un izglītības fonda «VEDI» priekšsēdētājs, Rīgas Grebenščikova Vecticībnieku draudzes Padomes priekšsēdētājs (1995.–2001.) (Rīga).
- Ivanovs Nikolajs** (1937.), inženierzinātņu doktors, akadēmiķis, Latvijas Vecticībnieku biedrības valdes priekšsēdētāja vietnieks (Rīga).
- Makašina Tatjana** Krievijas zinātņu akadēmijas Entoloģijas un antropoloģijas institūta vec. zinātniskā līdzstrādniece (Maskava).
- Markelovs Gļebs** (1948.), Krievu literatūras institūta (Пушкинский Дом) zinātniskais līdzstrādnieks (Sanktpēterburga).

Mirolubovs Ivans (tevs Ioans) (1956.), dr.theol., (Rīga).

Ņikonovs Vladimirs (1955.), Rēzeknes vecticībnieku kapsētas draudzes padomes priekšsēdētājs (Rēzekne).

Podmazovs Arnolds (1936.), dr. phil., Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūta vadošais pētnieks (Rīga).

Uspenskis Aleksandrs (1973. – 1938.), vēsturnieks, Maskavas Arheoloģijas institūta direktors (Maskava).

Uspenskis Mihails (1866. – 1942.), krievu kultūras vēsturnieks, novadpētnieks, strādājis kā pedagogs, inspektors tautas izglītības iestādēs Rīgā, kā apriņķa inspektors Petrogradas mācību apriņķī. Maskavas arheoloģijas institūta profesors.

AUTHORS

- Abizovs Jurijs** (1921), member of Latvian Writer's Union, chairman of the Latvian Society of Russian Culture
- Volovich Anisim** (1866 – 1946), teacher of the Old Traditionalist dogma in Riga Grebenschchikov School
- Infantjev Boris** (1921), Dr. of Pedagogics and Philosophy prof. of Baltic Russian Institute, scientific guide of theoretical seminar of Fund VEDI «History and culture of Russian in Latvia»
- Feigmane Tatjana**, Dr. of History
- Jakovlev Dimidrij** (1927), Member of Latvian Old Believer's society (Preili)
- Andrejev Nikolaj** (1930), habit.Dr.medic. Prof., Member of Latvian Old Believer's society (Riga)
- Beitnere Dagmara**, assistant of the Institute of Philosophy and Sociology, Latvian University (Riga)
- Zhilko Aleksei (father Aleksii)** (1945), priest and chairman of Council of Daugavpils Old Believer's Novostrojensky Community (Daugavpils)
- Zavarina Antonina**, Dr. of History (Riga)
- Zimova Zinaida**, teacher of history and history of culture of secondary school in Jekabpils, member of historic instructive Old believer's fund «Belovodje» of South-Latvia (Jekabpils)
- Jemeljanov Alexander** (1928), member of Latvian Journalist Union, member of Latvian Old Believer's society
- Ivanov Illarion** (1943), chairman of the Board of Latvian Old Believer's society and of the Foundation of Humanitarian research and instruction VEDI, Chairman of the Council of Riga Grebenschchikov Old Believer's communit (1995–2001) (Riga)
- Ivanov Nikolaj** (1937), Dr. of science of enqinierika, academician, vice-chairman of the Board of Latvian Old Believer's society (Riga)
- Makashina Tatjana**, Cand. of History, senior scholar of the Institute of Ethnology and anthropology of Russian Academy of Science (Moscow)
- Markelov Gleb** (1948), scholar in the Institute of Russian literature (Pushkin's House) in Sankt-Peterburg

Authors

Miroljubov Ivan (father Ioann) (1956), Dr.Theol. (Riga)

Nikonov Vladimir (1955). chairmen of the Council of Rezekne Old Believer's Cemetery's community (Rezekne)

Podmazov Arnold (1936), Dr. of Philosophy, senjor scholar of the Institute of Philosophy and Sociology of Latvian University (Riga)

Uspensky Alexander (1873 – 1938), historian, director of Moscow Archaeological Institute

Uspensky Michail (1866 – 1942), historian of Russian culture and student of local lore. He worked as a school inspector in Riga. Later he became a professor of Moscow Archaeological Institute

Русские в Латвии. Вып. 3.
Из истории и культуры староверия.
Редактор-составитель *Ил.И.Иванов*.
Научный редактор *Б.Ф.Инфантьев*.
Редактор *З.А.Осипова*.
Корректурa *З.А.Осипова*
Набор *И.И.Андреева*.
Сканирование *В.И.Перфильев*.
Технический редактор *С.В.Кузнецов*.
Издатель – ВЕДИ-ФОНД,
Гос. регистр предприятий LV 40008057313,
рег. удостоверение № 2-0741.

Отпечатано в типографии “ZELTA RUDENS tipogrāfija” SIA ®
Подготовка диапозитивов “ZELTA RUDENS tipogrāfija” SIA ®
Гос. регистр предприятий LV 40002021134
Латвийская Республика, г. Рига, ул. Элвирас 19
Печать офсетная
26 тип. печ. листов

Krievi Latvijā. 3. izl.
Vecticības vēstures un kultūras materiāli.
Redaktors-sastādītājs *Il.Ivanovs*.
Zinātniskais redaktors *B.Infantjevs*.
Redaktore *Z.Osipova*.
Korektore *Z.Osipova*.
Salicēja *I.Andrejeva*.
Skenēšana *V.Perfiljevs*.
Tehniskais redaktors *S.Kuzņecovs*
Izdevējs “VEDI-Fonds”
Reģ.Nr. LV 40008057313,
Reģ. apliecība № 2-0741

Nodrukāts tipogrāfijā “ZELTA RUDENS tipogrāfija” SIA ®
Diapozitīvu izgatāvoti “ZELTA RUDENS tipogrāfija” SIA ®
Reģ. Nr. LV LV 40002021134
Latvijas Republika, Rīga, Elvīras iela 19
Ofseta druka
26 tip. drukas lokšņu

Zelta Rudens t i p o g r ā f i j a

КАЧЕСТВЕННАЯ ЦВЕТНАЯ ПЕЧАТЬ
КНИГИ ♦ БРОШЮРЫ ♦ БУКЛЕТЫ
АФИШИ ♦ ПЛАКАТЫ
УПАКОВОЧНАЯ ПРОДУКЦИЯ ИЗ КАРТОНА
БЛАНКИ ВСЕХ ВИДОВ
БИЛЕТЫ ♦ БУМАЖНЫЕ ПАКЕТЫ ♦ СУМКИ
КАЛЕНДАРИ НАСТЕННЫЕ
КАРМАННЫЕ КАЛЕНДАРИКИ
А ТАКЖЕ:

разработка дизайна
цветоделение готовых файлов
медиаприложения (электронные книги)
тиснение золотой фольгой
переплетные работы

Всегда ждем Вас!
Рига, ул. Элвирас, 19 тел.: 7-62-49-55
факс.: 7-80-55-45
www.zr.lv

% BALVA

СТРАХОВОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ РУССКОГО СТРАХОВОГО ДЕЛА. БАЛВА.

История САО БАЛВА берет свое начало в середине 50-х годов, когда в Риге было основано отделение *Всесоюзной страховой сети ИНГОССТРАХ*.

В апреле 1992 года Василий Рагозин, выходец из старообрядческой русской семьи, уроженец Латгалии, унаследовавший от своих предков основательность, уважение к труду и опыту предшественников, создал страховое акционерное общество БАЛВА.

Сегодня САО БАЛВА плодотворно сотрудничает с *ИНГОССТРАХ*, продолжая лучшие традиции русского страхового дела.

САО БАЛВА СТРАХУЕТ:

имущество

- здания, жилые дома, квартиры
- внутренняя отделка помещений
- имущество фирмы: товар, оборудование, оргтехника

прочие риски

- строительно-монтажные риски
- гражданско-правовая и профессиональная ответственность
- кредитные и финансовые риски

медицинские расходы, несчастные случаи

- бытовые травмы
- травмы во время путешествий
- травмы во время занятий спортом

автотранспорт

- ОСТА (скидка – 40%)
- страхование автомашин (KASKO)
- Латвийская Зеленая Карта

Центральный офис САО БАЛВА:

ул. К. Валдемара 36, Рига LV-1010, Латвия

Тел. (+371) 7506955, факс (+371) 7506956

Адрес в Интернете : www.balva.lv

**САО БАЛВА – единственная из страховых компаний в странах Балтии
принята в Международную сеть страхования
I.N.I. (International Network of Insurance)**

**БАЛТИЙСКИЙ
РУССКИЙ
ИНСТИТУТ**
аккредитованный
ВУЗ
Латвии

Латвия
Рига
ул. Пиедруяс, 3
LV-1073
e-mail:
bri@junik.lv
Ректорат:
7-100-601
факс
7-112-679
Учебная часть,
деканы:
7-100-522

Формы обучения:

- дневное отделение
- вечернее и заочное отделения

Языки обучения:

- русский поток
(75% на рус. яз. + лат. и англ. яз.)
- латышский поток
(75% на лат. яз + рус. и англ. яз.)
- английский поток
(30% на англ. яз + рус. и лат. яз.)

Специальности:

- *правоведение*
- *менеджмент*
- *информационные системы в экономике*
- *журналистика*
- *public relation*

Филиалы и отделения:

Таллинн, Рявала, 4, оф. 402
тел.: 00372-55-903685

Даугавпилс, ул. 18 Ноября, 161
тел.: 54-10351

Лиепая, ул. Тома, 19; пр-кт Курмаяс, 9
тел.: 34-26776

Вентспилс, ул. Таргалес, 5
тел.: 36-24505

Клайпеда, пр. Тайкос, 24а – 414
тел.: 00370-6-380201

Резекне, ул. Дарзу, 21/17
тел.: 46-22646

Елгава, ул. Узварас, 10
тел.: 30-20955

NELLIJA

КУЛЬТУРНО-
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР

ТМЦ «НЕЛЛИЯ»
ул. ПИЛС, 13/15
РИГА LV-1050
ЛАТВИЯ

В культурно-образовательном центре «НЕЛЛИЯ» размещена коллекция из 60 русских икон XVIII–XIX вв. Среди икон особое благоговение вызывает торжественный и величавый лик Спасителя. Коллекцию собирал в течение 30 лет и подарил центру «НЕЛЛИЯ» старовер Владимир Рыбаков – председатель Думы Русской общины Латвии, председатель Общества хранителей русской культуры.

создан в 1998 году предпринимателем и меценатом Андреем Карминым, с целью: расширения и углубления экономических связей России и Латвии; привлечения представителей русского бизнеса Латвии, а также российских деловых кругов к поддержке русской культуры.

Ул. Грециниеку, 7-1,
Рига, LV-1050, Латвия.

Регистрационный
№ 000341257

LATGARANTS
APDROŠINĀŠANAS AĢENTŪRA SIA

**SIA AA «LATGARANTS»
это Ваш помощник в
страховании,
а теперь и
в кредитовании
и на рынке
недвижимости!**

— SIA AA «LATGARANTS» ПРЕДЛАГАЕТ —

Страхование здоровья:

добровольное страхование здоровья • страхование от несчастных случаев • страхование жизни с накоплением капитала, страхование пенсий, страхование здоровья при поездке за границу

Страхование имущества:

страхование зданий, помещений, офисов и квартир от пожаров, аварий, взрывов и стихийных бедствий • страхование оборудования
страхование товаров, сырья и материалов • страхование на случай прекращения хозяйственной деятельности предприятия

Страхование автотранспорта:

обязательное страхование ответственности владельцев транспортных средств на 30% дешевле • обязательное страхование ответственности владельцев транспортных средств на территории Литовской Республики • добровольное страхование автотранспорта

Услуги в сфере недвижимости:

юридические консультации • посредничество при купле-продаже недвижимости • оформление документов (приватизация, регистрация в Земельной книге и т.д.) • кредитование • срочная покупка квартир (оформление и оплата в течение 24-х часов)

Мы находимся по адресу:

Рига, Дзирнаву, 147/2, LV-1050

Тургенева, 23/25,

тел.: 7148062, 7814147 или 9418401

LATGARANTS
APDROŠINĀŠANAS AĢENTŪRA SIA

LAD

pluss

ТУРИСТИЧЕСКОЕ АГЕНСТВО
“LAD PLUSS”-10 ЛЕТ НА РЫНКЕ!

- Оформление виз в **РОССИЮ** (гражданам жителям, детям)
- в **Белоруссию**
- в **Украину**
- в **Польшу, Чехию, Словакию, Шенген**

ПАЛАНГА-ОТДЫХ, ПОЕЗДКИ

Продажа билетов **ECOLINES, EUROLINES, NORDEKA**

■ **БИЛЕТЫ НА ПАРОМ, АВИАБИЛЕТЫ**

■ **ТУРЫ ПО ВСЕМУ МИРУ** (групповые и индивидуальные).

Скидки детям, студентам, молодоженам

■ **СТРАХОВАНИЕ**

Рига, ул. Марияс, 9-11, тел.: 7504463, 7242038 7504465, факс 7504462

E-mail: ladpluss@delfi.lv; www.ladpluss.lv

1-ая Даугавпилсская
(Новостроенская)
старообрядческая
община
в неограниченном
количестве
принимает заказы
на изготовление
НОВЫХ
и реставрацию
старых

ИКОНОСТАСОВ

Адрес:

ул. Пушкина, 16А,
Даугавпилс,
LV-5404

Контактные
телефоны:

54-36453

54-43598

9-436719

ИЗДАНИЕ
1998 ГОДА

Николай Васильевич Портнов, ученик известного иконописца Ивана Ипатьевича Михайлова, родился в Латвии, в городе Даугавпилс в 1958 г. С ранних лет проявлял способности к рисованию и по окончании средней школы Духовный отец Иосиф Иванович Никитин благословил Николая Портнова на обучение иконописи к изографу И.И.Михайлову в г. Вильнюс.

Двадцатилетний труд в области иконописи принес свои плоды: в 1996 г. Н.В.Портнов удостоился чести быть

благословленным и утвержденным в звании иконописца Церковным Собором, состоявшимся в городе Вильнюсе.

В настоящее время иконы Н.В.Портнова находятся во многих Церквях, а также у прихожан Латвии, Литвы и России.

**Nikolajs Portnovs
Stellas 12a**

**LV-5418. Daugavpils Latvija
t. 5423983, mob. 6487358**

**OBLIGĀTAIS
EKSEMPLĀRS**

45

LATVIJAS NACIONĀLA BIBLIOTĒKA

0302058731

Всем скорбящим радость

Икона Гревенщиковского храма

Книга «Из истории и культуры староверия» подготовлена и издана Фондом гуманитарных исследований и просвещения «ВЕДИ». Это 3-й выпуск сборника «Русские в Латвии», осуществленный «ВЕДИ».

Основная программа «ВЕДИ» - содействие организации и проведению исследований истории и культуры русских в Латвии, русско-латышских связей, процессов интеграции латвийского общества. В рамках этой программы более 10 лет работает теоретический семинар «История и культура русских в Латвии», работа которого осуществляется на основе плана гуманитарных исследований, разработанного в 1993 году. За прошедшие годы состоялось более 60 заседаний семинара. Руководитель семинара - Ил.И.Иванов, научный руководитель - Б.Ф.Инфатьев, ученый секретарь - А.А.Подмазов, постоянные участники семинара - Т.Д.Фейгмане, Е.В.Дубовская, Н.Т.Иванов, А.Т.Емельянов, Е.В.Матякубова, С.Н.Ковальчук; с докладами и сообщениями на заседаниях семинара выступали: И.К.Апине, Ю.И. Абызов, А.В.Гаврилин, Н.Д.Демина, А.А.Заварина, Л.Г.Дрибин, А.И.Иванов, А.Н.Федотов, Т.Коке, А.Волков, А.Странга, О.Пухляк, Ричард Моррис, В.Барановский, Г.Поташенко и др. Итогом работы семинара стали конференции «Старообрядчество: история и современные проблемы», «100-летие И.Н.Заволоко», Юбилейные чтения, посвященные 240-летию Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, выступления на конференциях, в том числе в Вильнюсе, Тарту, Москве, Санкт-Петербурге, Резекне; цикл семинаров «Духовная ситуация в русской среде Латвии», лектории по истории и культуре русских в Латвии.

Завершается подготовка плана гуманитарных исследований на 2002 - 2005 годы. В нем предусматриваются разделы по изучению истории белорусов и украинцев в Латвии.

Издательская программа «ВЕДИ». При поддержке Фонда Сороса переведено на русский язык и издано учебное пособие для общеобразовательных школ «Основы демократии». Изданы 2 выпуска сборника «Русские в Латвии», книга «Памяти И.Н.Заволоко», Календарь с использованием старинных русских орнаментов, пасхальные открытки. Завершается отбор материалов для 4-го выпуска сборника «Русские в Латвии», и 1-го выпуска сборника «Рижские старообрядцы».

Разрабатываются другие программы и проекты по изучению истории и культуры русских в Латвии и возрождению национальных традиций. «ВЕДИ-фонд» стремится координировать свою деятельность со всеми организациями, учеными, краеведами, кому дороги культурные ценности и традиции своего народа, многовековые исторические связи народов, живущих у Балтийского моря.

Председатель Попечительского Совета «ВЕДИ-фонда» проф. Б.Ф.Инфатьев.

Председатель Правления «ВЕДИ-фонда» Ил.И.Иванов.

Тел./факс (371) 7619501, тел. 6722513